

ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН
В 2002 г.

ISSN 3034-5472 (online)

Вестник

ЧЕРЕПОВЕЦКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

4/2026

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ЧЕРЕПОВЕЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал основан в декабре 2002 г.

№ 4 (133) • 2026

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Череповец
2026

Выход в свет: № 4 (133) • 2026 • Август. Выходит шесть раз в год.

Научный журнал «Вестник Череповецкого государственного университета» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научный журнал «Вестник Череповецкого государственного университета» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2009 г.

Направления: ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Группы специальностей: 2.3 Информационные технологии и телекоммуникации
5.9 Филология
5.8 Педагогика

УЧРЕДИТЕЛЬ: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Череповецкий государственный университет», с 2017 г. является одним из опорных вузов Российской Федерации.

Свидетельство выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Эл № ФС77-90192 от 07.10.2025 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Е. В. ГРУДЕВА, доктор филологических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Е. В. ЯКОВЛЕВА, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

Е. В. ЕРШОВ, доктор технических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

РЕДАКТОР: С. Ю. НЕБРОЕВА

КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ: М. Н. АВДЮХОВА

ПЕРЕВОДЧИК: А. В. МОЙСЕЕНКО

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: А. С. ЛОБЫШЕВА (8202) 51-78-54

Сайт журнала: <https://vestnik.chsu.ru/>

CYBERLENINKA

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

Registry of Open Access
Repositories (ROAR)

EBSCO
Discovery Service

BASE

Google
scholar

OCLC
WorldCat

СОЦИОНЕТ

ULRICHSWEB
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

OpenAIRE

EBSCO
A-to-Z

Адрес издателя, редакции: 162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

Адрес типографии: 162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

ISSN 3034-5472 (online)

© Череповецкий государственный университет, 2026

CHEREPOVETS STATE UNIVERSITY BULLETIN

Scientific journal established in December 2002

№ 4 (133) • 2026

TECHNOLOGY

PHILOLOGY

PEDAGOGY

Cherepovets
2026

Date of publication: No. 4 (133) • 2026 • August. Comes out six times a year.

“Cherepovets State University Bulletin” is a scientific edition that is included in the list of top peer-reviewed academic journals published in the Russian Federation. It publishes research data of doctorate and higher doctorate dissertations.

Scientific journal “Cherepovets State University Bulletin” has been in the Russian Science Citation Index (RSCI) since 2009.

Journal Sections: TECHNOLOGY, PHILOLOGY, PEDAGOGY

Branches of Studies: 2.3 Information Technology and Telecommunications

5.9 Philology

5.8 Pedagogy

FOUNDER: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Cherepovets State University”, a member of Russian Backbone Universities group since 2017.

The certificate was issued by the Federal Service for Supervision in the sphere of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). El no. FS77-90192 dated 07.10.2025

EDITOR-IN-CHIEF: E. V. GRUDEVA, Doctor of Philology, Professor

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF:

E. V. YAKOVLEVA, Doctor of Pedagogy, Professor (Cherepovets State University)

E. V. ERSHOV, Doctor of Technology, Professor (Cherepovets State University)

MANAGING EDITOR: S. Yu. NEBROEVA

COMPUTER DESIGN: M. N. AVDUKHOVA

TRANSLATOR: A. V. MOISEENKO

EXECUTIVE EDITOR: A. S. LOBYSHEVA (8202) 51-78-54

Journal website: <https://vestnik.chsu.ru/>

CYBERLENINKA

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
BIBLIOTEKA
LIBRARY.RU

Registry of Open Access
Repositories (ROAR)

EBSCO
Discovery Service

BASE

Google
scholar

WorldCat

СОПКОHET

ULRICHSWEB
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

OpenAIRE

EBSCO
A-Z

Editorial department address: 5, Lunacharsky pr., Cherepovets, 162600

Printing-office address: 5, Lunacharsky pr., Cherepovets, 162600

OPEN PRICE

ISSN 3034-5472 (online)

© Cherepovets State University, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Barbasheva S. S. Abbreviation in the structure of medical prescriptions	7
Баскова А. А. Лексическая архитектура Средиземья: почему в языке эльфов так много грустных прилагательных?	16
Боженкова Н. А., Цю Цзинвэнь. Метафора как культурный код политического дискурса Китая и России: вербальные способы реконтекстуализации	26
Кладова Н. А. Сиротство как составляющая художественного мира романа Ф. М. Достоевского «Бесы»	35
Kovalchuk S. S. Translation discrepancies of interlingual lacunae in A. Chekhov's plays	48
Красных Д. Р. Особенности изображения исторического перелома в России 1990–2000-х гг. в «Семикижии» А. А. Проханова	60
Кривошеев Г. С. Ценностные компоненты и их языковая репрезентация в русских паремиях религиозной тематики	70
Лян Цзыхэн. Размышления Ф. М. Достоевского о проблемах страдания, гордости и бунта против Бога в романе «Идиот»	81
Пашков С. М. Категория сакральности в контексте агиографического текстообразования (на англоязычном материале)	95
Пермякова Е. Г. Полиситуативность в семантической структуре многозначного глагола	107
Хасанова И. И. Диалогема как текстовая зона изображения коммуникативных неудач в рассказах Н. А. Тэффи	118
Чжао Тин, Попова Л. В. Модели интерпретации тавтологических фразеосхем с существительными в именительном падеже	129
Чорногор Ю. Ф. Сравнительно-типологический анализ особенностей консонантизма севернорусского наречия и британского произносительного стандарта	143
Шакирьянов Л. М. Интенсификация (усложнение) языковых уровней в английском языке (на примере слов-антонимов)	157

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Васильева Е. Ю., Ульяновская Т. Н. Запрос студентов-стоматологов на обучение коммуникативным навыкам	173
Вершинина Н. А. Андрагогика в системе научного знания: легитимация через дисциплинарный анализ	186
Иванова Н. В., Кривовицына М. М. Формирование компетенций проектирования индивидуальных карьерных треков у будущих педагогов дошкольного образования	199
Капустина Е. Ю., Макеева И. А. Проектирование программы по формированию коммуникативной компетентности будущих специалистов на основе двухфакторной модели «развитие-саморазвитие»	218

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Никитин О. В. Язык Петровского времени (к выходу новой книги профессора Г. В. Судакова)	230
Новиков А. Е., Соловьева Е. Е. «Всем будет весело и солнечно...» (Всероссийский (с международным участием) научно-литературный семинар, посвященный творчеству Игоря Северянина)	239
Информация для авторов	249

CONTENTS

PHILOLOGY

Barbasheva S. S. Abbreviation in the structure of medical prescriptions.....	7
Baskova A. A. The lexical architecture of Middle-Earth: why are there so many sad adjectives in the language of Tolkien's elves?	16
Bozhenkova N. A., Qiao Jingwen. Metaphor as a cultural code of Chinese and Russian political discourse: verbal means of recontextualization	26
Kladova N. A. Orphanhood as a component of the artistic world of F. M. Dostoevsky's novel "Demons"	35
Kovalchuk S. S. Translation discrepancies of interlingual lacunae in A. Chekhov's plays	48
Krasnykh D. R. Depiction of the historical defining point in Russia in the 1990s and 2000s in "The Seven Books" by A. A. Prokhanov	60
Krivosheev G. S. Value components and their linguistic representation in Russian paroemias on religious topics.....	70
Liang Ziheng. Fyodor Dostoyevsky's reflection on the problem of suffering, pride, and rebellion against God in the character of Hippolytus.....	81
Pashkov S. M. The category of sacredness in the context of hagiographic text formation (based on the English material).....	95
Permyakova E. G. Polysituativity in the semantic structure of a polysemantic verb	107
Khasanova I. I. Dialogeme as a textual area of communicative failures in the stories by N. A. Teffi	118
Ting Zhao, Popova L. V. Models of interpretation of tautological phraseological schemes with nouns in the nominative case.....	129
Chornogor Yu. F. A comparative-typological analysis of consonantal features in Northern Russian dialects and the British pronunciation standard.....	143
Shakiryaynov L. M. Intensification (complication) of language levels in English (based on antonymous words).....	157

PEDAGOGY

Vasilyeva E. Yu., Ulyanovskaya T. N. Dental students' request for communication skill training ...	173
Vershinina N. A. Andragogy in the system of scientific knowledge: legitimation through disciplinary analysis	186
Ivanova N. V., Krivovitsyna M. M. Formation of competencies for designing individual career tracks in future preschool teachers.....	199
Kapustina E. Iu., Makeeva I. A. Designing a program for the development of future specialists' communicative competence based on a two-factor model "development – self-develop- ment"	218

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

Nikitin O. V. The language of Peter the Great's time (for the release of a new book by professor G. V. Sudakov).....	230
Novikov A. E., Solov'eva E. E. "Everyone will be cheerful and sunny..." (All-Russian (with international participation) research and literature seminar dedicated to the works of Igor Severyanin).....	239
For the authors attention	249

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 4 (133), с. 7–15.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 4 (133), pp. 7–15.

Научная статья

УДК 303.732.4

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-1>

<https://elibrary.ru/xorrrw>

Abbreviation in the structure of medical prescriptions

Svetlana S. Barbasheva

Samara State Medical University,

Samara, Russia

barbasheva-s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6236-3726>

Abstract. This paper considers the abbreviation in the structure of medical prescriptions. The first systematization of abbreviated lexical units in prescription made it possible to identify seven main categories, the most common of which are abbreviations of dosage forms and plant parts. The analysis of original medical literature and English prescriptions made it possible to identify the most common errors in the structure of prescription in order to prevent errors in their decoding. Incorrect decoding of abbreviations can lead to an incorrect method of prescribing and taking drugs, causing a threat to the health and life of patients.

Keywords: abbreviation, prescription, analysis, medications, decoding

For citation: Barbasheva S. S. Abbreviation in the structure of medical prescriptions. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 4 (133), pp. 7–15. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-1>; EDN: XORRRW

Сокращения в структуре рецептов лекарственных препаратов

Светлана Сергеевна Барбашёва

Самарский государственный медицинский университет,

Самара, Россия

barbasheva-s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6236-3726>

Аннотация. Данная работа посвящена анализу сокращений в рецептах лекарственных препаратов, находящихся в свободном доступе. Впервые проведенная систематизация рецептурных сокращений позволила выделить семь основных категорий, самыми распространенными из которых являются сокращения, обозначающие лекарственные формы и части растений. Анализ англоязычных рецептов позволил выявить наиболее распространенные ошибки в структуре рецептов при назначении лекарственных препаратов с целью их предотвращения при расшифровке. Некорректный перевод может привести к неверному способу их назначения и приема, а также причинению угрозы здоровью и жизни пациентов.

Ключевые слова: сокращение, рецепт, анализ, лекарственные препараты, расшифровка

Для цитирования: Барбашёва С. С. Сокращения в структуре рецептов лекарственных препаратов. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 4 (133), с. 7–15. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-1>; EDN: XORRRW

Introduction

In scientific discourse, until recently, there was a widespread predominance of fully structured lexical units. However, at the moment, abbreviated vocabulary is increasingly becoming an integral part of the vocabulary of modern terminology, since most of the new terms are cumbersome and inconvenient to use. Information content is an important functional characteristic of terminological communication. The reduction of terminological units during acts of professional communication, caused by the need of specialists to optimize the processes of exchanging information with each other and linguistic economy, presupposes such use of speech means that leads or has the ability to lead to time savings and shortens the process of mutual understanding, without hindering it. One of the areas of science for which an adequate understanding of abbreviations is of utmost importance is medicine.

Medical abbreviations are quite widespread in the health care system, primarily as a way to save time and effort. Abbreviated lexical units are present in the oral speech of health workers, medical records, patient statements, referrals to specialists.

Clear communication is paramount to achieving the safest patient outcomes, maximizing time efficiency, and reducing physician burden. However, the use of abbreviations in medical records is effective only if they are understandable and familiar to all participants in communication¹. Particular attention is required to reduce the structure of the drug prescription, the misinterpretation of which may pose a potential threat to the life and safety of patients.

A medical prescription is a discursive product composed to solve specific professional problems in the course of professional communication, in which the use of abbreviated terms is becoming increasingly widespread due to both the nature of the abbreviated term itself and the specificity of the medical text. An abbreviated term makes it possible to express a maximum of information in a compressed form, while ensuring the required level of closedness of the medical text for the non-professional recipient. Consequently, for medical abbreviated terms, the nominative function is the main one, and the definitive function is reduced to a minimum, and in some cases, it is completely neutralized, since such lexemes are no longer intended to define the corresponding concept, but to refer the already prepared addressee to it as quickly as possible.

The first recipes (from the Latin verb *receptio*, *recepti*, *receptum*, *receptĕre* – take) arose with the advent of writing more than 5.5 thousand years ago. Initially, the prescription reflected the listing of the constituent components of the drug product. These were mostly plant parts, animal tissue or minerals. Subsequently, manuscripts appeared with a more detailed description of the quantity and quality of ingredients, the peculiarities of manufacture, storage, use, purpose. Indeed, the recommendations and appointments of ancient healers have been considered an obligatory attribute of medical everyday life. In all national traditions instructions having the form of prescription have become a special area of medical practice – pharmaceuticals.

¹ Barbasheva S. S., Rozhkova T. V. Abbreviations in medical records: arguments for and against. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 1, pp. 186–191. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-1-186-191>; EDN: EVCVQK

Therefore, their genre successor – medical prescription – “along with instructions for use of medicinal products and monograph it can be attributed to prototypical texts”¹ pharmaceutical activity.

In the pragmalinguistic direction the prescription is considered to be a “special kind of discourse”² – pharmaceutical, within which an important pragmatic parameter of medical prescription designs. In communicative background it serves as an indication of the conditions for communication doctor and patient, which is indicated in the prescription formulas of Ancient Rome as *inscriptio* (address), suggesting the location of the patient and the doctor. It was intended to create an optimal environment for examining patients so that the doctor can adequately determine his condition, the degree of pain and disease, way of treatment. Already in the Ebers papyrus, the method is mentioned examination of the patient. Since ancient times, doctors take into account the age of the patient to select an effective method of treatment. In modern prescriptions we can see full name and date of prescription.

For good mastery of the method of prescribing medical prescriptions knowledge of the Latin language was also necessary, since Latin is as new verbally significant fund of professional pharmaceuticals, living in antiquity.

The modern recipe consists of the following parts.

1. *Inscriptio* is a stamp of a medical organization and its cipher.
 2. *Datum* – date. The date in the prescription helps pharmacists know when the medication was last dispensed if the prescription is being provided for reissue. In the case of addictive drugs, the date helps prevent the patient from abusing the drug.
 3. *Nomen aegroti* – patient name.
 4. *Aetas aegroti* – patient age.
 5. *Nomen medici* – last name, first name, patronymic of the doctor who wrote the prescription.
 6. *Praescriptio* – signature consists of *Invocatio* – a traditional doctor’s call to the pharmacist and begins with the abbreviation *Rp:* (*Recipe*) – take. In antiquity, it was believed that this symbol came from the sign of Jupiter, the god of healing. This symbol was used to ask God for a speedy recovery of the patient. The second part is *Designatio materialium* – this is the main part of the prescription, containing the names and number of prescribed medicines.
 7. *Subscriptio* – the signature contains instructions in Latin about the dosage form, the number of doses, the type of packaging, etc.
 8. *Signatura* is a designation. It is written as “*Sig*”. Instructions provided in the prescription should be listed on the container label for the patient to understand and follow. Instructions include the following: amount of drug taken; frequency and time of drug administration; method of application; special warnings.
 9. *Nomen et sigillum medici personale* – doctor’s signature and personal seal.
- The recipe is made in Latin, starting from the sixth part.

¹ Burova G. P., Burov A. A. Correlation of linguistic and extralinguistic factors in the development of the pharmaceutical discursive sphere: Socio-cultural, national-mental and historical aspects. *Modern approaches to the study of mentality: A collection of articles*; edited by Pimenova M. V. St Petersburg: SPbSU, 2011, pp. 148–158.

² Burdina O. B. *Modeling of terminological variability in pharmaceutical discourse*: Cand. Thesis in Philological Sciences. Perm, 2013. 218 p. EDN: SVABXB

Medical abbreviations are the focus of particular attention of linguists. Among them, we note the articles by L. Yu. Zubova¹, V. V. Katermina² studied the word-forming and linguocognitive features of the use of abbreviations in medical discourse. Structural and linguistic characteristics of recipes are considered in the works of O. Yu. Vasilyeva³, D. K. Kondratyev, K. V. Balinskaya⁴. Abbreviations in the structure of drug prescriptions that arose several centuries ago are an important part of medical terminology⁵, but their standardization has not yet been carried out.

The purpose of the study is classification analysis of abbreviations in drug prescriptions and identification of the most common errors in their decoding.

The research material is abbreviated lexical units used in the structure of the prescription of drugs, which are freely available. Prescription abbreviations have undergone structural and semantic analysis.

Main part

The first Latin abbreviations in the structure of the recipe appeared in the 15th century, since then their number has been steadily growing. The results of the study showed that the main part of the abbreviations in the recipes is the Signatura section. The presence of a significant number of Latin abbreviations is explained by the fact that this section is actually focused on the pharmacist.

Prescription abbreviations are divided into the categories presented in tab. 1.

Table 1

Categories of prescription abbreviations

No.	Category	Examples
1	Dosage forms	but. – butyrum – oil (solid); inf. – infusum; extr. – extractum – extract, extract; pulv. – pulvis – powder; sir. – sirupus – syrup; sol. – solutio – solution; supp. – suppositorium, candle; tabl. – tab (u) letta – tablet, etc.

¹ Zubova L. Iu. On the peculiarities and difficulties of translating English medical abbreviations. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2005, no. 2, pp. 113–116. EDN: JWWTLL

² Katermina V. V., Vorobieva I. V. Linguistic and stylistic features of the neologisms-abbreviations in the English discourse. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2019, no. 9 (142), pp. 206–210. EDN: ZRVOED

³ Vasilieva O. Iu. Medical prescription formula: structural and linguistic standardization. *Scientific dialogue*, 2021, no. 5, pp. 25–39. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-5-25-39>; EDN: ZBQDSN

⁴ Kondratiev D. K., Balinskaia K. V. Specific features of prescription writing in the Latin language in the world medical practice. *Journal of Grodno State Medical University*, 2015, no. 4, pp. 123–126. EDN: VHEKGB

⁵ Barbasheva S. S. Classification analysis of modern English dental abbreviations. *Vestnik of Mari State University*, 2019, vol. 15, no. 1, pp. 66–71. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-1-66-71>; EDN: XLVVTQ

No.	Category	Examples
2	Plant parts	cort. – cortex; fl. – flos, floris – flower (flowers); fol. – folium sheet; fr. – fructus – fruit; gem. – gemma, kidney; hb. – herba. – grass; rad. – radix – root; rhiz. – hizoma – rhizome; sem. – semen – seeds
3	Dosage	aa – ana – as per, equal; q. s. – quantum satis – how much you need, how much you need
4	Instructions to pharmacist	Rp. – Recepte – take; M. – Misce, Misceatur – mix; Rep. – Repete, Repetatur – repeat
5	Ways to prescribe and take	PO – per os – orally; PR – per rectum – rectally; PV – per vagina – vaginally, etc.
6	Names of drugs	MSO ₄ – morphine sulphate – morphine sulphate; MgSO ₄ – magnesium sulphate – magnesium sulphate
7	Condition	dil. – dilutes – diluted, ppt.; praec. – praecipitatus – precipitated; rectif. – rectificatus – purified

The first classification analysis of abbreviations in the structure of drug prescriptions made it possible to identify 7 main categories, of which the most common are abbreviations denoting dosage forms and parts of plants. Analysis of English-language prescriptions made it possible to identify the most common so-called “dangerous” abbreviations leading to treatment errors¹. Since the English alphabet is the same as the Latin alphabet, this leads to inadequate decoding of the abbreviated term.

Using Latin abbreviations in prescriptions allows for more accurate transmission of information, facilitates the communication process and saves the doctor’s time, which does not need to write information about administration drugs in detail – he only needs to write out the prescription scheme using generally accepted abbreviations.

Latin abbreviations in prescriptions are a familiar, convenient system embedded in the structure of the prescription and used for many centuries. However, the time and cost of writing abbreviations are reduced only if they are understandable and familiar to all participants in the communication. Misunderstandings between members of the medical community often lead to incorrect interpretation of abbreviations.

One of the most important findings of this study is the high prevalence of prescribing errors associated with misinterpretation of abbreviations². Several key abbreviations that are often misunderstood are presented in tab. 2.

¹ Barbasheva S. S., Avramenko A. A. Translation of abbreviations in English medical texts and research of cardiology terminology. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2011, vol. 13, no. 2 (40) (4), pp. 911–916. EDN: PFLFNP

² Hamiel U., Hecht I., Nemet A., Peer L., Man V., Hilely A., Achiron A. Frequency, comprehension and attitudes of physicians towards abbreviations in the medical record. *Postgraduate Medical Journal*, 2018, no. 94 (1111), pp. 254–258.

Table 2

Most common errors in prescriptions

No.	Abbreviation	Correct interpretation	Error
1	QD	quaque in die – once a day	quarter in die – four times a day
2	IU	International unit	IV – intravenous
3	QHS	quaque hora somni – at night, before bed	every hour
4	MSO4	magnesium sulfate	MS – morphine sulfate
5	U	Unit	0

According to current recommendations, one should not use Latin abbreviations such as b. i. d. (bis in die – twice daily), t. i. d. (ter in die – three times a day), h. s. (hora somni – before bed), p. c. (post cibum – after meals), a. c. (ante cibum – before meals). It is recommended to write in recipes: every 12 hours, every 8 hours, at bedtime, after eating, and before eating a meal, respectively. However, not all doctors follow these recommendations.

Incorrect decoding of abbreviations can lead to a dangerous overdose or insufficient dosage of the drug, the wrong way of prescribing and taking drugs, causing a threat to the health and life of patients.

To solve the problem of errors associated with abbreviations in recipes, you can implement several solutions.

1. Standardization of abbreviations. National and international organizations should work together to create standardized lists of abbreviations that will be universally recognized and used in all health care settings. Standardization should also cover their use, in both written and electronic prescriptions.

2. Electronic prescribing systems. The implementation of electronic prescribing systems (electronic prescribing) should be prioritized in both the public and private health sectors. These systems can provide standardization of medical abbreviations, reduce the human factor and improve patient safety.

3. Training programs for health professionals. Health care facilities should implement continuing education programs aimed at safely using abbreviations in prescriptions. Such programs should emphasize not only understanding the abbreviations, but also recognizing the risks of misinterpretation and the role of clear communication in preventing medical errors.

4. Public awareness campaigns. There is also a need to raise public awareness of the importance of correct interpretation of information in prescriptions. Educational campaigns can help patients understand abbreviations in prescriptions and encourage them to ask questions if something is not clear.

Conclusion

Information exchange is becoming faster and more intensive due to the development of communication technologies, and communication is expanding in response to an increase in workload. The number of referrals between specialist doctors and general practitioners is growing. The use of abbreviations in clinical communication is growing and can lead to misunderstandings, increased workload and worse treatment outcomes.

Medical prescriptions have included abbreviations for several centuries to improve efficiency, speed and brevity. The cuts could help healthcare providers reduce paperwork

time, especially in busy clinical settings. However, the prevalence of incomprehensible or ambiguous abbreviations in prescriptions has led to widespread concern about patient safety.

The first systematization of abbreviations in the structure of drug prescriptions made it possible to distinguish 7 main categories: dosage forms, parts of plants, dosage, instructions to the pharmacist, methods of prescription and administration, names of drugs, state of the substance. The most common are abbreviations for dosage forms and parts of plants.

Analysis of the original literature and English-language prescriptions, which are freely available, made it possible to identify the most common errors in the structure of prescriptions when prescribing drugs in order to prevent errors in their interpretation. The most common errors include the use of the following abbreviations: Q. D., Qhs, U, IU, MS04. Misinterpreted prescription cuts can lead to medication errors that can have serious side effects for patients.

Prescription errors caused by misinterpretation of abbreviations pose significant risks to patient safety worldwide. Addressing this requires a comprehensive approach involving standardizing abbreviations, implementing e-prescriptions, increasing the education and training of health professionals, and raising public awareness. Through these measures, the medical community can reduce errors associated with reductions, ultimately improving treatment outcomes and patient safety.

References / Список литературы

Barbasheva S. S., Rozhkova T. V. Abbreviations in medical records: arguments for and against. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 1, pp. 186–191. (In Russ.) <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-1-186-191>; EDN: EVCVQK

Барбашёва С. С., Рожкова Т. В. Аббревиатуры в медицинской документации: аргументы за и против. *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*, 2024, т. 30, № 1, с. 186–191. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-1-186-191>; EDN: EVCVQK

Barbasheva S. S., Avramenko A. A. Translation of abbreviations in English medical texts and research of cardiology terminology. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2011, vol. 13, no. 2 (40) (4), pp. 911–916. (In Russ.) EDN: PFLFNP

Барбашёва С. С., Авраменко А. А. Особенности перевода аббревиатур в англоязычном медицинском тексте (на материале терминологии кардиологии). *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, 2011, т. 13, № 2 (40) (4), с. 911–916. EDN: PFLFNP

Barbasheva S. S. Classification analysis of modern English dental abbreviations. *Vestnik of Mari State University*, 2021, vol. 15, no. 1, pp. 66–71. (In Russ.) <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-1-66-71>; EDN: XLVVTQ

Барбашёва С. С. Классификационный анализ современных английских стоматологических аббревиатур. *Вестник Марийского государственного университета*, 2021, т. 15, № 1 (41), с. 66–71. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-1-66-71>; EDN: XLVVTQ

Burdina O. B. *Modeling of terminological variability in pharmaceutical discourse*: Cand. Thesis in Philological Sciences. Perm, 2013. 218 p. (In Russ.) EDN: SVABXB

Бурдина О. Б. *Моделирование терминологической вариативности в фармацевтическом дискурсе*: дис. ... канд. филол. наук. Пермь: [б. и.], 2013. 218 с. EDN: SVABXB

Burova G. P., Burov A. A. Correlation of linguistic and extralinguistic factors in the development of the pharmaceutical discursive sphere: Socio-cultural, national-mental and historical aspects. *Modern approaches to the study of mentality: A collection of articles*; edited by Pimenova M. V. St Petersburg: SPbSU, 2011, pp. 148–158. (In Russ.)

Бурова Г. П., Буров А. А. Корреляция лингвистических и экстралингвистических факторов формирования фармацевтической дискурсивной сферы: социокультурные, национально-ментальные и исторические аспекты. *Современные подходы к исследованию ментальности*: сборник статей, под редакцией М. В. Пименовой. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2011, вып. 6, с. 148–158.

Vasilieva O. Iu. Medical prescription formula: Structural and linguistic standardization. *Scientific dialogue*, 2021, no. 5, pp. 25–39. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-5-25-39>; EDN: ZBQDSN

Васильева О. Ю. Формула медицинского рецепта: структурно-лингвистическая стандартизация. *Научный диалог*, 2021, № 5, с. 25–39. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-5-25-39>; EDN: ZBQDSN

Zubova L. Iu. On the peculiarities and difficulties of translating English medical abbreviations. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2005, no. 2, pp. 113–116. (In Russ.) EDN: JWWTLL

Зубова Л. Ю. К вопросу об особенностях и трудностях перевода английских медицинских сокращений. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2005, № 2, с. 113–116. EDN: JWWTLL

Katermina V. V., Vorobieva I. V. Linguistic and stylistic features of the neologisms-abbreviations in the English discourse. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2019, no. 9 (142), pp. 206–210. (In Russ.) EDN: ZRVOED

Катермина В. В., Воробьева И. В. Лингвостилистические особенности функционирования аббревиатурных неологизмов в англоязычном дискурсе. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 2019, № 9 (142), с. 206–210. EDN: ZRVOED

Kondratiev D. K., Balinskaia K. V. Specific features of prescription writing in the Latin language in the world medical practice. *Journal of Grodno State Medical University*, 2015, no. 4, pp. 123–126. (In Russ.) EDN: VHEKGB

Кондратьев Д. К., Балинская К. В. Особенности оформления рецепта на латинском языке в мировой медицинской практике. *Журнал Гродненского государственного медицинского университета*, 2015, № 4, с. 123–126. EDN: VHEKGB

Hamiel U., Hecht I., Nemet A., Peer L., Man V., Hilely A., Achiron A. Frequency, comprehension and attitudes of physicians towards abbreviations in the medical record. *Postgraduate Medical Journal*, 2018, no. 94 (1111), pp. 254–258.

Сведения об авторе

Светлана Сергеевна Барбашёва – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных и латинского языков, <https://orcid.org/0000-0002-6236-3726>, barbasheva-s@mail.ru, Самарский государственный медицинский университет (89, ул. Чапаевская, 443082 Самара, Россия); **Svetlana S. Barbasheva** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the

Department of the Foreign and Latin Languages, <https://orcid.org/0000-0002-6236-3726>,
barbasheva-s@mail.ru, Samara State Medical University (89, ul. Чапаевская, 443082 Samara,
Russia).

Статья поступила в редакцию 18.09.2025; одобрена после рецензирования 28.12.2025;
принята к публикации 27.01.2026.

The article was submitted 18.09.2025; Approved after reviewing 28.12.2025; Accepted for publication 27.01.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 4 (133), с. 16–25.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 4 (133), pp. 16–25.

Научная статья

УДК 811.9'373.47

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-2>

<https://elibrary.ru/zlboat>

Лексическая архитектура Средиземья: почему в языке эльфов так много «грустных» прилагательных?

Анастасия Андреевна Баскова

Череповецкий государственный университет,

Череповец, Россия

anastasiya_basko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7882-7070>

Аннотация. Статья посвящена анализу синонимической системы искусственного языка синдарин, созданного Дж. Р. Р. Толкином. Основное внимание в работе уделяется лексико-семантической архитектуре, выявленной в результате классификации синонимических пар и рядов по методу Т. В. Жеребило. Ключевой вывод заключается в обнаружении выраженной эмоциональной асимметрии: среди стилистически стратифицированной лексики значительно преобладают прилагательные с негативной коннотацией (73 % проанализированных единиц). Данный феномен интерпретируется как отражение глубинных культурно-мифологических основ мира Арды, характеризующихся мотивами утраты, ностальгии и печали.

Ключевые слова: синдарин, культурный код, искусственный язык, понятийный синоним, стилевой синоним, эмоционально-оценочный синоним

Для цитирования: Баскова А. А. Лексическая архитектура Средиземья: почему в языке эльфов так много «грустных» прилагательных? *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 4 (133), с. 16–25. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-2>; EDN: ZLBOAT

The lexical architecture of Middle-Earth: why are there so many “sad” adjectives in the language of Tolkien’s elves?

Anastasiya A. Baskova

Cherepovets State University,

Cherepovets, Russia

anastasiya_basko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7882-7070>

Abstract. This study explores the synonymy system of Sindarin, an artificial language developed by J. R. R. Tolkien, with a focus on its adjectival lexicon. The analysis, based on T. V. Zherebilo's classification, reveals a distinct emotional asymmetry in the stylistically stratified vocabulary of Sindarin, evidenced by the predominance of negatively connotated adjectives (73 % of the units studied). This linguistic phenomenon is interpreted as a reflection of the profound cultural and mythological foundations of Arda, characterized by themes of loss, nostalgia, and sorrow.

Keywords: Sindarin, cultural code, artificial language, ideographic synonym, stylistic synonym, emotive-evaluative synonym

For citation: Baskova A. A. The lexical architecture of Middle-Earth: why are there so many “sad” adjectives in the language of Tolkien’s elves? *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 4 (133), pp. 16–25. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-2>; EDN: ZLBOAT

Введение

Мы все восхищаемся красотой и мелодичностью эльфийских языков Дж. Р. Р. Толкина, но за их внешней эстетикой скрывается неожиданная лингвистическая драма, раскрыть которую позволяет детальное исследование лексики, в частности – анализ одной из наиболее редко исследуемых в контексте искусственных языков частей речи – имени прилагательного.

Долгое время искусственные языки, в особенности артланги – языки, специально сконструированные для вымышленных вселенных в развлекательных целях¹, рассматривались как периферийный объект лингвистики, но благодаря высокому спросу на беллетристику, они стали признаваться полноценными системами и моделями для изучения глубинной связи между языком и культурным кодом². А. Ч. Пиперски подчеркивает, что такие развитые и детально сконструированные языки, как язык Дж. Р. Р. Толкина³, могут воспроизводить семантические и когнитивные связи, свойственные естественным языкам, что делает их ценным материалом для анализа не только в исследованиях по конструированию языков и лингвистических экспериментах, но и при изучении феноменологии существующих языков. В понимании связей, заложенных в языке культурных кодов, именно лексико-семантический уровень становится ключевым. Это доказывают исследования С. В. Квитковского, который утверждает, что искусственные языки имеют не только грамматическую структуру, но и глубокие смысловые пласты лексики⁴, отражения которых укоренились в онтологии вымышленного мира.

Таким образом, вопрос о значимости искусственных языков за пределами сугубо экспериментальной лингвистики является относительно новым для научной дискуссии, а его систематическое изучение находится в процессе становления. Актуальность настоящей работы обусловлена недостаточной изученностью лексико-семантических систем артлангов, которые часто анализировались лишь на фонетическом и грамматическом уровнях. При этом лексика содержит ключевые маркеры

¹ Шувалова О. Н. История и эволюция интернет-ресурсов, представляющих вымышленные языки и освещающих вопросы лингвоконструирования. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 2017, № 4–7, с. 57–65. EDN: YKMEVX

² Libert A. *Artificial Languages*. *Cambridge Encyclopedia of the Language Sciences*, edited by P. C. Hogan. New York: Cambridge University Press, 2011, pp. 110–111.

³ Пиперски А. Ч. *Конструирование языков: от эсперанто до дотракийского*. Москва: Альпина Диджитал, 2017. 158 с.

⁴ Квитковский С. В. Вымышленные языки: сравнение их поверхностных и глубинных структур. *Языки и литература в поликультурном пространстве*, 2022, № 8, с. 87–91. EDN: VCSZVJ

авторских интенций и культурных кодов, что делает ее анализ необходимым для полного понимания феномена искусственных языков. Более того, данное исследование раскрывает свой междисциплинарный потенциал, демонстрируя, как лингвистический анализ может служить инструментом для реконструкции культурных кодов и мировоззрения вымышленных народов.

В. В. Красных описывает «культурный код как “сетку”, которую культура набрасывает на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его¹». В. В. Красных также утверждает, что «коды культуры как феномен универсальны по своей природе», и, поскольку мы говорим о том, что процессы в искусственных языках повторяют процессы естественных языков, феномен культурного кода применим и к изучаемому языку.

Объект нашего исследования – синдарин (язык серых эльфов). Важно подчеркнуть, что это не просто «выдуманный язык», а полноценная, глубоко продуманная языковая система, созданная профессором англосаксонского языка, специалистом по сравнительному и историческому языкознанию. Стремление автора к лингвистической достоверности при создании синдарина привело к формированию в нем сложных языковых категорий, в том числе развитой системы синонимии (характерной для естественных языков), которая является одним из ключевых показателей зрелости и лексического богатства любой языковой системы.

В рамках нашего исследования ставятся следующие вопросы: Какие эмоциональные паттерны преобладают в синонимической системе синдарина и чем это обусловлено? Что нам может рассказать архитектура его лексики о мире? Чтобы найти ответы, обратимся к постановке цели исследования и лингвистической методологии.

Методы и материалы

Цель исследования – выявить и статистически обосновать специфику синонимических отношений, количественно продемонстрировать эмоциональную асимметрию и интерпретировать выявленные системные закономерности как отражение культурно-мифологических основ легендарного Дж. Р. Р. Толкина.

Методологическую основу исследования составляют социолексикографический, лексико-семантический и компонентный анализ, контекстуальный подход, а также принципы когнитивной и функциональной лексикологии при работе со словарными пометами.

Основа исследования – корпус из 406 лексем-прилагательных, которые собраны методом сплошной выборки из книги «Полный курс эльфийского» А. Летунова. Фокус нашего внимания находится на синонимической системе, через которую демонстрируется, как количественный анализ лексики раскрывает системную эмоциональную асимметрию, отражающую мифологическую картину мира Дж. Р. Р. Толкина. Важно отметить, что мы использовали классификационную мо-

¹ Красных В. В. *Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций*. Москва: Гнозис, 2002. 284 с.

дель Т. В. Жеребило, которая (модель) доказала свою эффективность при работе с искусственными языками.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые проведен целенаправленный анализ эмоционально-оценочной лексики синдарина в рамках синонимических отношений с опорой на классификацию Т. В. Жеребило, что позволило выявить статистически обоснованный феномен эмоциональной асимметрии.

Основная часть

Вопрос о количественном преобладании лексики с негативной коннотацией, поднятый нами в данном исследовании, не является уникальным для синдарина. Как отмечается в работах, посвященных эмотивной лексике, большая дифференциация и частотность единиц, выражающих отрицательные эмоции, представляют собой узальную черту многих естественных языков. Эта тенденция объясняется как психолингвистическими причинами – негативные эмоции субъективно воспринимаются как более интенсивные, требующие детализации в коммуникации, так и функциональными – эмотивная лексика служит ключевым инструментом для выражения авторской оценки и формирования «эмоциональной доминанты» текста¹.

Исследование артлангов (подобных синдарину) позволяет изолировать и описать механизм целенаправленного формирования лексикона под влиянием художественного замысла, что зачастую трудно сделать в естественных языках из-за их стихийного исторического развития.

В рамках исследования синдарина, опирающегося на ограниченный корпус текстов, методология Т. В. Жеребило продемонстрировала эффективность и релевантность, превзойдя другие подходы, включая комплексный подход Ю. Д. Апресяна. Ключевые преимущества классификации Т. В. Жеребило: во-первых, ее трехкомпонентная структура, включающая идеографические, стилевые, эмоционально-оценочные синонимы, и высокая степень формализуемости и прозрачности. Эти качества незаменимы при работе с искусственно созданными, статичными лексическими системами, лишенными динамики естественного языка. Во-вторых, подход Т. В. Жеребило целенаправленно выделяет аспекты, имеющие первостепенное значение для художественно сконструированных языков, в то время как модель Ю. Д. Апресяна ориентирована на анализ синонимических парадигм в их системной взаимосвязи и функционировании в естественной коммуникации, требуя для этого обширных корпусов. Классификация Т. В. Жеребило позволяет эффективно работать с ограниченным объемом материала, фокусируясь на дифференциальных признаках, критически важных для мифопоэтического контекста.

Таким образом, применение данной методики позволило не только описать структурные особенности синонимии синдарина, но и реконструировать прагматические установки, заложенные Дж. Р. Р. Толкиным в лексическую архитектуру языка.

¹ Магомедова А. Н. Роль эмотивной лексики в создании картины мира художественного текста. *Верхневолжский филологический вестник*, 2020, № 3 (22), с. 171–175. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-3-22-171-175>; EDN: XSBHPC

Согласно этой модели, мы разделили все синонимы на три основных типа.

1. Идеографические синонимы – отличаются друг от друга прежде всего смысловыми компонентами в лексическом значении. Например, разная степень обозначения признака (*большой – гигантский*) или в характере его обозначения (*плащ – дождевик*).

2. Стиливые (функциональные) синонимы – отличаются друг от друга сферой употребления, их применением в различных стилях языка, в связи с чем наблюдается противопоставление между синонимами-поэтизмами, синонимами-прозаизмами и просторечными словами. Например, *боевой – ратный* (возвышенная лексема), *деньги – гроши* (просторечная лексема).

3. Эмоционально-оценочные синонимы – выражают открытое отношение говорящего к обозначаемому лицу, предмету, явлению (в отличие от нейтральных синонимов). Например, *наказание* (нейтральная лексема) – *кара* (книжная лексема) – *нагоняй* (разговорная лексема)¹.

Следует отметить, что коннотативная окраска лексем, а также степень их стилистической маркированности (сниженности или возвышенности) устанавливаются на основании функционально-стилистических помет, зафиксированных в авторских глоссариях, комментариях и лексикографических источниках.

Данная модель позволила нам не просто посчитать слова, а увидеть их эмоциональный вес и количественно оценить те паттерны, которые скрываются за мелодикой эльфийской речи. Перейдем к описанию результатов: анализ корпуса из 406 прилагательных синдарина позволил нам составить детальный портрет этой части речи внутри системы и выявить закономерности, которые мы для наглядности классифицировали по трем вышеуказанным типам синонимии.

1. Идеографические синонимы, указывающие на семантическую точность

Абсолютно доминирующей группой оказались идеографические (понятийные) синонимы, составившие 80 % от всех проанализированных случаев. Это свидетельствует о том, что адъективная лексика синдарина в первую очередь ориентирована на тонкую передачу смысловых нюансов и оттенков признака при сохранении стилистической нейтральности². Более того, момент восприятия мира посредством взаимосвязи культуры и языка Дж. Р. Р. Толкин стремился передать через создание не просто словаря, а гибкой и вариативной системы для описания физических свойств и характеристик мира.

2. Стиливые синонимы, указывающие на связь с историей и поэзией

Вторая группа – стиливые синонимы. Несмотря на небольшое количество (всего 5,4 %), их наличие в системе структурно значимо. Данные прилагательные закреплены за архаичными и возвышенно-поэтическими формами лексем, поэтому они являются частью высокого, то есть формального, регистра, который создает «глубину» и историчность языка. Малое количество такого рода синонимов лишь

¹ Жеребило Т. В. *Словарь лингвистических терминов*. Назрань: Пилигрим, 2011. 487 с.

² Мартынова Н. А. Адъективная лексика, репрезентирующая понятие быстроты, в диалектной речи. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 2019, с. 172–177. EDN: VHWQJD

подчеркивает элитарность культуры и народности, говорит об их узкой специализированной функции в языке.

3. Эмоционально-оценочные синонимы, указывающие на драматический перевес

Наиболее показательным результатом, иллюстрирующим связь лексики с культурным кодом, стало выявление системного перевеса в эмоционально-оценочной группе синонимов – она составила 14,6 % от общего количества лексем. Рассматривая ключевую статистику, мы заметили, что 73 % от этой группы синонимов (примерно 16 из 22 прилагательных) несут в себе негативную коннотацию.

Эта тенденция наглядно иллюстрируется конкретными лексемами, образующими плотные синонимические ряды с доминированием трагических и унылых оттенков значения. Например:

1) *dem* прил. *грустный, угрюмый, мрачный, печальный, удручающий* – *†naer (noer N.)* прил. *грустный, прискорбный, плачевный* – **nûr III* прил. *грустный*;

2) *deleb* прил. *ужасный, гнусный, омерзительный, гадкий, отталкивающий* – *delu* прил. *ненавистный, отвратительный, противный, смертельный, ужасный* – *gaer I* прил. *ужасный, страшный, внушающий страх* – *goeol* прил. *страшный, ужасный, грозный, чудовищный* – *gortheb (ngortheb)* прил. *ужасный, страшный* – *uanui* прил. *чудовищный, монструозный, омерзительный, отвратительный*;

3) *fuïol* прил. *отвратительный, плохой, противный* – *faeg (N. foeg)* прил. *убогий, жалкий, неприятный* – *thaur* прил. *гнусный, омерзительный, противный, мерзкий*;

4) *limp (N. lhimp)* прил. *мокрый, влажный* – *mesg (N. mesc)* прил. *мокрый, влажный* – *nîd* прил. *влажный, сырой, плачущий, полный слёз* – *nîn III* прил. *влажный, водный* – *nîniel* прил. *плачущий, слёзный*;

5) *gwithren* прил. *тёмный, мрачный, тусклый* – **gwithui* прил. *тёмный, мрачный* – *dofen (N. dofn)* прил. *тёмный, мрачный, угрюмый, печальный* – *doll (ndoll) (N. dolt)* прил. *тёмный, тусклый, мрачный* – *donn* прил. *смуглый, тёмный* – *dûr* прил. *мрачный, тёмный* – *ûgal* прил. *тёмный*.

Выбранные нами единицы не просто дублируют друг друга, а образуют тонко дифференцированную шкалу эмоциональной интенсивности, фокусирующуюся именно на негативной семантике лексем. Этот системный перевес может быть интерпретирован через призму связи языковой личности с культурным пространством, которое она отражает¹. Не стоит забывать о том, что языковая личность автора-создателя существует в отражении культуры, показанной через язык, и воплощается в формах сознания, поведенческих стереотипах и, что наиболее важно для нашего исследования, – в системе культурных ценностей.

Следовательно, значимость полученных данных состоит не в констатации факта преобладания «грустных» прилагательных, а в демонстрации того, как эта универсальная языковая тенденция была систематизирована создателем языка. Если в естественных языках эмотивная лексика, по определению, отражает «оценку, которую разделяют в данное время члены данного общества» и надвременные культурные

¹ Акопян В. Г. Взаимодействие культурных кодов с кодом естественного языка. *Поволжский педагогический вестник*, 2015, № 2 (7), с. 71–75. EDN: VUSQPJ

категории, то в синдарине мы видим проекцию картины мира отдельной личности – Дж. Р. Р. Толкина, который выступает как «выразитель» не реального, а вымышленного культурно-исторического контекста. Обнаруженная нами высокая плотность негативных синонимических рядов является не спонтанным явлением, а результатом целенаправленного лингвоконструирования, которое вербально отражает мифологию Арды: утрату, ностальгию, «эльфийскую печаль».

Таким образом, когда Дж. Р. Р. Толкин создавал прилагательное с эмоциональной окраской, он с вероятностью 3 к 1 наделял его негативным смыслом не случайно, а в соответствии с той системой культурных координат и этнокультурных ценностей, которая была заложена в фундамент мира Арды и нашла свое закономерное воплощение в семантике¹.

Эта лингвистическая картина становится понятной только в контексте культурного кода эльфов, история которых – это многовековая череда утрат:

- частичное разрушение Валинора и убийство Финвэ (верховного короля эльфов) Мелькором (первородным злом);
- исход Первого и Второго домов (Изгнанников) из Валинора (Благословенных земель), с целью отомстить за Финвэ и вернуть драгоценные камни;
- резня между эльфами Альквалондэ и Изгнанниками из Валинора;
- гибель Белерианда – дома всех серых эльфов – синдар;
- постепенное угасание эльфов как расы и «уход за Море» – в Валинор.

Центральным психологическим состоянием для них становится «ностальгия» – буквально «боль по утраченному дому», по бессмертным землям Запада.

По мнению В. И. Карасика, в каждой лингвокультуре формируются специфические концепты, которые воплощают характерный для ее носителей способ осмысления действительности. Они функционируют как культурные коды, расшифровка которых позволяет получить доступ к пониманию основ данного общества, включая условия существования и устойчивые модели поведения изучаемой народности. Такой подход позволяет нам рассматривать синонимические ряды синдарина как вербализацию подобных ключевых концептов эльфийской культуры².

Таким образом, лексическая архитектура прилагательных синдарина раскрывает его двойственную природу. С одной стороны, это инструмент семантической точности (80 % понятийных синонимов), с другой – зеркало культурного кода эльфов, для которого характерен драматизм, ностальгия и восприятие мира через призму утраты и печали, что и проявляется в системном перевесе в сторону лексики с негативной коннотацией. Это не случайность, а отражение самой сути эльфийской культуры в легендарии Дж. Р. Р. Толкина³.

¹ Акопян В. Г. Взаимодействие культурных кодов с кодом естественного языка. *Поволжский педагогический вестник*, 2015, № 2 (7), с. 71–75. EDN: VUSQPJ

² Карасик В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002. 331 с. EDN: UGQAMP

³ Пиперски А. Ч. Коммуникация с внесемными цивилизациями как вызов для лингвистики и семиотики. *Вестник Московского университета*, 2021, № 1, с. 181–187. EDN: JSKGNT

Выводы

Основным и наиболее важным результатом нашего исследования стало обнаружение явной системной асимметрии в эмоциональной окраске прилагательных синдарина. Статистические данные подтверждают, что среди всех прилагательных, выражающих эмоциональную оценку (14,6 % от общего корпуса), подавляющее большинство (73 % внутри группы) несут негативный или меланхоличный оттенок. Необходимо подчеркнуть, что прилагательные синдарина «заточены» под выражение печали, утраты и меланхолии. Эта лингвистическая особенность напрямую соотносится с ключевыми мифологемами эльфийской культуры в произведениях Дж. Р. Р. Толкина, где ностальгия и мотив необратимой утраты являются определяющими. Это связано с пониманием того, что культурная идентичность формируется на основе коллективного исторического опыта, включающего переживания различных культурных форм и событий¹.

Из этого следует вывод о том, что синдарин лингвистически кодирует коллективную травму. Лексическая система языка, характеризующаяся перевесом в сторону негативных и меланхолических коннотаций, функционирует не только как инструмент описания, но и как зеркало, отражающее судьбу и мироощущение его носителей. «Грусть» в синдарине является не художественным тропом, а лингвистически подтвержденным фактом, зафиксированным в структуре лексикона. Это доказывает, что синдарин представляет собой живую, хотя и искусственную, языковую систему, неотделимую от породившей ее культуры.

Следует подчеркнуть, что коллективная культурная идентичность народа синдар отражена в лексико-количественной наполняемости тематических групп. Она формируется в процессе рефлексии, посредством которой конструируется и представляется единство общности как самобытного целого, базирующегося на традиционных культурных ценностях, нормах и стереотипах, с применением уникальных механизмов идентификации².

Полученные данные позволяют утверждать, что синдарин выполняет не только коммуникативную функцию, обеспечивая описание мира эльфов, но и служит лингвистическим воплощением их культурных ценностей. Лексико-семантическая структура языка выступает в качестве средства для выражения ключевых мифопоэтических концепций мира Арды, в котором эстетика тесно связана с чувством потери и метафизической грустью. Это подтверждает возможность искусственных языков моделировать сложные когнитивно-культурные системы. Выявленные закономерности, такие как стилистическая дифференциация и статистически подтвержденная эмоциональная неравномерность в сфере прилагательных, указывают на внутреннюю согласованность и концептуальную глубину данной искусственной языковой системы.

Таким образом, синдарин служит идеальной моделью для проверки гипотезы о прямой зависимости между системой культурных ценностей (даже вымышленной) и

¹ Казыдуб Н. Н. Язык и культурная идентичность: аксиологический аспект. *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*, 2018, № 2 (6), с. 132–137. EDN: YSUXNP

² Матузкова Е. П. Культурная идентичность: к определению понятия. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*, 2014, № 2, с. 62–68. EDN: RXBKRB

организацией лексико-семантического уровня языка. Это позволяет переформулировать цель изучения артлангов: они важны не столько как имитация естественных языков, сколько как контролируемые «лабораторные условия» для исследования глубинной связи между языком, сознанием творца и порождаемым им культурным кодом.

Список литературы / References

Акопян В. Г. Взаимодействие культурных кодов с кодом естественного языка. *Поволжский педагогический вестник*, 2015, № 2 (7), с. 71–75. EDN: VUSQPJ

Akopian V. G. Interaction of cultural codes with natural language code. *Volga Region Pedagogical Bulletin*, 2015, no. 2 (7), pp. 71–75. (In Russ.) EDN: VUSQPJ

Апресян Ю. Д. Синонимия и синонимы. *Вопросы языкознания*, 1969, № 4, с. 75–91. EDN: RSICJF

Apresiiian Iu. D. Synonymy and synonyms. *Topics in the study of language*, 1969, no. 4, pp. 75–91. (In Russ.) EDN: RSICJF

Жеребило Т. В. *Словарь лингвистических терминов*. Назрань: Пилигрим, 2011. 487 с.
Zherebilo T. V. *Dictionary of linguistic terms*. Nazran': Piligrim, 2011. 487 p. (In Russ.)

Казыдуб Н. Н. Язык и культурная идентичность: аксиологический аспект. *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*, 2018, № 2 (6), с. 132–137. EDN: YSUXNP

Kazydub N. N. Language and cultural identity: Axiological aspect. *Crede Experto: Transport, society, education, language*, 2018, no. 2 (6), pp. 132–137. (In Russ.) EDN: YSUXNP

Карасик В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002. 331 с. EDN: UGQAMP

Karasik V. I. *Language circle: Personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2002. 331 p. (In Russ.) EDN: UGQAMP

Квитковский С. В. Вымышленные языки: сравнение их поверхностных и глубоких структур. *Языки и литература в поликультурном пространстве*, 2022, № 8, с. 87–91. EDN: VCSZVJ

Kvitkovskii S. V. Fictional languages: Comparing their surface and deep structures. *Languages and literature in multicultural space*, 2022, no. 8, pp. 87–91. (In Russ.) EDN: VCSZVJ

Красных В. В. *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций*. Москва: Гнозис, 2002. 284 с.

Krasnykh V. V. *Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: Course of lectures*. Moscow: Gnozis, 2002. 284 p. (In Russ.)

Магомедова А. Н. Роль эмотивной лексики в создании картины мира художественного текста. *Верхневолжский филологический вестник*, 2020, № 3 (22), с. 171–175. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-3-22-171-175>; EDN: XSBHPC

Magomedova A. N. The role of emotions in the creation of the world artistic text picture. *Verhnevolzhski philological bulletin*, 2020, no. 3 (22), pp. 171–175. (In Russ.) <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-3-22-171-175>; EDN: XSBHPC

Мартынова Н. А. Адъективная лексика, репрезентирующая понятие быстроты, в диалектной речи. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 2019, с. 172–177. EDN: VHWQJD

Martynova N. A. Adjectival vocabulary representing the concept of quickness in dialectal speech. *Izvestia of Volgograd State Pedagogical University*, 2019, pp. 172–177. (In Russ.) EDN: VHWQJD

Матузкова Е. П. Культурная идентичность: к определению понятия. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*, 2014, № 2, с. 62–68. EDN: RXBKRB

Matuzkova E. P. Cultural identity: On the definition of the concept. *IKBFU's Vestnik*, 2014, no. 2, pp. 62–68. (In Russ.) EDN: RXBKRB

Пиперски А. Ч. Коммуникация с внеземными цивилизациями как вызов для лингвистики и семиотики. *Вестник Московского университета*, 2021, № 1, с. 181–187. EDN: JSKGNT

Piperski A. Ch. Communicating with extraterrestrial intelligence as a challenge for linguistics and semiotics. *Moscow University Bulletin*, 2021, no. 1, pp. 181–187. (In Russ.) EDN: JSKGNT

Пиперски А. Ч. *Конструирование языков: от эсперанто до дотракийского*. Москва: Альпина Диджитал, 2017. 158 с.

Piperski A. Ch. *Construction of languages: From Esperanto to Dothraki*. Moscow: Al'pina Didzhital, 2017. 158 p. (In Russ.)

Шувалова О. Н. История и эволюция интернет-ресурсов, представляющих вымышленные языки и освещающих вопросы лингвоконструирования. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 2017, № 4–7, с. 57–65. EDN: YKMEVX

Shuvalova O. N. The history and evolution of Internet resources representing fictional languages and covering issues of linguistic design. *Topical problems of the humanities and natural sciences*, 2017, no. 4–7, pp. 57–65. (In Russ.) EDN: YKMEVX

Libert A. *Artificial Languages*. *Cambridge Encyclopedia of the Language Sciences*, edited by P. C. Hogan. New York: Cambridge University Press, 2011, pp. 110–111.

Сведения об авторе

Анастасия Андреевна Баскова – аспирант, <https://orcid.org/0000-0002-7882-7070>, anastasiya_basko@mail.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Anastasia A. Baskova** – Postgraduate Student, <https://orcid.org/0000-0002-7882-7070>, anastasiya_basko@mail.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 07.12.2025; одобрена после рецензирования 28.12.2025; принята к публикации 27.01.2026.

The article was submitted 07.12.2025; Approved after reviewing 28.12.2025; Accepted for publication 27.01.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 4 (133), с. 26–34.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 4 (133), pp. 26–34.

Научная статья

УДК 81

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-3>

<https://elibrary.ru/wdreyu>

Метафора как культурный код политического дискурса Китая и России: вербальные способы реконтекстуализации

Наталья Александровна Боженкова^{1✉}, Цяо Цзинвэнь²

^{1,2}Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
Москва, Россия

^{1✉}NABozhenkova@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-2381-5865>

²1726694351@qq.com, <https://orcid.org/0009-0007-8176-6460>

Аннотация. В статье анализируется метафора «путь» как культурный код новогодних обращений Си Цзиньпина и В. В. Путина. Использование когнитивно-дискурсивного и сравнительно-сопоставительного методов позволило выявить универсальные и специфические черты языковой экспликации данной метафоры. Установлено, что в российском дискурсе метафора пути интерпретируется в аспекте исторической памяти и преодоления испытаний, а в китайском – через ценности гармонии и коллективного развития. Реконтекстуализация выражается в наполнении традиционного образа новыми культурно-политическими смыслами.

Ключевые слова: политический дискурс, культурный код, метафора, путь, реконтекстуализация, Китай, Россия

Для цитирования: Боженкова Н. А., Цяо Цзинвэнь. Метафора как культурный код политического дискурса Китая и России: вербальные способы реконтекстуализации. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 4 (133), с. 26–34. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-3>; EDN: WDREYU

Metaphor as a cultural code of Chinese and Russian political discourse: verbal means of recontextualization

Natalya A. Bozhenkova^{1✉}, Qiao Jingwen²

^{1,2}Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, Russia

^{1✉}NABozhenkova@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-2381-5865>

²1726694351@qq.com, <https://orcid.org/0009-0007-8176-6460>

Abstract. The article analyzes the “path” metaphor as a cultural code in New Year addresses of Xi Jinping and V. V. Putin. The application of cognitive-discursive and comparative-contrastive methods has revealed both universal and specific features of the linguistic explication of this metaphor. It is established that in Russian discourse, the path metaphor is interpreted through the aspect of historical memory and overcoming trials, while in Chinese discourse, it is interpreted through the values of harmony and collective development. Recontextualization is expressed in the infusion of the traditional image with new cultural and political meanings.

Keywords: political discourse, cultural code, metaphor, path, recontextualization, China, Russia

For citation: Bozhenkova N. A., Qiao Jingwen. Metaphor as a cultural code of Chinese and Russian political discourse: verbal means of recontextualization. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 4 (133), pp. 26–34. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-3>; EDN: WDREYU

Введение

Политический дискурс представляет собой особую форму институциональной коммуникации¹, в которой язык выполняет не только информативную, но и идеологическую, манипулятивную² и мобилизационную функции. Он служит инструментом конструирования политической реальности, формирования общественного мнения и утверждения власти. В условиях глобальных трансформаций политический дискурс становится важнейшим средством поддержания национальной идентичности и культурной целостности.

В связи с этим показательно замечание В. З. Демьянкова о том, что интерпретация политического дискурса невозможна без учета фоновых знаний, ожиданий аудитории и культурно-исторического контекста, выходящего за рамки чисто языкового анализа³. Продолжая данное наблюдение, отметим, что метафора позволяет сделать абстрактные категории конкретными и наглядными, придать политическим концептам эмоциональную окраску и усилить их воздействие на массовое сознание. Именно благодаря метафорическим структурам формируется особое когнитивное пространство, в котором политические цели и задачи осмысливаются через привычные для адресата образы движения, борьбы, дома, семьи и других культурно значимых концептов. Как подчеркивает А. П. Чудинов, современный политический текст строится как диалог с другими текстами и насыщается множеством аллюзий и метафор, восприятие которых возможно лишь при опоре на широкий культурный контекст⁴. Соответственно метафорические единицы выступают в качестве культурного кода, то есть знаковой формы, через которую транслируются ценности, традиции и коллективная память общества. В связи с этим культурный код можно рассматривать как языковое образование, являющееся носителем культурных смыслов⁵. Неслучайно ученые утверждают, что «базовые “глубинные” метафоры можно рассматривать как код культуры или архетип коллективного сознания на уровне “коллективного бессознательного”»⁶.

Особое место среди подобных образов занимает метафора «путь». По наблюдению Н. В. Матвеевой, метафора пути, выражая фундаментальные категории жизни, движения и времени, является одной из базовых в русской и китайской лингвокультуре. Образ дороги сопровождает человечество на протяжении веков и становится

¹ Шейгал Е. И. *Семиотика политического дискурса: монография*. Волгоград: Перемена, 2004. 367 с.

² Михалева О. Л. *Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия*. Москва: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с. EDN: GMQKUV

³ Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии. *Политическая наука*, 2002, № 3, с. 31–44.

⁴ Чудинов А. П. *Политическая лингвистика*. Москва: Флинта; Наука, 2006. 256 с.

⁵ Жеребило Т. В. *Словарь лингвистических терминов*. Назрань: Пилигрим, 2010. 487 с.

⁶ Матвеева Н. В. Лингвокультурологическая специфика базовой метафоры «путь / дорога» (на материале выступлений Председателя КНР Си Цзиньпина). *Политическая лингвистика*, 2023, № 2 (98), с. 160–169. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2023_02_17

частью коллективного опыта¹. Эта характеристика подчеркивает символическую значимость метафоры пути и объясняет ее устойчивость в культурной памяти. В силу своей символической значимости метафора пути как культурный код представляется продуктивным объектом для сопоставительного анализа. Как обобщает китайский исследователь Цао Дэцзюнь, «политическая метафора выполняет четыре ключевые функции: упрощение когнитивных моделей, смысловое наполнение, селективное фреймирование и содействие процессам секьюритизации»². При этом методологическую основу работы образуют когнитивно-дискурсивный и сравнительно-сопоставительный подходы. Первый позволяет выявить концептуальные основания метафоры пути и ее семантические реализации в политическом дискурсе, второй – проследить сходства и различия функционирования метафоры пути в китайском и российском дискурсе, а также определить культурно-специфические особенности ее интерпретации.

Основная часть

В качестве материала для анализа были выбраны новогодние обращения лидеров Российской Федерации и Китайской Народной Республики 2014–2025 гг., при этом фокус исследования направлен на те фрагменты, в которых метафора пути проявляется наиболее явно и репрезентирует культурные коды.

Квалификация новогоднего обращения как жанра политического дискурса обусловлена его институциональной природой, которая позволяет идентифицировать данный текст в качестве публичной речевой практики политических субъектов в рамках системы отношений «политик – все общество / крупные социальные группы»³. Новогодние обращения обладают высокой степенью репрезентативности, поскольку «новогодние обращения к нации цикличны; сопровождаются ритуальной атрибутикой; имеют собственную историю; создаются с определенной коммуникативной целью по конкретному поводу; предъявляют четкие требования к адресату, адресанту и имеют обязательные структурные элементы»⁴. Указанные жанровые характеристики обращений лидера страны обуславливают выполнение ими важнейшей культурно-символической функции: они адресованы всему народу и призваны не только подводить итоги уходящего года, но и задавать ценностные ориентиры на будущее, что определяет их особую значимость для анализа политического дискурса.

Как уже отмечалось во введении, метафора пути занимает центральное место в политическом дискурсе. Как справедливо отмечает Хуан Хуасинь, «метафора не просто является риторическим средством, но и представляет собой фундаментальный способ познания»⁵. Эта когнитивная функция метафоры находит свое яркое вы-

¹ Матвеева Н. В. Лингвокультурологическая специфика базовой метафоры «путь / дорога» (на материале выступлений Председателя КНР Си Цзиньпина). *Политическая лингвистика*, 2023, № 2 (98), с. 160–169. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2023_02_17

² 曹德军. 国际政治话语中的叙事隐喻:情感框定与认知建构 // 国际关系研究, 2024, № 2, с. 69–91.

³ Гудков Д. Б. Ритуалы и прецеденты в политическом дискурсе. *Политический дискурс в России – 2: материалы рабочего совещания*. Москва: Диалог-МГУ, 1998, с. 30–36.

⁴ Ласица Л. А. Новогоднее обращение главы государства: семантические особенности ритуального жанра политического дискурса. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 2017, № 1 (201), с. 19–24. EDN: YHEKRH

⁵ 黄华新. 认知科学视域中隐喻的表达与理解 // 中国社会科学, 2020, № 5, с. 48–64.

ражение в новогодних обращениях. Так, в новогодних обращениях Си Цзиньпина и В. В. Путина она проявляется через различные языковые средства. С одной стороны, метафора пути проявляется как общая когнитивная модель движения, актуализируемая в образах «поворот», «рубеж», «*征程 / подход*», «*勇往直前 / смело идти вперед*», которые передают идею динамики и направленности. С другой стороны, эта динамическая схема конкретизируется в дорожной метафоре «*путь*», «*道路 / путь, дорога*», приобретающей символический характер. Подобное функционирование согласуется с пониманием метафоры как одного из наиболее выразительных средств языка¹ и «*понятийного сравнения*»², способного не только упрощать сложные концепты, но и транслировать ценности и символы, значимые для коллективного сознания. Иначе говоря, модель «*дороги*» функционирует как культурный код, связывающий прошлое, настоящее и будущее в едином пространстве смыслов.

Проиллюстрируем, как данная метафорическая модель реализуется в русскоязычных и иноязычных новогодних обращениях.

Путь как метафорическая модель движения в российском политическом дискурсе

В обращениях Владимира Владимировича Путина метафора пути связана прежде всего с категориями судьбы, исторической миссии и преодоления испытаний. Она отражает представление о России как о стране, проходящей через сложные этапы своего развития и сохраняющей сплоченность перед лицом исторических вызовов.

Так, в обращении 2022 года (на новый 2023 год) судьба России описывается как «*судьбоносный рубеж*»: «*Это был год поистине поворотных судьбоносных событий, они стали тем рубежом, который закладывает основу нашего общего будущего, нашей истинной независимости... Главное – судьба России*» (В. В. Путин, 31.12.2022, <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70315>). В данном фрагменте актуализируется метафорическая модель пути через образ «*судьбоносного рубежа*». Лексема *рубеж* в русском культурном коде многозначна. Она одновременно обозначает и границу, и этап, и линию обороны. Таким образом, политический дискурс опирается на архетип движения через границу как испытание, после которого открывается новое пространство – «*будущее*» и «*независимость*». В данном случае наблюдается реконтекстуализация базовой метафоры пути: традиционный образ исторического рубежа, связанный с военной и пограничной семантикой, переносится в современный политический дискурс и используется для интерпретации текущих событий 2022 года. В результате метафора не только маркирует переломный момент истории, но и выполняет функцию культурного кода, транслируя ценности суверенитета и коллективного будущего, глубоко укорененные в российской культурной традиции.

В обращении 2023 года (на новый 2024 год) этот мотив усиливается образом «*исторического этапа*», через который «*проходит Россия*»: «*И главное, что нас объединяло и объединяет, – это судьба Отечества. Глубокое понимание высочайшей значимости того исторического этапа, через который проходит Россия, тех масштабных целей, которые стоят перед обществом, и той колоссальной ответственности за Родину, которую чувствует каждый из нас*» (В. В. Путин,

¹ Куранова Т. П., Гаврютина В. Н. Метафора в современном политическом дискурсе (на примере выступлений В. В. Путина, С. В. Лаврова, Д. С. Пескова). *Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина*, 2025, № 1 (86), с. 94–106. <https://doi.org/10.37724/RSU.2025.86.1.010>

² Там же.

31.12.2023, <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73200>). В данном обращении метафора пути раскрывается за счет образа «исторического этапа», через который «проходит Россия». Конструкция с глаголом движения метафорически представляет страну как коллективного субъекта, совершающего путь через трудные обстоятельства. В этой позиции реализуется реконтекстуализация базовой пространственной схемы: движение по дороге переносится на осмысление исторического процесса, в котором Россия предстает как народ-носитель особой миссии. Сочетание «масштабные цели» и «колоссальная ответственность» подчеркивает ценностное измерение этого пути и закрепляет его в качестве культурного кода, актуализирующего идею общенациональной ответственности и единства.

Наконец, в обращении 2024 года (на новый 2025 год) метафора пути представлена через образ «преодоления испытаний»: *«Мы ставили перед собой большие цели и достигали их, не раз преодолевали испытания, потому что были вместе»* (В. В. Путин, 31.12.2024, <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/-76073>). Ключевое слово «преодолевали» отражает движение через барьеры и актуализирует архетип испытания, встроенный в культурный код российской истории. Здесь можно проследить процесс реконтекстуализации традиционного мотива борьбы и выживания: метафора движения переносится на интерпретацию национального опыта, где исторические трудности осмысливаются как этапы общего пути. Завершающий компонент «потому что были вместе» придает высказыванию мобилизационный характер: единство конструируется как условие успешного преодоления, а сам путь предстает как символ соборности и коллективного подвига, глубоко укорененного в российской культурной традиции. Отсюда следует, что в российском политическом дискурсе метафора пути тесно связана с категориями судьбы, борьбы и преодоления. Она акцентирует историческую миссию народа и необходимость сплоченности перед лицом вызовов.

Путь как метафорическая модель движения в китайском политическом дискурсе

В новогодних обращениях Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина метафора пути также занимает ключевое место, но ее культурное содержание существенно отличается от российской интерпретации.

Анализ временной динамики функционирования метафоры пути в политическом дискурсе позволяет выявить механизм ее реконтекстуализации. В новогоднем обращении 2016 года (на новый 2017 год) особое значение приобретает традиционный образ «Шелкового пути», который подвергается переосмыслению в глобальном контексте: *«“Один пояс, один путь”建设快速推进, 亚洲基础设施投资银行正式开张。/ Концепция экономического развития «Один пояс, один путь» реализуется устойчивыми поступательными темпами, официально начал свою работу Азиатский банк инфраструктурных инвестиций»* (Си Цзиньпин, 31.12.2016, <https://news.12371.cn/2016/12/31/ARTI1483183171033213.shtml>). В данной позиции метафора пути проявляется через обращение к традиционному образу «Шелкового пути», который в китайской культурной памяти ассоциируется с торговыми и культурными связями. В новогоднем обращении этот образ получает новое прочтение: он реконтекстуализируется в качестве символа современного пути взаимодействия и открытости. Иначе говоря, метафорическая модель опирается на базовую когнитивную схему «дорога», которая позволяет связать прошлое и настоящее, переходя от древнего маршрута караванов к образу культурной преемственности и диалога. В

культурном измерении «Шелковый путь» становится кодом, объединяющим идею традиции с ее современными интерпретациями. Здесь путь выступает как универсальный символ, способный интегрировать историческую память в новые условия.

В новогоднем обращении Си Цзиньпина 2020 года (на новый 2021 год) подчеркивается трудный, но необходимый путь национального развития: «站在“两个一百年”的历史交汇点, 全面建设社会主义现代化国家新征程即将开启。征途漫漫, 惟有奋斗。我们通过奋斗, 披荆斩棘, 走过了万水千山。我们还要继续奋斗, 勇往直前, 创造更加灿烂的辉煌! / На историческом перекресте “двухсот лет” мы начинаем новый путь всестороннего строительства социалистического модернизированного государства. Путь далек и тернист, предстоит противостояние множеству трудностей. Благодаря упорной борьбе мы преодолели множество преград – горы и моря. В будущем мы продолжим борьбу, будем смело идти вперед, чтобы создать более прекрасное будущее» (Си Цзиньпин, 31.12.2020, <https://www.12371.cn/2020/12/31/ART11609413305029488.shtml>). В данном фрагменте метафора пути – «征途漫漫 / путь далек и тернист», «走过万水千山 / мы преодолели множество преград – горы и моря», «勇往直前 / смело идти вперед» – воплощает образ длительного и трудного движения, требующего стойкости и настойчивости. Лексемы, связанные с преодолением – «披荆斩棘 / мы преодолели множество преград» – воспроизводят архетип испытания, а образы движения – «走过 / преодолели», «勇往直前 / смело идти вперед» – актуализируют когнитивную схему поступательного продвижения вперед. В данном контексте происходит реконтекстуализация традиционных ценностей трудолюбия и упорства, закрепленных в китайской культурной памяти. В частности, идиома «披荆斩棘 / досл. пробивать путь сквозь шипы и тернии» в новогоднем обращении передается так: «мы преодолели множество преград». Метафора пути становится культурным кодом, транслирующим представление о том, что исторический процесс возможен лишь благодаря коллективным усилиям и постоянной борьбе с трудностями.

В новогоднем обращении Си Цзиньпина 2024 года (на новый 2025 год) подчеркивается историческая преемственность китайской цивилизации: «从五千多年中华文明的传承中一路走来, “中国”二字镌刻在“何尊”底部, 更铭刻在每个华夏儿女心中。党的二十届三中全会胜利召开, 吹响进一步全面深化改革的号角。我们乘着改革开放的时代大潮阔步前行, 中国式现代化必将在改革开放中开辟更加广阔的前景。/ Китайская цивилизация характеризуется родством поколений на протяжении более чем пяти тысячелетий, ведь слово “Центральное государство”, первое упоминание о котором обнаружено в надписях на дне древнего бронзового сосуда Хэцзунь, бесконечным эхом отзывается в сердцах сынов и дочерей Отчизны. Успешно состоявшийся третий пленум ЦК КПК 20-го созыва сыграл вдохновляющую прелюдию к дальнейшему всестороннему углублению китайских реформ. На полных парусах мчится корабль «реформ и открытости», впереди самое светлое будущее китайской модернизации» (Си Цзиньпин, 31.12.2024, <http://www.news.cn/politics/leaders/20241231/223dba0aa84840bc8ebf2fdead34df9d/c.html>). Формула «一路走来 / китайская цивилизация характеризуется родством поколений» символически конструирует образ исторического пути, объединяющего прошлое и настоящее. Она акцентирует идею преемственности и длительности цивилизационного развития, в котором каждая эпоха предстает как часть единого движения вперед. Выражение «阔步前行 / мчаться» метафорически репрезентирует динамику

уверенного и поступательного продвижения. Семантика широкого шага подчеркивает масштабность и решимость движения, которое осмысливается не на индивидуальном, а на коллективном уровне. В культурном коде этот образ восходит к традиционным представлениям о стойкости и целеустремленности, а в современном дискурсе он реконтекстуализируется как символ национального продвижения к модернизации. Таким образом, данные выражения формируют когнитивную модель пути, которая связывает историческую преемственность с современными устремлениями.

В рассматриваемом случае метафора пути выполняет функцию культурного кода преемственности: путь осмысливается как непрерывное движение, где каждая эпоха является этапом общего маршрута. Происходит реконтекстуализация традиционного образа культурной памяти в современный дискурс, в результате чего «путь китайской модернизации» воспринимается как органическое продолжение тысячелетней цивилизационной траектории. Она выступает не только как образ поступательного развития, но и как культурный код, связывающий индивидуальное и общее, прошлое и будущее, традицию и современность. Через образы «*один пояс, один путь*», «*поход*», «*идти вперед*», «*преодоление*», «*горы и моря*», «*идти вперед*» актуализируются глубинные архетипы трудолюбия, гармонии и преемственности, укорененные в китайской цивилизации. В результате метафора пути становится инструментом смысловой консолидации, позволяющим интегрировать историческую память и коллективные ценности в современный политический дискурс.

Выводы

Проведенный анализ показал, что метафора пути является одной из ключевых форм репрезентации культурных кодов в политическом дискурсе России и Китая. Ее универсальность обусловлена когнитивной основой, в рамках которой путь метафорически осмысливается как процесс развития государства и общества. В то же время в каждой культуре этот образ проходит реконтекстуализацию и наполняется специфическим содержанием, отражающим ценности и исторический опыт, при этом акценты культурной интерпретации в двух традициях различны.

В российском политическом дискурсе метафора пути соотносится с культурным кодом исторической памяти и преодоления испытаний, а также интерпретируется как часть исторического опыта и миссии страны. Такая интерпретация актуализирует ценности сплоченности и стойкости, связывая современные вызовы с историческим нарративом и укрепляя национальную идентичность.

В китайском политическом дискурсе метафора пути связана с культурным кодом гармонии, коллективного движения, преемственности и преодоления трудностей. В данном дискурсе путь конструируется как общий маршрут модернизации, где индивидуальные усилия интегрируются в коллективный процесс, а препятствия осмысляются как естественная часть движения вперед. Подобные метафорические образы закрепляют архетипы трудолюбия, стойкости и согласия, глубоко укорененные в китайской культурной традиции.

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что метафора пути в политическом дискурсе России и Китая предстает не только как универсальная когнитивная схема движения, но и как культурный код, наполняемый специфическим содержанием в каждой традиции. С одной стороны, один и тот же образ, проходя реконтекстуализацию в различных культурных контекстах, приобретает разные функции и аксиологические акценты; с другой – метафора пути оказывается средством смысловой кон-

солидации и вектором формирования коллективной идентичности в обоих дискурсах.

Список литературы / References

Гудков Д. Б. Ритуалы и прецеденты в политическом дискурсе. *Политический дискурс в России – 2: материалы рабочего совещания*. Москва: Диалог-МГУ, 1998, с. 30–36.

Gudkov D. B. Rituals and precedents in political discourse. *Political discourse in Russia – 2: Proceedings of the working meeting*. Moscow: Dialog-MGU, 1998, pp. 30–36. (In Russ.)

Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии. *Политическая наука*, 2002, № 3, с. 31–44.

Demiankov V. Z. Political discourse as a subject of political philology. *Political Science*, 2002, no. 3, pp. 31–44. (In Russ.)

Жеребило Т. В. *Словарь лингвистических терминов*. Назрань: Пилигрим, 2010. 487 с.

Zherebilo T. V. *Dictionary of linguistic terms*. Nazran': Piligrim, 2010. 487 p. (In Russ.)

Куранова Т. П., Гаврютина В. Н. Метафора в современном политическом дискурсе (на примере выступлений В. В. Путина, С. В. Лаврова, Д. С. Пескова). *Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина*, 2025, № 1 (86), с. 94–106. <https://doi.org/10.37724/RSU.2025.86.1.010>

Kuranova T. P., Gavriutina V. N. Metaphor in modern political discourse (in speeches of V. V. Putin, S. V. Lavrov, D. S. Peskov). *The Bulletin of Ryazan State University named after S. A. Yesenin*, 2025, no. 1 (86), pp. 94–106. <https://doi.org/10.37724/RSU.2025.86.1.010> (In Russ.)

Ласица Л. А. Новогоднее обращение главы государства: семантические особенности ритуального жанра политического дискурса. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 2017, № 1 (201), с. 19–24. EDN: YNEKRH

Lasitsa L. A. New Year's address of the head of state: Semantic features of the ritual genre of political discourse. *Vestnik of Orenburg State University*, 2017, no. 1 (201), pp. 19–24. (In Russ.) EDN: YNEKRH

Матвеева Н. В. Лингвокультурологическая специфика базовой метафоры «путь / дорога» (на материале выступлений Председателя КНР Си Цзиньпина). *Политическая лингвистика*, 2023, № 2 (98), с. 160–169. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2023_02_17

Matveeva N. V. The linguocultural specificity of the basic metaphor “way / road” (based on the material of speeches of Chinese President Xi Jinping). *Political Linguistics*, 2023, no. 2 (98), pp. 160–169. (In Russ.) https://doi.org/10.26170/1999-2629_2023_02_17

Михалева О. Л. *Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия*. Москва: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с. EDN: GMQKUV

Mikhaleva O. L. *Political discourse: Specificity of manipulative influence*. Moscow: LIBROKOM, 2009. 256 p. (In Russ.) EDN: GMQKUV

Чудинов А. П. *Политическая лингвистика*. Москва: Флинта; Наука, 2006. 256 с.

Chudinov A. P. *Political linguistics*. Moscow: Flinta; Nauka, 2006. 256 p. (In Russ.)

Шейгал Е. И. *Семиотика политического дискурса: монография*. Волгоград: Перемена, 2004. 367 с.

Sheigal E. I. *Semiotics of political discourse: Monograph*. Volgograd: Peremena, 2004. 367 p. (In Russ.)

曹德军. 国际政治话语中的叙事隐喻:情感框定与认知建构. *国际关系研究*, 2024, № 2, с. 69–91. (Цао Дэцзюнь. Нарративная метафора в международном политическом дискурсе: эмоциональное фреймирование и когнитивное конструирование. *Исследования международных отношений*, 2024, № 2, с. 69–91.)

Cao Dejun. Narrative metaphor in international political discourse: Emotional framing and cognitive construction. *International Relations Studies*, 2024, no. 2, pp. 69–91. (In Chinese)

黄华新. 认知科学视域中隐喻的表达与理解. *中国社会科学*, 2020, № 5, с. 48–64. (Хуан Хуасинь. Выражение и понимание метафоры с точки зрения когнитивной науки. *Социальные науки в Китае*, 2020, № 5, с. 48–64.)

Huang Huaxin. The expression and understanding of metaphors from the perspective of cognitive science. *Social Sciences in China*, 2020, no. 5, pp. 48–64. (In Chinese)

Сведения об авторах

Наталья Александровна Боженкова – доктор филологических наук, профессор, и. о. проректора, <https://orcid.org/0000-0002-2381-5865>, NABozenkova@pushkin.institute, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (д. 6 ул. Академика Волгина, 117485 Москва, Россия); **Natalya A. Bozhenkova** – Doctor of Philological Sciences, Professor, Acting Vice-Rector, <https://orcid.org/0000-0002-2381-5865>, NABozenkova@pushkin.institute, Pushkin State Russian Language Institute (6, ul. Akademika Volgina, 117485 Moscow, Russia).

Цяо Цзинвэнь – аспирант, <https://orcid.org/0009-0007-8176-6460>, 1726694351@qq.com, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (д. 6 ул. Академика Волгина, 117485 Москва, Россия); **Qiao Jingwen** – Postgraduate Student, <https://orcid.org/0009-0007-8176-6460>, 1726694351@qq.com, Pushkin State Russian Language Institute (6, ul. Akademika Volgina, 117485 Moscow, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.11.2025; одобрена после рецензирования 30.12.2025; принята к публикации 11.03.2026.

The article was submitted 24.11.2025; Approved after reviewing 30.12.2025; Accepted for publication 11.03.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 4 (133), с. 35–47.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 4 (133), pp. 35–47.

Научная статья

УДК 82-311.2

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-4>

<https://elibrary.ru/glzhql>

**Сиротство как составляющая художественного мира романа
Ф. М. Достоевского «Бесы»**

Наталья Александровна Кладова

Университет «Синергия»,

Москва, Россия

natakladova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0130-1089>

Аннотация. В настоящей статье анализируется идея сиротства в художественном мире романа Ф. М. Достоевского «Бесы», выявляется та роль, которую данная идея играет в построении сюжета произведения. Изучение черновых материалов привело к выводу о том, что для писателя на этапе продумывания сюжета было важным определить родственные связи между героями. В окончательном варианте в художественном мире романа почти все герои являются *родственниками*, но анализ «качества» этих родственных отношений, которые выстраиваются преимущественно с корыстными целями, убеждает в том, что каждый, в своей глубинной сущности, – *сирота*. «Пружиной» развития романного действия становятся попытки героев образовать семью. В статье раскрываются внутренние мотивировки героев – Варвары Петровны, Петра Верховенского, Николая Ставрогина, Лизы – относительно образования семейных союзов, и показывается, что все попытки построения семей провалились, хотя в романном повествовании потенциально заложено немало вариантов образования истинного, духовно прочного союза. Герои прошли мимо, порвав связующие нити. Кроме того, *семья* рассматривается и в широком смысле – как *национальная семья*. Анализируется степень вовлеченности героев в такую семью, их восприятие своей принадлежности к русскому народу, что становится своеобразным определителем их внутренней сущности, степени нравственности и полноценности личности. Особое внимание в работе уделено финальным сценам, отражающим вхождение Степана Трофимовича в народную семью. Они образуют идейно значимую антитезу к основным эпизодам романного сюжета, что позволяет осмыслить содержательную глубину текста Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, роман «Бесы», сиротство, родственники, родина

Для цитирования: Кладова Н. А. Сиротство как составляющая художественного мира романа Ф. М. Достоевского «Бесы». *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 4 (133), с. 35–47. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-4>; EDN: GLZHQL

Orphanhood as a component of the artistic world of F. M. Dostoevsky's novel "Demons"

Natalia A. Kladova

University "Synergy",
Moscow, Russia

natakladova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0130-1089>

Abstract. This paper analyzes the concept of orphanhood in F. M. Dostoevsky's novel "Demons" and explores the role this concept plays in shaping the plot of the story. Through an analysis of draft materials, the study reveals that the author was interested in exploring the connections between characters at the planning stage. In the final text, almost all characters in the novel are related, but a closer examination of these relationships reveals that they are primarily driven by selfish motivations. While some characters may appear to have a family, an analysis of their inner nature reveals that they are, in essence, orphans. The central theme of the novel revolves around the characters' efforts to start a family. The article explores the inner motivations of the characters – Varvara Petrovna, Peter Verkhovensky, Nikolai Stavrogin, Lisa – regarding the formation of family relationships, revealing that all attempts at starting families have failed. However, the narrative of the novel potentially contains numerous possibilities for the establishment of a genuine, spiritually enduring union. The characters pass by, breaking the connections that bind them. Additionally, the concept of family is also explored in a broader sense – as a national family. The paper analyses the degree of involvement of the characters in this family, as well as their connection to the Russian people, which serves as a determinant of their inner nature, moral character, and sense of identity. Special attention is given to the final scenes that depict Stepan Trofimovich's integration into the national community. These scenes form an important contrast to the main events of the novel, which helps to understand the depth of Fyodor Dostoevsky's writing.

Keywords: Dostoevsky, novel "Demons", orphanhood, relatives, homeland

For citation: Kladova N. A. Orphanhood as a component of the artistic world of F. M. Dostoevsky's novel "Demons". *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 4 (133), pp. 35–47. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-4>; EDN: GLZHQ

Введение

В письме к А. Н. Майкову от 12 февраля 1870 г. Ф. М. Достоевский сообщал: «Сел за богатую идею; не про исполнение говорю, а про идею. <...> Вроде "Преступления и наказания", но еще ближе, еще насущнее к действительности и прямо касается самого важного современного вопроса»¹. Анализ сюжетной структуры романа показал, что этот «самый важный современный вопрос» выходит далеко за общественно-политические рамки. «Бесы» – не только история о провалившейся попытке объединения людей в «пятерку» с политическими целями, но и история о провалившейся попытке объединения людей в семейный союз.

В литературоведческих работах не раз отмечалась общая гнетущая атмосфера повествования, отражение писателем мрачного, беспросветного исторического времени. Например, В. В. Чернявская пишет: «Все составляющие романа подчинены

¹ Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 29, кн. 1. Ленинград: Наука, 1989, с. 107.

логике разрушения»¹. В сюжете произведения, по мнению А. Ю. Колпакова, воплощена абсолютность смерти, представляющая трагическую картину мира: «Достоевский создает ситуации, где смерть не дает возможности герою прийти к идеалу и не компенсируется последующим изменением в мире. За смертью ничего не следует. Герой “Бесов” умирает и умирает “окончательно”»². А. Н. Тарасов подчеркивает точную передачу Достоевским настроения общественного сознания Российской империи 1860–1870-х годов³. Г. Г. Ермилова высказывает мысль о метароманности «диптиха» «Идиота» и «Бесов», о зеркальной соположенности романов.⁴ «Бесы», по мысли ученого, – это мир без Мышкина⁵. О «духовной омертвелости» героев пишут Н. В. Акимова и Н. А. Меркурьева⁶.

Некоторые же литературоведы характеризуют авторскую идею романа как светлую. Л. П. Гогина утверждает: «Основная идея романа была “показать свет” в лице Христианства и те “светлые” образы, которые в романе едва ли не перевешивают “мрачные”»⁷. Идея, воплощенная в образе Степана Трофимовича, – представить уход к истинному христианству как свободный выбор человека; вокруг этой фигуры, по мнению ученого, начинает вращаться все произведение⁸. В том же смысловом ключе характеризует идею автора Е. В. Никитина⁹.

Полагаем, наличие прямо противоположных суждений об идейной основе романа не случайно. Сюжет произведения, на наш взгляд, заключает в себе те возможности, которые были у героев и от которых они отказались, – тот идеал человеческого существования, мимо которого они прошли.

¹ Чернявская В. В. «Дьяволов водевиль»: анатомия смерти в «Бесах» Ф. М. Достоевского. *Проблематика смерти в естественных и гуманитарных науках*, под редакцией В. К. Харченко. Белгород: Белгородский государственный университет, 2000, с. 145.

² Колпаков А. Ю. *Поэтика романа Ф. М. Достоевского «Бесы»: система повествовательных уровней*: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск: [б. и.], 2000, с. 24. EDN: QDCSOB

³ Тарасов А. Н. Отражение эпохи в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»: социально-философский взгляд. *Роман Ф. М. Достоевского «Бесы» в контексте духовной традиции и «большого времени» русской культуры*: материалы Всероссийской научной конференции (Липецк, 10–12 октября 2022 года). Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2022, с. 87. EDN: JUSMZA

⁴ Ермилова Г. Г. Событие падения в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». *Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература: исследования и материалы*. Иваново, 1998, с. 39.

⁵ Там же, с. 41.

⁶ Акимова Н. В., Меркурьева Н. А. Внутренний монолог как способ раскрытия характеров в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2021, № 2 (91), с. 62. EDN: HMYLMK

⁷ Гогина Л. П. *Христианская нравственность как альтернатива нигилизму в романе «Бесы» Ф. М. Достоевского*: дис. ... канд. филол. наук. Москва: [б. и.], 2007, с. 231. (О перерождении Степана Трофимовича см. также статью: Ильченко Н. М. «Сикстинская Мадонна» Рафаэля в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». *Синтез культурных традиций в художественном произведении*. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет, 2009, с. 24–30.)

⁸ Там же, с. 178, 180.

⁹ Никитина Е. В. Проблема «рая на земле» в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». *Христианское просвещение и русская культура*. Йошкар-Ола: [б. и.], 2003, с. 117.

Основная часть

В подготовительных материалах к «Бесам» очень много записей, отражающих сокровенные мысли Ф. М. Достоевского о значении православия в мировой жизни, о бытии человека как пути к высшему, духовно просветленному. Например, лаконичный и простой, но основополагающий для художественного мировидения писателя, тезис: «Нравственная сила прежде экономической»¹. Ф. М. Достоевский четко формулирует и сущность этой нравственной силы, ее истоки: «Мы несем миру единственно, что мы можем дать, а вместе с тем единственно нужное: православие, правое и славное вечное исповедание Христа и полное обновление нравственное Его именем»². Событийная основа романа (с точки зрения прямого смысла изображенных событий) воплощает совершающееся на земле, прямо противоположное мечте писателя об одухотворенном земном бытии человека, но эта мечта создает глубокий подтекст произведения: художественные детали реализуют «скорбное шествие» Христа в этом мире, то есть достаточно ярко воплощают Того, Кого пытаются отвергнуть «бесы». Важно сделать акцент на том, что бесовский национальный мир, воплощенный в романе, порожден самими людьми.

Искажение мира

Многие герои в романе пытаются создать мир по своему представлению о должном бытии. В основе создания такого мира Варварой Петровной лежит корысть, материальная выгода (в ее поле зрения попадает только то, что обеспечивает высокое положение в обществе); Петром Верховенским – политический интерес, желание расшатать основы национального бытия; Шигалевым – мечта об обществе тотальной диктатуры; Кирилловым – мечта о мире человекобога; Шатовым – насильная вера в русскую национальность, атрибутом которой становится Бог; Николаем Ставрогинным – усиленное желание выставить мир несправедливым по отношению к нему, что явилось результатом некоего извращенного *наслаждения* глубиной собственного грехопадения. С миром истинным, созданным и одухотворенным Творцом, суждено было соприкоснуться Степану Трофимовичу (но он умирает!) и Ивану Шатову (но его убивают!). Искажение этого мира явлено в романе прежде всего через нивелирование ценности родственных отношений. Мир «Бесов» – сиротливый мир.

Родственные отношения

Произведение начинается с представления основных персонажей, каждый из которых «вынут» из семейного круга. В романе происходит тотальное искажение родственных отношений – здесь нет крепких семейных связей, родства как синонима духовной опоры между людьми. *Близкие* родственники находятся в *далеких* отношениях.

¹ Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 11. Ленинград: Наука, 1974, с. 173.

² Там же, с. 167–168.

Так, Николай Ставрогин – сын Варвары Петровны, но его воспитывает (нравственно и духовно) Степан Трофимович¹. Более того, сын стал для нее способом реализации собственной сокровенной мечты о выгодном положении в обществе: «явился перед нею теперь как бы в виде новой надежды и даже в виде какой-то новой мечты. <...> А между тем она очевидно боялась его и казалась пред ним словно рабой»². Между ними нет доверительных отношений, мать не знает своего сына.

Петр Верховенский – сын Степана Трофимовича, но воспитывался у теток вдали от отца, который потом признается: «Я... я чрезвычайно давно уже не видал Петрушу и... так мало нахожу себя вправе называться отцом»³.

Между Варварой Петровной и Степаном Трофимовичем также *странные* отношения: «Есть дружбы странные: оба друга один другого почти съесть хотят, всю жизнь так живут, а между тем расстаться не могут»⁴. Он оказался в роли «выдуманного сына»⁵, при этом испытывал к ней далеко не сыновние чувства, а вполне мужские; и, когда та решила поженить его на Даше, он ужаснулся мысли о том, что его «невестой» может быть кто-то кроме Варвары Петровны⁶.

Даша – сестра Шатова, но брат с сестрой «имел самые редкие и отдаленные сношения»⁷. Сам Шатов рос вне семьи – с рождения был крепостным Варвары Петровны, поскольку родился от камердинера ее, Павла Федорова, и воспитывался Степаном Трофимовичем.

Марья Тимофеевна – сестра Лебядкина, а также тайная законная жена Ставрогина. Лебядкин бьет и тиранит ее.

Липутин женился второй раз из-за приданого, «всю семью держал в страхе Божиим и взаимности»⁸.

«Семьянином» (с использованием кавычек) называет Хроникер Виргинского, поскольку «супруга его, не пробыв с ним и году в законном браке, вдруг объявила ему, что он отставлен и что она предпочитает Лебядкина. <...> Этот человек пренебрежительно тотчас же к ним переехал, обрадовавшись чужому хлебу, ел и спал у них и стал, наконец, третировать хозяина свысока»⁹.

Почти между всеми героями романа существуют родственные отношения. Шигалев – брат жены Виргинского. Варвара Петровна – родственница губернатора Ивана Осиповича. Жена нового губернатора Лембке – родственница Дроздовым, ей родственник – Кармазинов. (На многочисленные обозначения родства в романе указала Н. Т. Ашимбаева: «Эти обозначения родства усугубляют у читателя ощущение ка-

¹ Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 10. Ленинград: Наука, 1973, с. 35.

² Там же, с. 38.

³ Там же, с. 75.

⁴ Там же, с. 12.

⁵ Там же, с. 16.

⁶ Там же, с. 100.

⁷ Там же, с. 27.

⁸ Там же, с. 26.

⁹ Там же, с. 29.

кой-то общей «повязанности» всех героев романа»¹.) Все друг другу родные, но все сироты, нет ни одной состоявшейся *семьи*.

«Пружина» сюжета

Продумывая сюжет романа, Ф. М. Достоевский большое внимание уделяет родственным связям героев: прописывает разные варианты (например, Даша – сестра или любовница Шатова), постоянно уточняет любовные отношения между героями. При этом сначала основой сюжета были любовные «старания» Степана Трофимовича, потом – Николая Ставрогина². Итогом развития сюжета изначально было образование Князем и Воспитанницей прочного духовного союза³. Прописывая же «бесовские» идеи нигилистов-революционеров, образы которых должны быть воплощены в произведении, Ф. М. Достоевский указывает на их стремление разрушить одну из самых важных для русского сознания идей – идею семьи: «Прокламация: разружьте церкви, семейство»⁴; «...тогда народ и церкви и семейства разрушит, коль узнает, что от царя!»⁵. На примере образа Ставрогина писатель очень хорошо показал, как сам человек разрушает свой семейный круг. Основная сюжетная линия «Бесов», на наш взгляд, – неудавшаяся попытка Николая Ставрогина обрести семью⁶, что отразило отсутствие духовно-нравственных основ в нем, и шире – в социалистической модели общества.

В произведении значительное место занимают действия персонажей, направленные на корыстное построение семейных уз. Так, изложение событий начинается с описания хлопот Варвары Петровны по поводу выгодной женитьбы ее сына. Узнав, что Николай сдружился с Лизой – невестой с большим приданым, она тут же поехала в Швейцарию к Дроздовым и «сговорила с Прасковьей Ивановной удовлетворительно». Однако известие о размолвке Лизы и Николая, а также о возможной связи Николая с Дашей и (как выяснилось позднее) Марьей Тимофеевной, осложнило ситуацию, и Варвара Петровна энергично взялась за ее исправление: Дашу нужно выдать замуж за Степана Трофимовича, причем в пользу женитьбы – и для невесты, и для жениха – в качестве убедительного довода используется денежный аргумент (финансовая обеспеченность для одной и необходимые восемь тысяч для другого). В конце первой части в доме Варвары Петровны собираются все, кто нужен ей для создания «семьи по выгоде». Она спрашивает Николая о том, жена ли ему Марья Тимофеевна, тот лжет, тем самым отрекаясь от им же созданной семьи. Из этой лжи,

¹ Ашимбаева Н. Т. Поэтика двусмысленности и недосказанности у Достоевского (Явное и прикровенное родство героев). *Sub specie tolerantiae. Памяти В. А. Туниманова*. Санкт-Петербург: Наука, 2008, с. 142.

² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т., т. 11. Ленинград: Наука, 1974, с. 92, 98, 174.

³ Там же, с. 98.

⁴ Там же, с. 79.

⁵ Там же, с. 80.

⁶ Подробнее см. в нашей статье: Кладова Н. А. Функция образа Ставрогина в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*, 2018, т. 4, № 3, с. 131–139.

раздутой еще и Петром Верховенским, вышел образ сострадательного героя. Казалось бы, одно препятствие на пути создания семейного «союза» Николая и Лизы устранилось, однако всплыл на поверхность истинный мотив желания Варвары Петровны «соединить» Степана Трофимовича с Дашей: стараниями Петра становятся явными опасения Степана Трофимовича жениться на «чужих грехах».

Действия Варвары Петровны – яркий пример того, что родственные отношения выстраиваются с финансовой корыстью. Героиня берет на себя функцию распределения земных богатств, в том числе тогда, когда дело касается заключения семейного союза (Лиза + Николай, Степан Трофимович + Даша). Единственное бескорыстное даяние – Шатову. Отметим, ради справедливости, и тот факт, что она была членом благотворительного общества. Но деньгами у нее покупается все – и место в высшем обществе (для себя и сына), и человеческие судьбы, которые должны сложиться именно так, как хочет она. Кроме того, ее рассуждения о *милостыне* нивелируют все ее «показательные» пожертвования: «Наслаждение от милостыни есть наслаждение надменное и безнравственное, наслаждение богача своим богатством, властью и сравнением своего значения с значением нищего. <...> Милостыня и в теперешнем обществе должна быть законом запрещена»¹. (Подобные мысли в подготовительных материалах принадлежали Нечаеву²; на них Грановский (будущий Степан Трофимович) реагировал следующей фразой: «Оставьте мне возможность удовлетворить потребности сердца и подать, когда я чувствую сострадание... Оставьте мне личную свободу»³.) Факт подаваний воспринимается героиней как свидетельство существования бедных в обществе. Дать милостыню – безуспешно попытаться исправить материальную беду. Достоевский во всех романах будет настаивать на том, что милостыня – свидетельство проявления дающим милости, сожаления, сострадания. Дать милостыню – проявить духовное участие в судьбе другого.

Заметим также, что много денег в романе раздает Ставрогин (Шатов уехал из Америки на присланные Николаем сто рублей, а Лебядкин получает от него деньги за «обиду» Марьи Тимофеевны), но денежная помощь его небескорыстна: деньгами он откупается за свое развратное поведение. Они становятся способом хранить в тайне «грехи», поэтому это всегда корыстное даяние (хотя в конце он сам же свою тайну открывает). В романе на деньги покупаются и жизни. Деньги становятся «союзниками» в деле скрепления группы людей в бесовский круг через кровь. Божественный смысл мира разменивается на купюры и монеты.

Большинство героев живет на деньги Варвары Петровны. Многим она действительно помогла... но могла ли она дать им что-либо, кроме денег? Не случайно у Марьи Тимофеевны от посещения дома Варвары Петровны осталось только одно воспоминание: «Столько богатства и так мало веселья»⁴.

Если в первой части сюжет определяется хлопотами Варвары Петровны, то во второй – хлопотами Петра Верховенского. Это еще один персонаж, пытающийся

¹ Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 10. Ленинград: Наука, 1973, с. 264.

² Там же, т. 11, с. 159.

³ Там же, с. 160.

⁴ Там же, т. 10, с. 217.

выстраивать родственные отношения с корыстной (но уже политической) целью – ему нужно взять власть над Ставрогиным. Самый надежный способ – кровью, и он решил, что Николай очень хочет смерти Лебядкиной, законной жены, для того чтобы жениться на Лизе. Не удивительно и его предложение в последней попытке удержать Николая: «Я кончу завтра с Марьей Тимофеевной... без денег, и завтра же приведу к Вам Лизу»¹. Решая чужие семейные вопросы, Петр разрушает семьи. Собственный отец также нужен ему только в политических целях. Он рвет «странную дружбу» между ним и Варварой Петровной, цинично характеризуя их отношения. Варвара Петровна сказала Степану Трофимовичу, что они живут теперь врозь, упрекнув того в иждивении, не без влияния Петра. Степан Трофимович оправдывался и готов был уйти, даже если придется умереть с голоду под забором. На это Варвара Петровна ответила, расценив денежные мотивы в человеческом обществе как определяющие: «Никуда Вы не пойдете <...>, а преспокойно кончите у меня на руках, получая пенсioen и собирая Ваших ни на что не похожих друзей по вторникам»². Она ошиблась – он пойдет.

Вторая часть романа заканчивается тем, что Ставрогин подтверждает слова Лизы о его браке с Марьей Тимофеевной. Отрекшись от этого брака в конце первой части, герой признает его теперь. Однако это не есть свидетельство внутреннего перерождения: «Женился же я тогда на Вашей сестре, когда захотел, после пьяного обеда, из-за пари на вино, а теперь вслух опубликую об этом»³. Заметим: не в последнюю очередь потому, что гласным стал факт супружества Ставрогина с Марьей Тимофеевной, она оказалась убитой. Примечательна реакция Лизы на открытие Ставрогиным тайны семейных уз: с целью затушевать ущемленное самолюбие светской девушки она согласилась на помолвку с Маврикием Николаевичем.

В третьей части наступает развязка всех попыток исказить святой образ христианской семьи. Во время праздника Петр увозит Лизу к Николаю Ставрогину. «Союз» их в эту ночь оказался лишь на один миг – и оба об этом знали, и оба на этом остановились, признав, что большее дать друг другу не способны. Во время этого разговора герои из Скворешников смотрели на потухающее зарево в Заречье, а через незначительный промежуток времени на месте пожара толпа убьет Лизу.

Финал романа насквозь проникнут ощущением сиротства: уничтожена семья Шатовых, окончательно разъединилась семья Ставрогиных. Несмотря на то что Николай зовет Дашу к себе, сам тут же оговаривается, что этот «союз» будет несчастным⁴. Лишь Степан Трофимович был принят в новую – народную – семью.

Национальная семья

Нужно заметить, что в «Бесах» родственные отношения героев выходят из сферы только человеческих взаимоотношений, вбирая в себя идею родственной связи человека с Родиной, Россией. В подготовительных материалах есть такие слова Шатова:

¹ Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 10. Ленинград: Наука, 1973, с. 326.

² Там же, с. 239.

³ Там же, с. 211.

⁴ Там же, с. 514.

«Семейство не может быть космополитическое и в тот же миг разрушится, *как оторвется от своей родины*. А мы прокляли родину»¹ (курсив наш. – Н. К.). Далее в словах этого же героя возникает образ России-матери, а деятельность революционеров характеризуется как *матереубийство*². Многие герои сами признаются в том, что не чувствуют этой связи. Так, в окончательном тексте Шатов уже утверждает, что он не русский³.

Россию как чужую для себя страну воспринимает Николай Ставрогин. В его письме к Даше читаем: «В России я ничем не связан – в ней мне все так же чужое, как и везде»⁴. Более того, он принял чужеземное гражданство – записался в граждане кантона Ури. Не случаен выбор автором синонимов в финале романа: не Николай Ставрогин, а «гражданин кантона Ури» висел за дверцей. Умер именно «иностран- ный», то есть оторванный от православных национальных корней, человек.

Липутина (карикатурный образ фурыериста) съела идея «всемирно- общечеловеческой социальной республики и гармонии»⁵, Кириллов «отрезает» в разговоре со Степаном Трофимовичем: «Я тоже совсем не знаю русского народа и... вовсе нет времени изучать!»⁶, а Кармазинов гордится тем, что в русского Бога совсем не верует: «Россия, как она есть, не имеет будущности. Я сделался немцем и вмещаю это себе в честь»⁷.

А. А. Моисеев интересно охарактеризовал героев романа как «чужих» скитальцев⁸. С. А. Орлова замечает, что в романе актуализируется «мотив отрыва от родной почвы, семьи как хранительницы нравственных ценностей»; «бездомность, характеризующая главных героев романа “Бесы”, свидетельствует о духовном кризисе скитальцев»⁹.

Все герои, существуя в родной стране, испытывают чувство *национальной сиротливости*, ощущение духовной отъединенности от русского национального бытия. По убеждению Ф. М. Достоевского – это главная беда целого поколения. В романе свое беспокойство о русских «скитальцах» писатель вложил в уста Шатова, который на утверждение Степана Трофимовича о том, что передовые люди любили

¹ Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 11. Ленинград: Наука, 1974, с. 94.

² Там же, с. 147.

³ Там же, т. 10, с. 436.

⁴ Там же, с. 513–514.

⁵ Там же, с. 45.

⁶ Там же, с. 77.

⁷ Там же, с. 287.

⁸ Моисеев А. А. «Чужие» скитальцы в русском общественном сознании второй половины XIX века (на примере художественных образов героев романа Ф. М. Достоевского «Бесы»). *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение*, 2009, № 1 (2), с. 154–158; Моисеев А. А. «Русский скиталец» или «странник» в романе «Бесы» Ф. М. Достоевского. *Проблемы языковой картины мира на современном этапе*. Нижний Новгород, 2007, вып. 6, с. 221–225.

⁹ Орлова С. А. Мифо-фольклорный мотив дома в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*, 2009, вып. 39, № 43 (181), с. 103, 105, 107. EDN: LATYQJ

народ и Россию, восклицает: «Ни России, ни народа! <...> Нельзя любить то, чего не знаешь, а они ничего в русском народе не смыслили! <...>. А у кого нет народа, у того нет и Бога!»¹. Эта же мысль будет звучать в письме Николая к Даше в заключении романа.

Роман начинался изложением содержания поэмы, написанной Степаном Трофимовичем. Ее герои построили Вавилонскую башню – библейский символ разъединения общества. В структуре произведения она становится отражением духовно отчужденных друг от друга людей, пытающихся заместить собой Бога. Но заканчивается роман сценой единения народа и того, кто написал поэму о Вавилонской башне...

Степан Трофимович отправился в путь по большой дороге, на которой ему было суждено встретиться с народом: мужик и баба сажают героя в свою телегу и подвозят до Хатова, чтобы оттуда он смог добраться до Спасова. И если при первой встрече обнажается инородность Степана Трофимовича крестьянскому миру (мужик с бабой делают предположения о его социальном статусе, роде занятий, пути следования, он постоянно робко отрицает: «не то чтобы...»), то далее, в избе, он стремится к соединению с народом (с удовольствием соглашается отведать блинов – крестьянских, настоящих; сам просит еще чаю, а потом водки; покупает Евангелие у книгоноши). Здесь же он встречает знакомого – Анисима, который играет не последнюю роль в повествовании, т. к. именно его усилиями недоверие народной массы будет погашено и мужики возьмутся везти его до «прахода» на Спасов. И, метафорически, Степан Трофимович доберется до *Спасова*: спасет в себе еще не «съеденное бесами». Бог посылает ему *Софью Матвеевну* (София – ‘премудрость’, Матфий – ‘богодарованный’). И уже он, загоревшийся идеей продавать вместе с ней Евангелие, везет ее до Спасова. Находясь в состоянии лихорадки, герой беспокоится только о том, чтобы она не ушла. В предсмертном состоянии ему очень важно знать, что она рядом. А Софья Матвеевна и сама, по ее же признанию, никогда бы его не оставила... потому, что он нуждается в милосердной и сострадательной душе, которой не было и нет у него в жизни. Ступив на большую дорогу, он стал *не один*². Но не меньше Степана Трофимовича в Софье Матвеевне нуждается Варвара Петровна. Именно поэтому героиня, хотя по ревности сначала выгнала Софью, быстро воротила, потом и вовсе забрала с собой и поселила в Скворешниках. Степан Трофимович умер, соединив в *одном* доме – в *одну* семью – двух вдов.

Заключение

Смерть Степана Трофимовича здесь (в отличие от смерти многих других героев) метафорически не ассоциируется с разрушением Божественного начала мира. Напротив, как рассуждает умирающий герой, его «бессмертие уже потому необходимо, что Бог не захочет сделать неправды и погасить совсем огонь раз возгорев-

¹ Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 10. Ленинград: Наука, 1973, с. 33–34.

² Софья Матвеевна имела неосторожность спросить Степана Трофимовича, не нужно ли сообщить кому-то из родных. Он умолял не делать этого. Родных нет у героя, по-настоящему родной стала именно она – Софья Матвеевна.

шейся к нему любви»¹. Сюжет романа показывает, что огонь любви горит только в сердце того, кто преодолел состояние сиротства. «Ситуацию» Вавилонской башни способна устранить лишь любовь к Богу – она дает жизнь, не позволяя человеку исчезнуть в небытие.

Список литературы / References

Акимова Н. В., Меркурьева Н. А. Внутренний монолог как способ раскрытия характеров в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2021, № 2 (91), с. 62–66. EDN: HMYLMK

Akimova N. V., Merkurieva N. A. Internal monologue as a way of revealing characters in F. M. Dostoevsky's novel "Demons". *Scientific Notes of Orel State University*, 2021, no. 2 (91), pp. 62–66. (In Russ.) EDN: HMYLMK

Ашимбаева Н. Т. Поэтика двусмысленности и недосказанности у Достоевского (Явное и прикровенное родство героев). *Sub specie tolerantiae. Памяти В. А. Туниманова*. Санкт-Петербург: Наука, 2008, с. 136–146.

Ashimbaeva N. T. The poetics of ambiguity and understatement in Dostoevsky's works (The obvious and hidden kinship of the characters). *Sub specie tolerantiae. In memory of V. A. Tunimantov*. St Petersburg: Nauka, 2008, pp. 136–146. (In Russ.)

Гогина Л. П. Христианская нравственность как альтернатива нигилизму в романе «Бесы» Ф. М. Достоевского: дис ... канд. филол. наук. Москва: [б. и.], 2007. 249 с. EDN: NJLZQF

Gogina L. P. *Christian morality as an alternative to nihilism in the novel "Demons" by F. M. Dostoevsky*: Cand. Thesis in Philological Sciences. Moscow, 2007. 249 p. (In Russ.) EDN: NJLZQF

Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1990.

Dostoevsky F. M. *The complete works*: In 30 volumes. Leningrad: Nauka, 1972–1990. (In Russ.)

Ермилова Г. Г. Событие падения в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». *Вопросы онтологической поэтики. Потаянная литература: исследования и материалы*. Иваново, 1998, с. 39–57.

Ermilova G. G. The event of the descent in F. M. Dostoevsky's novel "Demons". *Issues of ontological poetics. Forbidden literature: Research and materials*. Ivanovo, 1998, pp. 39–57. (In Russ.)

Ильченко Н. М. «Сикстинская Мадонна» Рафаэля в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». *Синтез культурных традиций в художественном произведении*. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет, 2009, с. 24–30.

Ilchenko N. M. "Sistine Madonna" by Raphael in F. M. Dostoevsky's novel "Demons". *Synthesis of cultural traditions in a work of fiction*. Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet, 2009, pp. 24–30. (In Russ.)

¹ Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 10. Ленинград: Наука, 1973, с. 505.

Кладова Н. А. Функция образа Ставрогина в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*, 2018, т. 4, № 3, с. 131–139.

Kladova N. A. Function of Stavrogin's image in F. M. Dostoevsky's novel "Demons". *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 2018, vol. 4, no. 3, pp. 131–139. (In Russ.)

Колпаков А. Ю. *Поэтика романа Ф. М. Достоевского «Бесы»: система повествовательных уровней*: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск: [б. и.], 2000. 170 с. EDN: QDCSOB

Kolpakov A. Yu. *Poetics of F. M. Dostoevsky's novel "Demons": A system of narrative levels*: Cand. Thesis in Philological Sciences. Krasnoyarsk, 2000. 170 p. (In Russ.) EDN: QDCSOB

Моисеев А. А. «Чужие» скитальцы в русском общественном сознании второй половины XIX века (на примере художественных образов героев романа Ф. М. Достоевского «Бесы»). *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение*, 2009, № 1 (2), с. 154–158.

Moiseev A. A. "Strange" wanderers in the Russian public consciousness of the second half of the 19th century (the artistic images of the characters in F. M. Dostoevsky's novel "Demons" as an example). *Herald of Vyatka State University for the Humanities. Philology and art criticism*, 2009, no. 1 (2), pp. 154–158. (In Russ.)

Моисеев А. А. «Русский скиталец» или «странник» в романе «Бесы» Ф. М. Достоевского. *Проблемы языковой картины мира на современном этапе*. Нижний Новгород, 2007, вып. 6, с. 221–225.

Moiseev A. A. "The Russian Wanderer" or "the Wanderer" in the novel "Demons" by F. M. Dostoevsky. *The problems of the linguistic picture of the world at the present stage*. Nizhnii Novgorod, 2007, iss. 6, pp. 221–225. (In Russ.)

Никитина Е. В. Проблема «рая на земле» в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». *Христианское просвещение и русская культура*. Йошкар-Ола: [б. и.], 2003, с. 114–124.

Nikitina E. V. The problem of "paradise on earth" in F. M. Dostoevsky's novel "Demons". *Christian enlightenment and Russian culture*. Yoshkar-Ola, 2003, pp. 114–124. (In Russ.)

Орлова С. А. Мифо-фольклорный мотив дома в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*, 2009, вып. 39, № 43 (181), с. 103–112. EDN: LATYQJ

Orlova S. A. Mytho-folklore motif of the house in F. M. Dostoevsky's novel "Demons". *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art Criticism*, 2009, iss. 39, no. 43 (181), pp. 103–112. (In Russ.) EDN: LATYQJ

Тарасов А. Н. Отражение эпохи в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»: социально-философский взгляд. *Роман Ф. М. Достоевского «Бесы» в контексте духовной традиции и «большого времени» русской культуры*: Материалы Всероссийской научной конференции (Липецк, 10–12 октября 2022 года). Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2022, с. 85–87. EDN: JUSMZA

Tarasov A. N. Reflection of the epoch in F. M. Dostoevsky's novel "Demons": A socio-philosophical view. *F. M. Dostoevsky's novel "Demons" in the context of spiritual tradition and the "big time" of Russian culture*: Proceedings of All-Russian Scientific Conference (Lipetsk,

October 10–12, 2022). Lipetsk: Lipetskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni
P. P. Semenova-Tian-Shanskogo, 2022, pp. 85–87. (In Russ.) EDN: JUSMZA

Чернявская В. В. «Дьяволов водевилъ»: анатомия смерти в «Бесах» Ф. М. Достоевского.
Проблематика смерти в естественных и гуманитарных науках, под редакцией
В. К. Харченко. Белгород: Белгородский государственный университет, 2000, с. 144–146.

Cherniavskaia V. V. “The Devil’s Vaudeville”: The anatomy of death in F. M. Dostoevsky’s
“Demons”. *Issues of death in the natural sciences and humanities*; edited by V. K. Kharchenko.
Belgorod, 2000, pp. 144–146. (In Russ.)

Сведения об авторе

Наталья Александровна Кладова – кандидат филологических наук, старший преподава-
тель кафедры филологии, <https://orcid.org/0000-0002-0130-1089>, natakladova@rambler.ru,
Университет «Синергия» (д. 80Б, корп. 3, Ленинградский пр-т, 125167 Москва, Россия);
Natalia A. Kladova – Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer at the Department of Phi-
lology, <https://orcid.org/0000-0002-0130-1089>, natakladova@rambler.ru, University “Synergy”
(80B, build. 3, Leningradsky pr., 125167 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 13.10.2025; одобрена после рецензирования 18.11.2025;
принята к публикации 02.04.2026.

The article was submitted 13.10.2025; Approved after reviewing 18.11.2025; Accepted for pub-
lication 02.04.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 4 (133), с. 48–59.
Cherapovets State University Bulletin, 2026, no. 4 (133), pp. 48–59.

Научная статья

УДК 82.0

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-5>

<https://elibrary.ru/hyscfz>

Translation discrepancies of interlingual lacunae in A. Chekhov's plays

Svetlana S. Kovalchuk

Tyumen State University,

Tyumen, Russia

s.s.kovalchuk@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9187-7814>

Abstract. The study focuses on the lexical units of Russian culture that have no equivalent in English and cause misunderstandings in cross-cultural communication. A. Chekhov's plays are very rich in linguistic units containing encoded cultural information, which make the texts ambiguous or incomprehensible, especially for readers from different cultural backgrounds. The article investigates the specific concepts of Russian culture in A. Chekhov's plays: *"Uncle Vanya"*, *"The Sea-Gull"*, *"The Cherry Orchard"* and *"Three Sisters"*. The purpose of the paper is to study the features of interlingual lacunae types in A. Chekhov's plays and analyse the discrepancies in their translation into Russian and English. Four hundred and ten interlingual lacunae are analysed and divided into three main groups: linguistic, ethnographic and zero. The results show that the most numerous group is stylistic lacunae due to the expressiveness of A. Chekhov and the linguistic means used by the playwright. Absolute, vacant, vector ethnographic, associative and zero lacunae are less frequent. The study reveals that vector and absolute ethnographic lacunae are the most difficult for translation and only experienced translators are able to avoid mistakes and misunderstandings in their interpretation.

Keywords: lacuna(e), interlingual, intralingual, cultural background, lexical gap, intercultural communication

For citation: Kovalchuk S. S. Translation discrepancies of interlingual lacunae in A. Chekhov's plays. *Cherapovets State University Bulletin*, 2026, no. 4 (133), pp. 48–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-5>; EDN: HYS CFZ

Отличительные особенности переводов межъязыковых лакун в пьесах А. Чехова

Светлана Сергеевна Ковальчук

Тюменский государственный университет,

Тюмень, Россия

s.s.kovalchuk@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9187-7814>

Аннотация. Исследование посвящено лексическим единицам русской культуры, не имеющим соответствующих эквивалентов в английском языке и вызывающим непонимание в межкультурной коммуникации. Пьесы А. Чехова очень богаты языковыми единицами,

содержащими закодированную культурную информацию, которая делает тексты двусмысленными или непонятными, особенно для читателей, принадлежащих к иному культурному фону. В статье исследуются специфические концепты русской культуры в пьесах А. Чехова «Дядя Ваня», «Чайка», «Вишневый сад» и «Три сестры». Цель работы – изучить особенности разных видов межъязыковых лакун в пьесах А. Чехова и проанализировать расхождения в их переводе в русском и английском языках. Автором проанализированы 410 межъязыковых лакун, среди которых выделены три основные группы: лингвистические, этнографические и нулевые. Результаты показывают, что наиболее многочисленную группу составляют стилистические лакуны, обусловленные экспрессивностью А. Чехова и языковыми средствами, используемыми драматургом. Реже встречаются абсолютные, вакантные, векторные этнографические, ассоциативные и нулевые лакуны. Исследование показало, что векторные и абсолютные этнографические лакуны являются наиболее сложными, и только опытные переводчики способны избежать ошибок при переводе.

Ключевые слова: лакуна(ы), межъязыковой, внутриязыковой, культурный фон, лексический пробел, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Ковальчук С. С. Отличительные особенности переводов межъязыковых лакун в пьесах А. Чехова. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 4 (133), с. 48–59. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-5>; EDN: HYSFCZ

Introduction

English facilitates intercultural communication and promotes learning about other countries' cultures and literatures. This is one of the reasons why much of the literature and folklore of different peoples is translated into English. A. Chekhov's plays could be of great importance to researchers because they reveal concepts specific to Russian culture.

The term *lacuna* in philology was first introduced by the authors of “Comparative Stylistics of the French and English Languages” J. P. Vinay and J. Darbelnet¹. In the middle of the twentieth century, I. I. Revzin² applied this term to the situations in which something common to the language and culture of one nation has no analogue in the language and culture being compared. The general lacuna theory proposed by Yu. A. Sorokin and I. Yu. Markovina defines the phenomenon as “the absence of an equivalent in the compared linguistic-cultural area”³. This definition implies the identification of lacunae with the so-called equivalent-lacking vocabulary studied by Y. M. Vereshchagin and V. G. Kostomarov⁴. However, the concept of a *lacuna* is much broader than that of an equivalent-lacking vocabulary, since the latter includes the phenomenon of “omissions” mentioned in the research of L. S. Barkhudarov⁵.

¹ Vinay J.-P., Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais*. Paris: Didier, 1958. 331 p.

² Revzin I. I. *The fundamentals of human and machine translations*. Washington: Department of Commerce, National Bureau of Standards, Institute of Technology, 1966.

³ Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность. *Этнопсихолингвистика*. Москва: Наука, 1988, с. 5–18.

⁴ Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. *Язык и культура*. Москва: Русский язык, 1990. 246 p.

⁵ Бархударов Л. С. *Язык и перевод*. Москва: Международные отношения, 1975. 240 с.

The term *lacuna* and similar terms (accidental gap, hole, hole in the pattern, leemte in detail, Lücke, void) have been used by many linguists, such as K. Hale¹, Ch. F. Hockett², M. Shuttleworth³. The concept of the lacuna and the corresponding term have become extremely popular. The interlanguage approach to the idea of lacunae began to prevail. In translation theory, lacunae began to be described as gaps that are invisible from the inside. Such gaps are incomprehensible to anyone who speaks only one of the languages being compared. However, these lacunae become visible in the creative use of language in a literary text. Since the 90s of the twentieth century, the term has been included in dictionaries. The dictionary gives the following definition of lacunae “Lacunae are the absence of lexical equivalents, mainly national realities, in one of two compared languages”⁴.

The works devoted to the problem of lacunarity by L. K. Bayramova (2006); G. V. Bykova (2003); M. Ya. Dymarsky (2009); V. I. Zhelvis (1977); I. Yu. Markovina, Yu. A. Sorokin (1982, 2010); V. L. Muravyov (1971, 1975); Z. D. Popova, I. A. Sternin (1984); K. Hale (1975); H. Schröder (1995) are great contributions to the understanding of the nature of gap interpretation in different languages.

The main part

Analysing the level of scientific elaboration of the problem, the study proves that many problems of lacunarity have already been considered. Such areas of research as lacunarity in understanding the phenomenon of emotional and associative lacunarity⁵, theoretical substantiation of lacunology as a science⁶, lexicography of lacunae⁷ are worth considering. However, despite the research interest in this topic, many problems remain controversial and are still waiting for a solution.

The research studies A. Chekhov's plays “*Uncle Vanya*”⁸, “*The Sea-Gull*”⁹, “*The Cherry Orchard*”¹⁰ and “*Three Sisters*”¹¹ to select Russian terms that have no equivalent in

¹ Hale K. L. Gaps in grammar and culture. *Linguistics and anthropology. Papers presented at a Symposium in honor of C. F. Voegelin at the 70th Meeting of the American Anthropological Association (New York, 17–21 November, 1971)*. New York, 1975, pp. 295–315.

² Hockett C. F. Chinese versus English: An exploration of the Whorfian theses. *Language in culture*, 1954, pp. 106–123.

³ Shuttleworth M. *Dictionary of translation studies*. London, New York: Routledge, 2014. 252 p.

⁴ Нелюбин Л. Л. *Толковый переводоведческий словарь*. Москва: Наука, 2016. 320 с.

⁵ Макарова Д. Н. Лакунарность как психолингвистическая проблема и проблема перевода. *Лакуны в языке и речи: сборник научных трудов, под редакцией Ю. А. Сорокина, Г. В. Быковой*. Благовещенск: БГПУ, 2008, № 4, с. 59–68.

⁶ Сорокин Ю. А. Лакуны как сигналы специфики лингвокультурной общности. *Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР*. Москва: Наука, 1982, с. 22–28.

⁷ Быкова Г. В. *Лакунарность как категория лексической системологии*. Благовещенск: БГПУ, 2003. 276 с. EDN: QRCWIT

⁸ Чехов А. П. *Дядя Ваня*, 1896. URL: <https://ilibrary.ru/text/972/p.1/index.html> (дата обращения: 24.07.2025).

⁹ Чехов А. П. *Чайка*, 1896. URL: <https://ilibrary.ru/text/971/p.1/index.html> (дата обращения: 20.07.2025).

¹⁰ Чехов А. П. *Вишневый сад*, 1904. URL: https://librebook.me/vishnevyi_sad (дата обращения: 24.07.2025).

¹¹ Чехов А. П. *Три сестры*, 1896. URL: <https://ilibrary.ru/text/973/p.1/index.html> (дата обращения: 25.07.2025).

English or are ambiguous for translation. Such words verbalise the different cultural worldviews of two different nations. The number of analysed interlingual lacunae is four hundred and ten. According to the classification of V. L. Muravyov, the lacunae are divided into *linguistic*, *ethnographic* and *zero* groups with their subgroups¹.

The researcher used the following methods to carry out the study: *comparative* and *analytical* methods for detecting and studying interlingual similarities and differences between the equivalents in Russian and English languages; *contextual analysis* of A. Chekhov's plays; *descriptive* and *continuous sampling* methods.

Communication within a literary work is not simply a dialogue between the author and the reader, but a dialogue between cultures. Such a dialogue implies at least two cultures: the culture in which the text was written and the culture of the translator. The relationship between language and culture is studied in linguoculturology. The linguocultural analysis of a literary text involves the perception and understanding of a literary work. It is done by distinguishing linguistic units that are unfamiliar to the recipient, but that mark the conceptual features of the text.

Researchers V. L. Muravyov (1975)², V. G. Gak (1976)³, V. I. Zhelvis (1977)⁴, Yu. A. Sorokin (1982)⁵, O. A. Ogurtsova (1979)⁶, Z. D. Popova (1984)⁷ classified lacunae in different ways but all of them identified two types of lacunae:

– *intralingual lacuna* is the absence of a word in the target language. However, there are semantically similar words within certain lexical paradigms in native and foreign languages;

– *interlingual lacuna* is the absence of a lexical unit in one of the languages when it is present in the other. Interlingual lacunae are distinguished only within the languages studied in their contrastive description.

After analysing A. Chekhov's plays and comparing them with the English translation, the types of interlingual lacunae were identified on the basis of the classification by V. L. Muravyov⁸ (table).

¹ Муравьев В. Л. *Лексические лакуны (на материале французского и русского языков)*. Владимир: Владимирский государственный педагогический институт, 1975. 97 с.

² Там же.

³ Гак В. Г. *Сравнительная типология французского и русского языков*. Ленинград: Просвещение, 1976. 286 с.

⁴ Жельвис В. И. К вопросу о характере русских и английских лакун. *Национально-культурная специфика речевого поведения*. Москва: Наука, 1977, с. 136–146.

⁵ Сорокин Ю. А. Лакуны как сигналы специфики лингвокультурной общности. *Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР*. Москва: Наука, 1982, с. 22–28.

⁶ Огурцова О. А. К проблеме лакунарности. *Функциональные особенности лингвистических единиц: сборник трудов Кубанского университета*. Краснодар: Издательство Кубанского университета, 1979, вып. 3, с. 77–83.

⁷ Попова З. Д., Стернин И. А. *Лексическая система языка*. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1984. 39 с. EDN: UMYSPF

⁸ Там же.

Table

Interlingual lacunae in A. Chekhov's plays

I. Linguistic	II. Ethnographic	III. Zero
1. Absolute (9.4 %)	1. Absolute ethnographic (4.7 %)	(11.3 %)
1.1 Vacant (13.2 %)	2. Vector ethnographic (12.6 %)	
2. Stylistic (37 %)	3. Associative (8.3 %)	
3. Vector (3.5 %)		

Linguistic lacunae

The first type of linguistic lacunae is called *absolute lacunae*. Such lacunae are used when the speakers of a particular language are unable to express a concept that has a lexical equivalent with a separate word or a set phrase. Here are some examples of absolute lacunae:

- 1) *чудак* – as eccentric as the rest; as silly as the rest (“*Uncle Vanya*”);
- 2) *штучка* – a little person (“*The Sea-Gull*”);
- 3) *душечка моя* – my little darling; my heart and soul (“*The Cherry Orchard*”);
- 4) *голубчик* – my dear boy; old boy (“*The Cherry Orchard*”);
- 5) *земляк* – one from our own country; a fellow countryman (“*The Three Sisters*”).

The absolute lacunae mentioned above are an example of how one word in Russian is translated by several words in English, with a slight loss of meaning. The number of absolute lacunae is 9.4 % of the total number of lacunae (410 lacunae) in the plays.

The study distinguishes the subtype of absolute lacunae called *vacant lacunae*. They are used when some words or expressions cannot be conveyed because of the specific connotation and national colour of the concept of another culture. To explain these lacunae, it is always necessary to include a context:

- 1) *я изнемогаю* – you’re overtaxing my powers of endurance; I’m exhausted (“*Uncle Vanya*”);
- 2) *Не конфузьтесь, милая* – Don’t be afraid of him, dear (“*The Sea-Gull*”);
- 3) *пивали когда-то* – had many a jolly time together (“*The Sea-Gull*”);
- 4) *никто не неволит* – nobody wants to force you against your will; nobody compels you; nobody is forcing you to do anything (“*The Cherry Orchard*”);
- 5) *назююкался* – You’ve been hitting the bottle; Speaking a bit difficult; You’ve had a good drop (“*The Three Sisters*”).

A comparison of the pieces revealed a large number of vacant lacunae (13.2 %). The use of such lacunae proves that the languages of different nations are very colourful and lexically rich. The translations of words and word expressions into English provide the connotative meanings due to the variety of cultural features of both nations. The vacant lacunae in A. Chekhov's plays draw the readers' attention to the originality of the playwright's language.

The second type of linguistic lacunae, called *stylistic lacunae*, is marked by the absence of a word (phraseological unit) in one language that has the same stylistic colouring with

an identical meaning in another language. The following lacunae are examples of this group:

- 1) *и только ворчу, как старый хрен* – I only sit around grumbling like an old fogey; croak like an old raven (*“Uncle Vanya”*);
- 2) *несносное создание* – an insufferable creature (*“The Sea-Gull”*);
- 3) *озябла очень* – I’m awfully cold; I feel dreadfully cold; I’m chilled through and through (*“The Cherry Orchard”*);
- 4) *недомена* – you bungler; you good-for-nothing; dimwit (*“The Cherry Orchard”*);
- 5) *сегодня я в мерলেখлюндии* – I’ve got the blues today; I’ve got the hump today; Today I have a fit of the blues (*“The Three Sisters”*).

Thus, due to the expressiveness of Chekhov’s language, the stylistic lacunae account for 37 % of the analysed lexical units lacking equivalence. Stylistic lacunae complicate the semantic translation of the plays. The stylistic colouring of the language used by A. Chekhov and the translators is not the same. The word combination *старый хрен* is translated into English with a phraseological unit. The combination of the words is emotionally coloured and has a derogatory and ironic meaning in Russian. In English, we see a stylistically neutral translation; the same is for the word *мерলেখлюндия*. In Russian, it has a sarcastic connotation. The meanings given in two languages are close but not identical.

The third group of linguistic lacunae is characterised by differences in the concepts of multilingual lexemes known as *vector lacunae*. When comparing the vocabulary of two languages, the reader can find the gaps that have a vector character. Lexical concepts in two languages do not always coincide. The concepts that find lexical expression in one language turn out to be broader than the corresponding concepts of another language (*именнѣшко, крестненький, сюртучишко*). Let us consider the examples of vector lacunae in the plays by A. Chekhov (3.5 %):

- 1) *крестненький* – dear godfather (*“Uncle Vanya”*);
- 2) *сюртучишко* – little old coat (*“The Sea-Gull”*);
- 3) *именины* – your name-day (*“The Three Sisters”*);
- 4) *физиономия* – your face (*“The Three Sisters”*).

Ethnographic lacunae

Ethnographic lacunae are created by the absence of certain things in another civilisation. The first type of ethnographic lacunae found in the plays is *absolute ethnographic lacunae*. They indicate the absence of a word or phraseological unit in one of the languages to express the corresponding concept. At the same time, it remains possible to convey this concept in a free phrase or explanatory paraphrase. The examples confirm the above mentioned statements:

- 1) *диван* – divan, sofa (*“Uncle Vanya”*);
- 2) *калоши* – galoshes (*“The Sea-Gull”*);
- 3) *квас* – kvass (*“The Cherry Orchard”*);
- 4) *Самовар!* – A samovar! (*“The Three Sisters”*);
- 7) *Баста!* – Basta! (*“The Three Sisters”*).

The number of absolute ethnographic lacunae in the plays is 4.7 %. Such lexical lacunae are connected with the extra-linguistic national reality and with differences in the ethnolinguistic area. The meaning of words in one culture may be absent in another. The above words show the absence of such things *дьячка, калоши, квас, нафталин, акциза* in the life of English-speaking people, but they exist in Russian civilisation.

Vector ethnographic lacunae appear when there is a discrepancy in categorization due to the fact that a phenomenon existing in the studied linguistic communities is given a different degree of importance. There are the following examples:

1) *и мы оба становимся брюзгами* – and we are both becoming grumblers; and so we're both grumblers (*"Uncle Vanya"*);

2) *тут на берегу шесть помещичьих усадеб* – there are six houses on its shores (*"The Sea-Gull"*);

3) *конторщик* – the clerk; the office clerk (*"The Cherry Orchard"*);

4) *ряженный* – carnival party; entertainer; mummer (*"The Three Sisters"*);

5) *сени* – porch; house; summer house (*"The Three Sisters"*).

The number of vector ethnographic lacunae is 12.6 %, and we can see that they reflect the time of the past. Some vector ethnographic lacunae are used today in the language of the rural population (*сарай, брюзга, бадья, сени, управа*). The direct meanings of such words can be confusing and incomprehensible even for Russian citizens, and especially difficult for translators and readers from other cultures.

Associative lacunae are distinguished in the group of ethnographic lacunae and denote the words or a group of words capable of evoking certain linguistic associations in speakers' minds. The words are associated with other words in the target language or are completely absent in another civilisation. The examples illustrate associative lacunae:

1) *питомник* – a nursery section; seed bed (*"Uncle Vanya"*);

2) *авось пригодится!* – thinking that some day they may be useful to me (*"The Sea-Gull"*);

3) *Оборвыш!* – Rag-bag! (*"The Sea-Gull"*);

4) *У лукоморья дуб зеленый...* – By the sea-strand an oak-tree green...; There stands a green oak by the sea; A green oak grows by the curving shore... (*"The Three Sisters"*);

5) *этакого шаршавого животного* – some hairy animal; even in some respects misshapen animal; a rough coated sort of beast (*"The Three Sisters"*).

Every word in every language has its own system of linguistic associations. When Russians read *У лукоморья дуб зеленый*, they think of the poem *"Ruslan and Lyudmila"* by A. S. Pushkin, while the same combination of words in English is translated in its direct meaning in English without any associations. The Russian *авось* is associated with low colloquial vocabulary, meaning something that happens by chance. *Этакого шаршавого животного* evokes a derogatory feeling in Russian readers, but it is semantically neutral in English. The number of associative lacunae evoking specific associations is 8.3 %.

Zero lacunae

The absence of some words in the translated language indicates *zero lacunae*. This type of lacunae was discovered and described by O. A. Ogurtsova. According to

O. A. Ogurtsova, zero lacunae are the absence of a word or phrase suitable for translation into the target language. "This concept is expressed by an occasional combination of words, and in some cases a context or discourse is needed to denote it"¹. The examples of these lacunae are:

1) *сын простого дьячка, бурсак* – the son of a simple deacon, a theology student; he's the son of a common deacon ("Uncle Vanya");

2) *Вот вещь, о которой я давеча говорил...* – Here is the stuffed sea-gull I was telling you about... ("The Sea-Gull");

3) *Лошадь вы такая...* – Oh, you horse!; You dear old horse; You really are a kind of horse ("The Cherry Orchard").

Some of the words do not exist in English and are not common in everyday Russian (*дьячка, бурсак, фефёла, давеча*). The number of zero lacunae in A. Chekhov's plays is 11.3 %. The classification of zero lacunae could be relative due to the fact that A. Chekhov's plays were translated by several authors and lacunae in these translations correspond to different groups and subgroups. *Щеночка* is a zero lacuna in the translations by Constance Garnett and Julius West and an absolute lacuna (*a small pinch*) in the interpretation by Gerard R. Ledger ("The Three Sisters"). A zero lacuna *без обидняков* in Marian Fell and an Anonymous Volunteer's, and David Widger's translations corresponds to a stylistic lacuna in Gerard R. Ledger's work (*no beating about the bush*) ("Uncle Vanya").

Conclusion

A comparison of A. Chekhov's plays "Uncle Vanya", "The Sea-Gull", "The Cherry Orchard" and "Three Sisters" with the texts translated into English revealed the following types of lacunae:

- 1) linguistic (stylistic, absolute, absolute vacant, vector);
- 2) ethnographic (absolute ethnographic, vector ethnographic, associative);
- 3) zero lacunae.

The study shows that the number of lacunae used in the plays varies. Despite the fact that all lacunae reflect the nationally specific elements of Russian culture, the most numerous are stylistic lacunae (37 %). Chekhov's language is extremely expressive in terms of lexical, semantic and grammatical possibilities. Translators need a sound knowledge of cultural and linguistic areas in order to give an appropriate interpretation of the concepts that correspond to the original texts. The translator should be able to construct a translated text without losing its expressive saturation. Vector (3.5 %) and absolute ethnographic (4.7 %) lacunae are the least common because, although they make translation difficult, they still force the translator to find the right word.

Cultural concepts that do not have direct equivalents in other languages are seen as obstacles in the process of intercultural communication. They reveal cultural and lexical discrepancies in the source and target texts. Linguists have researched and defined these con-

¹ Огурцова О. А. К проблеме лакунарности. *Функциональные особенности лингвистических единиц: сборник трудов Кубанского университета*. Краснодар: Издательство Кубанского университета, 1979, вып. 3, с. 77–83.

cepts in various ways, but there is still no consensus on their interpretation. Translation necessarily involves the reconstruction of the text based on the translator's understanding and interpretation. Professional translators take into account the lexical and semantic features of the text in order to avoid errors and misunderstandings. The interlingual lacunae studied in this research are the examples of cultural features and expressiveness in the original text. They reflect the features of the Russian language in general and the language of A. Chekhov, in particular.

Список литературы / References

Barkhudarov L. S. *Language and translation*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1975. 240 p. (In Russ.)

Бархударов Л. С. *Язык и перевод*. Москва: Международные отношения, 1975. 240 с.

Bykova G. V. *Lacunarity as a category of lexical systemology*. Blagoveshchensk: BGPU, 2003. 276 p. (In Russ.) EDN: QRCWIT

Быкова Г. В. *Лакунарность как категория лексической системологии*. Благовещенск: БГПУ, 2003. 276 с. EDN: QRCWIT

Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Language and culture*. Moscow: Russkii iazyk, 1990. 246 p. (In Russ.) EDN: PWFJUD

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. *Язык и культура*. Москва: Русский язык, 1990. 246 с. EDN: PWFJUD

Gak V. G. *Comparative typology of the French and Russian languages*. Leningrad: Prosveshchenie, 1976. 286 p. (In Russ.)

Гак В. Г. *Сравнительная типология французского и русского языков*. Ленинград: Просвещение, 1976. 286 с.

Zhelvis V. I. To the issue of the character of the English and Russian lacunae. *National and cultural specificity of speech communication*, Moscow: Nauka, 1977, pp. 136–146. (In Russ.)

Жельвис В. И. К вопросу о характере русских и английских лакун. *Национально-культурная специфика речевого поведения*. Москва: Наука, 1977, с. 136–146.

Makarova D. N. Lacunarity as a psycholinguistic problem and a translation problem. *Lacunae in language and speech: A collection of scientific works*; edited by Yu. A. Sorokin, G. V. Bykova. Blagoveshchensk: BGPU, 2008, no. 4, pp. 59–68. (In Russ.)

Макарова Д. Н. Лакунарность как психолингвистическая проблема и проблема перевода. *Лакуны в языке и речи: сборник научных трудов, под редакцией Ю. А. Сорокина, Г. В. Быковой*. Благовещенск: БГПУ, 2008, № 4, с. 59–68.

Muravyov V. L. *Lexical lacunae (based on the French and Russian languages)*. Vladimir: Vladimirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 1975. 97 p. (In Russ.)

Муравьев В. Л. *Лексические лакуны (на материале французского и русского языков)*. Владимир: Владимирский государственный педагогический институт, 1975. 97 с.

Nelyubin L. L. *Explanatory dictionary of translation*. Moscow: Nauka, 2016. 320 p. (In Russ.)
EDN: ZAZCZH

Нелюбин Л. Л. *Толковый переводоведческий словарь*. Москва: Наука, 2016. 320 с.
EDN: ZAZCZH

Ogurtsova O. A. To the problem of lacunarity. *Functional features of linguistic units*: Collection of works of Kuban University. Krasnodar: Izdatel'stvo Kubanskogo universiteta 1979, no. 3, pp. 77–83. (In Russ.)

Огурцова О. А. К проблеме лакунарности. *Функциональные особенности лингвистических единиц*: сборник трудов Кубанского университета. Краснодар: Издательство Кубанского университета, 1979, вып. 3, с. 77–83.

Popova Z. D., Sternin I. A. *The lexical system of the language*. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 1984. 172 p. (In Russ.) EDN: UMYSPF

Попова З. Д., Стернин И. А. *Лексическая система языка*. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1984. 172 с. EDN: UMYSPF

Sorokin Iu. A. Lacunae as signals of the specifics of a linguocultural community. *National and cultural specifics of speech communication of the peoples in the USSR*. Moscow: Nauka, 1982, pp. 22–28. (In Russ.)

Сорокин Ю. А. Лакуны как сигналы специфики лингвокультурной общности. *Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР*. Москва: Наука, 1982, с. 22–28.

Sorokin Iu. A., Markovina I. Iu. Culture and its ethnopsycholinguistic value. *Ethnopsycholinguistics*. Moscow: Nauka, 1988, pp. 5–18. (In Russ.)

Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность. *Этнопсихолингвистика*. Москва: Наука, 1988, с. 5–18.

Chekhov A. P. *The Cherry Orchard*, 1904. Available at: https://librebook.me/vishnevyyi_sad (accessed: 24.07.2025). (In Russ.)

Чехов А. П. *Вишневый сад*, 1904. URL: https://librebook.me/vishnevyyi_sad (дата обращения: 24.07.2025).

Chekhov A. P. *Uncle Vanya*, 1896. Available at: <https://ilibrary.ru/text/972/p.1/index.html> (accessed: 24.07.2025). (In Russ.)

Чехов А. П. *Дядя Ваня*, 1896. URL: <https://ilibrary.ru/text/972/p.1/index.html> (дата обращения: 24.07.2025).

Chekhov A. P. *Three Sisters*, 1896. Available at: <https://ilibrary.ru/text/973/p.1/index.html> (accessed: 25.07.2025). (In Russ.)

Чехов А. П. *Три сестры*, 1896. URL: <https://ilibrary.ru/text/973/p.1/index.html> (дата обращения: 25.07.2025).

Chekhov A. P. *The Sea-Gull*, 1896. Available at: <https://ilibrary.ru/text/971/p.1/index.html> (accessed: 20.07.2025). (In Russ.)

Чехов А. П. *Чайка*, 1896. URL: <https://ilibrary.ru/text/971/p.1/index.html> (дата обращения: 20.07.2025).

Chekhov A. P. *The Cherry Orchard*, 1904. Translated by Constance Garnett. Available at: <http://shsdavisapes.pbworks.com/w/file/fetch/76523765/The%20Cherry%20Orchard.pdf> (accessed: 20.07.2025).

Chekhov A. P. *The Cherry Orchard*, 2000. Translated by Maria Amadei Ashot. Available at: <http://www.artlit.org/en/belles-lettres/orchard.html> (accessed: 20.07.2025).

Chekhov A. P. *The Cherry Orchard*, 1917. Translation with an introduction by Julius West. New York: Scribner's. Available at: <https://www.ibiblio.org/eldritch/ac/chorch.htm> (accessed: 20.07.2025).

Chekhov A. P. *The Three Sisters*, 1916. English translation by Constance Garnett, New York, Macmillan, revised by James Rusk, 1998. Available at: <https://www.ibiblio.org/eldritch/ac/sisters.htm> (accessed: 23.07.2025).

Chekhov A. P. *Three Sisters*, 1998. Translated by G. R. Ledger. Available at: <http://www.ox-quarry.co.uk/Act1.htm> (accessed: 23.07.2025).

Chekhov A. P. *The Three Sisters*, 2009. Translated with an introduction by Julius West. Available at: <https://www.gutenberg.org/files/7986/7986-h/7986-h.htm> (accessed: 23.07.2025).

Chekhov A. P. *The Sea-Gull*, 2006. Produced by an Anonymous Volunteer, and David Widger. Available at: <https://www.gutenberg.org/files/1754/1754-h/1754-h.htm> (accessed: 23.07.2025).

Chekhov A. P. *Uncle Vanya*, 2014. English translation by G. R. Ledger. Available at: <http://www.pushkins-poems.com/VanyaAct1.html> (accessed: 30.07.2025).

Chekhov A. P. *Uncle Vanya*, 1916. English translation by Marian Fell, New York, Charles Scribner's Sons, revised by James Rusk, 1998. Available at: <https://www.ibiblio.org/eldritch/ac/vanya.htm> (accessed: 30.07.2025).

Chekhov A. P. *Uncle Vanya*, 2008. Produced by an Anonymous Volunteer, and David Widger. Available at: <https://www.gutenberg.org/files/1756/1756-h/1756-h.htm> (accessed: 30.07.2025).

Hale K. L. Gaps in grammar and culture. *Linguistics and anthropology. Papers presented at a Symposium in honor of C. F. Voegelin at the 70th Meeting of the American Anthropological Association (New York, 17–21 November, 1971)*. New York, 1975, pp. 295–315.

Hockett C. F. Chinese versus English: An exploration of the Whorfian theses. *Language in culture*, 1954, pp. 106–123.

Rezvins I. I. *The fundamentals of human and machine translations*. Washington: Department of Commerce, National Bureau of Standards, Institute of Technology, 1966.

Shuttleworth M. *Dictionary of translation studies*. London, New York: Routledge, 2014. 252 p.

Vinay J.-P., Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais*. Paris: Didier, 1958. 331 p.

Сведения об авторе

Светлана Сергеевна Ковальчук – кандидат филологических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-9187-7814>, s.s.kovalchuk@utmn.ru, Тюменский государственный университет (д. 6, ул. Володарского, 625003 Тюмень, Россия); **Svetlana S. Kovalchuk** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-9187-7814>, s.s.kovalchuk@utmn.ru, Tyumen State University (6, ul. Volodarskogo, 625003 Tyumen, Russia).

Статья поступила в редакцию 27.10.2025; одобрена после рецензирования 09.11.2025; принята к публикации 27.01.2026.

The article was submitted 27.10.2025; Approved after reviewing 09.11.2025; Accepted for publication 27.01.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 4 (133), с. 60–69.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 4 (133), pp. 60–69.

Научная статья

УДК 82.09 + 82-311.6

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-6>

<https://elibrary.ru/iduwcw>

Особенности изображения исторического перелома в России 1990–2000-х гг. в «Семикнижии» А. А. Проханова

Дмитрий Романович Красных

Тверской государственный университет,

Тверь, Россия

krasnykh.dmitrij@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2364-4867>

Аннотация. Данная статья посвящена изучению темы исторического перелома 1990–2000-х гг. в авторском цикле А. А. Проханова «Семикнижие». Статья раскрывает ключевые концепты писателя: имперский традиционализм, теорию «оргуружия» и идею «Пятой империи». На примере романов «Гибель красных богов», «Среди пуль» и «Господин Гексоген» показано, как А. А. Проханов интерпретирует исторический перелом 1990–2000-х через призму конспирологии и метафизики и каким образом доносит до читателей свою идеологическую позицию.

Ключевые слова: А. А. Проханов, «Семикнижие», «Семикнижие красного завета», серия, романский цикл, сюжет, исторический перелом, идеология, история, политика

Для цитирования: Красных Д. Р. Особенности изображения исторического перелома в России 1990–2000-х гг. в «Семикнижии» А. А. Проханова. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 4 (133), pp. 60–69. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-6>; EDN: IDUWCW

Depiction of the historical defining point in Russia in the 1990s and 2000s in “The Seven Books” by A. A. Prokhanov

Dmitry R. Krasnykh

Tver State University,

Tver, Russia

krasnykh.dmitrij@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2364-4867>

Abstract. This article studies the theme of the historical defining point of the 1990s–2000s in the author’s cycle by A. A. Prokhanov “The Seven Books”. Using the example of the novels “The Death of the Red Gods”, “Among the Bullets” and “Mr. Hexogen”, it is shown how Prokhanov interprets the historical fractures of the 1990s and 2000s through the prism of conspiracy theory and metaphysics and how he conveys his ideological position to readers. This study has a textual character and assumes a deeper and more in-depth study of A. A. Prokhanov’s largest literary project.

Keywords: A. A. Prokhanov, “The Seven Books”, “The Seven Books of the Red Testament”, series, novel cycle, plot, historical defining point, ideology, history, politics

For citation: Krasnykh D. R. Depiction of the historical defining point in Russia in the 1990s and 2000s in “The Seven Books” by A. A. Prokhanov. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, № 4 (133), с. 60–69. (in Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-6>; EDN: IDUWCU

Введение

Александр Андреевич Проханов – российский писатель, публицист и общественный деятель, родившийся 26 февраля 1938 года в Тбилиси. Ремесло военного корреспондента легло в основу огромного количества его произведений, но данная статья посвящена именно анализу романов из авторского цикла.

«Семякинижие красного завета» – это серия, цикл из семи романов, повествующих о становлении личности генерала Белосельцева и происходящих с Россией и русскими людьми метаморфозах на фоне различных вооруженных конфликтов. Название предположительно отсылает к Пятикнижию, Шестопсалмию, Четвероевангелию и «Пятикнижию» Ф. М. Достоевского. В «Семякинижие красного завета» входят следующие книги: «Сон о Кабуле» (2001), ««Контрас» на глиняных ногах» (2007), «Матрица войны» (2007), «Выбор оружия» (2007), «Гибель красных богов» (2007), «Среди пуль» (2007) и «Господин Гексоген» (2002)¹. Все эти романы выстраиваются у писателя в стройный метапосыл, истинную природу которого однозначно определить непросто. А. А. Проханов на протяжении многих лет писал один большой метароман, воспринимающийся как летопись исторического пути России новейшего периода, на котором встречаются и войны, и перевороты, и спорные политические решения.

Особое место в жизни и творчестве А. А. Проханова занимают патриотизм и осмысление роли России на мировой арене. Писатель всегда был сторонником сильного государства, поэтому в конце 1980-х годов стал все чаще писать о том, что советская политика конца XX века медленно, но верно приведет страну к упадку. Для А. А. Проханова распад Советского Союза стал персональным трауром по некогда великому государству. В его понимании – это полноценное преступление на государственном уровне, виновников которого необходимо найти и наказать. Именно с того времени Александр Проханов становится одним из главных писателей-патриотов в отечественной литературе.

Одним из важнейших исторических периодов для Проханова как человека и писателя является перелом в российском устройстве 1990–2000-х годов. Публицистика этого периода представляет собой уникальный источник для понимания мировоззрения консервативно-патриотических кругов России, переживавших распад СССР, либеральные реформы и становление новой государственности. Изучение именно этого временного отрезка в публицистике А. А. Проханова особенно важно, так как позволяет гораздо лучше понять и описать его идеологическую позицию, эволюцию взглядов и основные концепты «Семякинижия».

Основная часть

Изначально А. А. Проханов сформировался как представитель «почвенничества и патриотизма», сочетая элементы социалистического реализма, русского космизма и «метафорической публицистики». Его идеология может быть определена так – имперский традиционализм с сильной эсхатологической составляющей. Ключевым

¹ Библиография. Захар Прилепин. URL: <https://zaharprilepin.ru/ru/bibliografia.html> (дата обращения: 14.05.2025).

концептом его мысли является идея «Пятой империи», изложенная в работах «Пятая империя» (2007), «Симфония “Пятой империи”» (2007) и «Технологии “Пятой империи”» (2007). Согласно этой концепции, Россия может существовать только как империя, и новая-пятая-империя должна прийти на смену четырем предыдущим: Киевской Руси, Московскому царству, империи Романовых и Советскому Союзу. Эта новая империя должна синтезировать духовный опыт предшественников, став «религиозно-мистической общностью»¹. Этот концепт тесно связан с идеологией «Русского мира» и отрицанием либерально-демократического пути развития.

А. А. Проханов воспринимал распад СССР как цивилизационную катастрофу, что отразилось в его участии в создании «Слова к народу» (1991) – манифеста консервативных сил, призывающего к сопротивлению «антинародному режиму» и сохранению государственности. Текст, наполненный «ощущением трагедии», стилизованный под древнерусские повествования, сравнивает ситуацию с «погибелью Русской земли» и призывает к «всенародному движению» против «губителей и захватчиков». Это отражает убежденность А. А. Проханова в том, что распад СССР не был естественным процессом, а стал результатом заговора «лукавых властителей» и «стяжателей»².

В «Семикинижи красного завета» в полной мере автор начинает анализировать этот период с пятой книги цикла – «Гибели красных богов». Данный роман представляет собой художественно-публицистическое осмысление ключевых событий российской истории конца 1980-х – начала 1990-х годов, в частности – августовских событий 1991 года, приведших к распаду СССР.

Центральный герой произведения – офицер внешней разведки Виктор Белосельцев – оказывается в эпицентре политического противостояния в Москве. Его задача – проанализировать ситуацию и понять, какая из двух сил (демократы-западники или консерваторы-государственники) представляет большую угрозу для страны. А. А. Проханов создает многоплановую картину разрушения советской империи, используя как документальные описания реальных событий, так и мистико-символические образы. Роман написан в жанре политической конспирологии, где исторические процессы предстают как результат заговора «тайных сил»³.

А. А. Проханов изображает распад Советского Союза не как объективный исторический процесс, а как результат масштабной операции, проведенной международными силами при помощи внутренних «агентов влияния»⁴. Это отражает конспирологическое понимание истории, характерное для патриотических кругов 1990-х.

В романе детально показано столкновение двух идеологий. Первые – демократы-западники – представлены как «психологи, социологи, правозащитники, предприниматели, телевизионщики и представители “Rand Corporation” – американской «кор-

¹ Проханов А. А. Нам нужна идеология государственной жизни. *Вечерняя Москва*. URL: <https://vm.ru/entertainment/600714-aleksandr-prohanov-nam-nuzhna-ideologiya-gosudarstvennoj-zhizni> (дата обращения: 01.10.2025).

² Один и без «оргоружия». *Независимая газета*. URL: https://www.ng.ru/scenario/2017-02-28/13_6937_prohanov.html (дата обращения: 04.10.2025).

³ Гибель красных богов. *Завтра.Ру*. URL: https://zavtra.ru/blogs/gibel_krasnih_bogov (дата обращения: 03.10.2025).

⁴ Проханов А. А. Последний солдат империи (первоначальная версия). Москва: Сашко, Ковчег, 1993, с. 145.

порации разрушения»; вторые – консерваторы-государственники – выходцы из «Золоченой гостиной», противостоящие перестроечным преобразованиям¹.

При изображении самого столкновения А. А. Проханов использует мощные метафорические образы, передающие трагизм распада. Здесь и описание перформанса, где художник режет свинью с надписью «СССР», и встреча демократов, на которой они вскрывают свои черепные коробки, показывая друг другу примитивные механизмы, находящиеся внутри.

Важно понимать, что Проханов сознательно использует конспирологический подход как художественный и аналитический метод осмысления истории. Как отмечает исследователь Анна Разуvalова, для А. А. Проханова конспирология – не просто теория заговора, а «метафизика», вариант вечной борьбы добра и зла². Сделать узнаваемым и понятным столь метафорический формат позволяют узнаваемые прототипы реальных политических деятелей, хоть и не всегда называемых своими именами.

Отдельного внимания достойна теория «оргоружия», которую А. А. Проханов развивает в романе «Гибель красных богов». Она изучается самим Белосельцевым, который разгадывает планы о создании «организационного оружия» для уничтожения СССР и русского народа – орудия, которое страшнее атомной бомбы. Это идеологическое, социальное и психологическое оружие, представляющее собой информационную войну, возведенную в абсолют. Основная идея «оргоружия» в том, чтобы не воевать на территории врага, не забрасывать его бомбами, а медленно, но верно аннигилировать все его народные идеи, раздробить сам феномен народного единства и заставить отречься от своих исторических корней. Идею аморфного, но столь понятного каждому русскому человеку «оргоружия» крайне точно описал в своей статье литературный критик Михаил Александрович Кильдяшов: «Таково “оргоружие” в действии: противник не будет посылать через океан свои армии. Жители “империи зла” сами станут стрелять друг в друга, пойдут на самозаклание, стоит только отвернуть их взоры от неба, назвать победу поражением, купить у них живое тело, изглодают его до остова. Подрывники лишь заложат под ампириную высоту бомбу замедленного действия, чтобы, одурманенный ходом потаенного часового механизма, народ сам повернул ручку взрывателя. “Оргоружие” – это инструмент хладнокровного гинеколога, который, делая аборт, тщательно выскребает из лона жизнь, чтобы настоящее стало бесплодным и не породило будущего»³. И, на наш взгляд, именно в описываемой теории и сокрыто истинное отношение А. А. Проханова не только к произошедшему распаду СССР, но и к тому, что ждало страну в последующие несколько лет после этого. Сама концепция не просто отражает представления патриотических кругов об информационной войне как об основном инструменте разрушения СССР; автор «Семикинижии» искренне убежден в том, что это было не столько рядовое историческое событие, сколько часть куда бо-

¹ Проханов А. А. *Последний солдат империи (первоначальная версия)*. Москва: Сашко, Ковчег, 1993, с. 211.

² Разуvalова А. И. Метафора оргоружия в романах и публицистике Александра Проханова. *Русская литература*, 2018, № 2, с. 137–151. <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2018-2-137-151>; EDN: OUCMIS

³ Гибель красных богов. *Завтра.Ру*. URL: https://zavtra.ru/blogs/gibel_krasnih_bogov (дата обращения: 03.10.2025).

лее страшного и комплексного плана если не по ликвидации, то по порабощению русского народа.

«Гибель красных богов» А. А. Проханова представляет собой уникальный документ эпохи – не только художественное произведение, но и идеологический манифест патриотической оппозиции 1990-х, конспирологическую интерпретацию распада СССР и классическую для рассматриваемого цикла попытку осмысления травматического исторического опыта. При анализе романа и его роли в понимании позиции автора также стоит обратиться к мнению Захара Прилепина, который в своем эссе «Проханов ковчег» отмечал: «Проханов – суево́й человек нашей эпохи. Вижу его как Ноя, который прошел сквозь все эти то штормы, то штили. Не перевернулся, проходя водопады. Разгреб ледяную шугу. Выплыл сам и вывез весь русский род на чистый простор»¹. Это определение достаточно точно отражает роль А. А. Проханова и одного из его главных произведений о 1990-х годах – не просто описать катастрофу, но и указать путь к спасению и возрождению.

Следующей книгой, в которой А. А. Проханов исследовал и осмысливал события 1990-х годов, стал роман «Среди пуль» (в предыдущих редакциях – «Красно-коричневый»). Роман создавался в 1990-е годы – в период глубокого системного кризиса, характеризовавшегося политической нестабильностью после конституционного кризиса 1993 года, экономической деградацией, ростом социального неравенства и идеологическим вакуумом после краха коммунистической доктрины.

А. А. Проханов, будучи главным редактором оппозиционной на тот момент газеты «Завтра», занимал последовательную антилиберальную позицию, что нашло непосредственное отражение в художественной ткани произведения. Он использует уже привычный ему синтез документализма и мистического реализма, создавая многомерную картину исторической катастрофы. Как отмечает кандидат филологических наук и ведущий научный сотрудник Центра теоретико-литературных и междисциплинарных исследований ИРЛИ РАН А. Н. Разувалова, «Проханов создает собственную версию истории, основанную на конспирологическом понимании политических процессов»².

Действие романа разворачивается в 1993 году, когда в России произошли серьезные политические столкновения, приведшие к расстрелу Белого дома и подавлению оппозиционных движений. Эти события стали переломным моментом в истории страны, определившим дальнейшее развитие России. Главный герой романа становится символом сопротивления новому порядку, олицетворяя собой традиционные ценности и национальные интересы.

Вернувшийся «со своих войн» генерал Белосельцев оказывается в ситуации глубокого личностного и социального кризиса. Разрушение привычного миропорядка, которое для героя было не абстрактным понятием, а экзистенциальным фундаментом, приводит его в состояние «смыслового вакуума»³. Он – носитель имперского сознания и защитник «большой родины», не находит себе места в новой реальности, в которой его идеалы и ценности подверглись тотальному отрицанию. Как точно отмечал литературный критик Сергей Беляков, в отличие от революционных героев

¹ Проханов ковчег. *Завтра.Ру*. URL: https://zavtra.ru/blogs/prohanov_kovcheg (дата обращения: 26.10.2025).

² Разувалова А. И. Метафора оргору́жия в романах и публицистике Александра Проханова. *Русская литература*, 2018, № 2, с. 137–151. <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2018-2-137-151>; EDN: OUCMIS

³ Проханов А. А. *Среди пуль*. Москва: Эксмо, 2007, с. 23.

прошлого, чей идеал находился в будущем, идеал Белосельцева и его соратников – в прошлом. Их борьба – это утопичная, но, с их точки зрения, морально оправданная попытка «прекратить передел собственности, вернуть советскую власть, восстановить Советский Союз»¹. Эта ретроспективная ориентация делает героя А. А. Проханова глубоко трагической фигурой, обреченной на поражение в сиюминутной политической борьбе, но не в борьбе за сохранение своей идентичности.

Прежнее название романа – «Красно-коричневый», отражавшее одновременно политическую идентичность и героя, и автора, – является центральной проблемой для интерпретации. Сам А. А. Проханов в интервью газете «Московский Комсомолец» подтверждал и принимал эту характеристику². В этом синтезе («красное» – левая, социалистическая, советская идеология; «коричневое» – национально-патриотическое, почвенническое начало) рождается новый тип героя-правдоискателя, который не просто ностальгирует по СССР, а стремится создать новую идеологическую конструкцию, способную дать ответ на вызовы времени. Этот герой отнюдь не слепой охранитель прошлого, а человек, пытающийся синтезировать имперскую мощь и социальную справедливость в условиях, когда государство, которому он служил, предало свои основы.

Расстрел Верховного Совета представлен как ключевой момент национальной трагедии: «Белый дом, объятый пламенем, стал факелом, освещающим гибель русской государственности»³. Этот образ работает на нескольких уровнях: как конкретное описание реального события, как символ разрушения советской политической системы и как метафора общего распада государственности. Автор акцентирует внимание на символическом значении разрушения советской политической системы, представляя события как идеологический и государственный переворот. При этом политическая составляющая романа занимает центральное место. А. А. Проханов выражает глубокое разочарование в либеральных реформах и западных ценностях, утверждая, что они привели к деградации и развалу страны. Герой романа противостоит новым властям, символизирующим разрушение традиционного порядка и национальную катастрофу, а роман, в свою очередь, становится платформой для критики существующего режима и призыва к сохранению национальной идентичности.

Важно отметить, что А. А. Проханов не ограничивается простым описанием событий, а предлагает их глубокое осмысление, встраивая октябрь 1993 года в широкий исторический контекст. Для него это не просто политический кризис, а проявление глубинных цивилизационных процессов, столкновение различных моделей развития России.

Также в романе детально фиксируются процессы экономического распада, которые переживала Россия в 1990-е годы. Проханов создает многогранную картину системного кризиса, охватившего все сферы жизни общества. Особое внимание он уделяет деиндустриализации страны, которая представлена через образы мертвых заводов с разбитыми окнами, остановившихся производств, разрушенных научных центров.

¹ Беляков С. С. Этюд в красно-коричневых тонах. Александр Проханов. *Вопросы литературы*. Москва, 2009, № 5, с. 44–57. EDN: TZUWAD

² Красно-коричневый пророк. *MK.RU*. URL: <https://www.mk.ru/politics/2013/02/24/817181-krasnokorichnevyy-prorok.html> (дата обращения: 25.10.2025).

³ Проханов А. А. *Среди нуль*. Москва: Эксмо, 2007, с. 347.

Автор показывает человеческое измерение экономических реформ. Он описывает трагедию людей, оказавшихся выброшенными на обочину жизни: ученых, вынужденных торговать на рынках; рабочих, оставшихся без работы; инженеров, потерявших смысл существования. Эти личные истории складываются в общую картину национальной катастрофы.

«Среди пуль» глубоко исследует и идеологические процессы, характерные для России 1990-х годов. Автор показывает сложный и противоречивый характер формирования новой национальной идентичности в постсоветский период. Особое внимание он уделяет расколу внутри патриотического движения, который выражается в противостоянии «красных» (сторонников советской идеологии) и «коричневых» (национально-ориентированных патриотов).

Данная часть «Семикинижи» отличается сложным и многоплановым художественным языком. А. А. Проханов использует синтез различных стилей и жанров: от политического памфлета до мистического реализма. Эта особенность делает текст особенно интересным для литературоведческого анализа¹.

Роман А. А. Проханова «Среди пуль» представляет собой значительный вклад в художественное осмысление одного из самых сложных и противоречивых периодов российской истории. Несмотря на очевидную идеологическую ангажированность автора, произведение остается ценным источником для понимания мировоззренческих установок консервативно-патриотических кругов российского общества.

Период правления Бориса Ельцина А. А. Проханов оценивает как время национального унижения и олигархического захвата власти. В финальном романе «Семикинижи красного завета» – «Господин Гексоген» – он представляет события 1999 года, включая взрывы жилых домов, как часть заговора для передачи власти от Б. Н. Ельцина к В. В. Путину. С Белосельцевым связываются спецслужбы с призывом принять участие в спецоперации, целью которой является свержение «трухлявого Истукана» с должности правителя России и продвижение на пост «Избранника», готового вести страну в новую эпоху². Хотя А. А. Проханов и не использует в книге реальные имена, он оставляет большое количество подсказок, позволяющих с уверенностью заявить, что в основе сюжета – приход к власти В. В. Путина, смерть А. А. Собчака, отставка С. В. Степашина и увядание Б. Н. Ельцина как политического деятеля.

В финале «Избранник», которого так старательно продвигали на должность президента, неожиданно превращается в голограмму и распадается на разноцветные лучи света. Таким образом автор подчеркивает иллюзорность идеального лидера для России и то, что в погоне за этим идеалом люди очень часто теряют человечность, руководствуясь принципом «цель оправдывает средства».

В данном произведении Виктор Белосельцев воплощает в себе тип «потерянного» героя, человека, изображенного в состоянии глубокой экзистенциальной апатии – «контуженный» событиями 90-х годов, он «жил как отшельник в дупле, в постоянной дремоте»³. Его внутренний мир окрашен в тона увядания и ностальгии по утраченной империи, метафорически выраженные через образы осени и коллекции бабочек – хрупких свидетельств былых «опасных странствий». При этом публицистика 1990-х годов А. А. Проханова вторит лейтмотиву «Господина Гексогена» –

¹ Нестерова С. В. *Циклическое текстопостроение в малой эпической прозе*: дис. ... канд. филол. наук. Тверь: Тверской государственный университет, 2012, с. 2–5. EDN: QGBQAP

² Проханов А. А. *Господин Гексоген*. Москва: Эксмо, 2001, с. 340–346.

³ Там же, с. 23–24.

она полна обличений «либеральной демократии», которую он связывает с разграблением страны, уничтожением промышленности и обнищанием народа. Например, в своей статье «Утешительные итоги» (2025) он описывает 1990-е как эпоху, когда «изнасилованную Россию заталкивали в глобализм», а к ее ранам «присосалось множество кровососов»¹.

В интервью и статьях этого периода А. А. Проханов характеризует ельцинский режим как антинародный и даже более того – антигосударственный. В интервью газете «Вечерняя Москва» автор «Семикинижии» акцентирует внимание на роли олигархов, которые, по его мнению, «своровали страну в целом» и «крадут у нее ее историческое время». Для него олигархи – «исчадие ада, воплощенная несправедливость», а государственность 1990-х – «олигархическое государство, которое обслуживает интересы крупного капитала». Эта критика перекликается с его общей оценкой либеральных реформ – проекта, направленного на уничтожение русской цивилизации².

Но со следующим лидером государства Российского у А. А. Проханова сложились уже более сложные отношения. Первоначально он скептически относился к Владимиру Владимировичу Путину, видя в нем преемника ельцинского курса. Однако со временем его позиция эволюционировала в сторону поддержки, что было связано с его восприятием В. В. Путина как лидера, который, как сам А. А. Проханов говорил в интервью «Комсомольской Правде», «жестко остановил распад России», «отодвинул олигархов от руководства страны» и «создал самолет российской государственности». В публицистике 2000-х годов А. А. Проханов начинает видеть в В. В. Путине фигуру, способную реализовать идею «Пятой империи» и обеспечить восстановление суверенитета России.

В своих более поздних работах (например, «Русское поле пора вспахать») А. А. Проханов развивает идею «русского возрождения», связывая его со специальной военной операцией (СВО) на Украине. Он видит в СВО не только военный конфликт, но и цивилизационный поворот, который приводит к «мощной консолидации» антизападных сил (Китай, Иран, Россия) и «исчезновению» либеральной культуры. Он пишет о «возвращении в историю» и создании «патриотической концепции русской истории»³.

Выводы

В целом же романы А. А. Проханова 1990–2000-х годов представляют собой уникальный пример идеологического сопротивления либеральным преобразованиям в России. Его произведения являются не просто хроникой событий, а метафизическим осмыслением исторического перелома, в котором трагедия распада СССР и неудачи ельцинских реформ интерпретируются через призму имперской эсхатологии и концепции «Пятой империи». Его эволюция от непримиримого критика власти к условному союзнику отражает сложность идеологических процессов в путинской России, где традиционалистские и имперские нарративы были частично интегрированы в официальный дискурс.

¹ Утешительные итоги. Академия Тринитаризма. URL: <https://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/-001g/00125466.htm> (дата обращения: 21.10.2025).

² Великий русский державник. К 80-летию Александра Проханова. Российский Писатель. URL: <https://www.rospisatel.ru/bondarenko-prohanov80.htm> (дата обращения: 13.09.2025).

³ Русское поле пора вспахать. AIF.RU. URL: https://aif.ru/society/opinion/russkoe_pole_poga_vspahat (дата обращения: 25.10.2025).

А. А. Проханов остается фигурой, чье творчество вызывает споры, но отрицать его влияние на формирование консервативно-патриотического мировоззрения в современной России невозможно. Его публицистика – не только отражение исторического перелома, но и попытка создать идеологию государственной жизни, противопоставленную «идеологии государственной смерти». В этом смысле его наследие является важным предметом изучения для понимания не только прошлого, но и возможных будущих траекторий развития России.

Список литературы / References

Беляков С. С. Эюд в красно-коричневых тонах. Александр Проханов. *Вопросы литературы*. Москва, 2009, № 5, с. 44–57. EDN: TZUWAD

Belyakov S. S. A study in red-brown tones. Alexander Prokhanov. *Russian Studies in Literature*. Moscow, 2009, no. 5, pp. 44–57. (In Russ.) EDN: TZUWAD

Библиография. *Захар Прилепин*. URL: <https://zaharprilepin.ru/ru/bibliografia.html> (дата обращения: 14.05.2025).

Bibliography. *Zakhar Prilepin*. Available at: <https://zaharprilepin.ru/ru/bibliografia.html> (accessed: 14.05.2025). (In Russ.)

Великий русский державник. К 80-летию Александра Проханова. *Российский Писатель*. URL: <https://www.rospisatel.ru/bondarenko-prohanov80.htm> (дата обращения: 13.09.2025).

The great Russian sovereign. On the 80th anniversary of Alexander Prokhanov. *Russian writer*. Available at: <https://www.rospisatel.ru/bondarenko-prohanov80.htm> (accessed: 13.09.2025). (In Russ.)

Гибель красных богов. *Завтра.Ру*. URL: https://zavtra.ru/blogs/gibel_krasnih_bogov (дата обращения: 03.10.2025).

The death of the red gods. *Tomorrow.Ru*. Available at: https://zavtra.ru/blogs/gibel_krasnih_bogov (accessed: 03.10.2025). (In Russ.)

Красно-коричневый пророк. *MK.RU*. URL: <https://www.mk.ru/politics/2013/02/24/817181-krasnokorichneviy-prorok.html> (дата обращения: 25.10.2025).

The red-brown prophet. *MK.RU*. Available at: <https://www.mk.ru/politics/2013/02/24/817181-krasnokorichneviy-prorok.html> (accessed: 25.10.2025). (In Russ.)

Нестерова С. В. *Циклическое текстопостроение в малой эпической прозе*: дис. ... канд. филол. наук. Тверь: Тверской государственный университет, 2012, с. 2–5. EDN: QGBQAP

Nesterova S. V. *Cyclic textual construction in small epic prose*: Cand. Thesis in Philological Sciences. Tver: Tverskoi gosudarstvennyi universitet, 2012. pp. 2–5. (In Russ.) EDN: QGBQAP

Один и без «оргорурия». *Независимая газета*. URL: https://www.ng.ru/scenario/2017-02-28/13_6937_prohanov.html (дата обращения: 04.10.2025).

Alone and without “orgarms”. *The Independent Newspaper*. Available at: https://www.ng.ru/scenario/2017-02-28/13_6937_prohanov.html (accessed: 04.10.2025). (In Russ.)

Проханов А. А. *Господин Гексоген*. Москва: Эксмо, 2001. 820 с.

Prokhanov A. A. *Mr. Hexogen*. Moscow: Eksmo, 2001. 820 p. (In Russ.)

Проханов А. А. Нам нужна идеология государственной жизни. *Вечерняя Москва*. URL: <https://vm.ru/entertainment/600714-aleksandr-prokhanov-nam-nuzhna-ideologiya-gosudarstvennoj-zhizni> (дата обращения: 01.10.2025).

Prokhanov A. A. We need an ideology of state life. *Evening Moscow*. Available at: <https://vm.ru/entertainment/600714-aleksandr-prohanov-nam-nuzhna-ideologiya-gosudarstvennoj-zhizni> (accessed: 01.10.2025). (In Russ.)

Проханов А. А. *Последний солдат империи (первоначальная версия)*. Москва: Сашко, Ковчег, 1993. 432 с.

Prokhanov A. A. *The last soldier of the Empire (the original version)*. Moscow: Sashko, Kovcheg, 1993. 432 p. (In Russ.)

Проханов А. А. *Среди пуль*. Москва: Эксмо, 2007. 800 с.

Prokhanov A. A. *Among the bullets*. Moscow: Eksmo, 2007. 800 p. (In Russ.)

Проханов Ковчег. *Завтра.Ру*. URL: https://zavtra.ru/blogs/prohanov_kovcheg (дата обращения: 26.10.2025).

Prokhanov ark. *Tomorrow.Ru*. Available at: https://zavtra.ru/blogs/prohanov_kovcheg (accessed: 26.10.2025). (In Russ.)

Разувалова А. И. Метафора оргорукия в романах и публицистике Александра Проханова. *Русская литература*, 2018, № 2, с. 137–151. <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2018-2-137-151>; EDN: OUCMIS

Razuvalova A. I. The metaphor of orgarms in the novels and journalism of Alexander Prokhanov. *Russkaya literatura (Russian Literature)*, 2018, no. 2, pp. 137–151. (In Russ.) <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2018-2-137-151>; EDN: OUCMIS

Русское поле пора вспахать. *AIF.RU*. URL: https://aif.ru/society/opinion/russkoe_pole_pora_vspahat (дата обращения: 25.10.2025).

It's time to plow the Russian field. *AIF.RU*. Available at: https://aif.ru/society/opinion/russkoe_pole_pora_vspahat (accessed: 25.10.2025). (In Russ.)

Утешительные итоги. *Академия Тринитаризма*. URL: <https://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/-001g/00125466.htm> (дата обращения: 21.10.2025).

Consolatory results. *Academy of Trinitarianism*. Available at: <https://www.trinitas.ru/rus/doc/-0012/001g/00125466.htm> (accessed: 21.10.2025). (In Russ.)

Сведения об авторе

Дмитрий Романович Красных – аспирант, <https://orcid.org/0009-0001-2364-4867>, krasnykh.dmitrij@yandex.ru, Тверской государственный университет (70, Чайковского пр-т, 170002 Тверь, Россия); **Dmitry R. Krasnykh** – Postgraduate Student, <https://orcid.org/0009-0001-2364-4867>, krasnykh.dmitrij@yandex.ru, Tver State University (70, Tchaikovskogo pr., 170002 Tver, Russia).

Статья поступила в редакцию 27.10.2025; одобрена после рецензирования 22.12.2025; принята к публикации 27.01.2026.

The article was submitted 27.10.2025; Approved after reviewing 22.12.2025; Accepted for publication 27.01.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 4 (133), с. 70–80.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 4 (133), pp. 70–80.

Научная статья

УДК 81-119

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-7>

<https://elibrary.ru/jkthhw>

Ценностные компоненты и их языковая репрезентация в русских паремиях религиозной тематики

Глеб Сергеевич Кривошеев

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Белгород, Россия

1910ggg@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-4643-7045>

Аннотация. В статье рассматривается проблема репрезентации ценностного компонента в паремиологическом дискурсе с позиций современной лингвоаксиологии. Цель исследования – определить сущность ценностного компонента и способов его выражения в пословицах религиозной тематики. Показано, что лексема, понятие, аксиологема и концепт образуют единую систему уровней смысловой организации: от поверхностного вербального выражения до глубинного ценностного содержания, в котором отражается культурно-религиозное мировидение народа.

Ключевые слова: лингвоаксиология, паремия, лексема, понятие, аксиологема, концепт, ценностный концепт, ценностный компонент

Благодарность. Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Л. И. Плотниковой.

Для цитирования: Кривошеев Г. С. Ценностные компоненты и их языковая репрезентация в русских паремиях религиозной тематики. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 4 (133), с. 70–80. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-7>; EDN: JKTHHW

Value components and their linguistic representation in Russian proverbs on religious topics

Gleb S. Krivosheev

Belgorod State National Research University,

Belgorod, Russia

1910ggg@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-4643-7045>

Abstract. The article examines the problem of representing the value component in paremiological discourse from the standpoint of modern linguoaxiology. The aim of the study is to determine the nature of the value component and the ways it is expressed in proverbs of religious thematic content. It is shown that the lexeme, the notion, the axiologeme, and the concept form a unified system of

semantic organization levels – from the surface verbal expression to the deeper value content that reflects the cultural and religious worldview of the people.

Keywords: linguoaxiology, paroemia, lexeme, notion, axiologeme, concept, value concept, value component

Acknowledgments. The research was conducted under the supervision of Doctor of Philological Sciences, Professor L. I. Plotnikova.

For citation: Krivosheev G. S. Value components and their linguistic representation in Russian paroemias on religious topics. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 4 (133), pp. 70–80. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-7>; EDN: JKTННW

Введение

Ценностный компонент как междисциплинарный термин удерживает внимание ряда гуманитарных дисциплин. Современная лингвистика при анализе культурных текстов, в том числе паремий, неизбежно сталкивается с проблемой определения универсальных ценностных компонентов, отражающих культурные различия. Исследования в этой области ведутся в рамках лингвоаксиологии, для которой особую актуальность представляет проблема механизма «загрузки» ценностных компонентов, обусловленная рубрикацией материала: любая классификация (алфавитная, тематическая или по опорным словам) ограничивает репертуар релевантных смыслов. Тематическая классификация, восходящая к традиции В. И. Даля, выявила концентрические круги народного мировоззрения, но при этом сместила акцент на тематическое поле как носитель ценностного компонента. Классификация по опорному слову, напротив, фокусирует внимание на лексеме и рискует редуцировать аксиологическое богатство до формально-лексического признака. Следовательно, проблема классификации паремий сводится к более фундаментальному вопросу: как фиксируется ценностный компонент в языке – через слово, понятие, аксиологему или концепт, и какая из этих категорий должна быть первоочередной в интерпретации. Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью механизмов изучения репрезентации ценностного компонента в паремиологическом дискурсе. Теоретическая значимость состоит в уточнении понятийного аппарата лингвоаксиологии и выборе ведущей аналитической категории. Практическая значимость заключается в разработке модели выявления механизмов репрезентации ценностных компонентов и углублении представлений о способах репрезентации культурных доминант в языке.

Исследование осуществляется на основе определения ценностного компонента как элемента смысловой структуры паремии. Описанные исследовательские приемы основаны на общих принципах методики когнитивно-прагматического моделирования паремической семантики, учитывающих такие ключевые понятия, как «лексема», «обобщающее значение», «прагматическая рекомендация», «аксиологема», «ценностный концепт». В качестве материала для анализа выступают русские паремии религиозной тематики.

Основная часть

Человек воспринимает не саму действительность напрямую, а ее когнитивные отражения и ментальные модели, зафиксированные в языке; реальность преломляется через культурно-языковую картину мира, специфичную для каждого народа. С конца XX века в науке особое внимание уделяется концепту как фундаментальной лингвокультурной категории, что породило многообразие его интерпретаций в лингвокультурологии и лингвокогнитивном направлении. Некоторыми исследователями концепт трактуется как ментально-когнитивное образование – оперативная единица памяти, квант знания или «сгусток культуры», аккумулирующий знание о мире и фиксирующий культурно обусловленные смыслы (Н. Ф. Алефиренко, В. Басова, Т. Ю. Залавина, О. Н. Афанасьева, Л. А. Шорохова и др.). В этом ракурсе концепт выступает посредником между индивидуальным восприятием и коллективным опытом, обеспечивая интерпретацию и передачу культурно обусловленных моделей мировосприятия. Кроме того, ряд исследователей подчеркивает функцию концепта как «моста» между мыслью и словом: совокупность семантических ролей концепта обеспечивает согласование внутреннего когнитивного содержания с его внешней языковой формой и фиксирует онтологические, аксиологические, модальные и иные признаки абстрактной сущности (Ю. А. Козлова, О. А. Николаева, О. Б. Абакумова, А. А. Загоруй и др.).

Наличие перечисленных подходов дает основание говорить о двойственной природе концепта в паремиологическом контексте: с одной стороны, это носитель культурно-исторической памяти, устойчивый смысловой комплекс, аккумулирующий коллективный опыт и ценностные ориентиры; с другой – операционная единица смыслообразования, посредник между ментальными представлениями и их языковой реализацией.

Учитывая, что исследователи толкуют концепт как связующее звено между мышлением и словом, считаем необходимым сосредоточить особое внимание именно на роли слова в ценностно-смысловой составляющей паремий. Лексема, будучи базовой языковой единицей и знаковым носителем значения, служит отправной точкой интерпретации: именно слово фиксируется в тексте пословицы и открывает доступ к пониманию ее содержания. Лексема в определенном смысле задает исходную точку анализа. Вместе с тем, как отмечает Л. В. Басова, лексема является лишь «вербальным репрезентантом концепта»¹. Каждое слово обладает своим значением, но один и тот же концепт может вербализоваться разными словами. При этом полисемантическое слово может соотноситься с несколькими концептами (Л. Н. Горянова, А. К. Салими, Ф. А. Какжанова, Е. А. Кудинова и др.).

Обратимся к следующим примерам: *В лесу жить – пенькам молиться*²; *Какова вера, такой у нее и Бог*³. Первая пословица – иронично-метафорическое высказывание: вторая часть («пенькам молиться») ведет к обращению к ближайшим, профан-

¹ Басова Л. В. *Концепт ТРУД в русском языке*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень: ТюмГУ, 2004, с. 10. EDN: NMTSAR

² Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. *Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц*. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2010, с. 112. EDN: XDHZUV

³ Там же, с. 480.

ным объектам поклонения. Структурно противопоставлены сакральное и профанное: «лес» – знак отдаленности от культа, «пеньки» – замещающее сакральное. Выделим обобщенное значение поговорки, под которым мы понимаем единое паремическое значение, характеризующееся сниженной референцией денотатов слов-компонентов и отсутствием конкретных хронотопных «привязок» к субъекту, объекту, времени и месту действия; и прагматическую рекомендацию – показательную для характеристики этноязыкового сознания оценку ситуации, которую следует учитывать представителю социума¹.

Обобщенное значение первой поговорки можно сформулировать следующим образом: *Где отсутствует подлинная религиозная опора, человек по природе вещей склонен искать ей замену*. Прагматическая рекомендация: *Различай истинное и ложное поклонение*. Поговорка раскрывает концепт «Вера» как стремление человека опираться на высшее начало, даже если объект этой опоры профанный. Лексемы «лес» и «пеньки» выступают фоновыми маркерами, обозначающими внешний, предметно-бытовой план веры, через который выражается оценка религиозности человека или сообщества.

Поговорка *Какова вера, такой у нее и Бог* делает акцент на самом характере религиозной практики. Лексемы «вера» и «Бог» соотносятся как причина и следствие: вера задает форму представления о Боге. Обобщенное значение поговорки можно сформулировать так: *Образ Бога определяется человеческим вероисповеданием: различия в вере ведут к различным представлениям о Творце*. Прагматическая рекомендация в таком случае: *Учитывай, что каждая вера различна и формулирует особенные, характерные только для нее представления о божественном*. Концепт, который репрезентирует данная поговорка, – «Вера». Таким образом, один и тот же концепт может быть репрезентирован разным набором лексем.

Рассмотрим следующие примеры: *Тяжел крест, да надо несть; Крест да перстни – те же деньги*². Обобщенное значение первой поговорки: *Жизненные испытания неизбежны и даны человеку свыше, их необходимо принять и достойно пронесть*. Смысл паремии заключается в признании неизбежности жизненных трудностей и внутренней обязанности человека принимать испытания без ропота. Прагматическая рекомендация в таком случае может быть сформулирована следующим образом: *Помни, что трудности и страдания – часть предназначенного тебе пути: принимай выпавшее испытание как долг и обязанность*. Соответственно, концепт, который репрезентируется данной поговоркой, – «Смирение».

Обратимся к следующей поговорке: *Крест да перстни – те же деньги*. Обобщенное значение поговорки: *Все в жизни, от духовного до собственно материального, сводится к деньгам*. В данном случае духовное здесь редуцируется до экономического, а мерилом значимости становится денежный эквивалент. Прагматическая рекомендация может быть сформулирована следующим образом: *Ничто не*

¹ Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Значение и смысл русских паремий в свете когнитивной прагматики. *Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*, 2010, т. 85, № 6–2, с. 171. EDN: PCWRDP

² Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. *Большой словарь русских поговорок: около 70 000 поговорок*. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2010, с. 112. EDN: XDHZUV

имеет большей ценности, чем богатство. Соответственно, концептуальную основу данной пословицы можно определить как «Сребролюбие». Хотя в этих паремиях ключевой лексемой выступает «крест», концептуальное содержание различается: каждая пословица акцентирует свой аспект жизненного опыта человека.

Определенное понятие в контексте исследования паремии выступает как рациональная, обобщенная единица мышления, фиксирующая ключевые признаки исследуемого феномена. Е. И. Зиновьева отмечает, что «понятие есть непредикативная единица мышления, которая отражает существенные признаки предметов действительности и выделяет предметы как самостоятельные объекты, выступающие в особом отношении к другим таким же объектам, но не раскрывает этого отношения»¹. Н. Н. Почуева, сопоставляя понятие и концепт, уточняет, что «понятие представляет собой рациональную часть концепта, содержит только существенные признаки предмета и передается всем комплексом компонентов фразеологизма»². Отдельные исследователи, анализируя специфику паремических единиц, не конкретизируют содержание понятия, а рассматривают его как рациональную часть концепта (Р. Ю. Алиева, Л. А. Гаджиева, Ф. А. Марзук, Ж. Ш. Апекова и др.). Можно говорить о том, что в паремиологическом контексте понятие предстает как сжатая, рационально выверенная единица, в которой фиксируются основные свойства и признаки изучаемого явления.

Обратимся к следующему примеру: *Близко церкви, да далеко от Бога*³. Выделим в данной пословице ключевые понятия.

1. Церковь – 1. Объединение последователей той или иной религии, организация, ведающая религиозной жизнью и соответствующим культом; религиозная община; 2. Православный храм. Каменная ц. Ц. с колокольной. Ходить в ц.

II. Бог – 1. Верховное всемогущее существо, управляющее миром или (при многобожии) одно из таких существ; 2. В христианстве: триединое божество, творец и всеобщее мировое начало⁴.

Обозначенные нами понятия являются лишь рациональным представлением данных реалий, упоминаемых в тексте пословицы. Определим концептуальную основу, содержащуюся в данной паремии. Обобщенное значение звучит следующим образом: *Внешняя составляющая религиозной набожности не гарантирует истинной близости к Богу. Прагматическая рекомендация в таком случае: Помни, что внешние ритуалы и формальные действия не заменяют внутреннего духовного состояния;*

¹ Зиновьева Е. И. Понятие «концепт» в отечественном языкознании: основные подходы и направления исследования. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История, языкознание, литературоведение*, 2003, № 2, с. 36. EDN: RUBUGP

² Почуева Н. Н. *Семантический и этнокультурный подходы к изучению фразеологических единиц с лексемой-компонентом из сферы искусства (музыки, театра, живописи) в русском и английском языках: корпусное исследование*: дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2021, с. 34. EDN: ADYWWQ

³ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. *Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц*. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2010, с. 976. EDN: XDHZUV

⁴ *Толковый словарь Ожегова С. И.* URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения: 27.10.2025).

стремись к искренней вере и внутренней гармонии. Концептуальное основание паремии – «Истинная праведность». Лексемы «церковь» и «Бог» фиксируют лишь базовые семантические признаки и не полностью отражают ценностно-культурные представления носителей. «Церковь» здесь выступает как знак формальной, внешней религиозной принадлежности, противопоставляемой подлинной духовной близости; «Бог» же включает религиозно-онтологический смысл вместе с культурными ожиданиями и моральными нормами. Эти понятия дают отправную точку интерпретации, однако ключевой уровень анализа – концепт, который через языковую форму пословицы связывает лексику и понятие в целостную культурно-нагруженную структуру.

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает аксиологема как лингвистическая категория. В дискуссии относительно сущности данного понятия выделяются две точки зрения. Так, В. М. Мокиенко, Н. А. Росова, Д. В. Андрианова, Н. Д. Игнатьева, Т. Г. Никитина, А. С. Шестакова-Стукун рассматривают аксиологеми как «оценочные пословичные идеи, объединяющие сходные по смыслу паремии»¹. А. А. Кретов и Ю. А. Стародубцева под аксиологемой понимают «концепты (смыслы), которые воспринимаются носителями языка (точнее – лингвокультуры) как абсолютные ценности, игнорирование которых обществом осуждается»². Вместе с тем выделяется и другая позиция относительно природы аксиологеми: Е. И. Роголёва и Т. Г. Никитина отмечают, что аксиологеми являются «лаконичными фразами, передающими основную идею паремий, их обобщающий оценочный смысл»³. Н. Н. Казыдуб определяет аксиологему как «языковую репрезентацию аксиологических смыслов», в частности, выделяя отдельную ее разновидность – аксиологему-паремию⁴. Таким образом, в исследовательской практике складываются два подхода: первый сближает аксиологему с концептом, второй рассматривает ее в качестве самостоятельной единицы анализа.

Нам близка позиция тех исследователей, которые рассматривают аксиологему как компактную речевую формулу, непосредственно выражающую оценку (одобрение / осуждение). Нам представляется, что аксиологема не отождествляется с концептом. При этом учитывается, что аксиологема репрезентирует аксиологические смыслы, однако фиксирует прежде всего нормативно-оценочную составляющую, тогда как концепт остается более глубокой категорией, включающей онтологические связи, ассоциативные зоны и историко-культурные коннотации.

¹ Мокиенко В. М. *Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурнографическая репрезентация*. Санкт-Петербург, 2022. URL: <https://clck.ru/3PzPZU> (дата обращения: 27.10.2025). EDN: ZSPGYI

² Кретов А. А., Стародубцева Ю. А. Русские аксиологеми по данным МАСа-2. *Политическая лингвистика*, 2016, № 2, с. 140. EDN: WDNPBZ

³ Никитина Т. Г., Роголёва Е. И. Пословица в современном учебном словаре. *Филологический класс*, 2021, т. 26, № 4, с. 170. <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-04-15>; EDN: OBADYL

⁴ Казыдуб Н. Н. Аксиологические системы в языке и речи. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*, 2009, № 2, с. 135. EDN: NQRWER

Для примера обратимся к поговорке: *Чужая душа – не вода в ковше: сразу не разглядишь*¹. Ключевые лексемы выражают следующие понятия.

1. Душа – внутренний, психический мир человека, его сознание.
2. Ковш – округлый сосуд с ручкой для зачерпывания жидкости, сыпучего.
3. Вода – прозрачная бесцветная жидкость, представляющая собой химическое соединение водорода и кислорода².

В данной поговорке осуществляется метафорическое противопоставление двух сфер: внешняя доступность (вода в ковше – прозрачна, ее видно) и внутренняя скрытность человека (душа непостижима, ее нельзя разглядеть). Обобщенное значение поговорки можно определить следующим образом: *Внутренний мир человека скрыт от постороннего взгляда, истинные побуждения другого не всегда очевидны*. Прагматическую рекомендацию можно определить следующим образом: *Проявляй осторожность, потому что истинные намерения человека раскрываются не сразу*.

Аксиологема «Одобрение бдительности по отношению к другому человеку» направлена на поддержку определенного поведения. В данном случае речь идет об осторожности в оценке других людей. При этом сама аксиологема не дает прямой инструкции к действию, а констатирует оценочный критерий: что именно считается правильным или желательным в социально-культурном контексте. Учитывая данное положение, можно определить концепт «Осторожность», который наполнен культурно-религиозным контекстом русского общества, основанного на христианских ценностях. Душа как внутренний мир человека обладает сакральной ценностью и тайной природой, доступной лишь Богу – «Ты (Бог) один знаешь сердце всех сынов человеческих»³. Данное положение позволяет считать обозначенный нами концепт ценностным концептом поговорки.

Под ценностным концептом Г. Р. Нерсисян и М. Е. Мосесова понимают ментальную единицу, передающую идеальное для определенной культуры, профессионального сообщества или другой единицы социума представление о существующих в мире явлениях и процессах⁴. Г. Хомякова подчеркивает, что «ценностный концепт, являясь по сути продуктом когнитивного развития человека, социума и культуры, передает, актуализируясь в языке, своеобразие их взаимодействия и взаимосвязи»⁵. Понятие ценностного концепта как концепта особого порядка также рассматривает-

¹ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. *Большой словарь русских поговорок: около 70 000 поговорок*. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2010, с. 320. EDN: XDHZUV

² *Толковый словарь Ожегова С. И.* URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения: 27.10.2025).

³ *Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета*. Москва: Российское библейское общество, 2025. 3Ц. 8:39

⁴ Нерсисян Г. Р., Мосесова М. Э. Иерархичность ценностной концептосферы научно-популярного педагогического дискурса (на материале английского языка). *Русский лингвистический бюллетень*, 2022, № 6 (34), с. 1. <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.34.14>; EDN: PXPDFS

⁵ Хомякова Е. Г. Порождающие ценностные концепты англоязычного социума. *Англистика XXI века: материалы IX Всероссийской межвузовской научно-методической конференции* (Санкт-Петербург, 21–23 января 2018 г.). Санкт-Петербург: Университетские Образовательные Округа, 2019, с. 18. EDN: BSQYLU

ся в работах Е. В. Ничипорчик, Е. Д. Аксёнова, В. М. Мирзоева, А. А. Кузнецова, А. И. Мухаметовой и др.

Мы разделяем позицию Л. Б. Савенковой, признающей стержневые концепты паремий «ценностными», обращая при этом внимание на следующие моменты: во-первых, раскрытию их ценностного содержания могут способствовать вспомогательные концепты-спутники, не обладающие сами по себе оценочной функцией и выступающие как этнокультурный фон; во-вторых, в одной паремии одновременно могут взаимодействовать несколько ценностных концептов¹. Под ценностным концептом мы понимаем ментальную единицу, ядро которой содержит нормативно-оценочные установки, отражающие идеалы и приоритеты данного социокультурного сообщества.

Например: *Не греша, не спокаешься; не спокаевшись не помолитшься; не молясь – не спасешься*². В данной паремической единице отражены следующие понятия.

I. Грешить – 1. У верующих: совершать грехи; 2. Нарушать какие-н. правила, противоречить чему-н.

II. Каяться – на церковной исповеди признаваться в своем грехе (грехах) (обычно о тяжелом грехе, требующем искупления).

III. Молиться – читать, произносить молитву, м. Богу. Обращаться с мольбами, с просьбой к Богу, к небесам. М. о спасении души, о ниспослании чуда.

IV. Спасаться – Избавиться от чего-н. (опасного, страшного)³.

Лексемы фиксируют этапы духовной жизни – осознание греха, покаяние, молитва и спасение, обозначая отдельные состояния, но не раскрывая всей их культурно-нравственной глубины: покаяние связано с внутренним очищением, молитва – с искренним обращением к Богу, спасение – с достижением духовного совершенства. Обобщенное значение данной пословицы: *Духовное спасение невозможно без последовательного признания греха, покаяния и молитвы; каждый этап предопределяет следующий*. Прагматическая рекомендация может быть представлена следующим образом: *Помни, что духовное очищение и спасение требуют осознанного покаяния и молитвы; иными путями спасения не достичь*. В контексте данной паремии аксиологема пословицы выражает оценку последовательного духовного поведения: «Одобрение сознательного покаяния и молитвы как обязательных условий спасения души». Она фиксирует отношение к греху, доказывая, что именно такое поведение одобряется в религиозно-культурной традиции. Таким образом, в данной паремии выделяется трихотомия ценностных концептов: «Покаяние» – «Молитва» – «Спасение», отражающих одноименные ценностные компоненты. Концепт «Грех» является вспомогательным концептом-спутником, задающим онтологическую предпосылку всей христианской картины мира – человек грешен по природе, и именно поэтому возникает необходимость покаяния, молитвы и спасения.

¹ Савенкова Л. Б. *Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты*. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2002, с. 139. EDN: UQIWXU

² Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. *Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц*. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2010, с. 223. EDN: XDHZUV

³ *Толковый словарь Ожегова С. И.* URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения: 27.10.2025).

Выводы

Таким образом, методическая установка может быть представлена следующим образом:

- концепт является центральной категорией ценностно-смыслового анализа поговорок;
- ценностные концепты репрезентируют одноименные ценностные компоненты, представленные в скрытом виде в поговорке;
- ценностно-смысловое пространство поговорок, помимо ценностных концептов, составляют вспомогательные концепты-спутники, не обладающие самостоятельной оценочной функцией;
- раскрытие концептуального содержания поговорок возможно посредством анализа значений лексем, аксиологем, скрытых в конкретной поговорке.

Представленный алгоритм анализа позволяет выявить культурно-этические представления, зафиксированные в поговорках. Такой подход может составить основу для дальнейших исследований, направленных на выявление специфики народной религиозной картины мира.

Список литературы / References

Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Значение и смысл русских поговорок в свете когнитивной прагматики. *Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*, 2010, т. 85, № 6–2, с. 169–180. EDN: PCWRDP

Alefirenko N. F., Semenov N. N. The meaning and sense of Russian proverbs in the aspect of cognitive pragmatics. *Izvestiya of Ural State University. Series 1: Issues in Education, Science and Culture*, 2010, vol. 85, no. 6–2, pp. 169–180. (In Russ.) EDN: PCWRDP

Басова Л. В. *Концепт ТРУД в русском языке*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень: ТюмГУ, 2004. 19 с. EDN: NMTSAR

Basova L. V. *The concept of "Labor" in the Russian language*: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences. Tyumen: TiumGU, 2004. 19 p. (In Russ.)

Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Москва: Российское библейское общество, 2025. 1376 с.

The Bible: Books of the Holy Scriptures of the Old and New Covenant. Moscow: Rossiiskoe biblejskoe obshchestvo, 2025. 1376 p. (In Russ.)

Зиновьева Е. И. Понятие «концепт» в отечественном языкознании: основные подходы и направления исследования. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История, языкознание, литературоведение*, 2003, № 2, с. 35–44. EDN: RUBUGP

Zinovieva E. I. Concept in Russian linguistics: principal approaches and tendencies. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2: History, Linguistics, Literary Studies*, 2003, no. 2, pp. 35–44. (In Russ.)

Казыдуб Н. Н. Аксиологические системы в языке и речи. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*, 2009, № 2, с. 132–137. EDN: NQRWER

Kazydub N. N. Value systems in language and speech. *Herald of Irkutsk State Linguistic University*, 2009, no. 2, pp. 132–137. (In Russ.)

Кретов А. А., Стародубцева Ю. А. Русские аксиологемы по данным МАСа-2. *Политическая лингвистика*, 2016, № 2, с. 140–154. EDN: WDNPBZ

Kretov A. A., Starodubtseva Yu. A. The Russian axiologemes according to the abridged academy dictionary of Russian (2nd edition). *Political Linguistics*, 2016, no. 2, pp. 140–154. (In Russ.) EDN: WDNPBZ

Мокиенко В. М. *Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурологическая репрезентация*. Санкт-Петербург, 2022. URL: <https://clck.ru/3PzPZU> (дата обращения: 27.10.2025). EDN: ZSPGYI

Mokienko V. M. *The world of the Eastern Slavs in paremiological interpretation: Axiological dominants and their linguoculturological representation*. St Petersburg, 2022. Available at: <https://clck.ru/3PzPZU> (accessed: 27.10.2025). (In Russ.) EDN: ZSPGYI

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. *Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц*. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1023 с. EDN: XDHZUV

Mokienko V. M., Nikitina T. G., Nikolaeva E. K. *The Big Dictionary of Russian Proverbs: About 70 000 Proverbs*. Moscow: OLMA Media Grup, 2010. 1023 p. (In Russ.) EDN: XDHZUV

Нерсисян Г. Р., Мосесова М. Э. Иерархичность ценностной концептосферы научно-популярного педагогического дискурса (на материале английского языка). *Русский лингвистический бюллетень*, 2022, № 6 (34), с. 1–5. <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.34.14>; EDN: PXPDFS

Nersesian G. R., Mosesova M. E. Hierarchy of values concepts of the conceptual sphere of popular scientific pedagogical discourse (by the English material). *Russian Linguistic Bulletin*, 2022, no. 6 (34), pp. 1–5. (In Russ.) <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.34.14>; EDN: PXPDFS

Никитина Т. Г., Рогалева Е. И. Пословица в современном учебном словаре. *Филологический класс*, 2021, т. 26, № 4, с. 168–181. <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-04-15>; EDN: OBADYL

Nikitina T. G., Rogaleva E. I. A proverb in the Modern Learner's Dictionary. *Philological Class*, 2021, vol. 26, no. 4, pp. 168–181. (In Russ.) <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-04-15>; EDN: OBADYL

Почуева Н. Н. *Семантический и этнокультурный подходы к изучению фразеологических единиц с лексемой-компонентом из сферы искусства (музыки, театра, живописи) в русском и английском языках: корпусное исследование: дис. ... канд. филол. наук*. Тула, 2021. 180 с. EDN: ADYWWQ

Pochueva N. N. *Semantic and ethnocultural approaches to the study of phraseological units with lexical components from the field of art (Music, Theater, Painting) in the Russian and English languages: A corpus-based study*: Cand. thesis in Philological Sciences. Tula, 2021. 180 p. (In Russ.) EDN: ADYWWQ

Савенкова Л. Б. *Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты*. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2002. 240 с. EDN: UQIWXU

Savenkova L. B. *Russian paremiology: Semantic and linguoculturological aspects*. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 2002. 240 p. (In Russ.)

Толковый словарь Ожегова С. И. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения: 27.10.2025).

Ozhegov's Explanatory Dictionary. Available at: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (accessed: 27.10.2025). (In Russ.)

Хомякова Е. Г. Порождающие ценностные концепты англоязычного социума. *Ангlistика XXI века: материалы IX Всероссийской межвузовской научно-методической конференции* (Санкт-Петербург, 21–23 января 2018 г.). Санкт-Петербург: Университетские Образовательные Округа, 2019, с. 14–19. EDN: BSQYLU

Khomiakova E. G. Generative value concepts of the English-speaking society. *English Studies of the 21st Century: Proceedings of the IX All-Russian Interuniversity Scientific and Methodological Conference (St Petersburg, January 21–23, 2018)*. St Petersburg: Universitetskie Obrazovatel'nye Okruga, 2019, pp. 14–19. (In Russ.) EDN: BSQYLU

Сведения об авторе

Глеб Сергеевич Кривошеев – аспирант, <https://orcid.org/0009-0004-4643-7045>, 1910ggg@mail.ru, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (д. 85, ул. Победы, 308015 Белгород, Россия); **Gleb S. Krivosheev** – Postgraduate Student, <https://orcid.org/0009-0004-4643-7045>, 1910ggg@mail.ru, Belgorod State National Research University (85, ul. Pobedy, 308015 Belgorod, Russia).

Статья поступила в редакцию 18.11.2025; одобрена после рецензирования 13.02.2026; принята к публикации 03.03.2026.

The article was submitted 18.11.2025; Approved after reviewing 13.02.2026; Accepted for publication 03.03.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 4 (133), с. 81–94.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 4 (133), pp. 81–94.

Научная статья

УДК: 82

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-8>

<https://elibrary.ru/kwyaqp>

**Размышления Ф. М. Достоевского о проблемах страдания, гордости и бунта
против Бога в романе «Идиот»**

Цзыхэн Лян

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

1026723455@qq.com, <https://orcid.org/0009-0000-4117-8479>

Аннотация. Объектом исследования является роман Ф. М. Достоевского «Идиот», а предметом – художественное воплощение проблем страдания, гордости и бунта против Бога в образах Ипполита Терентьева и князя Мышкина, а также размышления Ф. М. Достоевского о страдании. В статье анализируются монологи, сны и самоубийство Ипполита, раскрываются причины его сомнений в Боге и в законах природы, а также его бунт против религиозной логики достижения искупления через страдания: самоубийство Ипполита было одновременно личной трагедией и крайним актом борьбы против веры в Бога. Князь Мышкин, напротив, воплощает христианское смирение и сострадание, рассматривая страдание как путь к спасению души. Сопоставление этих двух образов отражает основную идею Ф. М. Достоевского: страдание может быть как путем спасения в вере, так и вести к разрушительному протесту. Методология исследования в данной статье основана на анализе текста романа Ф. М. Достоевского «Идиот» с широким использованием соответствующих научных работ (академических статей, монографий и критических статей), посвященных Ипполиту и князю Мышкину. Новизна исследования заключается в том, что в статье раскрывается новое видение Ф. М. Достоевского о проблеме человеческого страдания. Смирение князя Мышкина воплощает традиционное религиозное представление об искуплении через страдание, однако самоубийство Ипполита указывает на другой исход: страдание может породить сомнения, которые перерастут в бунт, что в конечном итоге приведет к гибели личности. Основные выводы заключаются в том, что Ипполит признавал существование Бога, но не мог принять созданный Им мировой порядок, наполненный страданиями. Его самоубийство было вызвано не атеизмом, а гордым бунтом – крайним протестом против христианской логики, согласно которой искупление достигается через страдания. Через зеркальное противопоставление князю Мышкину, олицетворяющему смирение и искупление, в статье раскрывается двойственность страдания в мысли Ф. М. Достоевского: страдание является одновременно путем к религиозному спасению и эстетическим явлением, способным даровать духовную силу и возвысить характер. В конечном итоге трагическая судьба Ипполита проявляет вечную диалектику между верой и сомнением, покорностью и бунтом, становится воплощением размышлений Ф. М. Достоевского о существовании человечества.

Ключевые слова: «Идиот», Ипполит, князь Мышкин, гордость человека, бунт против Бога, размышление о страдании

Для цитирования: Лян Цзыхэн. Размышления Ф. М. Достоевского о проблемах страдания, гордости и бунта против Бога в романе «Идиот». *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 4 (133), с. 81–94. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-8>; EDN: KWYAQP

Fyodor Dostoevsky's reflection on the problem of suffering, pride, and rebellion against God in the character of Hippolytus

Ziheng Liang

M. V. Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

1026723455@qq.com, <https://orcid.org/0009-0000-4117-8479>

Abstract. The object of the study is F. M. Dostoevsky's novel "The Idiot", and the subject is the artistic embodiment of the problems of suffering, pride and rebellion against God in the images of Hippolytus Terentyev and Prince Myshkin, as well as F. M. Dostoevsky's reflections on suffering. The work analyzes Hippolytus's soliloquies, dreams, and suicide to reveal his skepticism toward God and natural laws, as well as his rebellion against the religious logic of "redemption through suffering". Hippolytus's suicide represents both a personal tragedy and defiance of faith in God; in contrast, Prince Myshkin embodies Christian humility and compassion, viewing suffering as a path to redemption. This contrast embodies Dostoevsky's central thesis: suffering can lead to redemptive faith or ignite destructive rebellion. The research methodology is based on an analysis of the novel by F. M. Dostoevsky "The Idiot" with the widespread application of relevant scientific works (research papers, monographs and critical articles) focusing on Hippolytus and Prince Myshkin. The article also reveals a new vision of F. M. Dostoevsky about the issue of human suffering. Prince Myshkin's humility embodies the traditional religious notion of redemption through suffering, however Hippolytus's suicide points to a different outcome: suffering can give rise to doubts that escalate into rebellion, leading to the death of the personality. The paper concludes that Hippolytus recognized the existence of God, but could not accept the world order created by Him, filled with suffering. His suicide springs from a proud protest, not atheistic denial. Through his mirrored contrast with Myshkin, Dostoevsky reveals suffering's dual nature – both a path to religious redemption and an opportunity for spiritual elevation. Thus the tragic fate of Hippolytus shows an eternal dialectic between faith and doubt, humility and rebellion, becomes the embodiment of F. M. Dostoevsky's thoughts about the existence of humanity.

Keywords: "The Idiot", Hippolytus, Prince Myshkin, human pride, rebellion against God, thinking about suffering

For citation: Liang Ziheng. Fyodor Dostoevsky's reflection on the problem of suffering, pride, and rebellion against God in the character of Hippolytus. *Cherapovets State University Bulletin*, 2026, no. 4 (133), pp. 81–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-8>; EDN: KWYAQP

Введение

В романе Ф. М. Достоевского «Идиот» образ Ипполита Терентьева является одним из наиболее трагических воплощений философско-религиозных поисков писателя. Самоубийство героя является не только следствием индивидуального кризиса,

но и художественным выражением фундаментальных вопросов о гордости, бунте против Бога и страдании, которые занимают центральное место в мировоззрении Ф. М. Достоевского.

Роману Ф. М. Достоевского «Идиот» посвящено множество научных исследований, но большинство из них сосредоточено на фигуре главного героя – князя Мышкина. Однако и другие персонажи произведения обладают значительной художественной и философской значимостью. Ввиду исторического контекста, затронутого в романе, а также из-за идейных конфликтов анализ этих образов (в том числе образа Ипполита) неизменно вызывает многочисленные споры и разногласия. На протяжении долгого времени Ипполит рассматривался как представитель русской молодежи XIX века, находившейся под сильным влиянием, и даже «заражением», западноевропейской мысли: «Что же касается образа Ипполита, то в нем усматривают развенчание “западнических идей”, которыми будто была “заражена” интеллигенция в современной Достоевскому России. Ипполиту вменяется практичность – черта “деловых людей западного образца”»¹. Однако исследования, посвященные глубинным мотивам его самоубийства, а также вытекающим из этого философским размышлениям Ф. М. Достоевского о человеческих страданиях, все еще остаются отрывочными. Образ Ипполита в романе «Идиот» имеет существенное значение не только как отражение влияния западноевропейской мысли на Россию – Ф. М. Достоевский намеревался сделать его «главной осью всего романа»². Он пишет: «Об Ипполите сжато и сильно. Сосредоточить на нем всю интригу»³. Князь Мышкин в совершенном образе «воплощения Христа» является несомненным центром романа, однако глубокий смысл, заключенный в образе Ипполита, также заслуживает тщательного анализа.

Основная часть

В «Идиоте» из-за болезни молодой Ипполит проводил долгие дни и недели в комнате, где он долго размышлял о своем отношении к Богу и миру. Эта деталь напоминает нам о том, как Родион Раскольников принимает страшное решение в своей маленькой каморке. По мнению Ф. М. Достоевского, когда человек надолго замыкается в своей скорлупе, это свидетельствует о серьезных переменах в его душе и вере. У Ипполита, несомненно, была вера: он верил в существование Бога и в то, что мир создан Им. Но его собственное отношение к Богу было не покорным и уважительным, а постоянно протестующим, даже враждебным. Благочестивый христианин не будет звать «студента Кислородова, который по убеждениям своим, материалист, атеист и нигилист», чтобы тот сказал ему «наконец голую правду, не нежничая и без

¹ Мехтиев В. Г. «Два конца незримой цепи...»: Ипполит и князь Мышкин. *Международный научно-исследовательский журнал*, 2021, № 4–4 (106), с. 38. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.106.4.111>; EDN: XTJJEI

² Белов С. В. *Федор Михайлович Достоевский*. Москва: Просвещение, 1990. 277 с. EDN: WKLFQP

³ Достоевский Ф. М. *Идиот*, перевод Жун Жудэ. Шанхай: Шанхайское издательство переводов, 2014, с. 280.

церемонии»¹. Встреча Ипполита с этим студентом в конце своей жизни – лучшее доказательство того, что он колеблется в своей вере.

В. Г. Мехтиев отмечает: «Оппозиции “Ипполит – князь Мышкин” уделяется все большее внимание ученых. Указывают на зеркальность образов героев, даже на нерасторжимую связь между ними»². Несмотря на то что у Ипполита и князя Мышкина разное отношение к вере, постановка вопроса у них одна: оба они исходят из ощущения своей богооставленности. Если князь Мышкин принимает страдания жизни со смирением, то Ипполит, напротив, выбирает бунт. В определенной мере оба этих образа равнозначны: их отношение к Богу можно рассматривать как одинаково напряженное. Именно это придает образу Ипполита более глубокий философский смысл, позволяя увидеть в нем не просто нигилиста, находящегося под влиянием западной философской мысли.

Для анализа отношения Ипполита к Богу и судьбе необходимо обратиться к его сновидению. В литературоведении подобные явления именуются «архетипом сновидения»³. Как пишет В. В. Савельева, «архетипическая природа сновидения позволяет считать его загадкой или разгадкой внутреннего “Я” персонажа... Введение сна – это факт авторской воли»⁴.

Во сне Ипполита появилось страшное насекомое; он косвенно объяснил, что этот «гад» был олицетворением природы, точнее – ее законов: «Но мне как будто казалось временами, что я вижу, в какой-то странной и невозможной форме, эту бесконечную силу, это глухое, темное и немое существо. Я помню, что кто-то будто бы повел меня за руку, со свечкой в руках, показал мне какого-то огромного и отвратительного тарантула и стал уверять меня, что это то самое темное, глухое и всесильное существо, и смеялся над моим негодованием»⁵. Ипполит считает, что это чудовище «нарочно у меня явилось, и что в этом самом заключается будто бы какая-то тайна»⁶. Это отражает его сомнения в Боге и мучительные мысли о Нем: поскольку Бог сотворил мир и человека, почему дал человеку так много страданий? Ипполит не может принять и смириться с такой «насмешливой» судьбой. Он считает, что человек рождается в мир не для того, чтобы страдать. А если люди обречены на страдание, в чем смысл такого божьего творения и замысла? В описании насекомого из сна написано: «мне сказали, что оно ядовитое». Но по объяснению Ипполита ясно, что

¹ Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 8. Ленинград: Наука, 1973, с. 219.

² Мехтиев В. Г. «Два конца незримой цепи...»: Ипполит и князь Мышкин. *Международный научно-исследовательский журнал*, 2021, № 4–4 (106), с. 36. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.106.4.111>; EDN: XTJIEI

³ Губарев А. Поэтика и метафизика сна Ипполита Терентьева (роман Ф. М. Достоевского «Идиот»). *Культура и текст*, 2011, № 12, с. 474. EDN: OZQPSL

⁴ Савельева В. В. *Художественная антропология и литературное творчество: курс лекций. Художественная антропология и творчество писателя*, под редакцией В. В. Савельевой, Л. И. Абдуллиной. Усть-Каменогорск; Алматы, 2007, с. 188. EDN: QUHBLJ

⁵ Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 8. Ленинград: Наука, 1973, с. 231

⁶ Там же, с. 219.

он совсем не обращает никакого внимания на то, ядовито чудовище или нет: «больше всего мучился тем, кто его прислал в мою комнату, что хотят мне сделать и в чем тут тайна»¹. Сильно отличаясь от нигилистов и атеистов, Ипполит признает само существование Бога, но отказывается понимать Его замысел о мире и людях, обреченных на страдания. Появление князя Мышкина только усиливает его сомнение. Князь появился в жизни Ипполита так же неожиданно и загадочно, как и животное во сне: Ипполит не знает, кем послан ему князь и какую роль он должен сыграть в его жизни и философских исканиях.

Ужасная сцена во сне предвещает трагический разрыв религиозной веры самого Ипполита с реальной жизнью, как об этом говорил сам Ф. М. Достоевский: «кажда красота и идеала и в то же время 40 % неверие в него, или вера, но нет любви к нему»². То есть у Ипполита есть вера, но он не верит в Бога: «если нигилизм предлагает человечеству “голую правду”, то “христианам” свойственно смирение, оборачивающееся ханжеским умилением перед таинством смерти»³. Размышления Ипполита о жизни и смерти представляют собой трагедию: с одной стороны, он обладает верой, с другой – огромные страдания, причиненные ему реальностью, заставляют его сомневаться в самой вере и даже испытывать к ней враждебность. Разрыв веры на религиозно-философском уровне открывает возможности для выявления новых исследовательских подходов при анализе данного образа.

Важно упомянуть Норму – собаку из сна. Протопоп Аввакум считал одним из воплощений антихриста бешеную собаку, которая «огнем дышет, изо рта, из ушей и из ноздрей пламя смрадное исходит»⁴. И это как раз соответствует образу Ипполита как антихриста, противостоящего Богу: «Животные не могут чувствовать мистического испуга, если не ошибаюсь; но в эту минуту мне показалось, что в испуге Нормы было что-то как будто очень необыкновенное, как будто тоже почти мистическое, и что она, стало быть, тоже предчувствует, как и я, что в звере заключается что-то роковое и какая-то тайна»⁵. Ипполит испытывает глубокие сомнения и размышляет о Боге: врожденное стремление к жизни породило в его душе страх перед тем, кто его создал, – перед Богом, воплощающим закон природы.

Финал сна Ипполита отражает его идею борьбы с законами природы и Богом. Несмотря на то что герой испытывает страх, его прежняя жизнь стала доказательством того, что абсолютное смирение перед законами природы не освобождает от страдания. Поначалу кажется, что собака одержала победу, но позже становится яс-

¹ Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 8. Ленинград: Наука, 1973, с. 220.

² Там же, с. 167

³ Савенкова Е. С. Западнические идеи в русском социокультурном дискурсе и их персонализации в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». *Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева*, 2011, № 1 (86), с. 315. EDN: OFWCGF

⁴ Сочинения Аввакума. *Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга вторая*; составитель и общая редакция Л. Дмитриева, Д. Лихачева. Москва: Художественная литература, 1989, с. 423.

⁵ Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 8. Ленинград: Наука, 1973, с. 220.

но: насекомое ужалило собаке язык, обрекая ее на мучительную боль и страдания. Е. С. Савенкова считает, что Норма, пытаясь уничтожить гада, отравляется его ядом и в каком-то смысле становится причастна «мировому Злу»¹. Такой финал символизирует судьбу Ипполита: он борется с законами природы из любви к жизни, но в самой борьбе собственными руками уничтожает себя. Ф. М. Достоевский ставит на Ипполите эксперимент и задается вопросами: «Может ли человек бороться с судьбой?» и «Что делать человеку, если его врагом оказался его же творец?».

Сон Ипполита завершается символически: «Тут я проснулся, и вошел князь»². Каждый исследователь Ф. М. Достоевского должен узнать знакомый мотив – завершение сна Раскольникова о старухе: «Он тяжело перевел дыхание, – но странно, сон как будто все еще продолжался: дверь его была отворена настежь, и на пороге стоял совсем незнакомый ему человек и пристально его разглядывал»³. В кошмаре Родиона Раскольникова герой снова убил старуху и тем самым действительно «расколол» свою душу. Поэтому после того, как он проснулся, к нему является его демонический двойник – Свидригайлов. Сновидения являются одними из самых важных элементов в произведениях Ф. М. Достоевского. Что делает еще более очевидной мысль о том, что Ипполит в «Идиоте» играет важную роль в идейной и духовной сферах романа.

Во сне Ипполита собака вступает в символический поединок с неумолимой смертью (и, соответственно, с законами природы), а сразу после завершения борьбы во сне, при пробуждении, Ипполит видит князя. Несомненно, эти эпизоды имеют сходство, ибо некие таинственные отношения между персонажами Ф. М. Достоевского особенным образом выражаются и во сне, и в реальном мире. По нашему мнению, момент прихода князя является продолжением сна Ипполита: после того как собака победила во сне (ценой болезненной раны), князь, как прообраз Христа, снова появился перед ним, возвращая в измученное сознание героя образ того, кто некогда преодолел смерть. Это является подтверждением авторского замысла Ф. М. Достоевского о симметричных образах – «князь Мышкин – Ипполит». Итог жизни князя Мышкина заключается в его уничтожении внешними силами, тогда как итог жизни Ипполита – самоуничтожение, что образует резкий контраст, который «рассматривается как спор двух типов воззрения, в котором обязательно должен быть победитель или побежденный»⁴. Тем самым Ипполит получает скрытый ответ на свой бунт от автора, который заключается в противопоставлении атеистической и христианской парадигмы.

В момент реального времени, когда князь и Ипполит разговаривали о смерти, отношение князя к больному было очень нежным, что сильно контрастировало с атмо-

¹ Касаткина Т. А. Комментарии к роману «Идиот». *Достоевский Ф. М. Собрание сочинений*: в 9 т., т. 4. Москва: АСТ, 2003. 681 с.

² Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 8. Ленинград: Наука, 1973, с. 220.

³ Там же, с. 142.

⁴ Мехтиев В. Г. «Два конца незримой цепи...»: Ипполит и князь Мышкин. *Международный научно-исследовательский журнал*, 2021, № 4–4 (106), с. 37. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.106.4.111>; EDN: XTJJEI

сферой во сне Ипполита. В сновидении закон природы (закон смерти) являлся герою как страшное чудовище, пугал и мучил его. Князь же, напротив, всегда был нежен при разговоре о смерти, как будто хотел утешить Ипполита о предстоящей ему смерти (безусловно, князь Мышкин не хочет, чтобы Ипполит умер, но его отношение к смерти в корне отличается). В объяснении Ипполита мы видим князя с другой стороны – как провидца или «душевида» – ибо он сам догадывается о тяжелых снах героя: «И почему же сны? Он или медик, или в самом деле необыкновенного ума и может очень многое угадывать»¹. По мнению Ипполита, образ князя Мышкина имеет более мистическую окраску, и по этой черте князь наиболее близок к образу Христа как Бога, который сам пришел к Ипполиту «страждущим и обремененным» и призвал его к «смирненной» смерти – без злобы и с прощением живых. Однако здесь следует отметить, что Ф. М. Достоевский скрыто указывает на двойной смысл покорности и спасения. С точки зрения князя Мышкина, его покорность является добровольной; тогда как с точки зрения Ипполита принятие этой мягкой силы скорее предстает как пассивность из-за страха перед смертью: «Покорность Богу от страха, не от любви и доверия, не от “великого дерзновения”, а от одного страха и недоверия»².

Таким образом, принять смирение для Ипполита невозможно, хотя он и считает, что «смирение есть страшная сила»³. Герой заметил абсолютное смирение в своем соседе Сурикове, но ему претит такое отношение к жизни, потому что, по его мнению, у них (здоровых людей) долгая жизнь, но они не смеют бороться с законами природы. Даже когда Ипполит насмехается над смертью ребенка Сурикова, тот просто выставляет его за дверь: «...когда я, в марте месяце, поднялся к нему наверх, чтобы посмотреть, как они там “заморозили”, по его словам, ребенка, и нечаянно усмехнулся над трупом его младенца, потому что стал опять объяснять Сурикову, что он “сам виноват”, то у этого сморчка вдруг задрожали губы, и он, одною рукой схватив меня за плечо, другую показал мне дверь и тихо, то есть чуть не шепотом, проговорил мне: “ступайте-с”»⁴. Ипполит имеет «тяжелое впечатление какой-то странной, презрительной к нему жалости»⁵. Судьба Сурикова и судьба Ипполита образуют резкий контраст: Ипполит стремится бороться с законами природы, но из-за собственной болезни обречен на поражение, тогда как Суриков, обладая здоровым телом, выбирает покорное принятие всех страданий. Ипполит считает, что именно полное принятие христианского вероучения сделало их такими абсолютно смиренными людьми. А теперь Бог приуготовил ему ту же судьбу: смиренно принять бессмысленные страдания и преждевременную смерть. Поэтому Ипполит всегда относится к этому иронически, и именно этим вызвана его необъяснимая враждеб-

¹ Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 8. Ленинград: Наука, 1973, с. 219.

² Мережковский Д. С. *Толстой и Достоевский*. Москва: Наука, 2000. 299 с.

³ Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 8. Ленинград: Наука, 1973, с. 223.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ность к князю. По мнению героя, истинная вера не должна исходить из страха перед смертью.

Со многими персонажами Достоевского повторяется одна и та же закономерность: когда они отворачиваются от Бога, то тяжело заболевают (физиологически или психологически). Например, Ипполит, Рогожин или даже Раскольников. Ипполит, страдающий от неизлечимой болезни, решил покончить с собой; Рогожин заболел душевной болезнью и убил Настасью Филипповну; Раскольников придумал свою мизантропическую теорию из-за того, что он долгие годы был в изоляции от общества. Для верующих убийство – смертный грех, независимо от того, убиваешь себя или другого. Перечисленные выше герои были гордецами, отказались от принятия страдания и, наоборот, стремились уподобиться Богу.

Гордость, в свою очередь, бывает двух видов. Во-первых, это может быть следствие обиды с обыкновенной житейской точки зрения. Например, Ипполит и Раскольников – молодые, образованные, самоуверенные и талантливые люди, но их реальная жизнь сильно отличается от их желаний. На их глазах добрые люди подвергаются оскорблениям, трудолюбивые – мало зарабатывают, а подлые – богатеют. В то же время, оба имеют широкий кругозор и потому замечают проблему в обществе, но не могут ее исправить. Большая разница между их высокой самооценкой и реальностью приводит их к сомнению в своей вере. Так, Ипполит сказал: «Неужто им непонятно, что чем более я забудусь, чем более отдамся этому последнему призраку жизни и любви, которым они хотят заслонить от меня мою стену и все, что на ней так откровенно и простодушно написано, тем несчастнее они меня сделают? Для чего мне ваша природа, ваш Павловский парк, ваши восходы и закаты солнца, ваше голубое небо и ваши вседовольные лица, когда весь этот пир, которому нет конца, начал с того, что одного меня счел за лишнего? Что мне во всей этой красоте, когда я каждую минуту, каждую секунду должен и принужден теперь знать, что вот даже эта крошечная мушка, которая жужжит теперь около меня в солнечном луче, и та даже во всем этом пире и хоре участница, место знает свое, любит его и счастлива, а я один выкидыш, и только по малодушию моему до сих пор не хотел понять это»¹. По мнению Ипполита, этот мир прекрасен, и герой считает, что он должен быть в нем, но, наконец, замечает, что он – лишний. Именно потому, что он родился по закону природы, он увидел свой дефект и неизбежность смерти, что только усилило его страдания.

Во-вторых, гордость Ипполита, по сути, является проявлением центральной идеи произведений Ф. М. Достоевского. В творчестве Достоевского все события, мысли и эмоции в конечном итоге сводятся к одному вопросу – о Боге и вечности. Вопрос о вечности является как центральным элементом творчества Ф. М. Достоевского, так и, по его мнению, ответом на все остальные вопросы: они неразрывно связаны между собой. Искание Бога и вечности по своей сути мучительно, и мы ярко наблюдаем это страдание в персонажах Ф. М. Достоевского. В романе «Идиот» Ипполит воплощает эту муку; стремление героя к Богу и вечности поддерживает его краткое

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т., т. 8. Ленинград: Наука, 1973, с. 233.

существование. «Решение этих вечных проблем – главное страдание всех отрицательных и положительных героев Ф. М. Достоевского. Через это они осуществляют подход ко всем остальным проблемам; без этого немислимы они, как немислим и сам Ф. М. Достоевский... Их жизненная забота, их неизбежное занятие – решать главный, вечный вопрос: есть ли Бог, есть ли бессмертие? Без этого они невозможны; без этого они теряют себя»¹. Именно этот поиск ответа на вопрос о Боге привел к тому, что Ипполит постоянно мучился мыслями о будущем, обреченном на смерть. В конце концов он отошел от Бога: «Отказываясь из-за гордости от привязанности школьного товарища и семьи врача, Ипполит замыкается и удаляется от открытия, освещающего существование других героев Достоевского, близких к смерти»².

Кроме того, гордость является необходимым элементом романтической природы, равно как и страдание – неотъемлемой частью романтического мировоззрения. Бесконечное духовное страдание – стихия, которая питает и укрепляет дух в его величии. Чем оно масштабней, тем больше романтическая личность возвышается над остальными людьми (презренной «толпой») и приближается на равных к Богу, якобы приобретая право бросить ему вызов. Такая позиция отчетливо выражена в русской литературе, к примеру, в стихах горячо любимого Ф. М. Достоевским М. Ю. Лермонтова. Его лирический герой сначала «требуя» себе страдания как «пищи» для своей души и гения («Я жить хочу, хочу печали / Любви и счастию назло»; «Что без страданий жизнь поэта / И что без бури океан»), а потом апеллирует к своим безмерным страданиям, бросая вызов Творцу («Благодарность», «Я не хочу, чтоб свет узнал...»), вплоть до решимости (или, по крайней мере, готовности), как у Ипполита, на преждевременный уход из жизни («Гляжу на будущность с боязнью»).

Мышление Ипполита было отмечено ярко выраженной романтической философией природы, А. Б. Криницын отмечает: «Человек, восхищаясь Природой как вечным процессом жизни, в то же время остро осознает перед ее лицом свою конечность и неслиянность с ее гармонией»³. В романе «Идиот» Ипполит часто упоминает природу. При своем первом появлении в Павловске он признается, что приехал туда «для того, чтобы видеть деревья»⁴. Когда он читает свое «необходимое объяснение», герой сознательно выбрал время для самоубийства ранним утром, на рассвете, чтобы на него падали первые лучи солнца. Эти действия, несомненно, свидетельствуют о глубоком уважении к природе, а также явно демонстрируют его романтический взгляд на мир. Однако именно благодаря этому Ипполит обнаружил неслиянность между собой и природой: «человек – своего рода отщепенец природного мира

¹ Преподобный Иустин Попович. *Философия и религия Ф. М. Достоевского*. Издатель – Д. В. Харченко, 2007, с. 1.

² Симонетта Сальвестрони. Библийские и святоотеческие источники романов Достоевского. *Академический проект*, 2001, с. 42.

³ Криницын А. Б. Романтические коннотации к образу Ипполита Терентьева (роман Ф. М. Достоевского «Идиот»). *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*, 2025, № 2 (30), с. 115. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-2-107-142>; EDN: HEJUDH

⁴ Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 8. Ленинград: Наука, 1973, с. 246.

(«мыслящий тростник») вследствие самосознания себя как субъекта. Индивидуальность невоспроизводима вечным течением жизни рода, подобно прочим природным созданиям и потому смертна (уничтожается со смертью)¹. Именно во время болезни он по-настоящему осознал ограниченность своей жизни и невозможность гармоничного союза с природой. Таким образом, его самоубийство приобрело явное значение бунта против законов природы. Его гордость была романтической, рожденной пробуждением человеческого самосознания. И когда князь Мышкин оказался в такой же ситуации, он «пытается преодолеть трагическую несовместимость с природной жизнью в христианской идеологии»². С точки зрения христианской религии гордость является смертным грехом («гордыня»), а страдание должно научить смирению перед Богом, спасительному для души. Поэтому, кроме своего отношения к Богу, Ипполит в своем «объяснении» выражает также важные идеи самого Ф. М. Достоевского: его размышления о человеческом страдании.

Чжэн Юнван отмечает: «В художественном мире Ф. М. Достоевского, если человек стремится избавиться от роковой предопределенности страдания, то он должен уподобиться князю Мышкину из романа “Идиот”, явившемуся в греховный мир в облике юродивого. Однако фактическая ситуация заключается в том, что Мышкин лишен способности спасти мир и сам оказывается уничтоженным этим миром. Специфика понимания красоты у Достоевского заключается в его устремленности к постижению метафизического смысла страдания через размышление о нем, благодаря чему возникает особая форма философско-спекулятивной красоты, извлекаемой исключительно из пережитой боли»³. Ф. М. Достоевский соединил человеческое страдание и религию, создав собственную философскую позицию. Страдание в понимании Ф. М. Достоевского имеет эстетическую природу, потому что в сознании бедного человека оно превращается в эмоциональную ценность и душевную силу. Если придать страданию эстетический смысл, то оно становится другим. С внешней точки зрения страдание все-таки страдание, но с точки зрения человека с эстетическим сознанием – это метафизическая душевная сила, которая даже питается самим страданием.

Размышления Ф. М. Достоевского о возможности эстетизации страдания не привели его к осознанию этого пути как единственно правильного. Такая возможность сублимации страдания придает ему осмысленность, но не делает само страдание спасительным, поскольку не решает проблему вечной жизни или хотя бы достижения гармонии в мире людей. Поэтому можно сказать, что Ипполит – хороший пример того, как автор размышляет о таком эстетическом осознании страдания и анализирует его. Ф. М. Достоевский сотворил и князя Мышкина с благочестивым смирением, и Ипполита с могучим бунтом против Бога и законов природы, а разница мне-

¹ Криницын А. Б. Романтические коннотации к образу Ипполита Терентьева (роман Ф. М. Достоевского «Идиот»). *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*, 2025, № 2 (30), с. 114. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-2-107-142>; EDN: HEJUDH

² Там же, с. 126.

³ 郑永旺. 从“美拯救世界”看陀思妥耶夫斯基的苦难美学[J]. *哲学动态*, 2013(09): с. 77. Чжэн Юнван. Эстетика страдания Достоевского в свете идеи «красота спасет мир». *Философская динамика*, 2013, № 9, с. 77.

ний героев исходит из двух разных понятий о бессмертии: «Оба героя считают, что смерть не прерывает жизнь, а трансформирует ее в новую форму. Мышкин верит, что эта новая форма является более совершенной, поскольку связана со все большим единством людей через любовь; Ипполит же уверен, что новая форма жизни столь же абсурдна и наполнена страданиями, как и нынешняя жизнь»¹. Князь Мышкин уверен, что вера дает бессмертие, потому что он сам принимает учение Христа (а для других персонажей Мышкин является даже его прообразом – как для Настасьи Филипповны). Причину, по которой Ипполит не согласен с этим, можно найти в романе: его собственные страдания и картина Гольбеина с изображением мертвого Христа, увиденная им в доме Рогожина, вызывают у него сомнения в возможности воскресения и бессмертия. Эти сомнения превращаются в сопротивление высшим силам: даже если Ипполит верит, что можно получить спасение через принятие страданий, жизнь после спасения все равно остается для него мучительной. Поэтому «Ипполит верит в бессмертие, в продолжение жизни после смерти, но эта вера не только не умаляет ужаса смерти, но даже усиливает его, делает нестерпимым и абсолютно безысходным, поскольку этот ужас будет повторяться в каждой новой жизни, заканчивающейся новой смертью. Ужас смерти в таком случае оказывается как бы квинтэссенцией того ужаса, который вызывается нынешней несовершенной жизнью, не приносящей ничего, кроме боли, страданий и разочарований»².

Поэтому сопротивление Ипполита князю Мышкину как прообразу Христа, а также Богу и законам природы, становится вполне понятным. Как говорит сам Ипполит, он признает существование религии и Бога, но не может согласиться с тем, что спасение достигается через страдания: «Религия! Вечную жизнь я допускаю и, может быть, всегда допускал. Пусть зажжено сознание волею высшей силы, пусть оно оглянулось на мир и сказало: “я есмь!”, и пусть ему вдруг предписано этою высшею силой уничтожиться, потому что там так для чего-то, – и даже без объяснения для чего, – это надо, пусть, я все это допускаю, но опять-таки вечный вопрос: для чего при этом понадобилось смирение мое? Неужто нельзя меня просто съесть, не требуя от меня похвал тому, что меня съело»³.

Известно, что у Ф. М. Достоевского была эпилепсия и его душевное состояние не было стабильным. Поэтому Ипполит для него – в каком-то смысле иной вариант решения его собственных проблем. С одной стороны, он уверен в эстетической возвышенности и красоте перенесенного страдания, которые его искупают и сублимируют, а с другой – не закрывает глаза на его релевантность, относительность. Хотя Раскольников явился в полицию под влиянием Сони, но к концу романного действия он и сам осознал, что, оставаясь на свободе, не справится с внутренним ужасом от совершенного им, так что благотворное влияние Сони лишь ускорило его решение. В «Идиоте» же поведение Ипполита яснее выражает сомнения автора: герой отка-

¹ Ли Тяньюнь, Евлампиев И. И. Проблема бессмертия и воскресения в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». *Вестник ПХГА*, 2021, № 1, с. 162. <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2021.22.1.007>; EDN: YLXXEM

² Там же, с. 166.

³ Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 8. Ленинград: Наука, 1973, с. 234.

зался от веры в Бога и принятия Божественного промысла о себе и закончил свою жизнь сопротивлением данному Богом страданию.

Выводы

Настоящая статья рассматривает персонажа Ипполита Терентьева из романа Ф. М. Достоевского «Идиот» и исследует религиозные, философские и эстетические смыслы, заключенные в его самоубийстве. Посредством внимательного чтения текста и сравнительного анализа Ипполит сопоставляется с князем Мышкиным и другими персонажами. Можно сделать следующие выводы. По мнению Ф. М. Достоевского, страдание имеет как религиозное (путь к спасению и очищению души), так и эстетическое (источник духовной силы и титанического возвышения личности) значение. Самоубийство Ипполита является не только личной трагедией, но и раскрытием вечного человеческого положения: когда вера и страдание несовместимы, человек может прийти к гордому протесту и самоуничтожению. Через противопоставление Ипполита и Мышкина Ф. М. Достоевский показывает сложные диалектические отношения между верой и сомнением, покорностью и протестом, спасением и гибелью. Несмотря на противоположное отношение к вере, оба героя воплощают размышления Ф. М. Достоевского о человеческом существовании. Ипполит признает существование Бога, но отказывается принимать религиозную логику «спасения через страдание», поэтому его самоубийство является как высшим проявлением гордости, так и окончательным протестом против Бога и законов природы. Его сны и внутренние монологи раскрывают противоречия души: с одной стороны – стремление к жизни, с другой – из-за болезни и близости смерти он приходит к сомнению и бунту. В противоположность этому, Мышкин принимает страдание в образе «юродивого» и воплощает хриstopодобное сострадание и смирение. Сопоставление этих двух образов раскрывает основную идею Ф. М. Достоевского: страдание может быть как путем спасения в вере, так и вести к разрушительному протесту. Настоящая работа закладывает основу для дальнейшего сравнительного анализа Ипполита с другими персонажами «Идиота», а также для межкультурного исследования эстетики страдания (например, сравнительного изучения русской и китайской традиций).

Список литературы / References

Белов С. В. *Федор Михайлович Достоевский*. Москва: Просвещение, 1990. 277 с. EDN: WKLFQP

Belov S. V. *Fyodor Mikhailovich Dostoevsky*. Moscow: Prosveshchenie, 1990. 277 p. (In Russ.) EDN: WKLFQP

Губарев А. Поэтика и метафизика сна Ипполита Терентьева (роман Ф. М. Достоевского «Идиот»). *Культура и текст*, 2011, № 12, с. 474–476. EDN: OZQPSL

Gubarev A. The poetics and metaphysics of Hippolytus Terentyev's dreams (Fyodor Dostoyevsk's novel "The Idiot"). *Culture and Text*, 2011, no. 12, pp. 474–476. (In Russ.) EDN: OZQPSL

Достоевский Ф. М. *Идиот*, перевод Жун Жудэ. Шанхай: Шанхайское издательство переводов, 2014, 678 с.

Dostoevsky F. M. *The Idiot*, translated by Zhong Zude. Shanghai: Shankhaiskoe izdatel'stvo perevodov, 2014, 678 p. (In Russ.)

Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 8. Ленинград: Наука, 1973. 510 с.
Dostoevsky F. M. *Complete Works*: In 30 vols., vol. 8. Leningrad: Nauka, 1973. 510 p. (In Russ.)

Касаткина Т. А. Комментарии к роману «Идиот». *Достоевский Ф. М. Собрание сочинений*: в 9 т., т. 4. Москва: АСТ, 2003. 681 с.

Kasatkina T. A. Comments on the novel "The Idiot". *Dostoevsky F. M. Collected Works*: In 9 vols., vol. 4. Moscow: AST, 2003. 681 p. (In Russ.)

Криницын А. Б. Романтические коннотации к образу Ипполита Терентьева (роман Ф. М. Достоевского «Идиот»). *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*, 2025, № 2 (30), с. 107–142. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-2-107-142>; EDN: HEJUDH

Krinityn A. B. Romantic connotations to the image of Hippolytus Terentyev (from Fyodor Dostoevsky's novel "The Idiot"). *Dostoyevsky and world culture. Philological Journal*, 2025, no. 2 (30), pp. 107–142. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-2-107-142>; EDN: HEJUDH

Ли Тяньюнь, Евлампиев И. И. Проблема бессмертия и воскресения в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*, 2021, № 1, с. 162–174. <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2021.22.1.007>; EDN: YLXXEM

Li Tianjun, Evlampiev I. I. The problem of immortality and resurrection in F. M. Dostoevsky's novel "The Idiot". *Review of Russian Christian Academy for Humanities*, 2021, no. 1, pp. 162–174. (In Russ.) <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2021.22.1.007>; EDN: YLXXEM

Мережковский Д. С. *Толстой и Достоевский*. Москва: Наука, 2000. 299 с.

Merezhkovsky D. S. *Tolstoy and Dostoevsky*. Moscow: Nauka, 2000. 299 p. (In Russ.)

Мехтиев В. Г. «Два конца незримой цепи...»: Ипполит и князь Мышкин. *Международный научно-исследовательский журнал*, 2021, № 4–4 (106), с. 36–38. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.106.4.111>; EDN: XTIIJEI

Mekhtiev V. G. "Two ends of an invisible chain...": Hippolytus and Prince Myshkin. *International Research Journal*, 2021, no. 4–4 (106), pp. 36–38. (In Russ.) <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.106.4.111>; EDN: XTIIJEI

Преподобный Иустин Попович. Философия и религия Ф. М. Достоевского. Издатель – Д. В. Харченко, 2007. 130 с.

The Reverend Justin Popovich. The philosophy and religion of F. M. Dostoevsky. Publisher D. V. Kharchenko, 2007. 130 p. (In Russ.)

Савельева В. В. Художественная антропология и литературное творчество: курс лекций. *Художественная антропология и творчество писателя*, под редакцией В. В. Савельевой, Л. И. Абдуллиной. Усть-Каменогорск; Алматы, 2007, с. 6–269. EDN: QUHBLJ

Savelieva V. V. Artistic anthropology and literary creativity: Lecture course. *Artistic Anthropology and the Writer's Creativity*; edited by V. V. Savelieva, L. I. Abdullina. Ust-Kamenogorsk; Almaty, 2007, pp. 6–269. (In Russ.) EDN: QUHBLJ

Савенкова Е. С. Западнические идеи в русском социокультурном дискурсе и их персонификации в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». *Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева*, 2011, № 1 (86), с. 312–319. EDN: OFWCGF

Savenkova E. S. Western ideas in Russian sociocultural discourse and their personification in F. M. Dostoevsky's novel "The Idiot". *Transactions of Nizhni Novgorod State Technical University n. a. R. Y. Alexeev*, 2011, no. 1 (86), pp. 312–319. (In Russ.) EDN: OFWCGF

Симонетта Сальвестрони. Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского. *Академический проект*, 2001. 91 с.

Simone Salvestroni. Biblical and patristic sources in Dostoevsky's novels. *Academic Project*, 2001. 91 p. (In Russ.)

Сочинения Аввакума. Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга вторая; составитель и общая редакция Л. Дмитриева, Д. Лихачева. Москва: Художественная литература, 1989, с. 351–454.

Works of Avvakum. *Monuments of Ancient Russian Literature: 17th century. Book two*; compiled and edited by L. Dmitriev and D. Likhachev. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1989, pp. 351–454. (In Russ.)

郑永旺. 从“美拯救世界”看陀思妥耶夫斯基的苦难美学[J]. 哲学动态, 2013(09): с. 77. Чжэн Юнван. Эстетика страдания Достоевского в свете идеи «красота спасет мир». *Философская динамика*, 2013, № 9, с. 77.

Zheng Yongwang. Dostoevsky's aesthetics of suffering in light of the idea that "Beauty Will Save the World". *Philosophical Dynamics*, 2013, no. 9, p. 77. (In Russ.)

Сведения об авторе

Лян Цзыхэн – соискатель, <https://orcid.org/0009-0000-4117-8479>, 1026723455@qq.com, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (д. 1, ул. Ленинские горы, 119991 Москва, Россия); Liang Ziheng – Applicant for a Degree, <https://orcid.org/0009-0000-4117-8479>, 1026723455@qq.com, M. V. Lomonosov Moscow State University (1, ul. Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 30.10.2025; одобрена после рецензирования 06.02.2026; принята к публикации 03.03.2026.

The article was submitted 30.10.2025; Approved after reviewing 06.02.2026; Accepted for publication 03.03.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 4 (133), с. 95–106.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 4 (133), pp. 95–106.

Научная статья

УДК 81'42

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-9>

<https://elibrary.ru/llncwi>

**Категория сакральности в контексте агиографического текстообразования
(на англоязычном материале)**

Сергей Михайлович Пашков

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

s.p.n1980@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7552-7304>

Аннотация. Цель исследования заключается в обосновании сакральности в качестве текстовкатегориальной доминанты агиографического текста. Методология основывается на положениях теорий интертекстуальности, доминанты и категориального моделирования текста. В ходе исследования установлено, что сакральность детерминирует семантические, структурные и функциональные аспекты агиографического текста, определяемого как интертекст и форма позитивно-религиозной концептуализации сакральности. Частным механизмом образования анализируемого текста рассмотрена нарративность в ее событийном аспекте. В работе предложен трехступенчатый алгоритм анализа языкового материала.

Ключевые слова: категория сакральности, текстообразование, агиографический текст, интертекстуальность, событие

Для цитирования: Пашков С. М. Категория сакральности в контексте агиографического текстообразования (на англоязычном материале). *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 4 (133), с. 95–106. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-9>; EDN: LLNCWI

**The category of sacredness in the context of hagiographic text formation
(based on the English material)**

Sergey M. Pashkov

Herzen State Pedagogical University,
St. Petersburg, Russia

s.p.n1980@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7552-7304>

Abstract. The purpose of the research is to substantiate sacredness as a categorial dominant of hagiographic text. The methods employed include theoretical data of intertextuality, dominant, and categorial text modeling. The author has proved that sacredness determines semantic, structural and functional properties of the text under study, defined as intertext and a form of positive religious conceptualization of sacredness. Narrative in its eventive aspect is considered to be a particular

mechanism for the formation of the analyzed text. The paper proposes a three-stage algorithm for analyzing language material.

Keywords: category of sacredness, text formation, hagiographic text, intertextuality, event

For citation: Pashkov S. M. The category of sacredness in the context of hagiographic text formation (based on the English material). *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 4 (133), pp. 95–106. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-9>; EDN: LLNCWI

Введение

Агиографический текст (житийный текст) сохраняет актуальность изучения, о чем свидетельствует рост лингвистических исследований, посвященных лексическим, лингвокультурологическим, функционально-стилистическим, категориальным и другим аспектам данного текста. Так, изучается лексика эмоций, репрезентирующая аксиологию житийного текста¹; глагольная лексика, репрезентирующая нравственный идеал в тексте жития²; лексика перцептивной семантики, выражающая восприятие «незримого» в житийных текстах³.

Особый интерес представляют работы, ориентированные на категориальные свойства агиографических речевых произведений. Так, анализируется субъективная модальность, реализующая «важную текстообразующую функцию» в житийных текстах⁴; исследуются функционально-стилистические особенности данных текстов в контексте «жанрообразующих признаков» темы, коммуникативной цели, композиции, образа автора и некоторых других⁵. Разработана концепция прототекстуальности религиозного стиля. На материале категорий темы, композиции, тональности и хронотопа жизнеописание Иисуса Христа рассматривается в качестве протожанровой модели жития⁶. Изучается номинативная лексика, реализующая категорию пространства в житийном тексте; выделяются следующие типы пространств: реально-географический, городской, сакральный, библейский и символический⁷.

¹ Дмитриева Е. Г. Эмотивная лексика как средство выражения аксиологических смыслов в житийном тексте. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 2024, № 4, т. 23, с. 6–15. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.1>; EDN: LZZSDA

² Стародубцева Н. А. Средства выражения нравственного идеала в языке житий русских святителей синодального периода. *Научный диалог*, 2018, № 12, с. 152–165. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-12-152-165>; EDN: YTPJCH

³ Сафонова И. А. Глагольные средства выражения восприятия «незримого» в агиографических текстах XX–XXI веков. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 2021, № 6, т. 20, с. 65–77. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.6>; EDN: ULVSGM

⁴ Капрэ Е. Н. Субъективная модальность в древнерусских и старорусских житийных текстах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Калининград: [б. и.], 2011. 24 с. EDN: QHRTSH

⁵ Грекова И. В. Эволюция агиографического жанра в функционально-стилистическом аспекте: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово: [б. и.], 2014. 22 с. EDN: ZPMAWF

⁶ Ицкович Т. В. Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: автореф. дисс. ... док. филол. наук. Екатеринбург: [б. и.], 2016. 42 с. EDN: YLXBEB

⁷ Ильин Б. Б. Язык пространства в житии святого Еразма. *Научный диалог*, 2021, № 10, с. 85–100. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-85-100>; EDN: KBTYOL

Все приведенные текстовкатегориальные исследования объединяет паритетный принцип к проблеме категориального моделирования текста. Иными словами, избираются определенные общетекстовые категории, лишенные иерархической маркированности, и устанавливается их лингвистическое своеобразие в житийном тексте. Действительно, тезис о субъективной модальности, реализующей текстообразующую функцию, релевантен не только для агиографического текста (ср.: художественный текст, эссе, философский текст и пр.); аналогичное можно сказать о хронотопе, коммуникативной цели, композиции и пр.

Агиографический текст рассмотрен в качестве лингвокультурного феномена. В данном исследовании постулируется центральность и текстообразующий статус концепта «Святой» / «Святость» в агиографии. Поскольку житие фокусируется на святости человека, делается следующий вывод: агиография – жанр антропоцентричный¹.

Положение о том, что святость (в терминосистеме настоящего исследования – сакральность) является центральным понятием при осмыслении агиографических текстов, не вызывает сомнений. Тезис же об антропоцентричности жития представляется дискуссионным. Признание антропоцентричности житийного текста ведет к определенной степени стирания границы между данным текстом и текстом художественным, однако они типологически различны. Конечно, агиографический текст репрезентирует жизнеописание человека, но человека не как такового (ср. художественное изображение человека), а в его отношении к Богу. Думается, что функциональная направленность данных текстов – реализация замысла Бога о человеке. Замысел характеризует Автора, соответственно, житийные тексты теоцентричны. Для данных текстов обязательна та же текстовкатегориальная доминанта, что и для всех остальных религиозных текстов – сакральность. Эта доминанта детерминирует структуру и семантику агиографического текста, реализуется посредством разнородных языковых средств и функционально направлена на репрезентацию особого типа знания – сакрального. Данный тип знания характеризуется как трехкомпонентная семантическая структура, инкорпорирующая семантику сакральной ономастологии, сакральной императивности и сакральной эсхатологии².

Святая жизнь является результатом борьбы со страстями и следования заповедям Бога. В связи с этим агиографические тексты характеризуются высокой сакрально-императивной плотностью – в них превалирует сакральная императивность, реализуемая посредством разнообразных сакрально-императивных интекстов, в то время как сакральная ономастология и сакральная эсхатология сравнительно незначительны.

Цель настоящего исследования – описание семантических, структурных и функциональных характеристик агиографического текста в контексте его текстовкатегориальной доминанты. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи:

¹ Коренева Ю. В. *Житийный текст как лингвокультурный феномен*: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Мытищи: [б. и.], 2022. 39 с. EDN: PGQJFH

² Пашков С. М. Доминантный принцип и проблема категориального моделирования текста. *Когнитивные исследования языка*, 2025, № 2–2 (63), с. 390–394. EDN: BYHGMR

- 1) обосновать сакральную императивность как категориальный сегмент сакральности, детерминирующий семантику агиографического текста;
- 2) рассмотреть нарративность в ее событийном аспекте, обеспечивающую структурную организацию данного текста;
- 3) разработать алгоритм лингвистического анализа, учитывающий семантические и функциональные характеристики изучаемого текста.

Материалом исследования являются два житийных текста (про Антония Великого и Марию Египетскую), переведенных на английский язык, общим объемом – 190 страниц.

Основная часть

История жизни святого человека реализуется в определенных пространственно-временных координатах. Это позволяет утверждать следующее: если интертекстуальность является общим механизмом текстообразования в агиографических текстах, то частным механизмом выступает нарративность, которая в науке понимается как текстообразующая стратегия репрезентации мира посредством сюжетно-повествовательных высказываний.

В качестве одной из категорий нарративности рассматривается событийность¹. Данный термин получает различные интерпретации, что вызвано разными исходными концептуальными установками исследователей, а также вариативностью языкового материала, в контексте которого событийность осмысляется. Мы полагаем, что концепция события, разработанная Ю. М. Лотманом, обладает большим экспланаторным потенциалом применительно к агиографическим текстам. Событие в тексте – «перемещение персонажа через границу семантического поля». Ученый исходит из того, что в основе организации, например, мифологического или художественного текста часто лежит «принцип бинарной семантической оппозиции»: богатые – бедные, правоверные – еретики, просвещенные – непросвещенные и др.; и эти миры, как отмечает Ю. М. Лотман, довольно часто получают пространственную реализацию².

Выше было отмечено, что функциональная направленность агиографического текста – реализация замысла Бога о человеке, иными словами – стяжание человеком святости (сакральности), которая рассматривается в двух аспектах: онтологическом (Бог) и реляционном (мир). Последний аспект подразделяется на реляционно-объективную (священные предметы, саны, праздники, места) и реляционно-субъективную (святые люди) святость³. Стяжание реляционно-субъективной святости – дело не «одного дня», а целой жизни. Экстраполируя понятие события в понимании Ю. М. Лотмана на материю агиографического текста, можно утверждать, что перемещение через границу семантического поля реализуется посредством пути, который персонаж осуществляет от не святости к святости. Анализ житийных тек-

¹ Андреева В. А. *Литературный нарратив: зона формирования смыслов*. Казань: Бук, 2019. 320 с. EDN: YXPFYT

² Лотман Ю. М. *Об искусстве*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1998. 704 с.

³ Hardon J. A. *Modern Catholic Dictionary*. Doubleday & Company, INC., New York, 1980. 251 p.

стов показывает, что несвятость персонажа может соотноситься либо с порочностью (жизне Марии Египетской), либо с благочестием (жизне Антония Великого).

Принимая во внимание вышесказанное – тезис о сакральности как текстокатегориальной доминанте агиографического текста, а также тот факт, что событие обязательно предполагает пространство, время и субъект, – предлагается следующая логика лингвистического анализа данного текста:

– первый этап: анализ языковых средств с локальной и темпоральной семантикой, репрезентирующих хронотоп персонажа (места пребывания, этапы жизни и пр.);

– второй этап: анализ языковых средств с акциональной, ментальной и абстрактной семантикой, репрезентирующих физические и когнитивные действия персонажа;

– третий этап: установка семантической корреляции между сакрально-императивными интекстами и языковыми средствами, репрезентирующими деятельность (в широком смысле слова) персонажа, которая интерпретируется в качестве положительной перлокуции сакрально-императивных высказываний.

Предлагаемый алгоритм анализа акцентирует семантические (сакральное знание), структурные (смена хронотопа) и функциональные (трансляция замысла Бога о человеке) аспекты агиографического текста.

Обратимся к житию христианского подвижника III–IV вв. Антония Великого.

(1) *“Antony was an Egyptian by birth. His parents were of good stock and well-to-do; and because they were Christians he himself was brought up a Christian. As a child he lived with his parents, knowing nothing but them and his home; and when he grew to be a boy and was advancing in age, he did not take to schooling, desiring to shun even the companionship of other children: his one desire was, as the Scripture states concerning Jacob, to lead a simple life at home <...>. Upon his parents’ death he was left alone with an only sister who was very young. He was about eighteen or twenty years old at the time and took care of the house and his sister”*¹.

В микроконтексте № 1 описывается происхождение и детство Антония. Лексемы с локальной (*home*) и темпоральной (*time, eighteen, twenty years old*) семантикой воссоздают место пребывания и юношество Антония. О начальном этапе жизни святого и месте его проживания свидетельствуют также существительные *child, boy* и *Egyptian* (детство и юношество Антония связаны с Египтом). Глаголы ментальной семантики *knowing, take to, desiring, take care of* репрезентируют уединенный образ жизни подвижника и его внимание к дому и родным, иными словами – его благочестие.

(2) *“Less than six months had passed since his parents’ death when, as usual, he chanced to be on his way to church <...>. And it so happened that the Gospel was being read at that moment and he heard the passage in which the Lord says to the rich man: If thou wilt be perfect, go sell all that thou hast, and give it to the poor: and come, follow me and thou shalt have treasure in Heaven. As though God had put him in mind of the saints*

¹ *St. Athanasius: The Life of Saint Antony*, translated by R. T. Meyer. New York: Newman press, 1978, pp. 18–19.

and as though the reading had been directed especially to him, Antony immediately left the church and gave to the townspeople the property he had from his forebears – three hundred arurae, very fertile and beautiful to see. He sold all the rest, the chattels they had, and gave the tidy sum he received to the poor, keeping back only a little for his sister. But once again as he entered the church, he heard the Lord saying in the Gospel: Be not solicitous for the morrow. He could not bear to wait longer, but went out and distributed those things also to the poor”¹.

Микроконтекст № 2 описывает новый этап жизни Антония. «Событие» происходит в церкви (*church*) спустя несколько месяцев после смерти родителей (*six months*). Лексемы с акциональной (*left, gave, sold, went out, distributed*) и ментальной (*heard, bear*) семантикой репрезентируют действия Антония по продаже своего имущества и раздаче вырученных средств людям. Очевидно, что данные языковые единицы семантически коррелируют с семантикой сакрально-императивных интекстов, которые вводятся в текст жития посредством незначительно измененной цитаты (*If thou wilt be perfect, go sell all that thou hast, and give it to the poor: and come, follow me and thou shalt have treasure in Heaven*) и перифразы (*Be not solicitous for the morrow*). Императив заповеди *go, sell* и *give* идентичны индикативу жития *went, sold* и *gave*, что акцентирует буквальное исполнения слов Христа и настроенность на духовный подвиг и аскезу. Императив второй заповеди (*Be not solicitous*) семантически соотносится с языковыми единицами, репрезентирующими продажу всего имущества (*distributed those things also to the poor*). Следуя словам Христа и полностью полагаясь на Его защиту, подвижник «перестает» думать о завтрашнем дне в контексте материальной обеспеченности.

(3) *“Then he left for the tombs which lay at some distance from the village. He had requested one of his acquaintances to bring him bread at long intervals. He then entered one of the tombs, the man mentioned locked the door on him, and he remained alone within. This was too much for the Enemy to bear, indeed, he feared that presently he would fill the desert too with his asceticism” (Ancient Christian Writers, 1978:26).*

В микроконтексте № 3 описывается аскетизм Антония в пустыне и борьба с бесами (*Enemy*). Локальная семантика языковых единиц (*village, tombs, desert*) репрезентирует новое место существования святого, а лексема с абстрактной семантикой *asceticism* изображает аскетический образ жизни подвижника: *“the practice of strict self-denial as a measure of personal and especially spiritual discipline”²*. Аскетизм и пост (*to bring him bread at long intervals*) как средства борьбы с бесами являются реминисценцией к евангельскому тексту: *“Howbeit this kind goeth not out but by prayer and fasting” (Matthew, 17:21)³*. Христос учит, что злые духи изгоняются только посредством молитвы и поста (одни из важнейших заповедей). Соответственно, языковые средства, репрезентирующие аскетический образ жизни Антония, коррелируют

¹ *St. Athanasius: The Life of Saint Antony*, translated by R. T. Meyer. New York: Newman press, 1978, pp. 19–20.

² *Merriam-Webster Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 10.11.2025).

³ Библейские цитаты приводятся по изданию *King James Bible*. URL: <https://www.king-jamesbibleonline.org> (дата обращения: 10.11.2025).

с сакральной императивностью в ее духовном срезе (регуляция духовных действий человека).

(4) *“This is the last visit I am making with you, and I am wondering if we shall see each other again in this life. It is time now for me to die, for I am near a hundred and five years <...>. This was the end of Antony’s life in the body, as above we had the beginning of his ascetical life. And though this be but a meagre account as compared with the virtue of the man, yet do take this and reflect what manner of man Antony, the man of God, was. From youth to so great an age he preserved an unswerving devotion to the ascetic life”*¹.

В приведенном фрагменте подводится итог жизни Антония. Темпоральная семантика (*time, a hundred and five years, age*) репрезентирует продолжительность его жизни, а лексемы с абстрактной семантикой (*ascetical, devotion, virtue*) являются репрезентантами ее святости. Глагол ментальной семантики *preserve (an unswerving devotion)* свидетельствует о духовных усилиях Антония, которые способствовали стяжанию святости.

Словосочетание *the man of God* («человек Божий») представляет собой библейскую цитату. В сакральном тексте данный титул употребляется, в частности, по отношению к святым людям и пророкам (например, *Moses, Samuel, Elijah*). Кореференция номинаций *Antony* и *the man of God* свидетельствует о следовании Антония заповедям. Таким образом, путь Антония от благочестия к святости – суть реализация замысла Бога о человеке.

Обратимся к житию Марии Египетской – христианской святой VI века.

(5) *“My homeland, <dear> brother, was Egypt. When my parents were still alive and I was twelve years old, I rejected my love for them and went to Alexandria. I am ashamed to think about how I first destroyed my own virginity, and how I then threw myself entirely and insatiably into the lust of sexual intercourse. But now <I feel> it is more decent for me to speak openly what I shall briefly describe, so that you may become aware of my lust and love of pleasure. For more than seventeen years – please forgive me – I was a public temptation to licentiousness, not for payment, I swear, since I did not accept anything although men often wished to pay me. I simply contrived this so that I could seduce many more men, thus turning my lust into a free gift <...>. The truth is that I had an insatiable passion and uncontrollable lust to wallow in filth. This was and was considered to be my life, to insult nature with my lust”*².

Приведенный микроконтекст изображает начальный этап жизни святой. Лексемы с локальной (*homeland, Egypt, Alexandria*) и темпоральной (*twelve years old, seventeen years*) семантикой репрезентируют хронотоп персонажа. Абстрактная (*lust, passion, filth, virginity, pleasure, temptation, licentiousness*), акциональная (*sexual intercourse, destroyed*) и ментальная (*contrived, insult, seduce, rejected*) семантика языковых единиц характеризуется отрицательной оценочной направленностью в тексте, которая распространяется на нейтральные в узусе лексемы с локальной семантикой. Эти единицы позволяют воссоздать порочный образ жизни Марии до ее обращения к

¹ *St. Athanasius: The Life of Saint Antony*, translated by R. T. Meyer. New York: Newman press, 1978, p. 93, 96.

² *Holy Women of Byzantine. Ten Saint’s lives in English Translation*, edited by Alice-Mary Talbot. USA: Dumbarton Oaks, 1996, p. 80.

Богу. Сама же порочность рассматривается в качестве негативной перлокуции на заповедь, которая регулирует физические действия человека, в частности, сексуальные отношения. Ср.:

(6) “*Flee fornication. Every sin that a man doeth is without the body; but he that committeth fornication sinneth against his own body*” (1 Corinthians, 6:18).

(7) “*For ye know what commandments we gave you by the Lord Jesus. For this is the will of God, even your sanctification, that ye should abstain from fornication: That every one of you should know how to possess his vessel in sanctification and honour; Not in the lust of concupiscence, even as the Gentiles which know not God*” (1 Thessalonians, 4:2–5).

В приведенных микроконтекстах из Нового Завета заповедь против блуда репрезентируется посредством императива (*Flee fornication*) и модального глагола с семантикой долженствования (*ye should abstain from fornication*). Лексемы *fornication*, *lust*, *concupiscence* семантически коррелируют с лексемами из жития *passion*, *licitiousness* и *lust*. Ср.:

– *fornication*: “*consensual sexual intercourse between two persons not married to each other*”;

– *lust*: “*usually intense or unbridled sexual desire*”;

– *concupiscence*: “*strong desire, especially: sexual desire*”;

– *licitiousness*: “*lacking legal or moral restraints, especially: disregarding sexual restraints*”;

– *passion*: “*sexual desire*”¹ (полужирный курсив наш. – С. П.).

Данные языковые единицы характеризуются отрицательной оценкой как в сакральном тексте, так и в тексте жития.

Порочная деятельность Марии Египетской является реминисценцией к жизни Рахав – библейской блудницы, ставшей святой, а также к предостережению Христа («истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие»). Изменение образа жизни, покаяние, пост, молитва, иными словами – путь к святости (осуществление события по Ю. М. Лотману) – начинается после общения Марии с Пресвятой Девой.

(8) “*<...> for seventeen years I wandered in this desert struggling with those irrational desires, as if with wild beasts <...>. But immediately I would shed tears and beat my breast with my hand, and remind myself of the agreement I made when I came out to the desert. In my mind I would stand in front of the icon of the Mother of God, my guarantor, and I would weep before Her, asking Her to chase away those thoughts that assailed my miserable soul in this way. When I had shed enough tears and had beaten my breast as hard as I could, I used to see light shining everywhere around me. From that moment on, after that storm, I would feel constant tranquility deep inside me*”².

В микроконтексте № 8 описывается поселение Марии в пустыне. Лексические единицы с локальной (*the opposite bank, desert, wilderness*) и темпоральной (*next day*,

¹ Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 10.11.2025).

² Holy Women of Byzantine. Ten Saint's lives in English Translation, edited by Alice-Mary Talbot. USA: Dumbarton Oaks, 1996, pp. 85–86.

forty-seven years, seventeen years) семантикой репрезентируют новое место и новый этап жизни персонажа. Акциональная (*shed [tears], beat [my breast], weep*) и ментальная (*asking, mind, remind, feel*) семантика языковых средств изображает глубокое покаяние женщины. Поскольку для религиозного сознания покаяние всегда положительное явление, его языковая репрезентация характеризуется окказиональной положительной направленностью. Эта интерпретация подтверждается существительными с абстрактной семантикой *tranquility* и *light*, маркирующими положительные плоды раскаяния.

Покаяние Марии – осознание своих грехов и желание исправить свою жизнь – коррелирует с библейским тезисом о греховности любого человека и призывом к покаянию. Особую экспликацию этот призыв получает в Новом Завете.

(9) *“In those days came John the Baptist, preaching in the wilderness of Judaea, And saying, Repent ye: for the kingdom of heaven is at hand” (Matthew, 3:1–2).*

Эмоциональные глаголы и эмоциональные кинемы микроконтекста № 8 (*weep, beat my breast, shed tears*) соотносятся с семантикой глагола *repent* и «овнешняют» выполнение библейской заповеди: *“to turn from sin and dedicate oneself to the amendment of one’s life”*¹.

(10) *“Father Zosimas, bury the body of the humble Mary in this place. Return dust to dust, and pray always to the Lord for me. I died in the month of Pharmouthi, according to the Egyptians (April, according to the Romans), on that very night of the Passion of our Savior, after I received the holy Last Supper”*².

Микроконтекст № 10 изображает последний этап земной жизни Марии. Локальная (*place*) и темпоральная (*month of Pharmouthi, April, night*) семантика воссоздают место и время кончины святой. Лексема с ментальной семантикой *humble* репрезентирует образ жизни Марии после покаяния и обращения к Богу, который является позитивной перлокуцией на заповедь о смирении. Ср.:

(11) *“And whosoever shall exalt himself shall be abased; and he that shall humble himself shall be exalted” (Matthew, 23:12).*

(12) *“Put on therefore, as the elect of God, holy and beloved, bowels of mercies, kindness, humbleness of mind, meekness, longsuffering” (Colossians, 3:12).*

Императив (*Put on... humbleness of mind*) и индикатив (*shall humble himself shall be exalted*), репрезентирующие заповедь в сакральном тексте, аксиологически коррелируют с эпитетом *humble* текста жития.

Особую сотериологическую важность для христианина, помимо покаяния, приобретает заповедь причастия, регулирующая духовные действия человека.

(13) *“And he took bread, and gave thanks, and brake it, and gave unto them, saying, This is my body which is given for you: this do in remembrance of me” (Luke, 22:19).*

(14) *“Verily, verily, I say unto you, Except ye eat the flesh of the Son of man, and drink his blood, ye have no life in you. Whoso eateth my flesh, and drinketh my blood, hath eternal life; and I will raise him up at the last day” (John, 6:53–54).*

¹ Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 10.11.2025).

² *Holy Women of Byzantine. Ten Saint’s lives in English Translation*, ed. by Alice-Mary Talbot. USA: Dumbarton Oaks, 1996, p. 91.

В микроконтекстах № 13 и № 14 описывается заповедь причастия и ее значение для спасения. Она реализуется посредством императива (*do*) и индикатива (микроконтекст № 14). Перед смертью исполнение Марией этой заповеди репрезентируется аллюзивным словосочетанием *the holy Last Supper (I received the holy Last Supper)*. Заповедь причащения дается Христом во время последней вечери: *Last Supper: "the supper eaten by Jesus and his disciples on the night of his betrayal"*¹.

Выводы

Рассмотрение сакральности в качестве текстокатегориальной доминанты агиографического текста позволило системно описать его функциональные, семантические и структурные параметры. В связи с этим данный текст был определен как интeртекст и форма позитивно-религиозной концептуализации сакральности. Показано, что функционально житийный текст транслирует сакральное знание (замысел Бога о человеке), предопределяющее теоцентризм данного текста. В семантическом плане отмечено превалирование сакральной императивности как категориального сегмента сакральности. Структурная организация текста жития рассмотрена в контексте нарративной категории события. Последнее понималось как «переход» персонажа от несвятости к святости, маркируемое семантически соотнесенными языковыми средствами. Соответственно, были выделены и систематизированы языковые единицы, репрезентирующие деятельность персонажа (акциональная, абстрактная и ментальная семантика), его пространство (пространственная семантика) и время (темпоральная семантика). Деятельность персонажа интерпретировалась в качестве положительной перлокуции сакрально-императивных высказываний.

Список литературы / References

Андреева В. А. *Литературный нарратив: зона формирования смыслов*. Казань: Бук, 2019. 320 с. EDN: YXPFTY

Andreeva V. A. *Literary narrative: A sense-forming zone*. Kazan: Buk, 2019. 320 p. (In Russ.) EDN: YXPFTY

Грекова И. В. *Эволюция агиографического жанра в функционально-стилистическом аспекте*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово: [б. и.], 2014. 22 с. EDN: ZPMAWF

Grekova I. V. *Evolution of hagiographic genre in functional and stylistic aspect*: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences. Kemerovo, 2014. 22 p. (In Russ.) EDN: JVTDXG

Дмитриева Е. Г. Эмотивная лексика как средство выражения аксиологических смыслов в житийном тексте. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 2024, № 4, т. 23, с. 6–15. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.1>; EDN: LZZSDA

Dmitrieva E. G. Emotive vocabulary as a means of expressing axiological meanings in a hagiographic text. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2024, no. 4, vol. 23, pp. 6–15. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.1>; EDN: LZZSDA

¹ *Merriam-Webster Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 10.11.2025).

Ильин Б. Б. Язык пространства в житии святого Еразма. *Научный диалог*, 2021, № 10, с. 85–100. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-85-100>; EDN: KBTYOL

Ilyin B. B. Language of space in Life of Saint Erasmus. *Scientific Dialogue*, 2021, no. 10, pp. 85–100. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-85-100>; EDN: KBTYOL

Ицкович Т. В. *Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях*: автореф. дис. ... док. филол. наук. Екатеринбург: [б. и.], 2016. 42 с. EDN: YLXBEB

Itskovich T. V. *Genre systematization of religious style on communicative, pragmatic and text categorial basis*: Abstract Dr thesis in Philological Sciences. Ekaterinburg, 2016. 42 p. (In Russ.) EDN: YLXBEL

Капрэ Е. Н. *Субъективная модальность в древнерусских и старорусских житийных текстах*: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Калининград: [б. и.], 2011. 24 с. EDN: QHRTSH

Kapre E. N. *Subjective modality in Ancient Russian and Old Russian hagiographic texts*: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences. Kaliningrad, 2011. 24 p. (In Russ.) EDN: QHRTSH

Коренева Ю. В. *Житийный текст как лингвокультурный феномен*: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Мытищи: [б. и.], 2022. 39 с. EDN: PGQJFH

Korneeva Yu. V. *Hagiographic text as a linguo-cultural phenomenon*: Abstract Dr thesis in Philological Sciences. Mytishchi, 2022. 39 p. (In Russ.) EDN: PGQJFH

Лотман Ю. М. *Об искусстве*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1998. 704 с.

Lotman Yu. M. *About art*. St Petersburg: Iskusstvo-Spb, 1988. 704 p. (In Russ.)

Пашков С. М. Доминантный принцип и проблема категориального моделирования текста. *Когнитивные исследования языка*, 2025, № 2–2 (63), с. 390–394. EDN: BYHGRM

Pashkov S. M. Dominant principle and the problem of categorial text modeling. *Cognitive studies of language*, 2025, no. 2–2 (63), pp. 390–394. (In Russ.) EDN: BYHGRM

Сафонова И. А. Глагольные средства выражения восприятия «незримого» в агиографических текстах XX–XXI веков. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 2021, № 6, т. 20, с. 65–77. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.6>; EDN: ULVSGM

Safonova I. A. Verbal means expressing the comprehension of “invisible” in hagiographic texts of the 20th–21st centuries. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2021, no. 6, vol. 20, pp. 65–77. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.6>; EDN: ULVSGM

Стародубцева Н. А. Средства выражения нравственного идеала в языке житий русских святителей синодального периода. *Научный диалог*, 2018, № 12, с. 152–165. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-12-152-165>; EDN: YTPJCH

Starodubtseva N. A. Means of expressing moral ideal in language of hagiographic texts about Russian hierarchs of synodal period. *Scientific Dialogue*, 2018, no. 12, pp. 152–165. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-12-152-165>; EDN: YTPJCH

Hardon J. A. *Modern Catholic Dictionary*. Doubleday & Company, INC. New York, 1980. 251 p.

Holy Women of Byzantine. Ten Saint's lives in English Translation, edited by Alice-Mary Talbot. USA: Dumbarton Oaks, 1996. 351 p.

King James Bible. Available at: <https://www.kingjamesbibleonline.org/> (accessed: 10.11.2025).

Merriam-Webster Dictionary. Available at: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed: 10.11.2025).

St. Athanasius: The Life of Saint Antony, translated by R. T. Meyer. New York: Newman press, 1978. 260 p.

Сведения об авторе

Сергей Михайлович Пашков – кандидат филологических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-7552-7304>, s.p.n1980@mail.ru, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 48, наб. р. Мойка, Санкт-Петербург, Россия); **Sergey M. Pashkov** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7552-7304>, s.p.n1980@mail.ru, Herzen State Pedagogical University, (48, nab. reki Moika, St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 16.11.2025; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 03.03.2026.

The article was submitted 16.11.2025; Approved after reviewing 26.01.2026; Accepted for publication 03.03.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 4 (133), с. 107–117.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 4 (133), pp. 107–117.

Научная статья

УДК 811.1

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-10>

<https://elibrary.ru/mcprkwm>

Полиситуативность в семантической структуре многозначного глагола

Елена Геннадьевна Пермякова

Уральский государственный университет путей сообщения,

Екатеринбург, Россия

egpermyakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3061-8544>

Аннотация. В данной статье исследуются глаголы, объединенные инвариантным значением ‘получать’ в контексте разговорного дискурса. Актуальность выбранной темы обусловлена применением структурного и когнитивного подходов. Цель работы – определить, по каким причинам глагольная семантическая структура может модифицироваться под концепт «получать». Научная новизна заключается в интегративном подходе к описанию семантики. Наше исследование показало, что любой многозначный глагол может вербализовать значение ‘получать’ не только благодаря концептуальным признакам, но и под влиянием внешних факторов.

Ключевые слова: полиситуативность, многозначный глагол, концептуальный признак, разговорный дискурс, интерпретация

Для цитирования: Пермякова Е. Г. Полиситуативность в семантической структуре многозначного глагола. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 4 (133), с. 107–117. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-10>; EDN: MCPKWM

Polysituativity in the semantic structure of a polysemantic verb

Elena G. Permyakova

Ural State University of Railway Transport,

Ekaterinburg, Russia

egpermyakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3061-8544>

Abstract. The article studies verbs united by the invariant meaning of ‘receive / get’ in the context of colloquial discourse. The study is relevant for its application of structural and cognitive approaches. The goal of the study is to determine the reasons why the verb semantic structure can be modified within verbalization. The scientific novelty lies in the integrative approach to describing semantics. Our study demonstrates that any polysemantic verb can reveal the meaning of ‘receive / get’ not only due to the conceptual features, but also under the influence of external factors.

Keywords: polysituativity, polysemantic verb, conceptual feature, colloquial discourse, interpretation

For citation: Permyakova E. G. Polysituativity in the semantic structure of a polysemantic verb. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 4 (133), pp. 107–117. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-10>; EDN: MCPKWM

Введение

Полиситуативность – свойство глагола отражать комплекс событий разными средствами. Н. Б. Лебедева описывает ее так – особое содержание, образующее самостоятельный срез семантики. Такой подход позволяет продемонстрировать разноплановость значений, которые передают не отдельный фрагмент действительности, а находятся в непрерывном коммуникативном фокусе с различными ситуациями. Содержательная сторона глагола маркирована различными смежными аналогами пропозиции. Непрототипические значения глагола не расщепляются на случайные события, а логически связываются и представляются в виде поля, в котором типовые ситуации формируют ядро – находятся в центре, в постоянном коммуникативном фокусе, – и периферию – не в фокусе основных событий, но связанные имплицативными отношениями с общепринятым значением¹.

Речь современного человека представляет собой поликодовую моделирующую систему, которая спонтанно формирует неповторимый язык говорящего и в любой момент может быть перекодирована под другие ориентиры. В реальном событийном моменте может происходить размытие границ сложной иерархии концептов в соответствии с прагматическими и психологическими потребностями говорящего.

В связи с этим можно привести концепцию Ю. М. Лотмана о том, что за любой культурой стоит текст, охватывающий ее пространство на всех уровнях. Текст и есть культура, и принадлежит он области речи, включая все системные элементы языка. Текст – нечто ценное, «своего рода упаковка, из недр которой извлекается объект интереса»².

В основу большинства современных исследований семантики многозначных глаголов входит вычлененный изолированный объект системы как продукт-результат некоего коммуникативного акта, придающий ему значение общей модели. Помимо отдельно взятого глагола, исследуются возникающие отношения между адресантом и адресатом. Однако, по словам Ю. М. Лотмана, чтобы такое вычленение было корректным, необходимо моделировать все свойства коммуникации: адресанта, адресата и связывающего их канала. Для этого нужно, чтобы все участники коммуникации одновременно были погружены в некое семиотическое пространство со своим опытом, поскольку именно так происходит постоянное обновление кодов, и только в силу такого взаимодействия любой язык способен функционировать. Такое про-

¹ Лебедева Н. Б. *Полиситуативность глагольной семантики: на материале русских префиксальных глаголов*. Томск: Томский государственный университет, 1999. 260 с.

² Лотман Ю. М. К современному понятию текста. *Ученые записки Тартуского государственного университета. Серия: Исследования по общему и сопоставительному языкознанию: Linguistica*, Тарту, 1986, вып. 736, с. 104–108.

странство определяется как семиосфера¹. В этом отношении язык есть функция, сгусток семиотического пространства, и его границы представляются размытыми. Вне семиосферы нет ни коммуникации, ни языка².

Одна из ключевых идей Ю. М. Лотмана заключается в том, что текст сообщения может концентрировать большой объем информации и раскрывать разным реципиентам информацию в меру их понимания. Это как «некий живой организм», находящийся в обратной связи с адресантом и являющийся средством познания. Такой подход, на стыке структурализма и семиотики, применим для объяснения скрытых смысловых кодов в языке. По сути, это выявление интертекста или посыла высказывания. С точки зрения семиотического подхода, слова как знаки и некий код сценария человеческого поведения используются преднамеренно и своей структурой несут какую-либо информацию. Их интерпретация – это декодирование с целью более глубокого постижения скрытых смыслов в изучении определенной лингвокультуры.

Семантика многозначного глагола – это разнонаправленная система, способная создать новый сюжет независимо от исходного концепта. Чем больше дополнительных концептуальных признаков включено в семантику глагола, тем больше значений содержит ассоциативный потенциал с другими концептами. Новый смысл порождается спонтанно на уровне индивидуального взаимодействия с социумом, предметным миром и как результат формирования концептуального познания.

Изучение модифицированного изменения подразумевает рассмотрение закономерностей появления переносных значений глаголов в речи на основе семантического сдвига многозначного глагола, при котором вербализуется совершенно новое знание. Внешние факторы – текущая ситуация, эмоциональное состояние говорящего и пр. – могут обуславливать изменения, основанные на метафоре.

Понимание в коммуникативном акте – процесс двусторонний, обусловленный как когнитивными способностями слушающего, так и когнитивными способностями говорящего. Выбор языковых средств формируется непосредственно в контексте общения, и в этом проявляется интерпретирующая функция языка. Коммуниканты воспринимают и интерпретируют мир по-разному. В процессе общения услышанное утверждение сначала осмысливается, а затем адресат выбирает наиболее подходящие для конкретной ситуации способы взаимодействия, которые обуславливаются собственной стратегией и тактикой. Выбор языковых средств зависит от цели высказывания, установок и намерений адресанта коммуникативной ситуации. Когнитивные механизмы метафоры побуждают к выбору конкретных языковых средств – это интуитивный выбор и концептуальная сущность, меняющая значение действия³.

¹ Лотман Ю. М. *Внутри мыслящих миров. Семиосфера*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2004, с. 150–391.

² Там же.

³ Демьянков В. З. Намерение в интерпретации и интерпретация намерений в речи. *Текст: структура и анализ*. Москва: Институт языкознания АН СССР, 1989, с. 41–46. EDN: SQJNKD; Болдырев Н. Н. Интерпретирующий потенциал глагола в языковом конструировании знаний о мире. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2025, № 1, с. 5–16. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2025-1-5-16>; EDN: MBIODM

Н. Д. Голев отмечает, что в дискурсе может происходить глагольная мутация, при которой любой элемент меняет семантическую структуру прототипического значения (в результате в семантике появляется новый компонент). В подобных случаях значение исходного глагола входит в новое знание в разной степени мутации – по шкале от незначительного расхождения с семантической структурой до полного разрыва с ней¹.

Наша работа связана с изучением тех способов словообразования, при которых глагол образуется от существительного или не меняет свою частеречную принадлежность, – он меняет свое прототипическое значение, сохраняя при этом ассоциативную связь с исходным словом.

Материал и методы

Исследование по избранной теме становится возможным благодаря современным методам когнитивной лингвистики. Одним из них является функционально-семиологический подход – комплекс методов, предложенный Н. Н. Болдыревым².

На подготовительном этапе с помощью лексикографических источников проводится компонентный анализ, который позволяет выявить категориальные и дифференциальные семы глагольного значения ‘получать’. Следующий этап – концептуальный анализ, в результате которого выделяются инвариантные признаки – «бенефактивность» и «привативность», а также дифференциальные признаки – «неволеитивность», «интенсивность» и «источник». Дополнительно для русского глагола обнаружены признаки «квантитативность» и «фазовость», а для английских и французских – «тотальность»³. На третьем этапе исследования выполняется контекстуальный анализ, цель которого – обнаружение возможных семантических тактик⁴; анализируются примеры национальных корпусов английского, русского и французского языков⁵. Следует отметить принципиальную важность контекста в случае им-

¹ Голев Н. Д. К вопросу о семантическом расстоянии между словами, связанными мотивационными отношениями. *Семантическая структура слова: сборник научных трудов*. Кемерово: КемГУ, 1984, с. 17–27. EDN: RRPPIR

² Болдырев Н. Н. *Функциональная категоризация английского глагола*. Санкт-Петербург; Тамбов: РГПУ / ТГУ, 1995.

³ Пермякова Е. Г. *Глагольное таксономическое моделирование концепта «получение» в английском и русском языках*: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: [б. и.], 2017. 232 с. EDN: EBXIIО; Пермякова Е. Г. Вторичная номинация глаголов давления ‘to milk’, «донить» и ‘traire’. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2022, т. 15, № 8, с. 2705–2710. <https://doi.org/10.30853/phil20220428>; EDN: HEDJOQ

⁴ Плотникова А. М. Когнитивные стратегии семантической деривации глаголов (на материале глаголов социальных действий и отношений). *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2007, № 2 (011), с. 81–86.

⁵ *Национальный корпус русского языка*. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.04.2026); *British National Corpus*. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc> (дата обращения: 15.04.2026); *Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales*. URL: <https://www.cnrtl.fr/corpus> (дата обращения: 15.04.2026); *Corpus of Contemporary American English*. URL: <https://www.english-corpora.org/coca> (дата обращения: 15.04.2026); *Leipzig University Cor-*

плицитного выражения значения, прототипически не связанного с инвариантом 'получать'. На заключительном этапе основное внимание уделяется методу когнитивного моделирования¹. Наше непосредственное восприятие мира формирует нашу доконцептуальную структуру на протяжении всей жизни в качестве основы для формирования собственной когнитивной модели, изучение которой заключается в выявлении когнитивного сценария глагола и способов его вербализации, позволяющих объяснить некое интуитивное представление и когнитивные стратегии². Такие модели являются инструментом, который позволяет понять механизм реализации исследуемого концепта в языке на примере глаголов, прототипически не связанных с концептом получения.

Основная часть

Мы предлагаем рассмотреть семантическую структуру некоторых многозначных глаголов в контексте ситуаций купли-продажи и кражи. В разговорном дискурсе это не только ситуации с множеством участников, но и динамические модели, интегрирующие разнообразие латентных смыслов, актуализирующихся благодаря дополнительным концептуальным признакам в коммуникативной среде.

Глагол *загнать* имеет значение перемещения в пространстве: «1. Заставить кого-, что-л. войти куда-либо, оказаться, поместиться в каком-либо месте», однако далее в словарной статье он соотносится с ситуацией получения: «5. *Прост.* Продать, сбыть»³. Например, в предложениях: *Я загнал свой телек* или *Я загнал все имущество со съемной квартиры в рекордные сроки*⁴. Это происходит благодаря концептуальным признакам «интенсивность» и «результат». Глагол *загнать* ассоциируется с активным действием (например, преследованием жертвы охотником) и несет в себе импульс на достижение результата. По этой причине оба признака переносятся с физического действия на коммуникативную ситуацию купли-продажи.

Глагол *впаривать* (жаргонизм) производный от *парить* («нагревать, морочить голову»), имеет значение «1. Интенсивно делать что-либо», а также «3. Хорошо, выгодно продать». Он употребляется в ситуации купли-продажи, например: *Матрешку этим гамбургерам впарил, теперь можно месяц коньяк посасывать*⁵. Другой глагол – *нагревать*, имеет значение «1. Сделать теплым или горячим; согреть», а также «2. *Прост.* Обманом, хитростью и т. п. ввести в убыток»⁶. Оба глагола имеют до-

pora Collection. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/de?corpusId=fra_mixed_2012 (дата обращения: 15.04.2026); *Reverso Context*. URL: <https://context.reverso.net> (дата обращения: 15.04.2026).

¹ Демьянков В. З. и др. Когнитивная модель. *Краткий словарь когнитивных терминов*. Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996, с. 56–57. EDN: SHRRIN

² Лакофф Дж. Когнитивное моделирование. *Женщины, огонь и опасные предметы*. Москва: Прогресс, 1996, с. 143–184.

³ *Словарная база сайта «Словари.ру»*. URL: <https://www.slovari.ru/start2.aspx?s=0&p=5638> (дата обращения: 16.04.2026).

⁴ *Reverso Context*. Available at: <https://context.reverso.net> (accessed: 15.04.2026).

⁵ *Словари.ру*. URL: <https://www.slovari.ru/start2.aspx?s=0&p=5638> (дата обращения: 16.04.2026).

⁶ *Reverso Context*. Available at: <https://context.reverso.net> (accessed: 15.04.2026).

полнительный концептуальный признак «условие», который изначально связан с физическим изменением температуры («повышение»). В переносном смысле это может означать неблагоприятные, иллюзорные условия для бенефицианта. Этот дополнительный признак распространяется на бенефактивно-привативный объект, имея негативную коннотацию, означает некачественный, ненужный (горячий предмет неудобно держать в руках) или дорогой (горячий означает очень высокую цену) предмет покупки.

Глагол *to flog* изначально имеет значение “1. *Beat with a whip or stick as a punishment*”, а из-за семантического сдвига приобрел значение “3. *Sell or offer for sale*”¹. Помимо основных содержит дополнительный концептуальный признак – «инструмент» (“*whip*”), – и употребляется в предложениях. Например: *He decided to flog his old guitar at the flea market this weekend* или *He hawked his book relentlessly, hoping to flog it before the holidays*². Наличие такого признака подразумевает физический удар, а в переносном значении говорит об определенной степени давления или принуждения.

Глагол *to hawk* имеет значение “*carry about and offer (goods) for sale in the street*”. Он образован от существительного *a hawk* – “*a fast-flying bird of prey...*”³. Значение глагола связано с повадками хищной птицы («крики», «шумное поведение»). Метафорический перенос происходит в области основного концептуального признака «бенефициант» и подчеркивает активное участие лица в процессе продажи. Нацеленность на получение прибыли говорит о наличии дополнительного концептуального признака «результат».

Перейдем к рассмотрению глаголов кражи. Французские глаголы *grater* и *ratissier* имеют прототипическое значение физического воздействия на объект с помощью инструмента – “*quelque chose de rugueux, de pointu, qui racle*”, “*les ongles*”, “*un râtelier*”. В разговорном дискурсе они приобрели значения:

– *grater* – “6. *Familier. Prélever discrètement à son profit des sommes d'argent ou quelque chose ayant une valeur; bénéficier habilement de quelque chose*”;

– *ratissier* – “3. *Familier. Prendre, voler quelque chose à quelqu'un*”.

Например: “*Il a gratté quelques dizaines d'euros sur les frais généraux. Gratter un quart d'heure sur son temps de travail*” и “*On lui a ratissé son portefeuille*”⁴.

Мы можем говорить о наличии следующих концептуальных признаков: «инструмент», «способ», «условие» и «результат». Употребление глагола *gratter* в контексте ситуации кражи ассоциируется с инструментом (например, отмычка или поддельный ключ), который оставляет царапины на замочной скважине. Это действие, требующее усилий и определенного способа достижения результата. Другой глагол – *ratissier* – приобретает значение благодаря дополнительному признаку «способ», ко-

¹ *Concise Oxford English Dictionary*. 10th edition; edited by Judy Pearsall. Oxford; New York, 2002. 1728 p.

² *Reverso Context*. Available at: <https://context.reverso.net> (accessed: 16.04.2026).

³ *Concise Oxford English Dictionary*. 10th edition; edited by Judy Pearsall. Oxford; New York, 2002. 1728 p.

⁴ *Larousse*. Available at: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue> (accessed: 19.04.2026).

торый является важным для семантического сдвига: метафорически описывается через призму физического действия сгребания как акта кражи.

Английские глаголы *to pinch* и *to palm* включают дополнительный признак «инструмент». Например, *to palm*: “1. *Hold something without bending the fingers*”; “2. *To steal it and hide it in your palms*”¹. В контексте: *He always managed to palm a snack without others catching on* или *He managed to palm the old watch when no one was watching*². У второго глагола *to pinch*: “1. *To take a piece of somebody’s skin and press it together hard with your thumb and the finger next to it*”; “5. *(British English, informal) To steal something, especially something small and not very valuable*”.

Глагол *to pinch* в своем первоначальном значении предполагает быстрое, часто болезненное использование пальцев. Когда это действие переносится на сферу воровства, то навык ловкости пальцев становится инструментом кражи. Физическое действие метафорически описывает умение красть. Аналогично, глагол *to palm* имеет семантическую связь с ладонью. Признак «инструмент» указывает на сокрытие украденного и подразумевает простоту действия (концептуальный признак «условие»), в котором ладонь выступает в роли контейнера (концептуальный признак «вместилище»).

Глагол *dévaliser* образован при помощи приставки *dé-* и существительного *valise*. В контексте он означает акт кражи: “1. *Piller un lieu, y voler les objets de valeur qui s’y trouvent, dépouiller quelqu’un de ses biens*” или покупки: “2. *Familier. Faire des achats très importants, très divers dans un magasin*”³. В концептуальной структуре глагола признак «локативность» подразумевает пространство, которое подвергается интенсивному воздействию и наличию дополнительного признака «интенсивность». В ситуации покупки *dévaliser* трансформируется в действие максимальной вовлеченности в процесс покупки, где магазин – это локация. Когда подразумевается ситуация кражи, то разница употребления *dévaliser* лишь в характере действия – это насильственное изъятие ценностей или опустошение места. Дополнительные концептуальные признаки «локативность» и «интенсивность» становятся универсальными, объединяя два противоположных действия с разными мотивами. Они способствуют гиперболизации ситуации приобретения с полным исчезновением бенефактивно-привативного объекта, в результате чего реализуется признак «тотальность».

Выводы

Дополнительные концептуальные признаки в семантике глагола связаны с когнитивными процессами – чем больше признаков, тем больше ассоциаций может возникнуть у говорящего. Появление нового непрототипического значения может быть обусловлено психоэмоциональным состоянием адресанта на момент речи. Человек выбирает экспрессивные слова, связывая получение с физическим действием. Для ситуаций купли-продажи и кражи чаще используются глаголы, описывающие изменение (разрушения или утрату), чтобы эмоционально передать свое состояние. Рост

¹ *Reverso Context*. Available at: <https://context.reverso.net> (accessed: 19.04.2026).

² Там же.

³ *Larousse*. Available at: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue> (accessed: 19.04.2026).

концептуальной информации делает глагол многогранным, обогащая его динамическую модель в ожидании новых стимулов.

Перспективу нашего исследования мы видим в продолжении изучения современных глаголов-окказионализмов и выявлении конкретных действий, которые являются основой для появления новых значений в рамках концепта «получать».

Список литературы / References

Болдырев Н. Н. Интерпретирующий потенциал глагола в языковом конструировании знаний о мире. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2025, № 1, с. 5–16. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2025-1-5-16>; EDN: MBIODM

Boldyrev N. N. The interpretive potential of the verb in the linguistic construction of knowledge about the world. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2025, no. 1, pp. 5–16. (In Russ.) <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2025-1-5-16>; EDN: MBIODM

Болдырев Н. Н. *Функциональная категоризация английского глагола*. Санкт-Петербург; Тамбов: РГПУ / ТГУ, 1995.

Boldyrev N. N. *Functional categorization of the English verb*. St Petersburg; Tambov: RGPU / TGU, 1995. (In Russ.)

Голев Н. Д. К вопросу о семантическом расстоянии между словами, связанными мотивационными отношениями. *Семантическая структура слова: сборник научных трудов*. Кемерово: КемГУ, 1984, с. 17–27. EDN: RRPIPR

Golev N. D. On the issue of semantic distance between words connected by motivational relations. *Semantic structure of the word: Collection of scientific papers*. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet, 1984, pp. 17–27. (In Russ.) EDN: RRPIPR

Демьянков В. З. Намерение в интерпретации и интерпретация намерений в речи. *Текст: структура и анализ*. Москва: Институт языкознания АН СССР, 1989, с. 41–46. EDN: SQJNKD

Dem'yankov V. Z. Intention in interpretation and interpretation of intentions in speech. *Text: Structure and Analysis*. Moscow: Institut iazykoznaniiia AN SSSR, 1989, pp. 41–46. (In Russ.) EDN: SQJNKD

Демьянков В. З. и др. Когнитивная модель. *Краткий словарь когнитивных терминов*. Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. с. 56–57. EDN: SHRRIH

Dem'iankov V. Z., et al. Cognitive model. *Concise dictionary of cognitive terms*. Moscow: MGU im. M. V. Lomonosova, 1996, pp. 56–57. (In Russ.) EDN: SHRRIH

Очерки по лингвистической детерминалогии и дериватологии русского языка. Коллективная монография, под редакцией Н. Д. Голева. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 1998. с. 65–84.

Essays on linguistics determinology and derivatology of the Russian language. Multi-authored monograph; edited by N. D. Golev. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta, 1998. pp. 65–84. (In Russ.)

Лакофф Дж. *Женщины, огонь и опасные предметы. Что категории языка говорят нам о мышлении*. Москва: Прогресс, 1996, с. 143–184.

Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. Moscow: Progress, 1996, pp. 143–184. (In Russ.)

Лебедева Н. Б. *Полиситуативность глагольной семантики: на материале русских префиксальных глаголов*. Томск: Томский государственный университет, 1999. 260 с.

Lebedeva N. B. *Polysituational verb semantics: Based on Russian prefixal verbs*. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet, 1999. 260 p. (In Russ.)

Лотман Ю. М. *Внутри мыслящих миров. Семиосфера*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2004, с. 150–391.

Lotman Ju. M. *Inside thinking worlds. Semiosphere*. St Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2004, pp. 150–391. (In Russ.)

Лотман Ю. М. К современному понятию текста. *Ученые записки Тартуского государственного университета. Серия: Исследования по общему и сопоставительному языкознанию: Linguistica*, Тарту, 1986, вып. 736, с. 104–108.

Lotman Ju. M. Toward a modern concept of text. *Scientific Notes of Tartu State University. Series: Research in General and Comparative Linguistics: Linguistica*, Tartu, 1986, iss. 736, pp. 104–108. (In Russ.)

Макарова Е. М. Эмоционально-оценочный компонент слова как составляющая его лексического значения. *Лекантовские чтения – 2022: материалы международной научной конференции (18 ноября 2022)*. Москва: Московский государственный областной педагогический университет, 2022, с. 246–250.

Makarova E. M. The emotional-evaluative component of a word as a component of its lexical meaning. *International Scientific Conference “Lekant Readings – 2022”* (November 18, 2022). Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi pedagogicheskii universitet, 2022, pp. 246–250. (In Russ.)

Максименко О. И., Ахренова Н. А., Беляков М. В. Сдвиги в коммуникативной семантике медиадискурса. *Вопросы современной лингвистики*, 2024, № 5, с. 69–80. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-69-80>; EDN: KMOGRV

Maksimenko O. I., Akhrenova N. A., Belyakov M. V. Shifts in the communicative semantics of media discourse. *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2024, no. 5, pp. 69–80. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-69-80>; EDN: KMOGRV

Миронова Д. М. Системная природа языка в свете лингвоментального моделирования мира: автореф. ... д-ра филол. наук. Ярославль: [б. и.], 2024. 40 с. EDN: AXYVUT

Mironova D. M. *The systemic nature of language in terms of linguomental modeling of the world: Abstract Dr thesis in Philological Sciences*. Yaroslavl, 2024. 40 p. (In Russ.) EDN: AXYVUT

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.04.2026).

National Corpus of the Russian Language. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed: 15.04.2026). (In Russ.)

Панасенко Л. А. Ассоциативный формат интерпретирующего потенциала лексики как когнитивная основа вторичных структур в дискурсе. *Когнитивные исследования языка*, 2024, № 2–1 (58), с. 714–717. EDN: GWGEGI

Panasenko L. A. Associative format of the interpretive potential of vocabulary as a cognitive basis for secondary structures in discourse. *Cognitive studies of language*, 2024, no. 2–1 (58), pp. 714–717. (In Russ.) EDN: WGWEGI

Пермякова Е. Г. Вторичная номинация глаголов давления ‘to milk’, «доить» и ‘traire’. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2022, т. 15, № 8, с. 2705–2710. <https://doi.org/10.30853/phil20220428>; EDN: HEDJOQ

Permiakova E. G. Secondary nomination of the pressure verbs ‘to milk’ ‘doit’ and ‘traire’. *Philology. Theory & Practice*. Tambov, 2022, vol. 15, no. 8, pp. 2705–2710. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/phil20220428>; EDN: HEDJOQ

Пермякова Е. Г. *Глагольное таксономическое моделирование концепта «получение» в английском и русском языках*: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: [б. и.], 2017. 232 с. EDN: EBXIIО

Permiakova E. G. *Verb taxonomic modeling of the concept of ‘receiving’ in English and Russian*: Cand. thesis in Philological Sciences. Ekaterinburg, 2017. 232 p. (In Russ.) EDN: EBXIIО

Плотникова А. М. Когнитивные стратегии семантической деривации глаголов (на материале глаголов социальных действий и отношений). *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2007, № 2 (011), с. 81–86.

Plotnikova A. M. Cognitive strategies of semantic derivation of verbs (based on verbs of social actions and relationships). *Issues of Cognitive Linguistics*, 2007, no. 2 (011), pp. 81–86. (In Russ.)

Словарная база сайта «Словари.ру». URL: <https://www.slovari.ru/start2.aspx?s=0&p=5638> (дата обращения: 16.04.2026).

Dictionary database of the website “Slovari.ru”. Available at: <https://www.slovari.ru/-start2.aspx?s=0&p=5638> (accessed: 16.04.2026). (In Russ.)

British National Corpus. Available at: <https://www.english-corpora.org/bnc> (accessed: 15.04.2026).

Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. Available at: <https://www.cnrtl.fr/corpus> (accessed: 15.04.2026).

Concise Oxford English Dictionary. 10th edition; edited by Judy Pearsall. Oxford; New York, 2002. 1728 p.

Corpus of Contemporary American English. Available at: <https://www.english-corpora.org/coca> (accessed: 15.04.2026).

Larousse. Available at: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue> (accessed: 16.04.2026).

Leipzig University Corpora Collection. Available at: https://corpora.uni-leipzig.de/de?corpus-Id=fra_mixed_2012 (accessed: 15.04.2026).

Reverso Context. Available at: <https://context.reverso.net> (accessed: 17.04.2026).

Сведения об авторе

Елена Геннадьевна Пермякова – кандидат филологических наук, <https://orcid.org/0000-0002-3061-8544>, egpermyakova@yandex.ru, Уральский государственный университета путей сообщения (д. 66, ул. Колмогорова, 620034 Екатеринбург, Россия); **Elena G. Permyakova** – Candidate of Philological Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-3061-8544>, egpermyakova@yandex.ru, Ural State University of Railway Transport (66, ul. Kolmogorova, 620034 Ekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 22.04.2026; одобрена после рецензирования 06.05.2026; принята к публикации 21.05.2026.

The article was submitted 22.04.2026; Approved after reviewing 06.05.2026; Accepted for publication 21.05.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 4 (133), с. 118–128.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 4 (133), pp. 118–128.

Научная статья

УДК 81'42

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-11>

<https://elibrary.ru/mcxhso>

Диалогема как текстовая зона изображения коммуникативных неудач в рассказах Н. А. Тэффи

Инесса Ильшатовна Хасанова

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
inessakhasanova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9517-962X>

Аннотация. Статья посвящена анализу диалогемы, которая является зоной изображения коммуникативных неудач в рассказах Н. А. Тэффи. В диалогеме раскрывается специфика взаимодействия авторской и персонажной речевых сфер, взаимообусловленность лингвистических и экстралингвистических причин появления коммуникативных неудач, обнаруживается образ и облик автора, вскрывается природа конфликта персонажей, выявляются факторы возникновения коммуникативных неудач и определяется их динамика на материале творчества отдельного писателя.

Ключевые слова: диалогема, коммуникативная неудача, композиционно-речевые автономии, образ автора, облик автора, Н. А. Тэффи

Для цитирования: Хасанова И. И. Диалогема как текстовая зона изображения коммуникативных неудач в рассказах Н. А. Тэффи. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 4 (133), с. 118–128. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-11>; EDN: MCXHSO

Dialogeme as a textual area of communicative failures in the stories by N. A. Teffi

Inessa I. Khasanova

Herzen State Pedagogical University,
St Petersburg, Russia

inessakhasanova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9517-962X>

Abstract. The article emphasizes the analysis of the dialogeme, which is the area of representation of communicative failures in the stories by N. A. Teffi. The dialogeme reveals the specifics of the interaction between the author's and the character's speech spheres, the interdependence of linguistic and extralinguistic causes of communicative failures, the author's image and identity, the nature of the characters' conflict, the factors contributing to communicative failures, and their dynamics in the works of a single author.

Keywords: dialogeme, communicative failure, compositional and speech autonomies, author's image, author's identity, N. A. Teffi

For citation: Khasanova I. I. Dialogeme as a textual area of communicative failures in the stories by N. A. Tefifi. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 4 (133), pp. 118–128. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-11>; EDN: MCXHSO

Введение

Различные проблемы, возникающие при общении, обозначаются рядом терминологических сочетаний. Назовем лишь некоторые из них: *коммуникативная неудача*¹, *коммуникативный сбой*², *коммуникативный провал*³, *коммуникативный нонсенс*, *речевой конфликт* и др.

Мы будем использовать термин *коммуникативная неудача* (*неудача речевого общения*). Во-первых, он является наиболее употребительным, а во-вторых, предполагает выявление как собственно лингвистических, так и экстралингвистических причин непонимания между субъектом речи и адресатом. Термины *коммуникативная неудача* и *коммуникативный сбой* нередко употребляются лингвистами как равноправные. В других же работах *коммуникативный сбой* и *коммуникативную задержку*, *коммуникативный дискомфорт* и *коммуникативный конфликт* предлагается рассматривать как своеобразные этапы *коммуникативной неудачи*⁴. Дифференцируют *глобальную* и *частичную* неудачу; последняя предполагает задержку, лишь временный сбой в процессе общения⁵.

В русистике существуют различные дефиниции коммуникативной неудачи. Наиболее общепринятым является определение, предложенное в работе Е. А. Земской и О. П. Ермаковой⁶. Они интерпретируют коммуникативную неудачу как «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации» и незапланированный эмоциональный эффект (обида, гнев)⁷. На наш взгляд, это положение требует дальнейшего развития, в том числе потому, что коммуникативная неудача может быть запрограммирована говорящим (например, с целью манипуляции).

¹ Земская Е. А., Ермакова О. П. *К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога)*. Русский язык и его функционирование. Коммуникативно-прагматический аспект. Москва: Наука, 1993, с. 30–64.

² Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, 1982, т. 41, № 4, с. 305–313.

³ Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Москва, 2003. 375 с.; Шмелева Т. В. Кодекс речевого поведения. *Русский язык за рубежом*, 1983, № 1, с. 72–77.

⁴ См. Бугрова С. Е. *Коммуникативные неудачи и способы их преодоления в неофициальном англоязычном общении*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород: [б. и.], 2013. 24 с.; Болохонцева Н. М. *Скрытый коммуникативный дискомфорт как явление диалога*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел: Орловский государственный университет, 2011. 22 с.

⁵ Городецкий Б. Ю., Кобозева И. М., Сабурова И. Г. К типологии коммуникативных неудач. Диалоговое взаимодействие и представление знаний: сборник статей. Новосибирск: Издательство СО АН СССР Новосибирск, 1985, с. 64–78.

⁶ Земская Е. А., Ермакова О. П. *К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога)*. Русский язык и его функционирование. Коммуникативно-прагматический аспект. Москва: Наука, 1993, с. 30–64.

⁷ Там же, с. 31.

Существуют различные взгляды на причины коммуникативных неудач. Так, Б. Ю. Городецкий связывает неудачу с недостижением говорящим коммуникативной цели¹, а Е. А. Земская и О. П. Ермакова видят основную причину в нереализованности коммуникативных намерений².

Несмотря на то что вопрос о речевой составляющей конфликта является актуальным, отмечается лишь небольшое количество фундаментальных исследований, посвященных данной проблеме. Среди них выделяются коллективные монографии кафедры русского языка Герценовского университета «Аспекты речевой конфликтологии»³, «Речевая конфликтология»⁴. В данных работах определяются общие ориентиры и понятия речевой конфликтологии, предлагается типология коммуникативных неудач, сопоставляются речевые и речеповеденческие конфликты, анализируется принцип толерантности, выявляются «зоны риска» и «зоны выбора» в лексиконе языковой личности, рассматривается вопрос о предупреждении коммуникативных неудач в дружеском письме, а также исследуются публицистические, рекламные и художественные тексты (например, киносценарий или поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души»).

Прежде всего нас интересует специфика изображения коммуникативных неудач в художественной прозе. В связи с этим обратимся к рассказам Н. А. Тэффи, которая не только раскрывает факторы появления коммуникативных неудач, но и предлагает способы их решения.

Лингвистический анализ требует определения зоны функционирования коммуникативных неудач, которой, на наш взгляд, является *диалогема*. Она понимается как моно-диалогическая структура, презентующая диалог персонажей и его авторское монологическое сопровождение⁵.

Основная часть

До сих пор большинство читателей воспринимает Н. А. Тэффи как юмористку, в честь которой называли духи и конфеты⁶. Однако она была тонким психологом: «Ее творчество <...> передавало тончайшие нюансы настроений и чувств самого обыч-

¹ Городецкий Б. Ю., Кобозева И. М., Сабурова И. Г. К типологии коммуникативных неудач. *Диалоговое взаимодействие и представление знаний: сборник статей*. Новосибирск: Издательство СО АН СССР Новосибирск, 1985, с. 69.

² Земская Е. А., Ермакова О. П. *К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога)*. *Русский язык и его функционирование. Коммуникативно-прагматический аспект*. Москва: Наука, 1993, с. 31.

³ *Аспекты речевой конфликтологии*, редактор С. Г. Ильенко. Санкт-Петербург: Издательство Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 1996. 103 с.

⁴ *Речевая конфликтология*. Санкт-Петербург: Издательство Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2008. 215 с.

⁵ Ильенко С. Г. *Русистика: избранные труды*. Санкт-Петербург: Издательство Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2003, с. 500.

⁶ См., например, Арсеньева Е. А. Дама из городка (Надежда Тэффи). *Госпожа сочинительница*. 2005. 26 с.

ного заурядного, маленького человека»¹. Персонажами многих рассказов писательницы становились так называемые *люди быта*. Они вызывали интерес у Н. А. Тэффи, которая видела в них «неисправимых фантазеров, разновозрастных детей», «одиноких в пустом мире нудных, бытовых фактов»². Изображая ситуации взаимонепонимания персонажей, писательница раскрывала их характеры, выявляла причины конфликтов.

В изображении коммуникативных неудач обнаруживается речевое взаимодействие образов автора и персонажа. С. Г. Ильенко, подчеркивая необходимость комплексного анализа авторской и персонажной речевых сфер, предложила концепцию *стилистически-композиционной персонализированной речевой автономии*³.

Проза Н. А. Тэффи демонстрирует взаимообусловленность композиционно-речевых автономий (авторской, персонажной, несобственно-прямой речи). Коммуникативные неудачи в рассказах Н. А. Тэффи возникают в речевом общении персонажей, которое сопровождается авторским комментарием. Если *диалогическое единство* является минимальной синтаксической единицей диалога, состоящей из реплик, взаимосвязанных семантически и структурно, то *диалогема* (простая и сложная)⁴ представляет собой исключительно текстовый феномен. В *сложной диалогеме* (в отличие от *простой*) авторская речь имеет целевую установку, не сводимую лишь к указанию на говорящего⁵. Также отметим, что исследователями выделяются следующие виды диалогем: однотематическая и неоднотематическая; с семантически типизированным сигналом ввода и без типизированного сигнала ввода; элементарная и неэлементарная и другие⁶, требующие дальнейшего изучения.

В рассказе «Приготовишка» (1916) коммуникативная неудача, представленная в сложной диалогеме, обусловлена особенностями детской картины мира, которая конгениальна мировосприятию Н. А. Тэффи. Лексема *покойник* ассоциируется у девочки Лизы прежде всего с ночью. Горничная Маша и швея Клавдия отрицательно реагируют на реплику ребенка (...*это он вам ночью принес?*), испытывая неловкость. Н. А. Тэффи эксплицирует не только внешнюю, но и внутреннюю речь персонажа, субъективируя повествование, маркируя кавычками переход от авторской сферы к персонажной. Сигналами коммуникативной неудачи являются не только ответные реплики взрослых персонажей, но и авторский комментарий:

¹ Трубилова Е. М., Николаев Д. Д. Вступительная статья. *Тэффи Н. А. Собрание сочинений*. Том 1: И стало так... составление и подготовка текстов Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. Москва: Лаком, 1997, с. 16–17.

² Трубилова Е. М. Предисловие. *Тэффи Н. А. Собрание сочинений*. Том 2: Неживой зверь, составление и подготовка текстов Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. Москва: Лаком, 1997, с. 13.

³ Ильенко С. Г. *Русистика: Избранные труды*. Санкт-Петербург: Издательство Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2003, с. 503.

⁴ Там же, с. 500.

⁵ Там же, с. 501–502.

⁶ Грудина М. В. *Чужая речь в романах И. С. Тургенева «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне»: коммуникативно-текстообразовательный аспект*: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2009. 181 с. EDN: QEOZCX

– *Какие у вас красивые серьги!* – говорила Лиза, чтобы переменить неприятный разговор.

– *Это мне покойный барин подарил.*

Лиза смотрит на серьги с легким отвращением. «И как ей не страшно от покойника брать!» Ей немножко жутко.

– *Скажите, Маша, это он вам ночью принес?*

Маша вдруг неприятно краснеет и начинает трясти головой.

– *Ночью?*

Швея Клавдия щелкает ногтем по натянутой нитке и говорит, поджимая губы:

– *Стыдно барышням пустяки болтать. Вот Марья Петровна пойдут и тетеньке пожалуются.*

Лиза вся съеживается и отходит к последнему окошку, где живет канарейка¹.

В рассказе «Экзамены» (1912) Н. А. Тэффи изображает диалог Александра II и классной дамы. Коммуникативная неудача, создающая комический эффект, имеет экстралингвистические причины – она обусловлена строгим характером воспитания. Неудача подчеркивается и авторским комментарием (*перепутала все и пролетела; государь очень удивился*):

Государь, осматривая институт, увидел на стене портрет Петра Великого и, обернувшись, спросил у классной дамы:

– *Это кто?*

Та, вся затрепетав от ужаса и счастья, перепутала все и пролетела:

– *Государь! Это ваш потомок.*

*Государь очень удивился*².

Отметим, что вопрос о границах диалогемы в художественном тексте является дискуссионным. С одной стороны, их маркирует авторское сопровождение. С другой – значительное влияние оказывают композиционно-сюжетные особенности текста: изменение состава персонажей; введение в речь персонажа реплик-маркеров, сигнализирующих о его появлении или уходе; смена темы диалога, спровоцированная одним из персонажей³.

Требуется уточнения и понятие *образ автора*. С. Г. Ильенко отмечала, что в работе В. В. Виноградова употребляется не только термин *образ автора*, но и другое поня-

¹ Тэффи Н. А. *Собрание сочинений*. Том 2: Неживой зверь, составление и подготовка текстов Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. Москва: Лаком, 1997, с. 122.

² Тэффи Н. А. *Собрание сочинений*. Том 1: И стало так... составление и подготовка текстов Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. Москва: Лаком, 1997, с. 281.

³ Грудина М. В. *Чужая речь в романах И. С. Тургенева «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне»: коммуникативно-текстообразовательный аспект*: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2009, с. 62. EDN: QEOZCX

тие – *облик автора*¹. По словам В. В. Виноградова, «наивно представлять писательский образ – “одногласным” или лучше: одноликим»². *Облик автора* существует в одной плоскости с персонажами. Симптоматично высказывание Н. А. Тэффи: «У меня, как на фронте древнегреческого театра, два лица – смеющееся и плачущее»³. В прозе писательницы обнаруживается варьирование *ликов автора*, что эксплицируется в диалогеме при изображении коммуникативных неудач.

В рассказе «Дураки» (1911) Н. А. Тэффи, как правило не склонная к едкой иронии, высмеивает персонажа. Автор изображается с ним в одной плоскости (*один лично мне знакомый дурак*). Коммуникативная неудача обусловлена тем, что персонаж оказывается не способным к точному изложению мыслей:

Один лично мне знакомый дурак <...> специализировался исключительно в вопросах семейной жизни.

– Каждый человек должен жениться. А почему? <...> А так уж нужно. И все должны жениться на немках.

– Почему же на немках? – спрашивали у него.

– Да так уж нужно.

– Да ведь так, пожалуй, и немки на всех не хватит.

*Тогда дурак обижался*⁴.

Характер коммуникативных неудач, изображенных в художественной прозе Н. А. Тэффи, менялся в разные периоды ее творчества. Заметим, что нередко выделяются только два периода творчества писательницы – дооктябрьский и эмигрантский, однако Е. В. Куликова указывает на условность такой дифференциации, так как в первые сборники рассказов, вышедшие в эмиграции, Н. А. Тэффи включала рассказы и дореволюционных лет⁵. Мы считаем более оправданным выделение сатириконского периода, периода Первой мировой войны, Октябрьской революции и Гражданской войны, Великой Отечественной войны и послевоенного периода.

Если в дореволюционных рассказах Н. А. Тэффи преобладают коммуникативные неудачи, которые можно назвать ситуативными, потенциально разрешимыми, создающими прежде всего комический эффект (возможно, в этом случае точнее использовать термин *коммуникативный сбой*), то в послереволюционный и эмигрантский периоды отмечается усложнение причин коммуникативных неудач.

¹ Виноградов В. В. *О языке художественной прозы*. Москва: Наука, 1980. 360 с. EDN: VWTYUJ

² Там же, с. 332.

³ Цит. по: Васильев И. А. Анекдот и трагедия. *Тэффи Н. А. Житие-бытие: Рассказы. Воспоминания*. Москва: Политиздат, 1991, с. 5.

⁴ Тэффи Н. А. *Собрание сочинений*. Том 1: И стало так... составление и подготовка текстов Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. Москва: Лаком, 1997, с. 308.

⁵ Куликова Е. В. И смеется, и плачет: концепция бытия и философия юмора Тэффи. *Литература*, 2001, № 44. URL: <https://lit.lsept.ru/article.php?ID=200104402> (дата обращения: 10.11.2025).

Рассказ «Голодные едоки» (1918) обнаруживает взаимообусловленность языковых и экстралингвистических причин появления коммуникативной неудачи. Экстралингвистические причины провоцируют лингвистические – после революции в театры пришел новый зритель. Среди персонажей Н. А. Тэффи появляются так называемые едоки – по словам С. Князева – «обыватели, постепенно превращающиеся в животных»¹. В основе коммуникативной неудачи – социальный конфликт. У персонажей обнаруживаются различия в ситуативном понимании лексического значения слова *дают* (*дать бутерброд* – *дать балет*), а шире – во фрагментах картины мира. Автор актуализирует социальный сдвиг между человеком культуры и едоком, указывает на невозможность их взаимопонимания:

Вот самка едока встретила молодого человека.

Оба улыбаются. Она ему нравится.

<...>

– *В театрах бываете?*

– *Редко. Муж любит Мариинский, там еще дают этот... как его...*

– *Балет?* – *подсказывает молодой человек.*

– *Нет!.. как его... бутерброды с ветчиной... Там буфет хороший*².

В рассказе «Башня» (1920) Н. А. Тэффи изображает неудачу речевого общения, обусловленную экстралингвистической причиной. В диалогеме отмечается присутствие не только образа, но и облика автора, предстающего в роли одного из персонажей. На первый взгляд, неудача создает лишь комический эффект, но во взаимодействии авторской и персонажной речевых сфер раскрывается мировосприятие персонажа-эмигранта, для которого Эйфелева башня – знак *чужого*:

– *Это там, где Эйфелева башня, – объяснял мне кто-то свой адрес.*

– *Не потребуете ли вы и в самом деле, чтоб я ориентировалась по этой четырехлапой дурище!*

Эйфелева башня для меня не существовала.

*Вид ее меня раздражал. <...> Может быть, у себя в великаньем царстве она и была вещица хоть куда, а тут урод уродом, и не «прижилась» за десятки лет, не стала своей, а торчит, чужая и неладная*³.

Выводы

Таким образом, диалогема, которая является зоной изображения коммуникативных неудач, позволяет определить особенности взаимодействия авторской и персонажной речевых сфер. В рассказах Н. А. Тэффи преобладают сложные диалогемы, в

¹ Князев С. И. Миниатюры революции. Малоизвестная проза Тэффи 1917–1919 гг. [Предисловие]. Тэффи. В стране воспоминаний: рассказы и фельетоны: 1917–1919, составитель – С. И. Князев. Санкт-Петербург, 2023, с. 11.

² Тэффи Н. А. В стране воспоминаний: рассказы и фельетоны: 1917–1919, составитель – С. И. Князев. Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека, 2023, с. 166.

³ Тэффи Н. А. Собрание сочинений. Том 3: «Городок». Москва: Лаком, 1999, с. 18.

которых обнаруживается образ и облик автора, вскрывается природа конфликта персонажей, выявляются факторы возникновения коммуникативных неудач, раскрывается взаимообусловленность лингвистических и экстралингвистических причин их появления.

Список источников / List of sources

Тэффи Н. А. *Собрание сочинений*, составление и подготовка текстов Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. Том 1: «И стало так...». Москва: Лаком, 1997, с. 278–283, 308–310.

Teffi N. A. *Collected works*; compiled and prepared by D. D. Nikolaev, E. M. Trubilova. Volume 1: “And so it became...”. Moscow: Lakom, 1997, pp. 278–283, 308–310. (In Russ.)

Тэффи Н. А. *Собрание сочинений*. Том 3: «Городок». Москва: Лаком, 1999, с. 18–22.

Teffi N. A. *Collected works*. Volume 3: “The city”. Moscow: Lakom, 1999, pp. 18–22. (In Russ.)

Тэффи Н. А. *Собрание сочинений*. Том 2: «Неживой зверь». Москва: Лаком, 1997, с. 121–125.

Teffi N. A. *Collected works*. Volume 2: “The inanimate beast”. Moscow: Lakom, 1997, pp. 121–125. (In Russ.)

Тэффи Н. А. *В стране воспоминаний: рассказы и фельетоны: 1917–1919*, составитель – С. И. Князев. Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека, 2023, с. 164–167.

Teffi N. A. *In the land of memories: Stories and feuilletons: 1917–1919*; compiled by S. I. Kniazev. St Petersburg: Rossiiskaia natsionalnaia biblioteka, 2023, pp. 164–167. (In Russ.)

Список литературы / References

Арсеньева Е. А. Дама из городка (Надежда Тэффи). *Госпожа сочинительница*, 2005. 26 с.
Arsenieva E. A. The lady from the town (Nadezhda Teffi). *Madam writer*, 2005. 26 p. (In Russ.)

Аспекты речевой конфликтологии, редактор – С. Г. Ильенко. Санкт-Петербург: Издательство Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 1996. 103 с.

Aspects of speech conflictology; edited by S. G. Il'enko. St Petersburg: Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena, 1996. 103 p. (In Russ.)

Болохонцева Н. М. *Скрытый коммуникативный дискомфорт как явление диалога*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел: Орловский государственный университет, 2011. 22 с. EDN: QHLAXR

Bolokhontseva N. M. *Hidden communicative discomfort as a phenomenon of dialogue*: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences. Orel: Orlovskii gosudarstvennyi universitet, 2011. 22 p. (In Russ.) EDN: QHLAXR

Бутрова С. Е. *Коммуникативные неудачи и способы их преодоления в неофициальном англоязычном общении*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород: [б. и.], 2013. 24 с. EDN: ZPAALX

Bugrova S. E. *Communicative failures and ways to overcome them in informal English-speaking communication*: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences. Nizhny Novgorod, 2013. 24 p. (In Russ.) EDN: ZPAALX

Васильев И. А. Анекдот и трагедия. *Тэффи Н. А. Жизнь-бытие: Рассказы. Воспоминания*. Москва: Политиздат, 1991, с. 5–18.

Vasiliev I. A. Anecdote and tragedy. *Teffi N. A. Life: Stories. Memories*. Moscow: Politizdat, 1991, pp. 5–18. (In Russ.)

Виноградов В. В. *О языке художественной прозы*. Москва: Наука, 1980. 360 с. EDN: VWTTYJ

Vinogradov V. V. *On the language of fiction*. Moscow: Nauka, 1980. 360 p. (In Russ.) EDN: VWTTYJ

Городецкий Б. Ю., Кобозева И. М., Сабурова И. Г. К типологии коммуникативных неудач. *Диалоговое взаимодействие и представление знаний: сборник статей*. Новосибирск: Издательство СО АН СССР Новосибирск, 1985, с. 64–78.

Gorodetsky B. Yu., Kobozeva I. M., Saburova I. G. Towards a typology of communicative failures. *Dialogue interaction and knowledge representation: Collected papers*. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO AN SSSR Novosibirsk, 1985, pp. 64–78. (In Russ.)

Грудина М. В. *Чужая речь в романах И. С. Тургенева «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне»: коммуникативно-текстообразовательный аспект*: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2009. 181 с. EDN: QEOZCX

Grudina M. V. *Foreign speech in I. S. Turgenev's novels "Rudin", "The Noble Nest", "The Day Before"*: A communicative and text-forming aspect: Cand. thesis in Philological Sciences. St Petersburg, 2009. 181 p. (In Russ.)

Земская Е. А., Ермакова О. П. *К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога). Русский язык и его функционирование. Коммуникативно-прагматический аспект*. Москва: Наука, 1993, с. 30–64.

Zemskaya E. A., Ermakova O. P. *Towards the construction of a typology of communicative failures (based on the natural Russian dialogue). The Russian language and its functioning. The communicative and pragmatic aspect*. Moscow: Nauka, 1993, pp. 30–64. (In Russ.)

Ильенко С. Г. *Русистика: Избранные труды*. Санкт-Петербург: Издательство Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2003, с. 500–502, 573.

Ilyenko S. G. *Russian philology: Selected works*. St Petersburg: Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena, 2003, pp. 500–502, 573. (In Russ.)

Князев С. И. Миниатюры революции. Малоизвестная проза Тэффи 1917–1919 гг. [Предисловие]. *Тэффи. В стране воспоминаний: рассказы и фельетоны: 1917–1919*, составитель – С. И. Князев. Санкт-Петербург, 2023, с. 5–14.

Kniazev S. I. Miniatures of the revolution. The little-known prose of Teffi 1917–1919 [Preface]. *Teffi. In the land of memories: Stories and feuilletons: 1917–1919*; compiled by S. I. Knyazev. St Petersburg, 2023, pp. 5–14. (In Russ.)

- Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Москва, 2003. 375 с.
Krasnykh V. V. "Our own" among "strangers": Myth or reality? Moscow, 2003. 375 p. (In Russ.)
- Куликова Е. В. И смеется, и плачет: концепция бытия и философия юмора Тэффи. *Литература*, 2001, № 44. URL: <https://lit.lsept.ru/article.php?ID=200104402> (дата обращения: 10.11.2025).
- Kulikova E. V. And laughs and cries: The concept of being and the philosophy of Teffi's humor. *Literature*, 2001, no. 44. Available at: <https://lit.lsept.ru/article.php?ID=200104402> (date of request: 10.11.2025). (In Russ.)
- Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, 1982, т. 41, № 4, с. 305–313.
- Paducheva E. V. Pragmatic aspects of the dialogue coherence. *Bulletin of the Russian academy of Sciences: Studies in language and literature*, 1982, vol. 41, no. 4, pp. 305–313. (In Russ.)
- Речевая конфликтология*. Санкт-Петербург: Издательство Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2008. 215 с.
- Speech conflictology*. St Petersburg: Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena, 2008. 215 p. (In Russ.)
- Трубилова Е. М. Предисловие. *Тэффи Н. А. Собрание сочинений*. Том 2: Неживой зверь, составление и подготовка текстов Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. Москва: Лаком, 1997, с. 2–15.
- Trubilova E. M. Preface. *Teffi N. A. Collected Works*. Volume 2: The Inanimate Beast; compiled and prepared by D. D. Nikolaev, E. M. Trubilova. Moscow: Lakom, 1997, pp. 2–15. (In Russ.)
- Трубилова Е. М., Николаев Д. Д. Вступительная статья. *Тэффи Н. А. Собрание сочинений*. Том 1: И стало так... составление и подготовка текстов Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. Москва: Лаком, 1997, с. 2–26.
- Trubilova E. M., Nikolaev D. D. Introductory article. *Teffi N. A. Collected Works*. Volume 1: And so it became...; compiled and prepared by D. D. Nikolaev, E. M. Trubilova. Moscow: Lakom, 1997, pp. 2–26. (In Russ.)
- Шмелева Т. В. Кодекс речевого поведения. *Русский язык за рубежом*, 1983, № 1, с. 72–77.
- Shmeleva T. V. Code of speech behavior. *The Russian language abroad*, 1983, no. 1, pp. 72–77. (In Russ.)

Сведения об авторе

Инесса Ильшатовна Хасанова – соискатель, <https://orcid.org/0009-0007-9517-962X>, inessakhasanova@mail.ru, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 48, наб. р. Мойка, 191186 Санкт-Петербург, Россия); **Inessa I. Khasanova** – Applicant for a Degree, <https://orcid.org/0009-0007-9517-962X>, inessakhasanova@mail.ru, Herzen State Pedagogical University (48, nab. reki Moika, 191186 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 15.11.2025; одобрена после рецензирования 31.12.2025; принята к публикации 27.01.2026.

The article was submitted 15.11.2025; Approved after reviewing 31.12.2025; Accepted for publication 27.01.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 4 (133), с. 129–142.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 4 (133), pp. 129–142.

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-12>

<https://elibrary.ru/drfofi>

Модели интерпретации тавтологических фразеосхем с существительными в именительном падеже

Тин Чжао¹, Лариса Владиславовна Попова^{2✉}

^{1,2}Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова,
Архангельск, Россия

¹zhaoting910@163.com, <https://orcid.org/0009-0006-3455-4054>

^{2✉}plarisa20@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8254-8787>

Аннотация. Статья посвящена вопросу интерпретации значения фразеосхем, построенных на основе тавтологии. Объектом исследования выбраны 6 фразеосхем с повтором существительных в именительном падеже, в том числе и новейшая *NI такие NI*. Нами ставится задача проанализировать механизм смыслообразования и значение фразеосхем, опираясь на описанные в лингвистике динамические модели интерпретации избыточного значения тавтологий. Иллюстративный материал представлен корпусными данными. Выявлено, что значения фразеосхем могут быть интерпретированы с использованием интенсификационной, компрессивной и рестриктивной модели, а также моделей «смирение с неизбежным» и «репрезентация типичного». Описанные наблюдения расширяют представление о тавтологии существительных в русском языке и о синтаксической фразеологии в целом.

Ключевые слова: русский язык, тавтология, фразеосхема, имя существительное, модель интерпретации тавтологии

Для цитирования: Чжао Тин, Попова Л. В. Модели интерпретации тавтологических фразеосхем с существительными в именительном падеже. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 4 (133), с. 129–142. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-12>; EDN: DRFOFI

Models of interpretation of tautological phraseological schemes with nouns in the nominative case

Ting Zhao¹, Larisa V. Popova^{2✉}

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russia

¹zhaoting910@163.com, <https://orcid.org/0009-0006-3455-4054>

^{2✉}plarisa20@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8254-8787>

Abstract. The article deals with the issue of interpreting the meaning of phrase schemes based on the tautology of nouns in the nominative case. The object of the study is 6 phraseological schemes, including the latest *NI such NI*. The purpose of the study is to analyze the mechanism of meaning

formation and the meanings of the phrases under consideration based on the described dynamic models of interpreting the non-redundant meaning of tautologies. The illustrative material is presented by corpus data. It has been revealed that the meanings of phraseoschemes can be interpreted using the intensification model, the “acceptance of the inevitable” model, the “representation of the typical” model, the compression model, and the restriction model. These findings expand our understanding of noun tautology in the Russian language and syntactic phraseology.

Keywords: the Russian language, tautology, phraseoscheme, noun, tautology interpretation model

For citation: Zhao Ting, Popova L. V. Models of interpretation of tautological phraseological schemes with nouns in the nominative case. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 4 (133), pp. 129–142. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-12>; EDN: DRFOFI

Введение

Одним из видов тавтологических конструкций русского языка являются тавтологии с предикативным удвоением (*Жизнь это жизнь, Работа (и) есть работа, Город как город*), которые рассматривают как «псевдотавтологии» (Ю. Д. Апресян) или «тавтологии по интенции», поскольку их значения «переосмысляются в конкретной ситуации употребления, что приводит <...> к формированию у них вторичного неизбыточного значения»¹.

Тавтология, в том числе и тавтологические синтаксические фразеологизмы, продолжает оставаться в фокусе внимания исследователей. Ученые видят в повторе отражение заложенной в сознании и мышлении человека склонности к двоичности, бинарным оппозициям: «В основе смысловой значимости тавтологий лежит билатеральность знака и возможность последовательного расщепления знака и значения на различные аспекты»². С конца XX века возрастает интерес к предложениям тавтологии как показателям своеобразия языковой картины мира (А. Wierzbicka). Признание у подобных конструкций неизбыточного значения ставит вопрос о выявлении механизмов понимания их смысла, отличии от истинной тавтологии, соотношении в них метаязыкового и языкового содержания. Детально описываются грамматические и лексические факторы (значение существительного, тип дескрипции, коннотативный потенциал имени, семантика постоянного компонента, наличие связки, порядок слов, наличие распространителей)³, влияющие на понимание значения тавтологических конструкций, в том числе их коннотаций.

Выбранные в качестве объекта исследования фразеосхемы с повтором существительного в именительном падеже вызывают интерес еще и потому, что именительный падеж способен занимать позиции как подлежащего, так и сказуемого. Тавтологии с предикативным удвоением строятся на заполнении позиций главных членов предложения, однако переосмысленное значение конструкции может привести к

¹ Осташенко Т. С. *Когнитивно-стратегический потенциал тавтологии*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск: [б. и.], 2011, с. 8. EDN: QHFZAV

² Зайц О. А. *Семантика и прагматика тавтологий и плеоназмов*: автореф. дис. ... канд. филол. Санкт-Петербург [б. и.], 2001, с. 4. EDN: KTZFZR

³ Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997, с. 444. EDN: RBBSFH

утрате их членности (хотя очевидность членности / нечленности отдельных предложений вызывает вопросы).

Исследователи отмечают, что в истории русского языка структура и принципы функционирования тавтологического повтора существительных претерпели изменения: «...в русском языке донационального периода используются преимущественно тавтологические устойчивые сочетания, а в языке Нового времени превалируют и активно образуются тавтологические конструкции (фразеосхемы, синтаксические фразеологизмы)»¹. С учетом этого актуальность темы обусловлена в том числе и обращением к современным языковым фактам, в частности – к интернет-коммуникации, и ее описанием в структурно-семантическом аспекте.

Статус рассматриваемых предложений в русском языке определяется по-разному. В теории синтаксической фразеологии они получили название «фразеосхемы» (Д. Н. Шмелев). Они обладают признаками воспроизводимости, структурной устойчивости и идиоматичности: «В этих предложениях словоформы связываются друг с другом идиоматически, не по действующим синтаксическим правилам функционируют служебные и местоименные слова, частицы и междометия»². В Грамматике конструкций (*Construction Grammar, CxG*) данные предложения рассматриваются как «фразеологизмы-конструкции», «построенные по определенной модели, в которой фиксируется некоторое лексическое значение»³. В статье используется термин *фразеосхема*, однако в широком смысле между терминами *конструкция* и *фразеосхема* не усматривается принципиальных различий – эти понятия расцениваются как общее и частное.

Материалом для исследования были выбраны 6 фразеосхем с именительным падежом существительного (N1):

- (1) N1 есть (и есть, оно и есть) N1. (*Семья есть семья.*)
- (2) N1 как N1. (*День как день.*)
- (3) N1 и N1. (*Телефон и телефон.*)
- (4) N1 так N1. (**Вот N1 так N1!**) (*Праздник так праздник. Вот улов так улов!*)
- (5) N1 это N1. (*Жизнь это жизнь.*)
- (6) N1 такие (такой / такая / такое) N1. (*Девочки такие девочки.*)

Первые четыре конструкции зафиксированы в словаре В. Ю. Меликяна как фразеосхемы⁴. Конструкция (5), по нашему мнению, также проявляет признаки фразеосхемы и обнаруживает синонимию с конструкцией (1). Конструкция (6) является относительно новой в русском языке и еще не имеет лексикографического описания,

¹ Генералова Е. В. Тавтологические фразеологизмы русского языка: история и современное состояние. *LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой: избранные доклады* (Санкт-Петербург, 14–21 марта 2023 года). Санкт-Петербург: СПбГУ, 2025, с. 58. EDN: WIMZLY

² *Русская грамматика*: в 2 т., т. 2, главный редактор – Н. Ю. Шведова. Москва: Наука, 1980, с. 383.

³ Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Динамика функционирования фразеологизмов-конструкций (по материалам НКРЯ). *Труды института русского языка им. В. В. Виноградова*. 2024, № 3, с. 64. <https://doi.org/10.31912/pvrl-2024.3.5>; EDN: VBOKHK

⁴ Меликян В. Ю. *Словарь экспрессивных устойчивых фраз русского языка. Фразеосхемы и устойчивые модели*. Москва: Флинта; Наука, 2016. 336 с. EDN: XFCAV

хотя активно исследуется¹ и зафиксирована в Русском конструктиконе². Иллюстративный материал представлен данными НКРЯ³, ГИКРЯ⁴.

Исследование проводилось на основе наблюдения и описания, метода контекстуального и компонентного анализа, а также метода интерпретации. Исходя из того, что идиоматическое значение данных конструкций зависит от механизма пересмысления тавтологии, считаем целесообразным не описывать все возможные значения каждой модели, а систематизировать их в соответствии с типологией способов интерпретации, названной в исследовании Т. В. Остапенко «устойчивыми моделями неизбыточной интерпретации тавтологий»⁵. На наш взгляд, выбранный способ описания тавтологических фразеосхем позволит продемонстрировать многозначность и синонимию конструкций, поскольку «одна и та же модель может быть использована для интерпретации ряда различных тавтологических конструкций, и, наоборот, одна и та же тавтологическая конструкция может быть проинтерпретирована с помощью различных моделей»⁶.

Основная часть

Из шести рассматриваемых фразеосхем три – (1), (5), (6) – представляют собой конструкцию тождества, в которых устанавливается равенство объема значения субъекта и предиката. Конструкция (2) является тавтологическим сравнением (предмет и объект сравнения совпадают), конструкция (3) соотносится с конструкцией с соединительным союзом *и*. Фразеосхема (4) с компонентами *вот, так* не имеет соотношенности с источником – свободной моделью, но может быть рассмотрена как близкая оценочной конструкции с частицей-интенсивом – *Вот так герой!*

Конструкции (2), (3) и (4) имеют устойчивые значения, они однозначны⁷ и характеризуются синтаксической нечленимостью. Конструкции тавтологического тождества (1), (5), (6) характеризуются гораздо большим семантическим объемом. Так, описывая тавтологические предложения с местоимениями *это* и *есть*, исследовате-

¹ Гилярова К. А. Статья такая статья. Об одном типе редупликации в современном русском языке. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*: Материалы ежегодной Международной конференции: в 2 т., т. 1 (Бекасово, 29 мая – 02 июня 2013 года). Вып. 12 (19). Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2013, с. 242–253. EDN: RRPNHP; Марьянчик В. А., Попова Л. В. Блогеры такие блогеры, или О новой фразеосхеме в русском языке. *Русская речь*, 2023, № 2, с. 70–82. <https://doi.org/10.31857/S013161170025485-2>; EDN: KCSWAE

² Русский конструктикон. URL: <https://constructicon.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.12.25).

³ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.12.25).

⁴ Генеральный интернет-корпус русского языка. URL: <https://int.webcorpora.ru/drake/> (дата обращения: 20.10.2025).

⁵ Остапенко Т. С. *Когнитивно-стратегический потенциал тавтологии*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск: [б. и.], 2011, с. 9. EDN: QHFZAV

⁶ Там же.

⁷ Меликян В. Ю. *Словарь экспрессивных устойчивых фраз русского языка. Фразеосхемы и устойчивые модели*. Москва: Флинта; Наука, 2016. 336 с. EDN: XFXCAV

ли, вслед за Е. А. Падучевой, приходят к выводу, что «обе конструкции в принципе позволяют передать любое содержание и любое отношение говорящего»¹.

Предложения с тавтологией обладают определенной лингвоспецифичностью, нуждаются в интерпретации, обусловленной коннотациями используемых в них лексем, пресуппозициями, фоновыми знаниями, контекстом. В исследованиях отмечается иконичность тавтологических фразеосхем, которая проявляется в том, что «повторяя что-то, мы коммуникативно высвечиваем соответствующий смысл»².

Рассмотрим основные значения фразеосхем с тавтологическим повтором существительного с опорой на понятие модели интерпретации тавтологий, отражающей устойчивые способы избыточного переосмысления тавтологий. В результате переосмысления в смысловую структуру высказывания добавляется (или изымается из нее) семантический компонент, позволяющий устранить избыточность.

1. Интенсификационная модель интерпретации

Значение интенсификации, понимаемое как включение в смысл выражения семантических компонентов 'очень', 'крайне', 'в высшей степени', в целом характерно для тавтологий, поскольку удвоение любой части речи часто предполагает увеличение, множественность, интенсивность, длительность. В случае с существительными значение интенсификации опирается на оценочное или коннотативное значение лексемы.

Для фразеосхемы (4) с указательным *вот* и восклицательной интонацией значение высокой степени проявления каких-либо свойств (положительных или отрицательных) предмета речи как наиболее выдающегося из своего класса, точного соответствия называемому, является единственно возможным интерпретационным значением: **Вот подлец так подлец. Ты что же, по найму али от себя работаешь, уродина поганая?** (К. Петров-Водкин); **Летом Баден; зимой Париж; иногда Италия. Вот жизнь так жизнь!** (В. Сологуб); **Вот любовь так любовь!** (ГИКРЯ, ЖЖ).

Применительно к фразеосхемам (1), (5) и (6) интенсификационная модель – один из возможных вариантов интерпретации.

(1) *Раечка меня расспрашивала и даже выпытывала. Женищина есть женищина. Люблю таких!* (В. Маканин). В словаре дается указание на возможное у данной фразеосхемы значение «высокой степени проявления признака»³.

(6) *Увидела счастье. Глазками, настоящее. Оно мне улыбалось и, кажется, радовалось. Счастье такое счастье* (ГИКРЯ, ЖЖ); *Кстати, японцы такие японцы. Пока работники отеля не уточнили все на сайте Кореан Эйр про самолет, не верили!* (ГИКРЯ, ЖЖ); *...В этом году зима такая зима. Снежно, холодно, бело и нарядно* (ГИКРЯ, ЖЖ). Значение интенсивности в данной фразеосхеме актуализируется

¹ Вилинбахова Е. Л., Копотов М. В. «X есть X» значит «X это X»? Ищем ответ в синхронии и диахронии. *Вопросы языкознания*, 2017, № 3, с. 119. <https://doi.org/10.31857/s0373658x0001003-2> EDN: YPLTTV

² Баранов А. Н. Еще раз о факторах идиоматичности: тавтология и онимизация. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог–2010»* (Бекасово, 26–30 мая 2010 года). Т. 9 (16). Бекасово: Российский государственный гуманитарный университет, 2010, с. 21. EDN: QAGZSJ

³ Меликян В. Ю. *Словарь экспрессивных устойчивых фраз русского языка. Фразеосхемы и устойчивые модели*. Москва: Флинта; Наука, 2016, с. 221. EDN: XFxcaV

интенсификатором *такой* и может совмещаться со значением стереотипности и оценочности: «X такой X = ‘хороший / плохой X’, ‘X меня радует / раздражает’»¹. Оценочное значение «реализуется в результате актуализации коннотативных сем или ассоциаций в контексте фразеосхемы»².

Во фразеосхемах с *есть* и *такие* значение интенсификации понимается как включение семантического компонента ‘настоящий’, ‘подлинный’. Значение тавтологии может быть проинтерпретировано так: ‘В этом году настоящая зима’; ‘Она – настоящая женщина’; ‘Японцы проявляют качества, характерные для настоящих японцев’.

(5) *Москва это Москва. Но у нас тоже неплохо* (ГИКРЯ, ВК); *Плисецкая это Плисецкая* (ГИКРЯ, ВК). В широком смысле интенсификация в данной конструкции может быть проинтерпретирована так: X занимает особое место среди прочих индивидов или классов (X не Y), что обусловлено высшей степенью проявления каких-либо качеств, свойств, о которых известно говорящему и слушающему. Чаще всего конструкция обнаруживает высокую мелиоративную оценочную коннотацию, подчеркивая «особость» предмета речи – ‘не такой, как остальные’.

При заполнении позиций фразеосхем (1), (5) и (6) существительными – личными, конкретными, именами собственными – аксиологическая категоризация предполагает общий для говорящего и слушающего фонд знаний о предмете речи, что повышает статус сообщения от личного мнения до генерализованного знания.

Использование в речи фразеосхем с интенсификационным значением обусловлено тактиками объяснения, убеждения, усиления, похвалы, эмоционально-оценочного воздействия на адресата, апелляции к общему фону знаний.

2. Интерпретационная модель «смирение с неизбежным», «примирение с действительностью, с качествами предмета / явления»

Все рассматриваемые фразеосхемы, кроме (2) с союзом *как*, могут быть интерпретированы с опорой на данную модель. Отметим, что значение «примирения с действительностью» чрезвычайно характерно для русской языковой картины мира³.

Приведем примеры в порядке регулярности проявления данного значения в фразеосхемах.

(4) *Потом жилье снять. Семья так семья.* (С. Данилюк). Фразеосхема с местоимением *так* выражает «согласие, примирение с оттенком безразличия, равнодушия, нейтрального отношения к предмету речи»⁴.

¹ Гилярова К. А. Статья такая статья. Об одном типе редупликации в современном русском языке. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегодной Международной конференции: в 2 т., т. 1* (Бекасово, 29 мая – 02 июня 2013 года). Вып. 12 (19). Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2013, с. 242–253. EDN: RRPNHP

² Марьянчик В. А., Попова Л. В. Блогеры такие блогеры, или О новой фразеосхеме в русском языке. *Русская речь*, 2023, № 2, с. 79. <https://doi.org/10.31857/S013161170025485-2>; EDN: KCSWAE

³ Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997, с. 506. EDN: RBBSFH

⁴ Меликян В. Ю. *Словарь экспрессивных устойчивых фраз русского языка. Фразеосхемы и устойчивые модели*. Москва: Флинта; Наука, 2016, с. 237. EDN: XFXCAV

(3) ...*Собака и собака, делов-то!* (Г. Тропольский). Значение «согласия, примирения» является одним из возможных значений данной фразеосхемы, важную роль в актуализации которого играет интонация.

(1) *На улице было промозгло, ветрено – все же, зима есть зима.* (А. Рекемчук); *Новая жизнь начинается. А жизнь она и есть жизнь. С ожиданиями и сюрпризами* (В. Сидур).

(5) *«Ну хорошо. Возраст – это возраст. И у всех восемнадцати душ будут лысинки и вялые щеки, а пока им кажется, что утро это на всю жизнь»* (М. Анчаров).

Н. А. Николина определяет тавтологию с частицей-связкой *это* как «формулу примирения с действительностью»¹. А. Д. Шмелев отмечает, что в тавтологиях с *есть* варианты такого примирения могут быть различны.

Во-первых, это «понимание неизбежности негативных аспектов явления»² и признание того, что с недостатками предмета речи надо мириться, поскольку они не уникальны: *Что тут взять – мать есть мать. Все на инстинктах* (М. Тихомиров); *Жизнь есть жизнь. Ее не поторопишь* (А. Битов); *Дети – это дети*. Они всегда были детьми и останутся (А. Иванушкин).

Во-вторых, «примирение с действительностью» («ничего не поделаешь») может состоять в осознании необходимости выполнять свой долг по отношению к X-у, каким бы этот X ни был»³: *Приказ есть приказ, и он будет выполнен – таков ответ, иного, признаюсь, не ждал* (Г. Рожнов); *Школа есть школа, и мы должны придерживаться программного материала* (А. Мусатов).

Семантический компонент «смирение с действительностью» может проявляться и в значении фразеосхемы с местоимением *такие*.

(6) *Иногда дом проще сжечь и построить новый, чем убрать. Дети такие дети; Я понимаю, что девочки такие девочки, и им до глубокой пенсии хочется быть принцессами; Мамы такие мамы. Когда моя начинает меня пилить – я отключаю мозг, иначе никак* (ГИКРЯ, ЖЖ).

По наблюдению К. А. Гиляровой, в таких конструкциях может ощущаться оценочно-эмотивный оттенок снисходительности по отношению к предмету: «X такой X = 'X проявил свои характерные отрицательные признаки, но ничего другого мы от него и не ждали и не сердимся'»⁴.

При использовании имени собственного в конструкциях с *это, есть, как, такие* актуализируется значение «соответствия сценария поведения лица в данный отрезок

¹ Николина Н. А. Структурно-семантические особенности предложений типа «Жизнь есть жизнь». *Предложение как многоаспектная единица языка*. Москва: МГПИ им. В. И. Ленина, 1984, с. 45.

² Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997, с. 506. EDN: RBBSFH

³ Там же.

⁴ Гилярова К. А. Статья такая статья. Об одном типе редупликации в современном русском языке. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегодной Международной конференции: в 2 т., т. 1* (Бекасово, 29 мая – 02 июня 2013 года). Вып. 12 (19). Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2013, с. 248. EDN: RRPNHP

времени и предшествующий период»¹. В таких случаях проявляется сема смирения с качествами объекта: его надо принимать таким, каков есть; от этого человека не ожидается ничего нового – ‘ну что с него взять’: *Леруська такая Леруська. Любит фотографироваться :))*; *Купила себе новенькую красную помаду (Алена такая Алена)* (ГИКРЯ, ЖЖ).

Интерпретационное значение «смирение с неизбежным» актуально в речевых тактиках согласия (в том числе – ухода от продолжения темы или прямой оценки), убеждения, презентации и самопрезентации. Конструкции характеризуются особой тональностью (шутливости, ироничности, ласкательности, умиления, раздражения, недовольства) и реализуют коммуникативную стратегию «повышения статуса» говорящего, поскольку он сообщает адресату информацию о лице, присваивая себе «право» имплицитной оценки.

3. Модель соответствия норме, репрезентации типичности

Оценка предмета речи как типичного представителя класса, соответствующего норме, обычному представлению о нем, может быть выявлена в моделях (1), (2), (3), (5), (6).

(2) *Работа как работа; День как день; Лето как лето; Москва как Москва*. Значение соответствия норме – единственное значение данной фразеосхемы². В конструкции первое существительное сохраняет полную референтность, а второе – обозначает класс предметов или набор всех возможных дифференциальных признаков предмета, представляющих общие знания о нем. Интерпретация тавтологии включает семантический компонент ‘обыкновенный’, ‘ничем не примечательный’, ‘типовой’, ‘рядовой’, ‘обычный’. Это значение антонимично значению интенсификации, ср.: *Вот пирог так пирог!* и *Пирог как пирог*, однако на оценочной шкале «плохо – безразлично – хорошо» такие предложения соответствуют зоне «среднего»³.

(3) *А люди смотрят на нее и не видят: земля и земля!* (М. Пришвин); *Я как-то стесняюсь говорить про свою работу, что она творческая, работа и работа* (С. Шуртаков). Фразеосхема имеет значение общности, соответствия типичному.

(1) *Баба она и есть баба. По мне они все на одно лицо* (А. Мацанов); *Зона она и есть зона, проклятое место* (Д. Донцова); *Ваня, он и есть Ваня: медом не корми, дай вылупиться* (В. Шукшин). Фразеосхема выражает «оценку предмета речи как соответствующего норме, обычному представлению о нем или как просто существующего в объективной действительности»⁴.

(5) *...мужчина это мужчина, и если у него все нормально, то он мужчиной и останется, лес там вокруг или еще что-нибудь, это безразлично...* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий). Репрезентация типичности в данной конструкции понимается как обращение к принципиально общим знаниям о свойствах предмета речи.

¹ Николина Н. А. Структура и семантика предложений типа «День как день». *Русский язык в школе*, 2010, № 4, с. 48. EDN: LLZIWR

² Меликян В. Ю. *Словарь экспрессивных устойчивых фраз русского языка. Фразеосхемы и устойчивые модели*. Москва: Флинта; Наука, 2016, с. 226. EDN: XFXCAV

³ Николина Н. А. Структура и семантика предложений типа «День как день». *Русский язык в школе*, 2010, № 4, с. 50. EDN: LLZIWR

⁴ Меликян В. Ю. *Словарь экспрессивных устойчивых фраз русского языка. Фразеосхемы и устойчивые модели*. Москва: Флинта; Наука, 2016, с. 221. EDN: XFXCAV

(6) *Девочки такие девочки; Филологи такие филологи; Экзамены такие экзамены; ...у большинства китайцев нет привычки пить кофе. Покупатели в Китае в среднем пьют лишь три чашки кофе в год. Китайцы такие китайцы* (ГИКРЯ, ЖЖ). Для данной фразеосхемы, активно распространившейся в интернет-коммуникации в последние 10–15 лет, наиболее продуктивным является оценочное значение, предполагающее типизацию предметов и их свойств. Данное значение опирается на интенционал и коннотации существительного, а также на значение местоимения, которое «способно словно бы “усреднять” представления об определяемом слове»¹. Соответствие стереотипу, норме может совмещаться со значением интенсивности признака (модель 1) и /или примирения с действительностью (модель 2). Например: *23:00 в Волжском. Лето такое лето. +28 в 11 вечера* (ГИКРЯ, ВК) – ‘Лето есть лето, летом в Волгоградской области обычно очень жарко, это нормально и ничего с этим не поделать’.

4. Компрессивная модель

Данная модель предполагает сжатие (компрессию) более сложной мысли или текста. По нашим наблюдениям, таким способом могут быть интерпретированы фразеосхемы с предикативным удвоением (1), (5), (6), используемые в качестве заголовков, подписей к фото, концовок текста, комментариев. Конструкция выполняет функцию проспекции в позиции заголовка или зачина текста, предлагая адресату самому определить актуализируемые признаки предмета речи (см. заголовки к постам *Питер такой Питер, Архангельск такой Архангельск, Наташи такие Наташи, Котики такие котики* и др.). В финальной позиции текста обнаруживается ретроспективная функция: высказывание подводит итог, выражает оценку предмета речи на основе компрессии всей информации, представленной в тексте (см. оценочные концовки *Наука такая наука*); *Наши звезды такие звезды* и др.). Похожее значение обнаруживают и фразеосхемы в качестве комментария к постам.

Для понимания избыточного аксиологического значения таких тавтологий необходим контекст, больший, чем предложение, а в некоторых случаях – и фоновые знания или, как выразился А. Д. Шмелев, «мысленное досье» референта. В интернет-коммуникации в интерпретации тавтологий могут помогать изображения, видео, графика.

Приведем в качестве примера фразеосхему (6), используемую в качестве названия поста с фотографией сертификата, в котором по ошибке оставлены комментарии («*уточнить у Регины*»).

«Студенты такие студенты»

Это мы недавно свидетельства активистам раздавали, за их благие дела. Работа казалась несложной, и поэтому была поручена соответственно другим благодетельным студентам. Текст этого свидетельства прошёл через пять пар рук, прежде чем оно попало на подпись к зам. первого проректора по воспитательной работе. Она-то и обнаружила оплошность, а ведь могли и так вручить!» (ГИКРЯ, ЖЖ).

¹ Сатюкова Д. Н., Воейкова М. Д. Особенности функционирования местоимения *такой* в устной разговорной речи. *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований, 2010, т. 6, № 2, с. 201. EDN: PXHOYV

Оценочное значение фразеосхемы может быть проинтерпретировано так: ‘Студенты часто бывают невнимательны, безответственны, их надо контролировать, чтобы они не допускали глупых или смешных ошибок’. Заметим, что, кроме компрессии сложной мысли (событийной семантики), в данном примере обнаруживаются и другие значения: типичность, примирение с действительностью.

Переосмысленные с помощью данной модели фразеосхемы могут использоваться в тактиках рассказа и объяснения.

5. Рестриктивная модель (устранение избыточности)

Данная модель интерпретации понимается как сужение (или ограничение) значения компонентов тавтологической конструкции, приводящее к нарушению тождества их интенционалов и устранению избыточности¹.

По нашим наблюдениям, такой способ интерпретации применим к большинству рассматриваемых фразеосхем, поскольку их значение опирается на актуализацию одного (или нескольких) коннотативных или ассоциативных признаков предмета речи. Например:

– *Москва есть Москва!* (здесь даже Ленин и Сталин развели меня на косарь) (ГИКРЯ, ВК) – актуализируется признак ‘город, где надо быть внимательным, осторожным’;

– *Москва есть Москва* всегда происходит что-то интересное, в отличие от нашего колхоза (ГИКРЯ, ЖЖ) – актуализируется признак ‘город с активной культурной жизнью’;

– *В яхт-клубе мне очень часто приходится упрощать свой лексикон, так как спортсмены такие спортсмены* (ГИКРЯ, ВК) – актуализируется стереотипный субъективно-оценочный признак ‘у спортсменов ограниченный словарный запас’.

Данная модель интерпретации может пересекаться с компрессивной моделью, если происходит и сжатие информации, и актуализация одного из признаков, лежащих в основе аксиологической оценки. Например: *Питер такой Питер* (ГИКРЯ, ЖЖ) – подпись к фотографии, на которой изображена кошка, спящая на стуле в витрине одного из магазинов Петербурга, на фоне объявления с просьбой не стучать, чтобы не беспокоить кошку – *«Пожалуйста, не стучите по стеклу. Дусенька отдыхает»*.

Оценочная семантика конструкции в данном случае зависит от дополнительных семиотических знаков (визуальных), а также фоновых знаний (особая любовь петербуржцев к кошкам, кошки как сувенирный бренд Петербурга, эрмитажные коты и пр.). В данном контексте устраняются остальные стереотипные аксиологические признаки Петербурга (погода, Нева, достопримечательности, дворцы, мосты, белые ночи и пр.) и актуализируется лишь один: ‘такое отношение к кошке может быть только в Питере, и это вызывает умиление’.

Интерпретация тавтологий с опорой на рестриктивную модель востребована в тактиках рассказа (дискурсивный топик), объяснения, передачи эмоциональной оценки, а также ‘ухода’ от прямой пейоративной оценки, в тактике «контроля за темой» в диалогах.

¹ Остапенко Т. С. *Когнитивно-стратегический потенциал тавтологии*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск: [б. и.], 2011, с. 12. EDN: QHFZAV

Выводы

В результате проведенного анализа можно отметить, что в рассмотренных фразеосхемах используется:

- 1) коннотативный потенциал существительного;
- 2) синтаксические возможности именительного падежа (первое существительное с денотативным значением обеспечивает основу для демонстрации интенционального характеризующего значения второго существительного).

В результате переосмысления значения постоянных и переменных компонентов формируется идиоматическое значение конструкции. Для интерпретации тавтологических фразеосхем могут быть применимы различные модели, в том числе и их комбинации. Наиболее нагруженными интерпретационными значениями являются фразеосхемы на основе тавтологии тождества. Регулярными значениями конструкций с *это, есть, такие* являются значения типичности, интенсификации, примирения с действительностью.

Оценочное значение рассмотренных фразеосхем связано с социокультурными стереотипами, сценариями и нормами. При внешней структурной простоте тавтологических фразеосхем они обладают сложной комбинированной семантикой и яркой прагматической спецификой, что, в частности, обуславливает преимущественное использование новейшей фразеосхемы *NI такие NI* в интернет-коммуникации, тяготеющей к экспрессии при экономии языковых средств.

Список источников / References

Баранов А. Н. Еще раз о факторах идиоматичности: тавтология и онимизация. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*: труды Международной конференции «Диалог–2010» (Бекасово, 26–30 мая 2010 года). Т. 9 (16). Бекасово: Российский государственный гуманитарный университет, 2010, с. 20–25. EDN: QAGZSJ

Baranov A. N. Once again on idiomatichity factors: tautology and onymization. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*: Proceedings of the International Conference “Dialogue–2010” (Bekasovo, May 26–30, 2010). Volume 9 (16). Bekasovo: Rossiiskii gosudarstvennyi humanitarnyi universitet, 2010, pp. 20–25. (In Russ.) EDN: QAGZSJ

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Динамика функционирования фразеологизмов-конструкций (по материалам НКРЯ). *Труды института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2024, № 3, с. 62–74. <https://doi.org/10.31912/pvrli-2024.3.5>; EDN: VBOKHK

Baranov A. N., Dobrovolsky D. O. Constructional phrasemes: dynamics and functioning (based on RNC data). *Proceedings of the Vinogradov Institute of the Russian Language*, 2024, no. 3, p. 62–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.31912/pvrli-2024.3.5>; EDN: VBOKHK

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с. EDN: RBBSFH

Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar)*. Moscow: Shkola “Iazyki russkoi kul’tury”, 1997. 576 p. (In Russ.) EDN: RBBSFH

Вилинбахова Е. Л., Копотев М. В. «X есть X» значит «X это X»? Ищем ответ в синхронии и диахронии. *Вопросы языкознания*, 2017, № 3, с. 110–124. <https://doi.org/10.31857/s0373658x0001003-2>; EDN: YPLTTV

Vilinbakhova E. L., Kopotev M. V. “X is X” means “X is X”? Looking for an answer in synchrony and diachrony. *Topics in the study of language*, 2017, no. 3, pp. 110–124. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/s0373658x0001003-2>; EDN: YPLTTV

Генералова Е. В. Тавтологические фразеологизмы русского языка: история и современное состояние. *LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой: избранные доклады* (Санкт-Петербург, 14–21 марта 2023 года). Санкт-Петербург: СПбГУ, 2025, с. 58–71. EDN: WIMZLY

Generalova E. V. Tautological phraseological units of the Russian language: History and current state. *LI International Scientific Philological Conference named after Lyudmila Alekseevna Verbitskaya: Selected Papers* (St Petersburg, March 14–21, 2023). St Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 2025, pp. 58–71. (In Russ.) EDN: WIMZLY

Гилярова К. А. Статья такая статья. Об одном типе редупликации в современном русском языке. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегодной Международной конференции: в 2 т., т. 1* (Бекасово, 29 мая – 02 июня 2013 года). Вып. 12 (19). Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2013, с. 242–253. EDN: RRPNHP

Giliarova K. A. This is an article. On a type of reduplication in the modern Russian language. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the Annual International Conference: In 2 vol., vol. 1* (Bekasovo, May 29 – June 02, 2013). Iss. 12 (19). Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi humanitarnyi universitet, 2013, pp. 242–253. (In Russ.) EDN: RRPNHP

Зайц О. А. Семантика и прагматика тавтологий и плеоназмов: автореф. дис. ... канд. филол. Санкт-Петербург [б. и.], 2001. 18 с. EDN: KTZFFZR

Zaitz O. A. *Semantics and pragmatics of tautologies and pleonasm*s: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences. St Petersburg, 2001. 18 p. (In Russ.) EDN: KTZFFZR

Марьянчик В. А., Попова Л. В. Блогеры такие блогеры, или О новой фразеосхеме в русском языке. *Русская речь*, 2023, № 2, с. 70–82. <https://doi.org/10.31857/S013161170025485-2>; EDN: KCSWAE

Marianchik V. A., Popova L. V. Blogery takie blogery (bloggers are such bloggers), or About a new phraseoscheme in Russian. *Russian Speech*, 2023, no. 2, pp. 70–82. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013161170025485-2>; EDN: KCSWAE

Меликян В. Ю. Словарь экспрессивных устойчивых фраз русского языка. Фразеосхемы и устойчивые модели. Москва: Флинта; Наука, 2016. 336 с. EDN: XFXCAV

Melikian V. Yu. *Dictionary of expressive set phrases of the Russian language. Phraseological schemes and fixed models*. Moscow: Flinta; Nauka, 2016. 336 p. (In Russ.) EDN: XFXCAV

Николина Н. А. Структура и семантика предложений типа «День как день». *Русский язык в школе*, 2010, № 4, с. 47–52. EDN: LLZIWR

Nikolina N. A. The structure and semantics of sentences of the type “Day as Day”. *Russian Language at School*, 2010, no. 4, pp. 47–52. (In Russ.) EDN: LLZIWR

Николина Н. А. Структурно-семантические особенности предложений типа «Жизнь есть жизнь». *Предложение как многоаспектная единица языка*. Москва: МГПИ им. В. И. Ленина, 1984, с. 38–46.

Nikolina N. A. Structural and semantic features of sentences of the type “Life is Life”. *Sentence as a Multidimensional Unit of Language*. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut im. V. I. Lenina, 1984, pp. 38–46. (In Russ.)

Остапенко Т. С. *Когнитивно-стратегический потенциал тавтологии*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск: [б. и.], 2011. 18 с. EDN: QHFZAV

Ostapenko T. S. *Cognitive and strategic potential of tautology*: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences. Irkutsk, 2011. 18 p. (In Russ.) EDN: QHFZAV

Сатюкова Д. Н., Воейкова М. Д. Особенности функционирования местоимения *такой* в устной разговорной речи. *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований, 2010, т. 6, № 2, с. 184–224. EDN: PXHOYV

Satiukova D. N., Voeikova M. D. Specific functions of the pronoun *takoj* ‘such’ in spoken Russian. *Acta Linguistica Petropolitana*. Transactions of the Institute for Linguistic Studies, 2010, vol. 6, no. 2, pp. 184–224. (In Russ.) EDN: PXHOYV

Русская грамматика: в 2 т., т. 2, главный редактор – Н. Ю. Шведова. Москва: Наука, 1980. 714 с.

Russian Grammar: In 2 vol., vol. 2, edited by N. Yu. Shvedova. Moscow: Nauka, 1980/714 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Тин Чжао – аспирант, <https://orcid.org/0009-0006-3455-4054>, zhaoting910@163.com, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (д. 17, наб. Северной Двины, 163002 Архангельск, Россия); **Ting Zhao** – Postgraduate Student, <https://orcid.org/0009-0006-3455-4054>, zhaoting910@163.com, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (17, nab. Severnoi Dviny, 163002 Arkhangelsk, Russia).

Лариса Владиславовна Попова – доктор филологических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-8254-8787>, plaris20@mail.ru, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (д. 17, наб. Северной Двины, 163002 Архангельск, Россия); **Larisa V. Popova** – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-8254-8787>, plaris20@mail.ru, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (17, nab. Severnoi Dviny, 163002 Arkhangelsk, Russia).

Заявленный вклад авторов: авторы сделали разный вклад в подготовку публикации: Тин Чжао – сбор и обработка материала, анализ материала, выводы, написание текста статьи; Л. В. Попова – разработка концепции, написание текста статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors made various contributions to the preparation of the publication: Ting Zhao – collection and processing of material, analysis, drawing conclusions, writing the text of the article; L.V. Popova – development of the concept, writing the text of the article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.12.2025; одобрена после рецензирования 31.12.2025;
принята к публикации 27.01.2026.

The article was submitted 09.12.2025; Approved after reviewing 31.12.2025; Accepted for publica-
tion 27.01.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 4 (133), с. 143–156.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 4 (133), pp. 143–156.

Научная статья

УДК 811.161.1'282:811.111'34

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-13>

<https://elibrary.ru/esobsk>

Сравнительно-типологический анализ особенностей консонантизма севернорусского наречия и британского произносительного стандарта

Юлия Федоровна Черногор

Смоленский государственный университет,

Смоленск, Россия

jchornogor@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-3753-9511>

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительно-типологического исследования консонантных особенностей севернорусского наречия и британского произносительного стандарта. Выявленные сходства касаются артикуляции (напряженность, длительность, придыхательность, глоттализация, апиально-альвеолярная артикуляция, отсутствие палатализации) и коартикуляции (потеря взрыва, сила первого согласного в сочетании, утрата /j/ согласных. В работе обсуждается целесообразность сравнения региональных фонетических особенностей неблизкородственных языков и причины выявленных особенностей, а также отмечается прикладное значение исследования для преподавания фонетики.

Ключевые слова: консонантизм, севернорусское наречие, британский произносительный стандарт, сравнительно-типологический анализ, русская диалектная фонетика, английская фонетика

Для цитирования: Черногор Ю. Ф. Сравнительно-типологический анализ особенностей консонантизма севернорусского наречия и британского произносительного стандарта. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 4 (133), с. 143–156. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-13>; EDN: ESOSBSK

A comparative-typological analysis of consonantal features in Northern Russian dialects and the British pronunciation standard

Yulia F. Chornogor

Smolensk State University,

Smolensk, Russia

jchornogor@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-3753-9511>

Abstract. The article presents the results of a comparative-typological study of consonantal features of the Northern Russian dialects and the British pronunciation standard. The similarities identified concern consonant articulation (tenseness, length, aspiration, glottalization, apical-alveolar articulation, absence of palatalization) and coarticulation (loss of plosion, the strength of the first

consonant in clusters, loss of /j/). The study addresses the relevance of comparing regional phonetic phenomena in non-closely related linguistic systems, elucidates the factors contributing to the revealed peculiarities, and highlights the applied value of the findings for phonetic instruction.

Keywords: consonantism, Northern Russian dialects, British pronunciation standard, comparative-typological analysis, Russian dialect phonetics, English phonetics

For citation: Chornogor Yu. F. A comparative-typological analysis of consonantal features in Northern Russian dialects and the British pronunciation standard. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 4 (133), pp. 143–156. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-13>; EDN: ESOSBSK

Введение

Данная статья является частью сравнительно-типологического исследования региональных произносительных норм русского языка и произносительного стандарта британского варианта английского языка.

В отличие от сопоставительных исследований родственных языков, где сходство легко объяснимо общим происхождением, совпадения, выявленные при сопоставлении неродственных языков, позволяют отделять их от специфики развития звуковых систем одной группы и рассматривать как результат фонетических тенденций более высокого порядка. Кроме того, сравнительно-типологические исследования имеют важное прикладное значение для изучения билингвизма и преподавания иностранных языков.

Несмотря на то что сравнительное описание звуковых систем русского и английского языков разработано очень хорошо и подробно исследованы фонетические особенности диалектного членения русского языка, последовательное сравнение диалектных произносительных систем русского языка с английским ранее не проводилось.

Основная часть

Объектом данного сравнительно-типологического исследования являются фонетико-фонологические системы севернорусского наречия и британского литературного стандарта английского языка. Предметом – консонантизм данных систем. Остановимся на терминологии исследования, поскольку в филологической и лингвистической традиции можно встретить терминологические различия.

В русской лингвогеографической литературе под «наречиями» понимаются «два самых больших противопоставленных друг другу диалектных объединения: севернорусское наречие и южнорусское наречие»¹. Каждое из них включает в себя множество говоров, объединяемых в «группы» или просто «говоры» по большому сходству признаков. Так, существуют архангельские говоры, вологодская группа или вологодские говоры. Термин «диалект» и его производные чаще всего употребляются в качестве противопоставления литературной норме, например, в словосочетаниях «диалектное выражение», «диалектные особенности речи» и т. д. Как утверждает

¹ Пожарицкая С. К. *Русская диалектология*. Москва: МГУ, 1997, с. 9.

С. В. Пожарицкая, «слова “говор” и “диалект” не имеют точного терминологического значения и могут употребляться как синонимы»¹. Так мы и будем их употреблять.

В научной традиции английского языкознания используются термины «вариант», «диалект» и «акцент». Единства в отношении этих терминов нет. Иногда термины «вариант» и «диалект» считаются взаимозаменяемыми: «Диалектами можно назвать как национальные варианты английского языка, <...> так и любые местные»². Но в данной статье мы будем различать эти понятия.

В результате колониальной политики Великобритании английский язык распространился далеко за ее пределами. Сейчас он является национальным языком целого ряда стран и представлен как в устной, так и в письменной форме. Английский язык в США, Великобритании, Канаде и Австралии отличается как фонетическими, так и лексико-грамматическими особенностями. Такого рода различия отражает термин «вариант». То есть, например, говоря об американском английском, мы имеем в виду вариант английского языка.

Термин «диалект» обозначает лингвогеографическую разновидность внутри варианта английского языка, характеризующуюся фонетическими, лексическими и грамматическими особенностями. Часто диалект противопоставляется литературному стандарту (норме). Однако необходимо отметить, что литературный стандарт – это кодифицированный диалект, принятый за языковую и речевую норму. В русском языке литературным выбран московский диалект, а в английском в настоящее время стандартом считается южноанглийский диалект. Со временем выбор литературного стандарта может меняться. Термин «акцент» может обозначать произносительные черты как варианта, так и диалекта, их фонетико-фонологические особенности (про фонетические особенности британского варианта английского языка говорят «британский акцент», а про фонетические особенности йоркширского диалекта – «йоркширский акцент»), а также фонетические особенности родного языка в иноязычной речи (например, «русский акцент в английском»).

Целью настоящего сравнительно-типологического исследования является выявление сходных и различных черт в консонантных системах севернорусских говоров и британского произносительного стандарта. Сравнительный анализ такого рода предполагает известную степень обобщения. Мы рассматриваем консонантизм севернорусского наречия как объединение характерных фонетических черт, хотя конкретные говоры могут отличаться по ряду из них (например, севернорусскому наречию в целом свойственно отверждение шипящих, но в части севернорусских говоров встречаются и мягкие шипящие). Аналогично, британская произносительная норма опирается на южнобританский диалект, в котором тоже есть или появляются черты, свойственные не всем носителям этого диалекта (например, эйективные согласные или гортанная смычка в качестве усиления взрывных). Эта вариативность имеет как территориальную, так и социальную основу и неизбежна при любом лингвогеографическом обобщении. В настоящее время в английском языке происходит суще-

¹ Там же.

² Буряя Е. А., Галочкина И. Е., Шевченко Т. И. *Фонетика современного английского языка*. Теоретический курс. Москва: Академия, 2006, с. 200. EDN: YTHEGT

ственная перестройка произносительных норм. На смену «королевскому английскому» – нормативному произносительному стандарту британского варианта английского языка (англ. *Received Pronunciation*), доминировавшему в культурной и общественной жизни Англии со второй половины XIX века до начала XXI века, – приходит южноанглийский стандарт (англ. *Standard Southern British*), который в настоящее время приобрел статус современного нормативного британского произношения. В связи с этой перестройкой люди старшего поколения могут не использовать некоторые языковые особенности, которые характерны для молодых британцев, зафиксированные как вариант нормы в специальной литературе.

Описанные нюансы не отменяют возможность проведения сравнительно-типологического исследования. Подобные сравнения, хотя и отрывочные, делались лингвистами и ранее. Л. Л. Касаткин, исследуя севернорусские говоры, отмечал сходство некоторых особенностей говоров с целым рядом индоевропейских языков, в частности с английским. Например, он указывал на схожее альвеолярное произношение переднеязычных согласных, замену [д'] на [р'], придыхательность глухих взрывных и другие черты¹.

Предваряя детальный разбор особенностей, можно сказать, что степень схожести фонетических систем севернорусских говоров и произносительной нормы британского английского языка оказалась довольно велика, несмотря на то что данные языки принадлежат к разным группам индоевропейской семьи. Английский язык относится к языкам консонантно-вокалического типа с равномерным распределением гласных и согласных фонем (20 гласных, 24 согласных). Русский язык относится к консонантному типу с умеренным преобладанием согласных фонем (34 согласных фонемы и 5 (или 6) гласных фонем).

При сравнительном описании консонантных систем севернорусских региональных норм и британского произносительного стандарта нами рассматриваются как характеристики отдельных согласных фонем, так и типичные явления коартикуляции.

Результаты

Сходные особенности консонантных систем

1. Напряженность и ненапряженность согласных. Первое и самое значительное, на наш взгляд, сходство консонантных систем севернорусских говоров и британского варианта английского языка – это противопоставление согласных по напряженности / ненапряженности, в противоположность литературной норме русского языка, где согласные противопоставляются по глухости / звонкости. В британском английском согласные делятся на сильные / слабые (лат. *fortis vs. lenis*). Глухость и звонкость являются сопутствующими характеристиками согласных фонем,

¹ Касаткин Л. Л. *Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка*. Москва: Наука, 1999, с. 241, 245. EDN: RBNPZN

Нам кажется важным подчеркнуть, что ученый объяснял фонетические процессы в севернорусских говорах не только и не столько влиянием финно-угорских языков, как часто отмечается в литературе, сколько общими процессами для индоевропейских языков.

что подтверждается многими исследованиями¹. Это же явление наблюдается и в севернорусских говорах, где «основным признаком является напряженность – ненапряженность согласных, а их глухость или звонкость – признаком сопутствующим»².

2. Длительность согласных связана с категорией напряженности. В севернорусских говорах, как отмечается в литературе, «глухие щелевые согласные перед гласным могут быть более чем вдвое длиннее звонких»³. То же самое можно сказать и об английских щелевых согласных. Исследования подтверждают, что длительность звука [s] в «*sip*» вдвое больше, чем [z] в «*zip*»⁴.

3. Придыхательность глухих согласных. Придыхательность согласных появляется вследствие удлинения послевзрывной фазы глухих смычных согласных. Английские /p/, /t/, /k/ известны таким качеством, как аспирация, или придыхание, которое особенно отчетливо проявляется в начале слов перед ударной гласной. Придыхательность отмечается и в севернорусских говорах при удлинении послевзрывной фазы: у[ph]ала, [th]оже, [kh]ак.

4. Потеря взрыва, или удлинение смычки. Следствием увеличения длительности глухих смычных согласных также может быть удлинение фазы смычки. В севернорусских говорах удлинение фазы смычки акустически ощущается как удвоение согласного, где у первого звука отсутствует фаза взрыва. Например: по[тт]олок, ка[кк]ой, о[п'п']ять. В английском языке такое явление тоже существует, но возникает на стыке двух согласных – как правило, взрывных: *black cat, look better*.

5. Импульсивные согласные и глоттализация. На конце слов перед паузой в английском языке все чаще происходит глоттализация глухих взрывных согласных, когда вместо звуков /p/, /t/ и /k/ произносится гортанная смычка. Она может сопровождать фазу смычки согласного – это называется «гортанное усиление» (англ. *glottal reinforcement*), *e. g. department, fitness*. А может замещать согласный полностью – «гортанное замещение» (англ. *glottal replacement*), *e. g. football, platform*. В севернорусских говорах в той же позиции, что и в английском, встречаются так называемые «импульсивные согласные». Это «звуки, у которых есть только фаза смычки и нет второй фазы – взрыва: ид[т], везу[т], носи[т'], та[к], лу[к], гор[п] (горб), ло[п] (лоб)»⁵. Вероятно, речь идет о том же самом гортанном усилении, которое присутствует в английском языке.

6. Абруптивы и придыхательные в конце слов перед паузой. В английском языке абруптивные согласные (также называемые эйективными (англ. *ejectives*)) можно считать относительно новым явлением. Это непультмональные взрывные со-

¹ Stahlke H. F. W. Fortis and lenis obstruents in English. *WORD*, 2003, vol. 54, no. 2, pp. 191–216. <https://doi.org/10.1080/00437956.2003.12068832>

² Бромлей С. В. и др. *Русская диалектология*, под редакцией Л. Л. Касаткина. Москва: Академия, 2005, с. 73.

³ Там же.

⁴ Ogden R. *An Introduction to English Phonetics*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2023, p. 122. <https://doi.org/10.1515/9781399507769>

⁵ Бромлей С. В. и др. *Русская диалектология*, под редакцией Л. Л. Касаткина. Москва: Академия, 2005, с. 74.

гласные, которые образуются не за счет выдоха воздуха из легких, а посредством резкого поднятия гортани при закрытой голосовой щели. При произнесении этих согласных слышится характерный «щелчок». Примеры: *quick* [kwik'], *right* [raɪt'], *stop* [stɒp']¹. В белошельском говоре Л. Л. Касаткин отмечал наличие придыхательных глухих взрывных согласных на конце слов перед паузой. Конец слова – нехарактерная позиция для придыхательных согласных, поэтому данную особенность стоит выделить отдельно. Она охватывает ту же группу фонем и позиционно совпадает с появлением абруптивов в английском языке, поэтому абруптивность и придыхательность глухих взрывных на конце слов можно сопоставить.

7. Спирантизация. В целом, спирантизация нехарактерна для английской произносительной нормы, но отдельные исследования отмечают эту особенность², правда не более чем в 25 % случаев. В этом исследовании спирантизации (преимущественно частичной) были подвержены как напряженные, так и ненапряженные согласные. Что касается севернорусских говоров, спирантизация взрывных согласных встречается во многих из них, например: «[в]ыденный (обыденный), [овет] (обед)»³. Спиранты произносятся на месте звонких взрывных в интервокальной позиции, например, [ʏ] произносится вместо [г] (стро[ʏ]о), губно-губные плоскощелевые [β], [β'] – вместо [б], [б'] (на ра[β]оту, [β]едро (бедро), [j] на месте [д'] (при[j]елал, схо[j]и).

8. Одноударный согласный [ɹ]. В британском английском получило распространение использование одноударного [ɹ] (англ. *flap* или *tap*) на месте [t]. Это употребление встречается как вариант использования гортанного замещения. Использование одноударного альвеолярного или какуминального [ɹ] характерно для североамериканского произношения. Тем не менее, оно фиксируется в литературе как современная особенность британского акцента и встречается в интервокальной позиции внутри или на стыке слов, например: *British, pretty much, get out, a lot of, etc.*⁴. В вологодских говорах в одноударный щелевой апиально-альвеолярный или какуминальный согласный превращается звук [д], [д'], например «сва[р']ба, уса[р']ба, кла[р']бище»⁵.

9. Апиально-альвеолярные согласные [t], [d], [n]. Апиально-альвеолярный характер переднеязычных согласных в английском языке известен – этим они отличаются от соответствующих фонем в русском языке. Однако в севернорусских говорах эти согласные имеют те же свойства: «при их образовании кончик языка, загну-

¹ Carley P., Mees I. M. *English Phonetics and Pronunciation Practice*. Abingdon: Routledge, 2024, p. 20.

² Hejná M., Kimper W. Pre-closure laryngeal properties as cues to the fortis-lenis plosive contrast in British varieties of English. *Yearbook of the Poznań Linguistic Meeting*, 2018, vol. 4, pp. 179–211. <https://doi.org/10.2478/yplm-2018-0008>

³ Касаткин Л. Л. *Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка*. Москва: Наука, 1999, с. 240. EDN: RBNPZN

⁴ Lindsey G. *English After RP: Standard British Pronunciation Today*. London: Palgrave Macmillan, 2019, p. 69.

⁵ Касаткин Л. Л. *Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка*. Москва: Наука, 1999, с. 241. EDN: RBNPZN

тый вертикально вверх, упирается в альвеолы»¹. Это в точности соответствует британскому нормативному произношению.

10. Отверждение согласных в севернорусских говорах и отсутствие палатализации в английском. В английском языке отсутствует противопоставление согласных по твердости / мягкости и, соответственно, не встречается явление палатализации. Палатализация согласных перед гласными переднего ряда – известная причина произносительных ошибок русскоговорящих вследствие интерференции русского языка. Однако севернорусским говорам часто несвойственна оппозиция по твердости / мягкости, так как согласные сохраняют апикальное произношение перед гласными переднего ряда². Севернорусским говорам свойственно отверждение согласных, и чаще, чем в литературном языке, наблюдается отверждение первого согласного в сочетаниях типа С'С', например: «го[ст']и, гво[зд']и, ра[зн']ица, на [сн']егу, охо[тн']ичать»³.

11. Апикально-альвеолярный (светлый) и веляризованный (темный) [l]. Севернорусским говорам свойственно апикальное произнесение согласного [l], который вследствие схожей артикуляции называют «европейским». Он действительно очень напоминает английский звук [l]. Более того, в севернорусских говорах существует дистрибутивная оппозиция апикально-альвеолярного [l] в начале слов и неслогового / / в качестве аллофона в конце слов после гласных. Эта дистрибутивная оппозиция повторяет оппозицию светлого и темного [l] в английском языке, где темный [l] по артикуляционно-акустическим характеристикам приближается к неслоговому / /, полностью совпадая с ним в случае вокализации. То есть по артикуляции и дистрибуции веляризованный [l] в английском языке можно сравнивать с неслововым гласным / / в большинстве севернорусских говоров русского языка, а чередование [l /] в севернорусских говорах напоминает чередование [l / ɫ] в британском английском.

12. Сила первого согласного в сочетании. В сочетаниях согласных первый согласный сильнее по напряженности и намного длительнее второго, более слабого. Эта особенность отличает севернорусские говоры от литературной произносительной нормы, где «существует закон, по которому большая долгота первого согласного по сравнению со вторым (в сочетании нескольких согласных) невозможна даже в том случае, когда первый согласный звук соответствует сочетанию двух одинаковых фонем»⁴. В севернорусских говорах в сочетании согласных первый будет длительнее и напряженнее второго, например: по[ш:]ла, Лё[ш:]ка, Во[ф:]ка, ме[с:]то. В английском эта особенность проявляется в сочетаниях щелевого /s/ с взрывными /p/, /t/, /k/,

¹ Бромлей С. В. и др. *Русская диалектология*, под редакцией Л. Л. Касаткина. Москва: Академия, 2005, с. 76–77.

² Гласные переднего ряда в севернорусских говорах, как отмечает Л. Л. Касаткин, скорее являются «передне-средними», по сравнению с южнорусскими говорами.

³ Бромлей С. В. и др. *Русская диалектология*, под редакцией Л. Л. Касаткина. Москва: Академия, 2005, с. 77.

⁴ Касаткин Л. Л. *Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка*. Москва: Наука, 1999, с. 234. EDN: RBNPZN

когда вследствие напряженности спиранта /s/ наблюдается полное отсутствие аспирации взрывных, даже в сильной позиции перед ударными гласными: *spea*k, *sta*nd, *Scorpio*, *scoop*.

13. Утрата согласного [т] / [т'] в конечных сочетаниях [ст], [с'т']. Это явление известно всему севернорусскому наречию и обычно связывается с ненапряженностью второго согласного в сочетании. Для британского произносительного стандарта также характерно слабое, ненапряженное произношение второго согласного в сочетании после /s/. Кроме того, может происходить замена [t] на гортанную смычку или утрата его перед взрывным согласным, например: *Paul mus*[ʔ] *be* mad.

14. Прогрессивная ассимиляция по глухости и оглушение сонантов. Для севернорусских говоров, как и для британского варианта английского языка, характерно прогрессивное оглушение сонантов. Примеры из севернорусских говоров: пью, трава, красивый, прошлый. Примеры для английского языка: *trap*, *quite*, *incredible*, *twice*.

15. Утрата звука [j]. Наблюдается исчезновение звука [j] после ряда согласных в английском языке и исчезновение [j] в интервокальной позиции в севернорусских говорах. Например, в глагольных окончаниях /j/ выпадает: работает, гуляет, катаются. В британском произносительном стандарте это явление можно сравнить с произнесением дифтонгов /aɪ/, /ɔɪ/, /eɪ/ в сочетании с /ə/, когда происходит монофтонгизация (англ. *smoothing*), и /ɪ/ произносится слабее и иногда утрачивается (e. g. *fire*, *layer*).

В сочетаниях согласных и в севернорусских говорах, и в британской произносительной норме /j/ утрачивается после переднеязычных. В севернорусских говорах наблюдается полная ассимиляция, когда /j/ утрачивается, а предшествующий согласный удваивается: пла[тт']я, сви[н'н']я¹. В английском в результате исторической ассимиляции звук [j] уже исчез после палатально-альвеолярных (*chute* /ʃu:t/, *chew* /tʃu:/, *juice* /dʒu:s/), заальвеолярного /r/ (*rude* /ru:d/) и латерального /l/ с предшествующим согласным (*blue* /blu:/, *flew* /flu:/). Это устойчивая тенденция, и теперь в британском английском она охватывает также позиции после /l/ (*lute* /lu:t/, *allude* /ə'lu:d/), после /s/ (*suit* /su:t/, *assume* /ə'su:m/), после /z/ (*presume* /prɪ'zu:m/) и /θ/ (*enthusiasm* /ɪn'θu:zɪzm/)². В целом /j/ пока сохраняется после губных и веларных согласных, а после переднеязычных в той или иной степени утрачивается. Нужно отметить, что прогрессивная ассимиляция в сочетаниях переднеязычных согласных с /j/ встречается также в западных говорах южнорусского наречия и среднерусских говорах.

16. Вокализация [ɪ] и неслоговой [ɪ̥]. В современном британском произносительном стандарте темный /ɪ/ все чаще произносится без апиальной смычки. Это явление называется вокализацией, в результате чего сонант, стоящий после гласного перед согласным или паузой, приобретает характеристики неслогового [ɪ̥]:

¹ Бромлей С. В. и др. *Русская диалектология*, под редакцией Л. Л. Касаткина. Москва: Академия, 2005, с. 80.

² Carley P., Mees I. M. *English Phonetics and Pronunciation Practice*. Abingdon: Routledge, 2024, p. 32. <https://doi.org/10.4324/9781003411338>

self [seof]. В этих же позициях в севернорусских говорах произносится неслоговой [], что очень сближает консонантные системы по этому признаку.

17. Билабиальный /w/. Некоторые говоры севернорусского наречия сохраняют билабиальное произношение фонемы /w/: тра[w]а, [w]ода. Как указывает Л. Л. Касаткин, [w] в соответствии с /в/ обычно произносится «перед гласными и в начале слова, реже – перед согласным и на конце слова»¹, поэтому слова «травка», «деревня» точнее будет транскрибировать через [], как «тра[]ка, дере[]ня», поскольку «в позициях конца слова и перед согласными <л> и <в> в севернорусских говорах могут совпадать в звуках [], [о] неслоговое, но не в [w]»². Следовательно, позиционно [w] совпадает с английской фонемой /w/, которая встречается только перед гласными: *white, away, twice*.

В древнерусском языке билабиальный /w/ демонстрировал большую частотность, чем губно-зубной /v/, который стал со временем вытеснять билабиальный сонант³. В английском языке частотность употребления фонемы /w/ до сих пор выше, чем частотность употребления /v/⁴. Можно предположить, что наличие билабиального /w/ в севернорусских говорах представляет собой общую с английским языком праиндоевропейскую черту.

18. Свистящие. Апикулярная артикуляция делает щелевые свистящие фонемы /с/, /с'/, /з/, /з'/ свистяще-шипящими, или «шепелявыми». Важно отметить, что мягкие фонемы «реализуются звуками другого места образования, чем твердые, а именно палатальными среднеязычными согласными шипящей тембральной окраски»⁵. Соответственно, твердые фонемы /с/ и /з/ артикуляционно сближаются с фонемами /с/, /з/ в британском английском, которые являются апикулярно-альвеолярными, а мягкие фонемы /с'/, /з'/ – с английскими альвеолярно-палатальными /ʃ/, /ʒ/.

19. Шипящие. Система шипящих в говорах севернорусского наречия представлена довольно пестро. В Диалектологическом атласе русского языка на картах 48–53⁶ можно найти примеры как мягкого, так и твердого произнесения глухих и звонких долгих шипящих: [шш]ука, [ш'ш']ука, [шч']ука, [ш'ч']ука; е[жж]у, е[ж'ж']у, е[ждж]у и т. д. Тем не менее можно обнаружить сходство с британским вариантом английского языка в виде свойственного севернорусским говорам отвердения и в целом отодвинутой назад альвеолярной артикуляции согласных. Оно отмечается в восточной части севернорусского наречия (что, вероятно, можно объяснить удаленностью от областных центров).

¹ Касаткин Л. Л. *Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка*. Москва: Наука, 1999, с. 191. EDN: RBNPZN

² Там же.

³ Бромлей С. В. и др. *Русская диалектология*, под редакцией Л. Л. Касаткина. Москва: Академия, 2005, с. 59–60.

⁴ Буряя Е. А., Галочкина И. Е., Шевченко Т. И. *Фонетика современного английского языка*. Теоретический курс. Москва: Академия, 2006, с. 265. EDN: YTHEGT

⁵ Пожарицкая С. К. *Русская диалектология*. Москва: МГУ, 1997, с. 66.

⁶ *Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР*. Вып. 1: Фонетика, под редакцией Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Москва, 1986. URL: <https://da.ruslang.ru/> (дата обращения: 10.03.2026).

20. Аффрикатy. В литературном русском языке две аффрикатy – твердая фонема /ц/ и мягкая /ч'/. На севере распространены говоры с мягким цоканьем, в которых класс аффрикат представлен одной мягкой свистяще-шипящей фонемой /ц'/, которая может обозначаться в транскрипции разными комбинациями букв ц и ч, поскольку соединяет их в себе акустически. Для нее характерна среднеязычная палатальная артикуляция, которая возникает вследствие объединения простых звуков: альвеолярного /т/ и палатального /с'/. Альвеолярно-палатальная артикуляция характеризует и английский аффрикат /tʃ/, что сближает эти фонемы. Важно, что фонема /ц'/ непарная по глухости-звонкости, в то время как в английском у /tʃ/ есть парная звонкая фонема /dʒ/.

Различия консонантных систем

Несмотря на многочисленные примеры сходства, консонантные системы севернорусских говоров и британского произносительного стандарта имеют ряд отличительных особенностей.

1. Прежде всего, они связаны с устойчивыми явлениями фонологической системы русского языка, кодифицированными в литературном стандарте. Сюда мы отнесем **оглушение звонких согласных на конце слов**, например: сру[п], голу[п] / голу[п']. Тем не менее по причине главенства фактора напряженности / ненапряженности над глухостью / звонкостью согласных в севернорусских говорах отмечается наличие полувзвонных согласных на месте глухих, например: «старень[г]а» (старенькая).

2. Подвижностью диалектных систем и распространением литературной произносительной нормы объясняется **появление мягких согласных** в говорах северного наречия. Несмотря на отмечаемое отверждение согласных и часто фиксируемое отсутствие оппозиции по твердости / мягкости, многим севернорусским говорам известно, например, прогрессивное ассимилятивное смягчение согласных: де[н'г']ям, коче[р'г']я, о[л'х']я¹. В английском таких явлений нет.

3. Некоторые явления региональных произносительных норм севернорусских говоров представлены в британском произносительном стандарте лишь частично, в меньшей степени. К таким явлениям относится **спирантизация**, которая гораздо реже отмечается в британском английском, как отмечалось выше.

4. **Различная степень регрессивной ассимиляции по назальности.** В севернорусских говорах встречается полная ассимиляция, например: «о[мм]ан» вместо «обман». В английском она частичная и проявляется в возникновении носового или латерального взрыва, при этом смычный взрывной теряет взрыв, но не исчезает: *cotton* [kɒtn], *kettle* [ketl]. Более того, в современной произносительной норме есть тенденция к разрыву носового и латерального взрыва и появлению *schwa* между согласными, например: *garden* ['gɑːdən], *bottle* ['bɒtəl].

5. **Утрата смычки перед гласными** характерна для севернорусских говоров, но отсутствует в английском: «го[с'с']и» (гости), «ве[з'з']е» (езде). В английском язы-

¹ Бромлей С. В. и др. *Русская диалектология*, под редакцией Л. Л. Касаткина. Москва: Академия, 2005, с. 78.

ке в беглой речи смычка может утрачиваться между согласными (*must be* [mʌsbi]), но не перед гласными (*most of* [məʊstəv]).

6. Особенности утраты /j/. В сочетаниях взрывных /t/, /d/ с /j/ в британском английском происходит сращение звуков, а не полная ассимиляция, как в севернорусских говорах, и удвоения согласного не происходит: ср. пла[т'т']я и *situation* [ˌsɪtʃu'eɪʃən], *YouTube* ['ju:tju:b].

7. Диссимиляция согласных (му[шн]ой, но[шн]ой, яи[сн]ица, моло[сн]ый и т. п.) не характерна для нормативного британского акцента, где сочетание [stʃn] всегда произносится четко (e. g. *question* ['kwɛstʃən], *suggestion* [sə'dʒestʃ(ə)n]). Диссимиляция встречается в других британских диалектных системах¹, но эти особенности выходят за рамки данного исследования.

Обсуждение

Результаты настоящего сравнительно-типологического анализа указывают на принципиальную возможность сравнения неродственных языков в диалектологическом аспекте, когда диалекты одного языка, по сходству черт объединенные в наречие, сопоставляются в другом языке с литературным стандартом (который, по сути, является одним из его диалектов, принятым за норму).

Нам удалось обнаружить 20 фонетико-фонематических признаков, по которым консонантные системы севернорусских говоров демонстрируют сходство с британской произносительной нормой. Отличия в области консонантизма более малочисленны (7) и либо обусловлены устойчивыми чертами литературной нормы русского языка, либо представляют собой различия в степени представленности соответственного явления. Возможно, сходство консонантных систем разных групп индоевропейских языков, германской и славянской, указывает на праиндоевропейский характер этих черт, сохранившихся до наших дней в ряде севернорусских говоров и закрепившихся в британском варианте английского языка. Известно, что в древнерусском языке отмечалось преимущество твердых согласных перед мягкими, апикальной артикуляции перед дорсальной, большая частотность билабиального /w/ относительно губно-зубного /v/. Севернорусские говоры сохранили эти и другие консонантные черты, и в этом аспекте их произносительные нормы близки к нормам британского варианта английского языка (южнобританского диалекта).

Можно выдвинуть предположение, что и русский язык, и британский вариант английского языка следуют в своем развитии общим для индоевропейских языков тенденциям, и каждый из них находится на своем этапе. Обнаружившаяся схожесть фонетико-фонологических систем севернорусских говоров русского языка и британского варианта английского языка указывает на близость этапов этого развития. Данная лингвогеографическая особенность, возможно, базируется на территориальных особенностях распространения этих языковых систем: периферийной на севере Восточно-Европейской равнины и островной на Британских островах.

¹ Маковский М. М. *Английская диалектология: современные английские территориальные диалекты Великобритании*. Москва: ЛЕНАНД, 2023, с. 53.

Особенности севернорусских говоров исследователи часто объясняют влиянием финно-угорских языков. Однако севернорусские говоры демонстрируют схожесть и с фонетическими явлениями в британском варианте английского языка, что может говорить о внутренних языковых процессах, свойственных индоевропейской языковой семье.

Севернорусские говоры являются ценнейшим источником информации не только по истории русского языка. Это материал для исследования динамических процессов целого ряда индоевропейских языков. На основе сопоставления сведений о развитии диалектной фонетики севернорусских говоров с фонетическими инновациями в других индоевропейских языках можно глубже понять процессы, протекающие в их фонетических системах. В частности, особенности севернорусских произносительных норм могут помочь в понимании тенденций фонетико-фонологической системы британского варианта английского языка. Предстоит подробнее изучить каждую из отмеченных в данной статье особенностей как в синхроническом, так и в диахроническом аспекте.

Данное исследование также может иметь прикладное значение для преподавания английского языка как иностранного в регионах Российской Федерации. Учащиеся зачастую используют региональные произносительные нормы вместо литературного стандарта, и постановка иноязычного произношения накладывается именно на региональную артикуляцию студентов.

Выводы

Сравнительно-типологический анализ консонантизма севернорусского наречия и британского произносительного стандарта позволил прийти к следующим выводам.

1. Выявлено 20 сходных особенностей изучаемых консонантных систем.
2. Выявлено 7 особенностей, отличающих изучаемые консонантные системы.
3. Схожесть систем связывается с общими индоевропейскими корнями и лингвогеографическими особенностями развития данных языковых систем.
4. Отличия касаются, в основном, различной степени проявленности консонантных особенностей изучаемых систем.

Результаты исследования могут стать основой для дальнейшего лингвистического исследования фонетических систем русского и английского языков, а также разработки методических рекомендаций для преподавания английской фонетики носителям региональных произносительных норм.

Список литературы / References

Бромлей С. В. и др. *Русская диалектология*, под редакцией Л. Л. Касаткина. Москва: Академия, 2005. 288 с.

Bromley S. V., et al. *Russian Dialectology*; edited by L. L. Kasatkin. Moscow: Akademiia, 2005. 288 p. (In Russ.)

Буряя Е. А., Галочкина И. Е., Шевченко Т. И. *Фонетика современного английского языка*. Теоретический курс. Москва: Академия, 2006. 272 с. EDN: YTNEGТ

Buraia E. A., Galochkina I. E., Shevchenko T. I. *Phonetics of modern English*. Theoretical Course. Moscow: Akademiia, 2006. 272 p. (In Russ.) EDN: YTHEGT

Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР. Вып. 1: Фонетика, под редакцией Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Москва, 1986. URL: <https://da.ruslang.ru/> (дата обращения: 10.03.2026).

Dialectological Atlas of the Russian Language: Centre of the European Part of the USSR. Iss. 1. Phonetics; edited by R. I. Avanesov, S. V. Bromley. Moscow, 1986. Available at: <https://da.ruslang.ru/> (In Russ.)

Касаткин Л. Л. *Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка*. Москва: Наука, 1999. 528 с. EDN: RBNPZN

Kasatkin L. L. *Modern Russian dialectal and literary phonetics as a source for the history of the Russian language*. Moscow: Nauka, 1999. 528 p. (In Russ.) EDN: RBNPZN

Маковский М. М. *Английская диалектология: современные английские территориальные диалекты Великобритании*. Москва: ЛЕНАНД, 2023. 186 с.

Makovskii M. M. *English dialectology: Contemporary territorial dialects of Great Britain*. Moscow: LENAND, 2023. 186 p. (In Russ.)

Пожарицкая С. К. *Русская диалектология*. Москва: МГУ, 1997. 168 с.

Pozharitskaia S. K. *Russian Dialectology*. Moscow: MGU, 1997. 168 p. (In Russ.)

Carley P., Mees I. M. *English Phonetics and Pronunciation Practice*. Abingdon: Routledge, 2024. 176 p. <https://doi.org/10.4324/9781003411338>

Hejné M., Kimper W. Pre-closure laryngeal properties as cues to the fortis-lenis plosive contrast in British varieties of English. *Yearbook of the Poznań Linguistic Meeting*, 2018, vol. 4, pp. 179–211. <https://doi.org/10.2478/yplm-2018-0008>

Lindsey G. *English After RP: Standard British Pronunciation Today*. London: Palgrave Macmillan, 2019. 153 p.

Ogden R. *An Introduction to English Phonetics*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2023. <https://doi.org/10.1515/9781399507769>

Stahlke H. F. W. Fortis and lenis obstruents in English. *WORD*, 2003, vol. 54, no. 2, pp. 191–216. <https://doi.org/10.1080/00437956.2003.12068832>

Сведения об авторе

Юлия Федоровна Черногор – кандидат филологических наук, доцент, <https://orcid.org/0009-0006-3753-9511>, jchornogor@yandex.ru, Смоленский государственный университет (д. 4, ул. Пржевальского, 214000 Смоленск, Россия); **Yulia F. Chornogor** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0009-0006-3753-9511>, jchornogor@yandex.ru, Smolensk State University (4, ul. Przhevalskogo, 214000 Smolensk, Russia).

Статья поступила в редакцию 12.03.2026; одобрена после рецензирования 02.04.2026;
принята к публикации 21.05.2026.

The article was submitted 12.03.2026; Approved after reviewing 02.04.2026; Accepted for publication 21.05.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 4 (133), с. 157–172.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 4 (133), pp. 157–172.

Научная статья

УДК 811.111

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-14>

<https://elibrary.ru/evpgyv>

Интенсификация (усложнение) языковых уровней в английском языке (на примере слов-антонимов)

Лев Морисович Шакирьянов

Уфимский университет науки и технологий,

Уфа, Россия

levshakiryarov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3110-8271>

Аннотация. В статье описывается последовательный переход от одного уровня к другому при становлении иерархического устройства английского языка. Одним из существенных положений является концепция, согласно которой, при формировании уровней анализа особую роль играет деление элементов языка на словообразовательные и словоизменительные (формообразующие), в результате чего словообразование рассматривается за рамками морфологии, которая, в свою очередь, представляет собой науку о формообразовании. Само гармоническое целое языка, а также полное соответствие между системой знаков и тем, что она обозначает, позволяет также выявить недостающие уровни. Таким образом, в языке можно выделить морфемы, слова-части речи, слова-концепты, слова метафоры, синтаксические конструкции, номинации, комбинации формы и значения.

Ключевые слова: антонимия, уровни языка, уровневый анализ, морфемы, части речи, слова, метафоры, синтаксические конструкции, номинации

Для цитирования: Шакирьянов Л. М. Интенсификация (усложнение) языковых уровней в английском языке (на примере слов-антонимов). *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 4 (133), с. 157–172. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-14>; EDN: EVPGYV

Intensification (complication) of language levels in English (based on antonymous words)

Lev M. Shakiryarov

Ufa University of Science and Technology,

Ufa, Russia

levshakiryarov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3110-8271>

Abstract. The article describes the successive transition from one level to another during the formation of the hierarchical structure of the language. According to the conclusions, one of the essential provisions is the concept according to which, when forming the levels of analysis, a special role is played by the division of language elements into derivational and inflectional (formative), as a

result of which word formation is considered beyond morphology, which, in turn, is the science of form formation. The very harmonious whole of the language, as well as the complete correspondence between the sign system and what it stands for, also allows us to identify the missing levels. Thus, morphemes, words-parts of speech, words-concepts, words-metaphors, syntactic constructions, nominations, combinations of form and meaning can be distinguished in the language.

Keywords: antonymy, language levels, level analysis, morphemes, parts of speech, words, metaphors, syntactic constructions, nominations

For citation: Shakiryanov L. M. Intensification (complication) of language levels in English (based on antonymous words). *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 4 (133), pp. 157–172. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-14>; EDN: EVPGYV

Введение

Как утверждает Н. В. Крушевский, «если язык есть ни что иное, как система знаков, то и идеальное состояние языка будет то, при котором между системой знаков и тем, что она обозначает, будет полное соответствие. Мы увидим, что все развитие языка есть вечное стремление к этому идеалу»¹. Участие всех выделяемых в языке единых принципов структуры на разных ступенях иерархической лестницы, очевидно, обуславливает и тот параллелизм фонетики, морфологии и синтаксиса, на который указывал И. А. Бодуэн де Куртенэ². Этот принцип позднее был обозначен Е. Куриловичем как изоморфизм³: в широком смысле – сходство свойств, соответствие связей и отношений между объектами (системами); в более узком – структурное сходство единиц языка.

Каждое значение исторически опирается на предшествующее значение, на которое отсылает представление: «представление есть признак, взятый из значения предшествующего слова и служащий знаком значения данного слова»⁴. Таким образом, этот признак выступает посредником между старым и новым значением (*tertium comparationis*, от лат. – «третий член сравнения», «критерий сравнения»).

В теории языка различают три элемента в слове:

- 1) членораздельный звук;
- 2) значение, объективируемое посредством звука;
- 3) внутреннюю форму (в узком смысле), сводимую к представлению и на этой основе раскрывающую знаковую природу слова.

В связи с этим можно говорить о системности отношений между рассматриваемыми элементами. Отметим, что «значение – это означаемое мыслительное содержание, внутренняя форма, или представление, – означающее, внутренний знак значения, звук – оболочка, внешняя форма знака, знак знака»⁵.

¹ Крушевский Н. В. *Избранные работы по языкознанию*. Москва: Наследие, 1998. 293 с.

² Бодуэн де Куртенэ И. А. *Избранные труды по общему языкознанию*: в 2 т., т. I. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1963, с. 101–102.

³ Курилович Е. *Очерки по лингвистике: перевод с польского, французского, английского, немецкого*. Биробиджан: ТРИВИУМ, 2000, 490 с.

⁴ Потебня А. Ф. *Слово и миф*. Москва: Правда, 1989, с. 212.

⁵ Потебня А. Ф. *Из записок по русской грамматике*: в 2 т., т. I–II. Москва: Учпедгиз, 1958, с. 17–19.

Считается, что антонимы придают особую значительность предметам и понятиям, способствуют раскрытию противоречивой сущности предметов и явлений, помогают показать полноту охвата явлений, а также используются как яркое выразительное средство в художественной речи. Слова, значения которых обладают этим свойством (антонимичностью), образуют в языке особую группу слов – антонимов; под антонимичностью понимается особая (дополнительная) характеристика лексического значения слова, которую можно назвать его эмоциональной или стилистической характеристикой. Наряду с иными признаками лексическое значение слова-антонима обладает еще одной особенностью – отражает свою противопоставленность значению какого-то другого слова¹.

Традиционно антонимы определяются как «слова с противоположным значением»². При определении антонимов основополагающим понятием является понятие противоположности; некоторые ученые, чтобы избежать использования такого многозначного слова, как «противоположность», при определении антонимии пытаются использовать другие семантически близкие слова: «контрастный», «противопоставленный», «обратный», «полярный». С одной стороны, употребление этих слов облегчает понимание антонимии, а с другой – усложняет ситуацию при их рассмотрении.

В лингвистике существует два подхода к определению антонимии:

1) узкий (классический) подход «предполагает противопоставленность лишь одного из компонентов содержания слов, обозначающих одну и ту же сущность»³;

2) широкий подход имеет две разновидности:

– антонимия понимается как «противопоставленность коррелятивных понятий» и «противопоставленность смысловых содержаний слов, обозначающих две разные сущности не по одному, а по многим семантическим признакам»⁴;

– антонимия рассматривается не только как языковое (системное), но и как речевое явление.

На современном этапе намечается тенденция изучения антонимов в конкретных языках (в том числе в диалектах и говорах), а также языках народов Российской Федерации и ближнего зарубежья:

– азербайджанский (М. А. Баширова, А. Н. Шилханова, М. К. Ибрагимов)⁵;

¹ Комиссаров В. Н. *Словарь антонимов современного английского языка*. Москва: Междунар. отношения, 1964, с. 6.

² Комиссаров В. Н. Проблема определения антонима (О соотношении логического и языкового в семасиологии). *Вопросы языкознания*, 1957, № 2, с. 49–58.

³ Новиков Л. А. *Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике)*. Москва: МГУ, 1973, с. 45.

⁴ Там же.

⁵ Баширова М. А., Шилханова А. Н., Ибрагимов М. К. Семантические особенности и закономерности фразеологизмов в азербайджанском языке в системе фразеологической полисемии: на материале дербентского диалекта. *Образование и право*, 2023, № 12, с. 594–597. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-12-594-597>; EDN: FGQZBU

- бакинский диалект, дербенский диалект, хачмазский говор, гедабекский диалект, гейчайский диалект, газакхский диалект, товузский диалект, евлахский диалект, шекинский диалект азербайджанского языка (Ф. Э. гызы Юсифова)¹;
- греческий (Е. С. Онуфриева)²;
- грузинский и осетинский (Р. И. Таучелова, М. А. Цаликова, Н. Л. Кобесашвили, М. Т. Бекоева)³;
- даргинский (З. И. Шахбанова, С. М. Рабаданова, С. И. Мутаева, Д. М. Алибекова)⁴;
- жестовый (Н. Б. Цибуля, М. Р. Алиева)⁵;
- ингушский (Р. М. Галаева, Э. Г. Оздоева, П. М. Алиева)⁶;
- кабардино-черкесский (Р. Х. Дзуганова)⁷;
- казахский (Н. М. Тукешова)⁸;

¹ Юсифова Ф. Э. гызы. Смысловые группы слов, употребляемых в диалектах восточной группы Азербайджана: омонимы, синонимы, антонимы. *“Colloquium-journal”. Philological sciences*, 2021, № 13 (100), с. 59–62.

² Онуфриева Е. С. Новогреческие фразеологизмы-конструкции с глаголами-антонимами: χ $\tau\omicron\nu$ $\alpha\nu\epsilon\beta\acute{\alpha}\zeta\epsilon\iota$, χ / γ $\tau\omicron\nu$ $\kappa\alpha\tau\epsilon\beta\acute{\alpha}\zeta\epsilon\iota$ И χ $\mu\lambda\alpha\acute{\iota}\nu\epsilon\iota$, χ $\beta\gamma\alpha\acute{\iota}\nu\epsilon\iota$. *Научный диалог*, 2020, № 10, с. 142–158. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-10-142-158>; EDN: LRNDRT

³ Таучелова Р. И., Цаликова М. А., Кобесашвили Н. Л., Бекоева М. Т. Лексические средства оформления семантики контраста в русском, осетинском, немецком и грузинском языках. *Мир науки, культуры, образования*, 2022, № 6 (97), с. 612–616. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-697-612-616>; EDN: ORPRMP

⁴ Шахбанова З. И., Рабаданова С. М. Синонимия и антонимия фразеологических единиц даргинского языка. *Мир науки, культуры, образования*, 2021, № 2 (87), с. 515–517. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-287-515-517>; EDN: JEMOTH; Мутаева С. И., Алибекова Д. М., Рабаданова С. М. Сопоставительный анализ фразеологической антонимии даргинского и русского языков. *Мир науки, культуры, образования*, 2021, № 3 (88), с. 622–624. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-388-622-624>; EDN: XPERPH

⁵ Алиева М. Р. Жесты противопоставления в англоязычном академическом дискурсе (на материале лекций). *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 2022, № 7 (862), с. 9–16. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_7_862_9; EDN: UUSBMF; Цибуля Н. Б. Жесты-иллюстраторы со значением контраста и их просодические корреляты. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 2023, № 3 (871), с. 129–135. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_3_871_129; EDN: MVXUXG

⁶ Галаева Р. М., Оздоева Э. Г. Антонимы-наречия в ингушском и русском языках. *“Colloquium-journal”. Philological sciences*, 2021, № 22 (109), с. 35–37. <https://doi.org/10.24412/2520-6990-2021-22109-35-37>; EDN: TQLDSQ; Оздоева Э. Г., Алиева П. М. Антонимы-прилагательные в ингушском и русском языках. *“Colloquium-journal”. Philological sciences*, 2021, № 22 (109), с. 33–35. <https://doi.org/10.24412/2520-6990-2021-22109-33-35>; EDN: SZGVDU

⁷ Дзуганова Р. Х. Аблаутные чередования и словообразовательные аффиксы как средство образования глагольных антонимов в кабардино-черкесском языке. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2022, т. 15, № 5, с. 1439–1443. <https://doi.org/10.30853/phil20220215> EDN: UORJRX

⁸ Тукешова Н. М. Антонимические отношения во фразеологических единицах с антонимичными компонентами в английском и казахском языках. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 2021, № 4 (157), с. 196–202. EDN: GBXC GD

- каракалпакский (Ф. И. Жуманиязова)¹;
- карачаево-балкарский (Б. А. Берберов)²;
- кыргызский (Н. А. Кайбылдаева, М. М. Джумаева)³;
- марийский (Л. А. Абукаева, А. А. Митрускова, А. В. Чемышев)⁴;
- русские народные говоры (Т. В. Лысенкова)⁵;
- таджикский (Ш. Б. Каримов)⁶;
- татарский (М. З. Валиева)⁷;
- тувинский (Т. Г. Бочина)⁸;
- хакасский (К. А. Покоякова)⁹;
- церковнославянский (О. В. Непраш)¹⁰;
- чеченский (Р. С. Ильясова)¹¹;
- эвенский (С. Н. Саввинова, И. И. Садовникова)¹².

¹ Жуманиязова Ф. И. Антонимы в творчестве Тилеубергена Жумамуратова. *Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*, 2024, № 4 (8), с. 59–64.

² Берберов Б. А. Функциональный потенциал антонимов в карачаево-балкарской загадке. *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*, 2021, № 3 (101), с. 126–132. <https://doi.org/10.35330/1991-6639-2021-3-101-126-132>; EDN: TJRBPR

³ Кайбылдаева Н. А., Джумаева М. М. Способы перевода антитезы с кыргызского на английский язык (на материале художественной литературы). *Бюллетень науки и практики*, 2024, № 2, с. 640–644. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/99/76>; EDN: WZOQXY

⁴ Абукаева Л. А., Митрускова А. А., Чемышев А. В. Функции антонимов в текстах марийских молитв. *Вестник Марийского государственного университета*, 2024, т. 18, № 1, с. 66–72. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-1-66-72>; EDN: RGWTCB

⁵ Лысенкова Т. В. Специфика взаимосвязи отрицания и антонимии в русских народных говорах (структурно-семантический аспект). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2025, т. 18, № 8, с. 3200–3205. <https://doi.org/10.30853/phil20250443>; EDN: PBNUWC

⁶ Каримов Ш. Б. Антонимия терминов сферы «экологии воды» в таджикском и английском языках. *Вестник Педагогического университета*, 2020, № 6 (89), с. 18–21. EDN: XCEEMN

⁷ Валиева М. З. Специфика функционирования языковых антонимов в письменных памятниках татарского языка XVII–XVIII вв. (на примере лексических единиц со значением ‘Саламәтлек’ – ‘Чир’ («Здоровье» – «болезнь»)). *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*, 2022, № 1 (114), с. 17–22. <https://doi.org/10.26293/chgpu.2022.114.1.003>; EDN: QJKDTK

⁸ Бочина Т. Г. Контраст в тувинских пословицах. *Новые исследования Тувы*, 2022, № 1, с. 37–46. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>; EDN: JULSKI

⁹ Покоякова К. А. Базовая оппозитивная пара хороший / плохой в хакасском и русском языковом сознании. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 2022, № 6–3 (69), с. 63–66. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-6-3-63-66>; EDN: OHVIKI

¹⁰ Непраш О. В. Внутрисловная антонимия некоторых церковнославянизмов. Аксиологический аспект. *Современная христианская психология и антропология: актуальные вопросы. Материалы Всероссийской конференции*. Санкт-Петербург, 2024, с. 54–61. EDN: PRPICT

¹¹ Ильясова Р. С. К вопросу о фразеологической антонимии в чеченском и русском языках. *Гуманитарные и социальные науки*, 2020, № 1, с. 109–115. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-78-1-109-115>; EDN: SQSBJR

¹² Саввинова С. Н. Антонимия в эвенском языке. *Современное педагогическое образование*, 2021, № 3, с. 236–238. EDN: SMSIES; Садовникова И. И. Антонимия глаголов в эвенском

Среди зарубежных авторов, которые изучают антонимию, можно выделить британских (K. Begley)¹, израильских (Yael Greenberg)², польских (Magdalena Perz)³, сербских (K. Rasulić)⁴ лингвистов, которые также затрагивают важнейшие принципы антонимии.

Как отмечают ученые, явление антонимии связано с «одной из фундаментальных сторон бытия – с диалектическим единством противоположных начал в самой сущности предметов, явлений, признаков духовного и материального мира, а семантическую основу антонимии образует различного рода логическая противоположность внутри одной сущности (качества, свойства, действия, процесса, отношения и т. п.)»⁵.

В последнее время антонимия все чаще рассматривается в качестве «логико-семантической категории контраста»⁶. В теории языка существует комплексный подход к понятию значения слова; вместе с тем, антонимы распространяются на все уровни лингвистики, и все так же можно говорить о том, что значение противопоставляется между словами.

Постановка задачи

Объект исследования – языковые уровни, в рамках которых реализуется антонимия как абсолютная языковая универсалия.

Предмет исследования – языковые способы актуализации случаев противоположности и противопоставления между англоязычными экономическими терминами.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить особенности иерархического устройства языка (целостность языка) при более детальном рассмотрении всех уровней, а также смежных областей.

Исследование проводилось на материале экономических терминов из Англо-русского экономического словаря под редакцией профессора, доктора экономиче-

языке. *The Scientific Heritage*, 2021, № 79, с. 60–61. <https://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-79-3-60-61>; EDN: UEVWJG

¹ Begley K. Knowing opposites and formalising antonymy. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2022, vol. 59, no. 2. pp. 85–101. <https://doi.org/10.5840/eps202259226>; EDN: UIFKIB

² Greenberg Ya. On the scalar antonymy of only and even. *Natural Language Semantics*, 2022, vol. 30, no. 4, pp. 415–452. <https://doi.org/10.1007/s11050-022-09200-x>; EDN: PJXVQY

³ Perz M. Du paradigme vers le syntagme – l’antonymie adjectivale: quelques remarques. *Neophilologica*, t. 32, pp. 335–347.

⁴ Rasulić K. High expectations and low blows: Antonymy and dynamic meaning construction. *Belgrade English Language and Literature Studies*, vol. 12, pp. 137–161.

⁵ Пестова М. С. Антонимия как объект теоретического исследования. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*, 2014, т. 11, № 1, с. 18–21. EDN: RYDEBF

⁶ Шакирьянов Л. М. *Логико-семантическая категория контраста в финансово-экономическом медиа-дискурсе (на материале англоязычных интернет-источников)*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа: ИПК БГПУ, 2014. 21 с. EDN: ZPMCAZ

ских наук А. В. Аникина¹, а также различных экономических реалий лингвострановедческого словаря США ученого-энциклопедиста, доктора филологических наук Г. Д. Томашина².

Метод исследования – уровневый анализ, согласно которому – система языка состоит из ряда подсистем (уровней); при этом особенности каждого уровня определяются набором, типами и правилами функционирования языковых единиц. Для этого ставятся частные задачи, которые решаются с помощью соответствующих методов анализа: морфемный и морфологический анализы позволяют разграничить антонимию морфем и антонимию частей речи; в работе также проводятся контекстуальный и лингвокультурологический анализы, которые применяются для идентификации случаев реализации антонимии на уровне синтаксиса (синтаксических конструкций), а также выявления метафор. Остальные уровни можно выделить благодаря некоторым другим фундаментальным положениям теории языка, чье применение дополняет выявленные уровни. Таким образом, иерархическое устройство языка служит его связыванию в единое гармоническое целое.

Отдельно отметим, что целью исследования является уровневый анализ, который не предполагает непосредственного анализа количественных или других показателей, так как основная задача – корректно расположить уровни значения. Вместе с тем следует подчеркнуть, что большая часть случаев антонимии приходится на системообразующие уровни, которые можно количественно сосчитать, а их исследование составляет основу теории языка (морфемный, морфологический, лексический, синтаксический). С другой стороны, другие, более частные уровни (метафоры, номинации, комбинации формы и значения), являются, скорее, комплементарными по отношению к основным уровням.

Основная часть

В ходе исследования установлено, что при формировании уровней анализа особую роль играет деление элементов языка на словообразовательные и словоизменяемые (формообразующие), в результате чего словообразование рассматривается за рамками морфологии, которая, в свою очередь, представляет собой науку о формообразовании. В связи с этим словообразование можно рассматривать как самостоятельную лингвистическую дисциплину³. В основу исследования положено фундаментальное различие между «отдельными знаками предметов мысли» (словообразовательные морфемы) и «различного рода частями в предложениях» (словоизменяемые морфемы)⁴.

¹ *Англо-русский экономический словарь*, под редакцией А. В. Аникина. Москва: Русский язык, 1977. 726 с.

² Томашин Г. Д. *Лингвострановедческий словарь*. Москва: Русский язык, 2001. 575 с.

³ Фортунатов Ф. Ф. *Избранные труды*: в 2 т., т. I. Москва: Учпедгиз, 1956. 450 с.; Виноградов В. В. *Избранные труды. Исследования по русской грамматике*. Москва: Наука, 1975. 559 с.; Зубова Л. В., Меньшикова Ю. В. *Морфемика и словообразование русского языка*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2014, с. 23–24.

⁴ Фортунатов Ф. Ф. *Избранные труды*: в 2 т., т. I. Москва: Учпедгиз, 1956. 450 с.

В рамках общей теории это дает возможность разграничить морфемы, которые позволяют сопоставить слова на уровне аффиксов, а также те, по которым можно выделить различные части речи.

Установим одну из основных закономерностей, которая позволяет выстроить уровневую систему языка, в рамках которой «иерархически упорядоченные единицы функционируют в языке не только как неделимые элементы в отношении к себе подобным, но и как составные части высших единиц и как совокупности низших единиц. В связи с этим, слово – это и неделимое целое, и целое, состоящее из морфем, т. е. комплекс морфем»¹. Данная концепция позволяет выявить в языке слова-концепты.

Система языка – множество языковых элементов, находящихся в закономерных связях и отношениях друг с другом, характеризующихся определенной целостностью. Таким образом, можно выделить и другие уровни языка – слова-метафоры, синтаксические конструкции, номинации и комбинации формы и значения.

Как уже было сказано, приведенные аргументы допускают разграничение морфем, которые позволяют **сопоставить слова на уровне аффиксов** (*finished goods* «готовые изделия» / *half-finished goods* «полуфабрикаты, полуобработанные изделия» (приставка неполноты); приставка отрицания *un* (*conditional* «условный» / *unconditional* «безусловный, безоговорочный, не ограниченный условием») (приставка отрицания и др., полный перечень см. в других работах автора), а также те, по которым можно **выделить различные части речи** (*contest between master and laborer* (субстантивы); *order to buy or to sell at best* (вербы); *jointly and severally* (адвербы); *bad money drives out good* (адъективы); *many-vs-many duel* (местоимения); *at or better* (предлоги)).

Системность языка и его стремление к гармонии – это итог противоборствующих сил, из-за которых языковая система остается стабильной; благодаря этой концепции, высказанной ранее Н. В. Крушевским, можно **выявить в языке слова-концепты** (*ex ante analysis* «анализ, основанный на использовании ожидаемых (предполагаемых) величин» / *ex post analysis* «анализ, основанный на использовании фактических величин»).

Как уже отмечалось ранее, иерархическое устройство языка служит его связыванию в единое гармоническое целое, что выражается в выделении других уровней языка. Так, в рамках рассматриваемой тематики можно **выделить слова-метафоры:**

- *bulls* / *bears* – «быки» / «медведи»;
- *hawks* / *doves* – «ястребы» / «голуби»;
- *wolves* / *sheep* – «волки» / «овцы»;
- *blue chips* / *red chips* – «голубые фишки» / «красные фишки»;
- *pigs* / *chicken* – «свиньи / кабаны» / «цыплята»;
- *sharks* / *lemmings* – «акулы» / «лемминги».

¹ Бодуэн де Куртенэ И. А. *Избранные труды по общему языкознанию*: в 2 т. Т. II. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1963, с. 268; Зубкова Л. Г. Целостность языка и его детерминанта в трактовке И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского. *Ученые записки Казанского государственного университета*, 2006, № 143, кн. 3, с. 73–82.

Метафора проясняет образование характерных для американского общества явлений, которые не только передают отношение к называемому объекту или явлению, но и затрагивают сложный процесс комплексного изучения сознания, культуры и языка (в настоящей статье приводится описание только некоторых из них).

1. Одной из основных метафор американской экономической жизни является метафора «БЫКИ / МЕДВЕДИ», которая является доминантной метафорой в этой сфере. Согласно дефинициям терминов, «бык» (англ. *bull*) – это «биржевик, играющий на повышение (скупающий ценные бумаги или товары в надежде на повышение их цен или предпринимающий усилия для их повышения)», а «медведь» (англ. *bear*) – это «биржевик, играющий на понижение»¹.

2. Метафора «ЯСТРЕБЫ / ГОЛУБИ» (англ. *hawks / doves*) введена для обозначения общеизвестных символов монетарной политики – тех, кто выступает за низкие процентные ставки по кредитам и не видит проблем в росте инфляции («голуби»), и тех, кто считает, что главное – это сдерживание инфляции, для чего необходимо повышать процентные ставки («ястребы»).

3. Метафора «ВОЛКИ / ОВЦЫ» продолжает способ обозначения участников торгов. «Волками» (англ. *wolves*) называют опытных трейдеров, «матерых» инвесторов; «овцы» (или бараны) (англ. *sheep*) – это трейдеры, которые не обладают какой-то определенной торговой стратегией.

С точки зрения синтаксиса (синтаксического уровня) можно говорить о существовании трех классов антонимов (*asked and bid / birth-and-death data / breakeven order*). Формально их можно назвать «противопоставление в рамках одного словосочетания», «противопоставление в словах с дефисным написанием» и «противопоставление в одном слове словосочетания»².

Понятие номинации в лингвистике связано с познавательной деятельностью человека, в силу чего может сочетать в себе различные аспекты своей реализации. Совокупность понятий номинации, которые проявляются в своем взаимодействии, позволяет сделать вывод о том, что номинацию необходимо трактовать как «обозначение всего отражаемого и познаваемого человеческим сознанием, всего сущего или мыслимого: предметов, лиц, действий, качеств, отношений и событий»³.

Согласно этой классификации, можно идентифицировать номинации. В рамках нее элементы противопоставляются:

– «в рамках одной номинации» (*demand outdistances supply* «спрос опережает предложение»);

– «в рамках двух номинаций» (*to save* «сберегать, экономить» / *to dissave* «расходовать, тратить сбережения»);

¹ Томахин Г. Д. *Лингвострановедческий словарь*. Москва: Русский язык, 2001, с. 53,79.

² Шакирьянов Л. М. Логико-семантический анализ контраста (на материале англоязычных экономических терминов). *Неофилология*, 2023, т. 9, № 3, с. 553–560. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-3-553-560>; EDN: GDXCDX

³ Гак В. Г. *К типологии лингвистических номинаций (Языковая номинация: общие вопросы)*. Москва: Наука, 1977. 359 с.

– «в рамках трех номинаций» (*senior* «старший бухгалтер-ревизор» / *semi-senior* «бухгалтер-ревизор, помощник старшего бухгалтера-ревизора» / *junior* «младший бухгалтер-ревизор, счетный работник ревизорской службы»).

Одним из главных показателей самостоятельности слова как единицы языка является вопрос соотношения слова и его части. Необходимо, чтобы «слово отличалось как некоторое целое от той или иной осмысленной части слова»¹. В связи с последним положением можно выделить комбинации формы и значения (*external audit* «внешняя ревизия» (обычно выполняемая частнопрактикующим бухгалтером-ревизором или коммерческой бухгалтерской фирмой) / *internal audit* «внутренняя ревизия» (нахождение (фиксированная позиция)); перемещение: *inborn* «рожденный в данной стране» / *outborn* «рожденный в другой стране» (перемещение и некоторые другие комбинации можно найти в других работах автора)).

Для рассмотрения полной системы языка (его систематизации) целесообразно также рассмотреть полную совокупность всех уровней языка, которая продемонстрирует его строй. В итоге в системе языка можно наблюдать следующие уровни: морфемы, слова-части речи, слова-концепты, слова-метафоры, синтаксические конструкции, номинации, комбинация формы и значения, уровни языка.

Выводы

Данное исследование посвящено описанию способов реализации противоположных лексических единиц (антонимов) английского языка, которое позволяет выстроить уровневую систему языка. В ходе исследования выявлены уровни языка, которые составляют его устройство, а именно: морфемы, слова-части речи, слова-концепты, слова-метафоры, синтаксические конструкции, номинации, комбинации формы и значения.

Таким образом, спорные моменты о признании того или иного уровня подкрепляются авторитетными гипотезами и концепциями, а также сопровождаются примерами употребления. Становление уровней подкрепляется фундаментальными положениями морфемики, морфологии, лексикологии, стилистики и смежных областей.

Список литературы / References

Абукаева Л. А., Митрускова А. А., Чемышев А. В. Функции антонимов в текстах марийских молитв. *Вестник Марийского государственного университета*, 2024, т. 18, № 1, с. 66–72. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-1-66-72>; EDN: RGWTCB

Abukaeva L. A., Mitruskova A. A., Chemyshv A. V. Functions of antonyms in the texts of Mari prayers. *Vestnik of Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 1, pp. 66–72. (In Russ.) <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-1-66-72>; EDN: RGWTCB

Алиева М. Р. Жесты противопоставления в англоязычном академическом дискурсе (на материале лекций). *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 2022, № 7 (862), с. 9–16. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_7_862_9; EDN: UUSBMF

¹ Смирницкий А. И. *Лексикология английского языка*. Москва: Омен: МГУ, 1998, с. 27.

Alieva M. R. Gestures expressing opposition in English academic discourse (on the material of lectures). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2022, no. 7 (862), pp. 9–16. (In Russ.) https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_7_862_9; EDN: UUSBMF

Англо-русский экономический словарь, под редакцией А. В. Аникина. Москва: Русский язык, 1977. 726 с.

English-Russian Economic Dictionary; edited by Prof. Dr A. V. Anikin. Moscow: Russkii iazyk, 1977. 726 p. (In Russ.)

Баширова М. А., Шилханова А. Н., Ибрагимов М. К. Семантические особенности и закономерности фразеологизмов в азербайджанском языке в системе фразеологической полисемии: на материале дербентского диалекта. *Образование и право*, 2023, № 12, с. 594–597. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-12-594-597>; EDN: FGQZBU

Bashirova M. A., Shilhanova A. N., Ibragimov M. K. Semantic features and patterns of phraseological units in the Azerbaijani language in the system of phraseological polysemy: Based on the Derbent dialect. *Education and law*, 2023, no. 12, pp. 594–597. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-12-594-597> EDN: FGQZBU

Берберов Б. А. Функциональный потенциал антонимов в карачаево-балкарской загадке. *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*, 2021, № 3 (101), с. 126–132. <https://doi.org/10.35330/1991-6639-2021-3-101-126-132>; EDN: TJRBPR

Berberov B. A. The functional potential of antonyms in the Karachay-Balkarian riddle. *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS*, 2021, no. 3 (101), pp. 126–132. (In Russ.) <https://doi.org/10.35330/1991-6639-2021-3-101-126-132>; EDN: TJRBPR

Бодуэн де Куртенэ И. А. *Избранные труды по общему языкознанию*: в 2 т., т. I–II. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1963. 384 с.

Baudouin de Courtenay J. A. *Selected works on general linguistics*: in 2 vol., vol. I–II. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1963. 384 p. (In Russ.)

Бочина Т. Г. Контраст в тувинских пословицах. *Новые исследования Тувы*, 2022, № 1, с. 37–46. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>; EDN: JULSKI

Bochina T. G. Contrast in Tuvan proverbs. *The New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 37–46. (In Russ.) <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>; EDN: JULSKI

Валиева М. З. Специфика функционирования языковых антонимов в письменных памятниках татарского языка XVII–XVIII вв. (на примере лексических единиц со значением ‘Сәламәтлек’ – ‘Чир’ («Здоровье» – «болезнь»)). *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*, 2022, № 1 (114), с. 17–22. <https://doi.org/10.26293/chgpu.2022.114.1.003>; EDN: QJKDTK

Valieva M. Z. The specifics of the functioning of linguistic antonyms in written monuments of the Tatar language of the XVII–XVIII centuries (on the example of lexical units with the meaning ‘Salamatlek’ – ‘Chir’ (“health”– “disease”)). *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 2022, no. 1 (114), pp. 17–22. (In Russ.) <https://doi.org/10.26293/chgpu.2022.114.1.003> EDN: QJKDTK

Виноградов В. В. *Избранные труды. Исследования по русской грамматике*. Москва: Наука, 1975. 559 с.

Vinogradov V. V. *Selected works. Research on Russian grammar*. Moscow: Nauka, 1975. 559 p. (In Russ.)

Гак В. Г. *К типологии лингвистических номинаций (Языковая номинация: общие вопросы)*. Москва: Наука, 1977. 359 с.

Gak V. G. *On the typology of linguistic nominations (Linguistic nomination: General issues)*. Moscow: Nauka, 1977. 359 p. (In Russ.)

Галаева Р. М., Оздоева Э. Г. Антонимы-наречия в ингушском и русском языках. “*Colloquium-journal*”. *Philological sciences*, 2021, № 22 (109), с. 35–37. <https://doi.org/10.24412/2520-6990-2021-22109-35-37>; EDN: TQLDSQ

Galaeva R. M., Ozdueva E. G. Antonyms-adverbs in the Ingush and Russian languages. “*Colloquium-journal*”. *Philological sciences*, 2021, no. 22 (109), pp. 35–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2520-6990-2021-22109-35-37>; EDN: TQLDSQ

Дзуганова Р. Х. Аблаутные чередования и словообразовательные аффиксы как средство образования глагольных антонимов в кабардино-черкесском языке. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2022, т. 15, № 5, с. 1439–1443. <https://doi.org/10.30853/phil20220215>; EDN: UORJRX

Dzukanova R. Kh. Ablaut alternations and derivational affixes as a means of forming verbal antonyms in the Kabardian-Circassian language. *Philology. Theory & Practice*, 2022, vol. 15, no. 5, pp. 1439–1443. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/phil20220215>; EDN: UORJRX

Жуманиязова Ф. И. Антонимы в творчестве Тилеубергена Жумамуратова. *Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*, 2024, № 4 (8), с. 59–64.

Zhumaniazova F. I. Antonyms in the works of Tileubergen Zhumamuratov. *Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*, 2024, no. 4 (8), pp. 59–64 (In Russ.)

Зубкова Л. Г. Целостность языка и его детерминанта в трактовке И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского. *Ученые записки Казанского государственного университета*, 2006, № 143, кн. 3, с. 73–82.

Zubkova L. G. The integrity of the language and its determinant in the of I. A. Baudouin de Courtenay and N. V. Krushevsky's interpretation. *Proceedings of Kazan University*, 2006, no. 143, book 3, pp. 73–82. (In Russ.)

Зубова Л. В., Меньшикова Ю. В. *Морфемика и словообразование русского языка*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2014. 256 с.

Zubova L. V., Menshikova Yu. V. *Morphemics and word formation of the Russian language*. St Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2014. 256 p. (In Russ.)

Ильясова Р. С. К вопросу о фразеологической антонимии в чеченском и русском языках. *Гуманитарные и социальные науки*, 2020, № 1, с. 109–115. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-78-1-109-115>; EDN: SQSBJR

Iliasova R. S. To the question of antonymy features in phraseology of the Chechen and Russian languages. *The Humanities and social sciences*, 2020, no. 1, pp. 109–115. (In Russ.) <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-78-1-109-115>; EDN: SQSBJR

Кайбылдаева Н. А., Джумаева М. М. Способы перевода антитез с кыргызского на английский язык (на материале художественной литературы). *Бюллетень науки и практики*, 2024, № 2, с. 640–644. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/99/76>; EDN: WZOQXY

Kaibildaeva N. A., Dzhumaeva M. M. Ways of translation antitheses from Kyrgyz into English (based on fictions). *Bulletin of Science and Practice*, 2024, no. 2, pp. 640–644. (In Russ.) <https://doi.org/10.33619/2414-2948/99/76>; EDN: WZOQXY

Каримов Ш. Б. Антонимия терминов сферы «экологии воды» в таджикском и английском языках. *Вестник Педагогического университета*, 2020, № 6 (89), с. 18–21. EDN: XCEEMN

Karimov Sh. B. Antonymy of terms in the sphere of “water ecology” in the Tajik and English languages. *Herald of Pedagogical University*, 2020, no. 6 (89), pp. 18–21. (In Russ.) EDN: XCEEMN

Комиссаров В. Н. Проблема определения антонима (о соотношении логического и языкового в семасиологии). *Вопросы языкознания*, 1957, № 2, с. 49–58.

Komissarov V. N. On defining the antonym (the relation of the logical and linguistic aspects in semasiology). *Topics in the study of language*, 1957, no. 2, pp. 49–58. (In Russ.)

Комиссаров В. Н. *Словарь антонимов современного английского языка*. Москва: Международные отношения, 1964. 289 с.

Komissarov V. N. *Dictionary of antonyms in modern English*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1964. 289 p. (In Russ.)

Крушевский Н. В. *Избранные работы по языкознанию*. Москва: Наследие, 1998. 293 с.

Krushevsky N. V. *Selected works on linguistics*. Moscow: Nasledie, 1998. 293 p. (In Russ.)

Курилович Е. *Очерки по лингвистике: перевод с польского, французского, английского, немецкого*. Биробиджан: ТРИВИУМ, 2000, 490 с.

Kurilovich E. *Essays on linguistics translated from Polish, French, English, German*. Birobidzhan: TRIVIUUM, 2000. 490 p. (In Russ.)

Лысенкова Т. В. Специфика взаимосвязи отрицания и антонимии в русских народных говорах (структурно-семантический аспект). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2025, т. 18, вып. 8, с. 3200–3205. <https://doi.org/10.30853/phil20250443>; EDN: PBNUWC

Lisenkova T. V. Specificity of the interrelation between negation and antonymy in Russian vernacular dialects (structural-semantic aspect). *Philology. Theory & Practice*, 2025, vol. 18, iss. 8, pp. 3200–3205. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/phil20250443>; EDN: PBNUWC

Мутаева С. И., Алибекова Д. М., Рабаданова С. М. Сопоставительный анализ фразеологической антонимии даргинского и русского языков. *Мир науки, культуры, образования*, 2021, № 3 (88), с. 622–624. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-388-622-624>; EDN: XPERHI

Mutaeva S. I., Alibekova D. M., Rabadanova S. M. Comparative analysis of phraseological antonymy of the Dargin and Russian languages. *The World of Science, Culture, and Education*, 2021, no. 3 (88), pp. 622–624. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-388-622-624>; EDN: XPERHI

Непраш О. В. Внутрисловная антонимия некоторых церковнославянизмов. Аксиологический аспект. *Современная христианская психология и антропология: актуальные вопросы. Материалы Всероссийской конференции*. Санкт-Петербург, 2024, с. 54–61. EDN: PRPICT

Neprash O. V. The intra-verbal antonymy of some Church slavonisms. The axiological aspect. *Modern Christian Psychology and Anthropology: Current issues. Proceedings of the all-Russian conference*. St Petersburg, 2024, pp. 54–61. (In Russ.) EDN: PRPICT

Новиков Л. А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). Москва: Издательство МГУ, 1973, 290 с.

Novikov L. A. *Antonymy in the Russian language (semantic analysis of opposites in vocabulary)*. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1973. 290 p. (In Russ.)

Оздоева Э. Г., Алиева П. М. Антонимы-прилагательные в ингушском и русском языках. “*Colloquium-journal*”. *Philological sciences*, 2021, № 22 (109), с. 33–35. <https://doi.org/10.24412/2520-6990-2021-22109-33-35>; EDN: SZGVDU

Ozdoeva E. G., Alieva P. M. Antonyms-adjectives in the Ingush and Russian languages. “*Colloquium-journal*”. *Philological sciences*, 2021, no. 22 (109), с. 33–35. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2520-6990-2021-22109-33-35>; EDN: SZGVDU

Онуфриева Е. С. Новогреческие фразеологизмы-конструкции с глаголами-антонимами: Χ τον ανεβάζει, Χ / Υ τον κατεβάζει И Χ μπαίνει, Χ βγαίνει. *Научный диалог*, 2020, № 10, с. 142–158. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-10-142-158>; EDN: LRNDRT

Onufrieva E. S. Modern Greek constructional phrasemes with antonymous verbs: Χ τον ανεβάζει, Χ / Υ τον κατεβάζει and Χ μπαίνει, Χ βγαίνει. *Scientific Dialogue*, 2020, no. 10, pp. 142–158. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-10-142-158>; EDN: LRNDRT

Пестова М. С. Антонимия как объект теоретического исследования. *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Серия: Лингвистика, 2014, т. 11, № 1, с. 18–21. EDN: RYDEBF

Pestova M. S. Antonymy as an object of theoretical research. *Bulletin of South Ural State University. Series: Linguistics*, 2014, vol. 11, no. 1, pp. 18–21. (In Russ.) EDN: RYDEBF

Покаякова К. А. Базовая оппозитивная пара хороший / плохой в хакасском и русском языковом сознании. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 2022, № 6–3 (69), с. 63–66. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-6-3-63-66>; EDN: OHVIKI

Pokoikova K. A. Basic opposing pair good / bad in the Khakass and Russian language consciousness. *International Journal of the Humanities and Natural Sciences*, 2022, no. 6–3 (69), pp. 63–66. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-6-3-63-66>; EDN: OHVIKI

Потебня А. Ф. *Из записок по русской грамматике*: в 2 т., т. I–II. Москва: Учпедгиз, 1958. 534 с.

Potebnya A. F. *From notes on Russian grammar*: In 2 vol., vol. I–II. Moscow: Uchpedgiz, 1958. 534 p. (In Russ.)

Потебня А. Ф. *Слово и миф*. Москва: Правда, 1989. 627 с.

Potebnya A. F. *Word and myth*. Moscow: Pravda, 1989. 627 p. (In Russ.)

Саввинова С. Н. Антонимия в эвенском языке. *Современное педагогическое образование*, 2021, № 3, с. 236–238. EDN: SMSIES

Savvinova S. N. Antonymy in the Even language. *Modern pedagogical education*, 2021, no. 3, pp. 236–238. (In Russ.) EDN: SMSIES

Садовникова И. И. Антонимия глаголов в эвенском языке. *The Scientific Heritage*, 2021, № 79, с. 60–61. <https://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-79-3-60-61>; EDN: UEVWVGJ

Sadovnikova I. I. The antonymy of verbs in the Even language. *The Scientific Heritage*, 2021, no. 79, pp. 60–61. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-79-3-60-61>; EDN: UEVWVGJ

Смирницкий А. И. *Лексикология английского языка*. Москва: Омен: Московский государственный университет, 1998. 259 с.

Smirnitsky A. I. *Lexicology of the English language*. Moscow: Omen: Moskovskii gosudarstvennyi universitet, 1998. 259 p. (In Russ.)

Таучелова Р. И., Цаликова М. А., Кобесашвили Н. Л., Бекоева М. Т. Лексические средства оформления семантики контраста в русском, осетинском, немецком и грузинском языках. *Мир науки, культуры, образования*, 2022, № 6 (97), с. 612–616. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-697-612-616>; EDN: ORPRMP

Tauchelova R. I., Calikova M. A., Kobesashvili N. L., Bekoeva M. T. Lexical means of forming contrast semantics in the Russian, Ossetian, German and Georgian languages. *The World of Science, Culture, and Education*, 2022, no. 6 (97), pp. 612–616. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-697-612-616>; EDN: ORPRMP

Томахин Г. Д. *Лингвострановедческий словарь*. Москва: Русский язык, 2001. 575 с.

Tomakhin G. D. *Dictionary of the USA*. Moscow: Russkii iazyk, 1989. 575 p. (In Russ.)

Тукешова Н. М. Антонимические отношения во фразеологических единицах с антонимическими компонентами в английском и казахском языках. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 2021, № 4 (157), с. 196–202. EDN: GBXCGD

Tukeshova N. M. Antonymic relations in phraseological units with antonymic components in the English and Kazakh languages. *Izvestia of Volgograd State Pedagogical University*, 2021, no. 4 (157), pp. 196–202. (In Russ.) EDN: GBXCGD

Фортунатов Ф. Ф. *Избранные труды*: в 2 т., т. I. Москва: Учпедгиз, 1956. 450 с.

Fortunatov F. F. *Selected works*: in 2 vol., vol. I. Moscow: Uchpedgiz, 1956. 450 p. (In Russ.)

Цибуля Н. Б. Жесты-иллюстраторы со значением контраста и их просодические корреляты. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 2023, № 3 (871), с. 129–135. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_3_871_129; EDN: MVXUXG

Tsibulia N. B. Gestures-illustrators with the meaning of contrast and their prosodic correlates. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2023, no. 3 (871), pp. 129–135. (In Russ.) https://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_3_871_129; EDN: MVXUXG

Шакирьянов Л. М. *Логико-семантическая категория контраста в финансово-экономическом медиа-дискурсе (на материале англоязычных интернет-источников)*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа: ИПК БГПУ, 2014. 21 с. EDN: ZPMCAZ

Shakirianov L. M. *The logical and semantic category of contrast in financial and economic media discourse (based on the English Internet sources)*: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences. Ufa: IPK BGPU, 2014. 21 p. (In Russ.) EDN: ZPMCAZ

Шакирьянов Л. М. Логико-семантический анализ контраста (на материале англоязычных экономических терминов). *Неофилология*, 2023, т. 9, № 3, с. 553–560. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-3-553-560>; EDN: GDXCDX

Shakirianov L. M. Logical-semantic analysis of contrast (based on English economic terms). *Neophilology*, 2023, vol. 9, no. 3, pp. 553–560. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-3-553-560>; EDN: GDXCDX

Шахбанова З. И., Рабаданова С. М. Синонимия и антонимия фразеологических единиц даргинского языка. *Мир науки, культуры, образования*, 2021, № 2 (87), с. 515–517. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-287-515-517>; EDN: JEMOTH

Shahbanova Z. I., Rabadanova S. M. Synonymy and antonymy of phraseological units of the Dargin language. *The World of Science, Culture, and Education*, 2021, no. 2 (87), pp. 515–517. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-287-515-517>; EDN: JEMOTH

Юсифова Ф. Э. гызы. Смысловые группы слов, употребляемых в диалектах восточной группы Азербайджана: омонимы, синонимы, антонимы. “*Colloquium-journal*”. *Philological sciences*, 2021, № 13 (100), с. 59–62.

Iusifova F. E. kizi. Semantic groups of words used in the dialects of the eastern group of Azerbaijan: Homonyms, synonyms, antonyms. “*Colloquium-journal*”. *Philological sciences*, 2021, no. 13 (100), pp. 59–62. (In Russ.)

Begley K. Knowing opposites and formalising antonymy. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2022, vol. 59, no. 2. pp. 85–101. <https://doi.org/10.5840/Eps202259226>; EDN: UIFKIB

Greenberg Ya. On the scalar antonymy of only and even. *Natural Language Semantics*, 2022, vol. 30, no. 4, pp. 415–452. <https://doi.org/10.1007/s11050-022-09200-x>; EDN: PJXVQY

Perz M. Du paradigme vers le syntagme – l’antonymie adjectivale: Quelques remarques. *Neophilologica*, t. 32, pp. 335–347.

Rasulić K. High expectations and low blows: Antonymy and dynamic meaning construction. *Belgrade English Language and Literature Studies*, vol. 12, pp. 137–161.

Сведения об авторе

Лев Морисович Шакирьянов – кандидат филологических наук, <https://orcid.org/0000-0002-3110-8271>, levshakiryarov@gmail.com, Уфимский университет науки и технологий (д. 32, ул. Заки Валиди, 450076 Уфа, Россия); **Lev M. Shakiryarov** – Candidate of Philological Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-3110-8271>, levshakiryarov@gmail.com, Ufa University of Science and Technology (32, ul. Zaki Validi, 450076 Ufa, Russia).

Статья поступила в редакцию 01.10.2025; одобрена после рецензирования 18.11.2025; принята к публикации 27.01.2026.

The article was submitted 01.10.2025; Approved after reviewing 18.11.2025; Accepted for publication 27.01.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 4 (133), с. 173–185.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 4 (133), pp. 173–185.

Научная статья

УДК 378.147

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-15>

<https://elibrary.ru/pwyhtt>

Запрос студентов-стоматологов на обучение коммуникативным навыкам

Елена Юрьевна Васильева^{1✉}, Татьяна Николаевна Ульяновская^{2✉}

^{1,2}Северный государственный медицинский университет Министерства здравоохранения
Российской Федерации,
Архангельск, Россия

^{1✉}dr.evasilyeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8992-8758>

^{2✉}ulyanovskayatn@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2746-6237>

Аннотация. Статья посвящена исследованию запроса студентов-стоматологов на обучение коммуникативным навыкам. Инструментом для анализа их потребностей и ожиданий послужили эссе, обработанные методом кодирования. В исследовании приняли участие студенты 2–4 курса ($n = 109$), обучающиеся по направлению подготовки «Стоматология». Результаты выявили четкую динамику в осознании студентами роли коммуникативных компетенций в практике работы врача-стоматолога: от базового понимания необходимости эффективного контакта с пациентом (2 курс) – к осознанию связи между коммуникативными навыками, качеством лечения и репутацией врача (4 курс). Старшекурсники «запрашивают» конкретные коммуникативные навыки для будущей профессиональной деятельности (успокоение тревожных пациентов, разрешение конфликтов, мотивационное консультирование) и отдают предпочтение ролевым играм как методу обучения. Общей проблемой является критический дефицит теоретической подготовки студентов в области медицинской коммуникации. Запрос студентов демонстрирует, что коммуникативная компетентность воспринимается ими как важный, а не второстепенный навык. Нами обнаружено недостаточное обучение коммуникативным навыкам в ходе изучения клинических дисциплин. Результаты исследования представляют эмпирически мотивированную основу для интеграции коммуникативных навыков в рабочие программы дисциплин медицинского профиля.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, коммуникативные навыки, студенты-стоматологи, запрос, рефлексивное эссе, студент-центрированное обучение (СЦО), рабочая программа

Для цитирования: Васильева Е. Ю., Ульяновская Т. Н. Запрос студентов-стоматологов на обучение коммуникативным навыкам. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 4 (133), с. 173–185. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-15>; EDN: PWYHTT

Dental students' request for communication skill training

Elena Yu. Vasilyeva^{1✉}, Tatyana N. Ulyanovskaya^{2✉}

^{1,2}Northern State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation,
Arkhangelsk, Russia

^{1✉}dr.evasilyeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8992-8758>

^{2✉}ulyanovskayatn@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2746-6237>

Abstract. The article studies the dental students' request for training in communication skills. Essays processed by the coding method served as a tool for analyzing their needs and expectations. The study involved 2nd–4th year students ($n = 109$) studying in the field of dentistry. The results revealed clear dynamics in the students' awareness of the role of communication competencies in the practice of a dental doctor: from a basic understanding of the need for effective contact with the patient (2nd year) to awareness of the connection between communication skills, the quality of treatment, and the doctor's reputation (4th year). Senior students "request" specific communication skills for their future professional activities (calming anxious patients, resolving conflicts, and providing motivational counseling) and prefer role-playing as a teaching method. A common issue is the critical lack of theoretical training for students in the field of medical communication. The students' request demonstrates that communicative competence is perceived by them as an important rather than secondary skill. We found insufficient training in communication skills during the study of clinical disciplines. The study results present an empirically motivated framework for integrating communication skills into the course outline of medical disciplines.

Keywords: communicative competence, communication skills, dental students, student request, reflective essay, student-centered learning (SCL), curriculum

For citation: Vasilyeva E. Yu., Ulyanovskaya T. N. Dental students' request for communication skill training. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 4 (133), pp. 173–185. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-15>; EDN: PWYHTT

Введение

Успешная стоматологическая практика в XXI веке определяется не только уровнем владения мануальными навыками, но и коммуникативной компетентностью (КК) врача¹. Способность устанавливать доверительные отношения², управлять страхом пациента, объяснять сложные планы лечения и разрешать конфликты³ напрямую влияет на качество лечения⁴ и лояльность пациента. Однако,

¹ Турова И. В. Особенности коммуникативной компетентности будущих врачей. *СибСкрипт*, 2024, № 5 (35), с. 807–822. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-5-807-822>; EDN: RZBQPL

² Жданова А. В. Коммуникативная компетентность у врачей в конфликтной ситуации профессиональной деятельности с пациентами. *Бюллетень науки и практики*, 2021, т. 7, № 1, с. 382–386. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/62/44>; EDN: CJVBSJ

³ Шевцова Ю. В., Плотнова С. В., Козловская Е. Ю. Роль коммуникативной компетенции врача в организации эффективного взаимодействия с пациентом и в разрешении и предотвращении конфликтных ситуаций. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 2020, т. 9, № 1 (30), с. 399–402. <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0901-0097>; EDN: VVVCSST

⁴ Балашова М. Е., Рябошапко А. И., Балашова Т. С., Ахметханова С. Х., Амаева Х. Д., Адамов М. М., Эрбиева Ш. З. Взаимодействие врача и пациента на амбулаторном этапе: эф-

как показывают опыт и исследования, в учебных планах стоматологических факультетов вопросы развития медицинской коммуникации часто остаются только в рамках общих курсов психологии или этики, минуя обучение студентов коммуникативным навыкам (КН) с учетом специфики взаимодействия врача-стоматолога и пациента в процессе изучения клинических дисциплин¹. Отсутствие целенаправленной системной подготовки студентов к общению с пациентами порождает у выпускников и ординаторов проблемы в коммуникации², что требует от преподавателей актуализировать проблему формирования КК³.

Развитие КК у студентов-стоматологов предполагает не только методическую коррекцию рабочих программ со стороны преподавателей клинических дисциплин, но и формирование осознанного запроса со стороны студентов, поскольку эффективность реализуемых программ напрямую зависит от субъектной позиции обучающихся. В условиях, когда стоматология становится все более междисциплинарной и ориентированной на партнерство с пациентом, студенты – особенно старших курсов и ординаторы – начинают остро ощущать дефицит навыков, связанных с реальными клиническими вызовами: управлением агрессией пациента, сообщением плохих новостей, работой с «гугл-пациентами» и др.⁴ Очевидно, что запрос студентов на развитие КН возникает и формируется не только в результате реальных или прогнозируемых профессиональных трудностей, но и с осознанием необходимости сообщать пациентам плохие новости, справляться с собственной тревожностью и страхами пациентов⁵, а также пониманием того, что неэффективное объяснение ведет к низкой приверженности лечению⁶.

Цель исследования – проанализировать значимость и содержание внутреннего запроса (потребностей и ожиданий) студентов-стоматологов на обучение коммуника-

фективная коммуникация как фактор качества лечения. *Пермский медицинский журнал*, 2025, т. 42, № 1, с. 105–111. <https://doi.org/10.17816/pmj421105-111>

¹ Чечина И. Н., Гуревич Ю. Ю., Подзорова Е. А., Воблова Т. В., Кудрина К. О. Исследование эмпатии и позитивного мышления врача-стоматолога как условия профессиональной компетентности. *Клиническая стоматология*, 2020, № 3 (95), с. 48–52. https://doi.org/10.37988/1811-153X_2020_3_48; EDN: VIISCX

² Мацкевич Е. Э., Широкогорова Т. Г. Эмпатия как необходимый клинический навык врача. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 2022, т. 11, № 2 (39), с. 54–59. https://doi.org/10.57145/27128474_2022_11_02_11; EDN: ZMTVAM

³ Борисова Э. Г., Балин В. В., Машкова Н. Г., Борисов Н. А. Методология общения обучающихся курсантов с пациентами на клиническом стоматологическом приеме. *Медико-фармацевтический журнал Пульс*, 2022, т. 24, № 2, с. 13–18. <https://doi.org/10.26787/nydha-2686-6838-2022-24-2-13-18>; EDN: UOQEGK

⁴ Азарова О. А., Панкова С. Н., Лепехина Л. И., Лепехина О. А. Межличностные отношения «врач – пациент» на этапе постдипломного образования. *Прикладные информационные аспекты медицины*, 2020, т. 23, № 4, с. 85–90. EDN: QILIDY

⁵ Васильева Е. Ю., Томилова М. И. Подготовка к общению с пациентами в образовательном процессе: отношение выпускников медицинского вуза. *Наука о человеке: гуманитарные исследования*, 2020, № 1 (39), с. 94–99. <https://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2020.39.94>; EDN: KVVRXX

⁶ Кирпичев Д. В. Изучение профессиональной успешности стоматологов в контексте эмпатического общения в системе «врач-пациент». *Проблемы современного педагогического образования*, 2024, № 84–2, с. 435–438.

тивными навыкам и обосновать, как этот запрос должен быть интегрирован в рабочие программы (РП) клинических дисциплин.

Материалы и методы

Исследование основано на концепции рефлексивного и студент-центрированного обучения (СЦО)¹, в основе которого – положение о том, что знание конструируется самим учащимся в процессе активной деятельности и осмысления². В контексте медицинского образования СЦО предполагает три ключевых элемента: автономию студента, его активное участие в планировании и оценке обучения и поддерживающую, а не директивную, роль преподавателя. Применение СЦО в стоматологическом образовании требует отказа от доминирования лекционных форм в пользу методов, стимулирующих самостоятельную работу и ответственность студентов. Ключевой инструмент СЦО – рефлексия³. Студенты-стоматологи должны регулярно анализировать свои мануальные действия, коммуникативные ошибки и этические дилеммы посредством ведения дневников или написания эссе. Это позволяет им стать субъектами собственного развития, а не пассивными получателями инструкций. Исходя из главных положений СЦО, в исследовании основным инструментом сбора данных стало задание-эссе, созданное нами для выявления широкого спектра представлений студентов о коммуникации в стоматологии, потребностей и ожиданий в обучении КН.

В исследовании приняли участие студенты стоматологического факультета Северного государственного медицинского университета ($n = 109$ человек; 2 курс – 38, 3 курс – 34, 4 курс – 37). Им было предложено ответить на 18 основных и 3 дополнительных вопроса, охватывающих: понимание профессии, значение коммуникативных навыков, идентификацию сложных ситуаций, роль невербальных навыков в коммуникации, эмпатию, а также методы обучения и ожидания от курса «Коммуникативные навыки» (см. приложение).

Для обработки и систематизации неструктурированных текстовых данных был применен метод качественного кодирования, который включал следующие этапы.

Чтение и ознакомление, предполагающее полное погружение в содержание текстов эссе для формирования общего представления о понимании студентами роли КК в профессиональной деятельности врача-стоматолога, а также об их потребностях и ожиданиях от обучения КН.

¹ Bain J. D. Student-centered learning: A review of the research and its implications for teaching and learning in higher education. *Higher Education Research & Development*, 2015, no. 34 (1), pp. 1–24.

² Зарецкий В. К., Зарецкий Ю. В., Островерх О. С., Тихомирова А. В., Федоренко Е. Ю. Сравнительный анализ концептуальных оснований современных образовательных систем и образовательных практик (на примере сравнения системы развивающего обучения и рефлексивно-деятельностного подхода). *Психолого-педагогические исследования*, 2020, т. 12, № 4, с. 3–18. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2020120401>; EDN: PMGAEA

³ Мануйлов Г. В., Горелова Г. Г., Рыльская Е. А. Морозова С. В., Васягина Н. Н. Рефлексивные процессы и социальная ориентация субъектов на этапах профессионализации (на примере подготовки к медицинской деятельности). *Образование и наука*, 2020, т. 22, № 4, с. 43–63. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-4-43-63>; EDN: HUDLLR

Формирование иерархии кодов с целью выделения и категоризации ключевых идей, понятий и паттернов поведения, использованных студентами. Была разработана иерархическая система кодирования, с подразделением на подтемы (A1, A2, B1, B2 и т. д.):

- мотивация к стоматологии (A);
- понимание коммуникативных навыков (B);
- важность коммуникативных навыков (C);
- коммуникативные ситуации (D);
- важные качества врача (с точки зрения коммуникации) (E);
- факторы, затрудняющие общение (F);
- различия в коммуникации (в зависимости от возраста) (G);
- влияние невербальной коммуникации (H);
- понимание эмпатии (I);
- понимание активного слушания (J);
- действия при агрессии пациента (K);
- сообщение плохих новостей (L);
- навыки для улучшения (M);
- интересные темы для изучения (N);
- методы обучения (O);
- ожидания от курса (P);
- дополнительные вопросы (Q).

Кодирование ответов для присвоения соответствующих кодов каждому сегменту ответа.

Подсчет частоты кодов для осуществления количественного анализа встречаемости кодов с целью определения преобладающих тем и тенденций запроса на каждом курсе.

Далее осуществлялся сравнительный анализ результатов кодирования ответов студентов 2–4 курсов по ключевым темам («Мотивация», «Понимание навыков», «Важность навыков», «Навыки для улучшения»).

Результаты

Выявлены общие тенденции, характерные для ответов студентов 2–4 курсов.

1. *Устойчивость мотивации и ценностей*: основные мотивы выбора профессии, отмеченные студентами, – помощь пациентам, творчество. Понимание роли базовых коммуникативных принципов в работе врача-стоматолога (эмпатия, уважение) остаются стабильными на протяжении всего обучения.

2. *Расширение представлений о коммуникации*: студенты 4 курса показывают более глубокое понимание нюансов невербальной коммуникации, значимости активного слушания и соблюдения этических принципов в общении с пациентами.

3. *Повышение осознанности в отношении трудностей*: старшекурсники, имеющие больше клинического опыта, чаще упоминают сложности в работе с трудными пациентами (агрессивными, тревожными) и необходимость четкой артикуляции пациенту плана лечения.

4. *Запрос на более конкретные навыки:* старшекурсники стремятся к развитию конкретных КН, таких как успокоение тревожных пациентов и объяснение простым языком сложных терминов, а также подчеркивают важность практических методов обучения.

5. *Недостаток теоретической подготовки:* общей проблемой остается незнание литературы по медицинской коммуникации.

6. *Учет особенностей работы с разными группами пациентов:* выстраивание общения с учетом особенностей различных возрастных групп пациентов.

Анализ ответов позволил выделить сильные стороны студентов разных курсов:

- для студентов второго курса характерны энтузиазм, понимание базовых принципов коммуникации, ориентация на помощь пациентам;
- студенты третьего курса хорошо понимают практическую значимость эффективного общения с пациентами в процессе лечения;
- студенты четвертого курса осознают острую необходимость работы над конкретными коммуникативными навыками.

К слабым сторонам студентов разных курсов в области теории и практики медицинской коммуникации относятся:

- у студентов второго курса недостаток практического опыта реального общения с пациентами, упрощенное представление о сложностях коммуникации в стоматологической практике;
- часть студентов третьего курса испытывает усталость от учебы, возможно, обусловленную слишком серьезным отношением к будущей работе;
- студенты четвертого курса не всегда глубоко понимают влияние невербальной коммуникации и соблюдения этических принципов в ходе взаимодействия с пациентами.

Выявлена одна общая для всех студентов проблема – отсутствие теоретической базы в области медицинской коммуникации, слабое знание литературы по психологии общения.

Анализ рефлексивных эссе показал четкие тенденции в понимании и отношении студентов к коммуникативным навыкам, которые меняются по мере обучения в вузе.

Результаты анализа рефлексивных эссе студентов (особенно студентов 3 и 4 курсов) свидетельствуют о том, что понимание роли медицинской коммуникации в эффективной деятельности врача-стоматолога глубоко укоренено в альтруистической мотивации студентов (А1): желании помогать пациентам и облегчать боль. На начальных этапах обучения (2 курс) студенты связывают успех общения прежде всего с навыком установления первого контакта с пациентом (В1) и корректным объяснением ему основного диагноза (В2).

Однако по мере накопления клинического опыта (4 курс) понимание роли КК в структуре медицинского профессионализма трансформируется. Студенты начинают видеть прямую связь между качеством общения и результатами лечения (С2), а также профессиональной репутацией (С4). Это свидетельствует о переходе от наивно-эмпатического понимания взаимодействия врача и пациента к осознанию коммуникации как стратегического профессионального инструмента.

В ходе анализа выявлялось отношение студентов к изучению вопросов медицинской коммуникации. Установлено, что студенты в целом хорошо понимают важность коммуникативных навыков, но это понимание базируется в основном на наблюдении за старшими коллегами, а не на изучении теории. Наиболее тревожным аспектом является критический дефицит теоретической подготовки в области медицинской коммуникации (Q2): студенты признают, что почти не обращаются к научной литературе по психологии общения. В то же время они четко осознают трудности, которые им предстоит преодолеть в ходе предстоящей практики общения с пациентами. Страх пациента (F1) и его минимизация остается доминирующим затруднением для студентов. Интересно, что на старших курсах у них появляется осознание более сложных проблем, таких как преодоление недоверия пациентов к врачам (F6) и необходимость работы с культурными различиями пациентов (F4), что говорит о начале формирования понимания социокультурного контекста современной стоматологической практики.

Выявленные потребности студентов в развитии коммуникативных навыков четко указывают на пробелы, требующие педагогической коррекции.

1. *Практические навыки успокоения (M1)*: потребность в освоении техник снятия острой тревожности пациентов остается высокой на всех курсах.

2. *Навыки объяснения (M2)*: студенты признают, что врачи часто «грешат» сложной терминологией, и сами испытывают трудности с переводом сложного объяснения пациентам медицинских терминов простым языком.

3. *Стратегическое управление (M3, M4)*: на старших курсах возрастает запрос на разрешение конфликтов (M3) и мотивацию пациента (M4), что требует не просто сформированного навыка эмпатии, а владения техниками убеждения и мотивационного консультирования.

Относительно методов обучения студенты единогласно (O1) отдают предпочтение ролевым играм как наиболее эффективному способу отработки профессионального поведения, что подчеркивает необходимость смещения фокуса обучения с лекционного материала на симуляционные практики.

Понимание, отношение и потребности студентов-стоматологов в развитии КН формируют четкий запрос на *реформирование преподавания медицинской коммуникации посредством включения КК в цели, содержание и методы обучения каждой клинической дисциплины. Рабочие программы дисциплин на всех курсах должны предусматривать переход от общих лекций к прикладному, систематизированному обучению КН, сфокусированному на специфических для стоматологии вызовах (страхи пациента, эстетика, стоимость). Приоритетными должны стать тренинги, на которых отрабатываются навыки активного слушания, вербализации сложных диагнозов и разрешения конфликтов. Только такой подход, основанный на диагностике и учете реальных потребностей обучающихся, позволит сформировать у будущих врачей-стоматологов устойчивую и эффективную коммуникативную компетентность.*

Выводы

Анализ рефлексивных эссе студентов 2, 3 и 4 курсов стоматологического факультета, проведенный с использованием многомерного качественного кодирования, позволил выявить динамику осознания роли медицинской коммуникации в практике врача-стоматолога в процессе обучения.

Во-первых, в подтверждении студентами ценности рефлексии. Использование комплекса качественных методов валидировало рефлексивное эссе как инструмент, способный точно отразить трансформацию профессионального мышления студентов, осознание ими важности эмпатии (Е1) и установления доверительных отношений с пациентом (В1).

Во-вторых, в эволюции потребностей студентов в развитии коммуникативных навыков. Обнаружена четкая динамика приоритетов в формировании КН: от базового понимания необходимости эффективного контакта с пациентом (2 курс) к стратегическому управлению сложными ситуациями (разрешение конфликтов (М3) и мотивация (М4) на старших курсах).

В-третьих, в признании самими студентами критического дефицита знаний в области теории и практики медицинской коммуникации. Студенты высоко ценят практические методы обучения (ролевые игры (О1)), но демонстрируют системное отсутствие самообразования в этой области (низкое упоминание чтения литературы (Q2)). Также выявлен разрыв в понимании сложных навыков, таких как активное слушание (В3), по сравнению с очевидными навыками в работе врача-стоматолога (успокоение (М1)).

Эмпирические данные, полученные с помощью качественного анализа эссе, позволили сформулировать общую для студентов всех курсов проблему, которая заключается в несоответствии между высоким уровнем осознаваемой важности коммуникативных навыков самими студентами и их недостаточной теоретической подготовкой в этой области. Научное решение данной проблемы нам видится в необходимости валидации методики, которая позволит преподавателям системно оценивать текущие ожидания и запросы студентов в области развития КК на разных этапах обучения и определять, какие именно коммуникативные навыки требуют немедленной педагогической коррекции. Кроме того, данные эссе предоставляют практически значимую основу для создания целенаправленной, прикладной программы развития КН в стоматологии, которая будет отвечать реальным потребностям студентов в момент их вхождения в профессию.

Заключение

Запрос студентов на обучение является внешним, но критически важным валидатором качества и релевантности любой учебной программы. Интеграция запросов студентов в методологию аудита рабочих программ и методических рекомендаций позволит преподавателям:

- 1) сместить фокус обучения с общего информирования о КК на адресную отработку КН, на дефицит которых указывают сами студенты;
- 2) увеличить внутреннюю мотивацию студентов, поскольку они видят, что учебный процесс отвечает на их насущные профессиональные потребности;

3) обеспечить динамичность и адаптивность рабочих программ учебных дисциплин гуманитарного и клинического блоков, что соответствует самой сути компетентного подхода к развитию личности врача.

Научная новизна исследования состоит в проведении детального многокурсового сравнительного качественного анализа понимания, отношения и потребностей студентов-стоматологов к развитию КН (2, 3 и 4 курсы) через призму их рефлексивных ответов. Впервые систематизированы и прокодированы специфические для стоматологии коммуникативные вызовы (работа со страхом пациента, объяснение вопросов эстетики, обсуждение стоимости лечения), а также выявлена динамика осознания этих проблем студентами по мере накопления ими клинического опыта.

Практическая значимость работы заключается в формировании эмпирически мотивированной основы для коррекции рабочих программ гуманитарных и клинических дисциплин в области обучения медицинской коммуникации в стоматологии. Результаты запроса, показывающие, какие навыки (например, успокоение тревожных пациентов) и какие методы обучения (ролевые игры) студенты считают наиболее востребованными, позволяют преподавателям оптимизировать учебный процесс, сделав его максимально прикладным и нацеленным на реальные клинические потребности стоматологической практики.

Список литературы / References

Азарова О. А., Панкова С. Н., Лепехина Л. И., Лепехина О. А. Межличностные отношения «врач – пациент» на этапе постдипломного образования. *Прикладные информационные аспекты медицины*, 2020, т. 23, № 4, с. 85–90. EDN: QILIDY

Azarova O. A., Pankova S. N., Lepyokhina L. I., Lepyokhina O. A. Interpersonal relations “doctor-patient” at the stage of diploma education. *Applied information aspects of medicine*, 2020, vol. 23, no. 4, pp. 85–90. (In Russ.) EDN: QILIDY

Балашова М. Е., Рябошапко А. И., Балашова Т. С., Ахметханова С. Х., Амаева Х. Д., Адамов М. М., Эрбиева Ш. З. Взаимодействие врача и пациента на амбулаторном этапе: эффективная коммуникация как фактор качества лечения. *Пермский медицинский журнал*, 2025, т. 42, № 1, с. 105–111. <https://doi.org/10.17816/pmj421105-111>

Balashova M. E., Riaboshapko A. I., Balashova T. S., Akhmetkhanova S. Kh., Amaeva Kh. D., Adamov M. M., Erbieva Sh. Z. Doctor-patient interaction at the outpatient stage: Effective communication as a factor of treatment quality. *Perm Medical Journal*, 2025, vol. 42, no. 1, pp. 105–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.17816/pmj421105-111>

Борисова Э. Г., Балин В. В., Машкова Н. Г., Борисов Н. А. Методология общения обучающихся курсантов с пациентами на клиническом стоматологическом приеме. *Медико-фармацевтический журнал Пульс*, 2022, т. 24, № 2, с. 13–18. <https://doi.org/10.26787/nydha-2686-6838-2022-24-2-13-18>; EDN: UOQEGK

Borisova E. G., Balin V. V., Mashkova N. G., Borisov N. A. Methodology of communication between military students and patients at clinical dental appointment. *Medical and Pharmaceutical Journal Pulse*, 2022, vol. 24, no. 2, pp. 13–18. (In Russ.) <https://doi.org/10.26787/nydha-2686-6838-2022-24-2-13-18>; EDN: UOQEGK

Васильева Е. Ю., Томилова М. И. Подготовка к общению с пациентами в образовательном процессе: отношение выпускников медицинского вуза. *Наука о человеке: гуманитарные исследования*, 2020, № 1 (39), с. 94–99. <https://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2020.39.94>; EDN: KVVRRXX

Vasilieva E. Iu., Tomilova M. I. Training for communication with patients in the educational process: Attitudes of medical university graduates. *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, 2020, no. 1 (39), pp. 94–99. (In Russ.) <https://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2020.39.94>; EDN: KVVRRXX

Жданова А. В. Коммуникативная компетентность у врачей в конфликтной ситуации профессиональной деятельности с пациентами. *Бюллетень науки и практики*, 2021, т. 7, № 1, с. 382–386. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/62/44>; EDN: CJVBSJ

Zhdanova A. V. Communicative competence of doctors in a conflict situation of professional activity with patients. *Bulletin of Science and Practice*, 2021, vol. 7, no. 1, pp. 382–386. (In Russ.) <https://doi.org/10.33619/2414-2948/62/44>; EDN: CJVBSJ

Зарецкий В. К., Зарецкий Ю. В., Островерх О. С., Тихомирова А. В., Федоренко Е. Ю. Сравнительный анализ концептуальных оснований современных образовательных систем и образовательных практик (на примере сравнения системы развивающего обучения и рефлексивно-деятельностного подхода). *Психолого-педагогические исследования*, 2020, т. 12, № 4, с. 3–18. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2020120401>; EDN: PMGAEA

Zaretsky V. K., Zaretsky Iu. V., Ostroverkh O. S., Tikhomirova A. V., Fedorenko E. Iu. Comparative analysis of conceptual basis of modern educational systems and educational practices (based on the comparison of the developmental education system and reflective-activity approach). *Psychological-Educational Studies*, 2020, vol. 12, no. 4, pp. 3–18. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psyedu.2020120401>; EDN: PMGAEA

Кирпичев Д. В. Изучение профессиональной успешности стоматологов в контексте эмпатического общения в системе «врач-пациент». *Проблемы современного педагогического образования*, 2024, № 84–2, с. 435–438.

Kirpichev D. V. Studying the professional success of dentists in the context of empathic communication in the “doctor-patient” system. *Problems of Modern Pedagogical Education*, 2024, no. 84–2, pp. 435–438. (In Russ.)

Мануйлов Г. В., Горелова Г. Г., Рыльская Е. А., Морозова С. В., Васягина Н. Н. Рефлексивные процессы и социальная ориентация субъектов на этапах профессионализации (на примере подготовки к медицинской деятельности). *Образование и наука*, 2020, т. 22, № 4, с. 43–63. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-4-43-63>; EDN: HUDLLR

Manuilov G. V., Gorelova G. G., Rylskaia E. A., Morozova S. V., Vasiagina N. N. Reflexive processes and social orientation at different stages of professionalization (on the example of training for medical activities). *The Education and Science Journal*, 2020, vol. 22, no. 4, pp. 43–63. (In Russ.) <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-4-43-63>; EDN: HUDLLR

Мацкевич Е. Э., Широкогорова Т. Г. Эмпатия как необходимый клинический навык врача. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 2022, т. 11, № 2 (39), с. 54–59. https://doi.org/10.57145/27128474_2022_11_02_11; EDN: ZMTVAM

Matskevich E. E., Shirokogorova T. G. Empathy as a necessary clinical skill of a doctor. *Azimut of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2022, vol. 11, no. 2 (39), pp. 54–59. (In Russ.) https://doi.org/10.57145/27128474_2022_11_02_11; EDN: ZMTVAM

Турова И. В. Особенности коммуникативной компетентности будущих врачей. *СибСкрипт*, 2024, № 5 (35), с. 807–822. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-5-807-822>; EDN: RZBQPL

Turova I. V. Communicative skills in medical students. *SibScript*, 2024, no. 5 (35), pp. 807–822. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-5-807-822>; EDN: RZBQPL

Чечина И. Н., Гуревич Ю. Ю., Подзорова Е. А., Воблова Т. В., Кудрина К. О. Исследование эмпатии и позитивного мышления врача-стоматолога как условия профессиональной компетентности. *Клиническая стоматология*, 2020, № 3 (95), с. 48–52. https://doi.org/10.37988/1811-153X_2020_3_48; EDN: VIISCX

Chechina I. N., Gurevich Yu. Yu., Podzorova E. A., Voblova T. V., Kudrina K. O. Research of empathy and positive thinking of a dentist as a condition of professional competence. *Clinical Dentistry*, 2020, no. 3 (95), pp. 48–52. (In Russ.) https://doi.org/10.37988/1811-153X_2020_3_48; EDN: VIISCX

Шевцова Ю. В., Плотнова С. В., Козловская Е. Ю. Роль коммуникативной компетенции врача в организации эффективного взаимодействия с пациентом и в разрешении и предотвращении конфликтных ситуаций. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 2020, т. 9, № 1 (30), с. 399–402. <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0901-0097>; EDN: VVVCCT

Shevtsova Yu. V., Plotnova S. V., Kozlovskaya E. Yu. The role of doctor's communicative competence in organizing effective interaction with a patient and in resolving and preventing conflict situations. *Azimut of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2020, vol. 9, no. 1 (30), pp. 399–402. (In Russ.) <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0901-0097>; EDN: VVVCCT

Bain J. D. Student-centered learning: A review of the research and its implications for teaching and learning in higher education. *Higher Education Research & Development*, 2015, no. 34 (1), pp. 1–24.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вопросы для эссе.

1. Что вас больше всего привлекает в стоматологии?
2. Что вы понимаете под термином «коммуникативные навыки» в контексте работы врача-стоматолога?
3. Как вы думаете, насколько важны коммуникативные навыки для успешной карьеры стоматолога? Почему?
4. Какие коммуникативные ситуации, по вашему мнению, чаще всего возникают в практике стоматолога? Приведите примеры.
5. Какие качества врача, с точки зрения коммуникации, вы считаете наиболее важными для установления контакта с пациентом?
6. Как вы думаете, какие факторы могут затруднять общение врача-стоматолога с пациентом? (Например, возраст, культура, страх, боль и т. д.)
7. Считаете ли вы, что существуют различия в коммуникации с пациентами разных возрастных групп (дети, подростки, взрослые, пожилые)? Если да, то в чем они заключаются?
8. Как вы думаете, влияет ли невербальная коммуникация (жесты, мимика, тон голоса) на восприятие информации пациентом?
9. Как вы понимаете термин «эмпатия» и как она может проявляться в общении врача с пациентом?
10. Что такое «активное слушание» и почему оно важно в медицинской коммуникации?

11. Как вы думаете, что нужно делать, если пациент проявляет агрессию или раздражение во время приема?

12. Как вы думаете, как следует сообщать пациенту о неприятных новостях (например, сложный диагноз, необходимость удаления зуба)?

13. Какие коммуникативные навыки вы хотели бы улучшить в себе в процессе обучения?

14. Какие темы в области медицинской коммуникации вам кажутся наиболее интересными и важными для изучения?

15. Чему бы вы хотели научиться, чтобы эффективно общаться с пациентами? (Например, как успокоить тревожного пациента, как объяснить сложные медицинские термины простым языком, как мотивировать пациента на лечение и т. д.)

16. Как вы думаете, какие методы обучения наиболее эффективны для развития коммуникативных навыков? (Например, ролевые игры, анализ видеозаписей, работа с симуляторами и т. д.)

17. Что вы ожидаете от курса по коммуникативным навыкам в стоматологии?

18. Есть ли у вас какие-либо вопросы или пожелания по поводу обучения коммуникативным навыкам?

Дополнительные вопросы.

1. Приходилось ли вам наблюдать за общением врачей с пациентами? Какие сильные и слабые стороны вы заметили?

2. Читали ли вы какие-либо книги или статьи, посвященные медицинской коммуникации?

3. Как вы думаете, как социальные сети и онлайн-коммуникация влияют на взаимодействие врача и пациента?

Сведения об авторах

Елена Юрьевна Васильева – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и психологии, <https://orcid.org/0000-0002-8992-8758>, dr.evasilyeva@gmail.com, Северный государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации (д. 51, пр. Троицкий, 163000 Архангельск, Россия); **Elena Yu. Vasilyeva** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the pedagogy and psychology department, <https://orcid.org/0000-0002-8992-8758>, dr.evasilyeva@gmail.com, Northern State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (51, pr. Troitskii, 163000 Arkhangelsk, Russia).

Татьяна Николаевна Ульяновская – старший преподаватель, <https://orcid.org/0009-0008-2746-6237>, ulyanovskayatn@yandex.ru, Северный государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации (д. 51, пр. Троицкий, 163000 Архангельск, Россия); **Tatyana N. Ulyanovskaya** – Senior Lecturer, <https://orcid.org/0009-0008-2746-6237>, ulyanovskayatn@yandex.ru, Northern State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (51, pr. Troitskii, 163000 Arkhangelsk, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.11.2025; одобрена после рецензирования 09.12.2025; принята к публикации 27.01.2026.

The article was submitted 02.11.2025; Approved after reviewing 09.12.2025; Accepted for publication 27.01.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 4 (133), с. 186–198.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 4 (133), pp. 186–198.

Научная статья

УДК 374.7

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-16>

<https://elibrary.ru/qhmywb>

Андрагогика в системе научного знания: легитимация через дисциплинарный анализ

Надежда Александровна Вершинина

Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования

им. К. Д. Ушинского,

Санкт-Петербург, Россия

wernadya@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-0581-8984>

Аннотация. В статье преодолевается традиционная дихотомия – противопоставление педагогики и андрагогики. Цель работы – легитимация андрагогики как полноценной научной дисциплины через применение структурно-дисциплинарного подхода. Исходная гипотеза исследования состоит в том, что данный подход позволит объективно продемонстрировать структурную целостность андрагогики, что проявляется в ее четком позиционировании в системе научного знания и в наличии развитой внутренней архитектуры. Методологической основой выступает разработанный автором дисциплинарный подход к структуре педагогики, для реализации которого были построены две аналитические матрицы: междисциплинарная (определяющая место андрагогики в системе наук через анализ связей с педагогикой, психологией, акмеологией, профессиологией, социологией и демографией) и внутридисциплинарная (выстраивающая архитектуру предметного поля андрагогики через восемь фундаментальных блоков: методологию, историю, сравнительную андрагогику, дидактику, методики обучения, теорию воспитания, методику воспитания и управление системами образования взрослых). Результаты анализа показывают, что андрагогика является формирующейся, но целостной отраслью педагогической науки, выполняющей активную интегративную функцию в междисциплинарном взаимодействии. На основе полученных результатов в заключении намечены конкретные исследовательские программы для дальнейшего развития дисциплины: методологическая, дидактическая и сравнительно-управленческая. Статья имеет выраженный методологический характер и предлагает инструмент для консолидации научного сообщества андрагогов.

Ключевые слова: андрагогика, дисциплинарный статус, структура науки, легитимация, междисциплинарные связи, методология педагогики, образование взрослых

Для цитирования: Вершинина Н. А. Андрагогика в системе научного знания: легитимация через дисциплинарный анализ. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 4 (133), с. 186–198. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-16>; EDN: QHMYWB

Andragogy in the system of scientific knowledge: legitimation through disciplinary analysis

Nadezhda A. Vershinina

K. D. Ushinsky St Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education,
St Petersburg, Russia

wernadya@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-0581-8984>

Abstract. The article overcomes the traditional dichotomy and opposition between pedagogy and andragogy. The aim of the study is to legitimize andragogy as a full-fledged scientific discipline through the application of a structural-disciplinary approach. The initial hypothesis of the research is that this approach will objectively demonstrate the structural integrity of andragogy, which is manifested in its clear positioning in the system of scientific knowledge and the presence of a developed internal architecture. The methodological basis is the author's disciplinary approach to the structure of pedagogy. For its implementation, two analytical matrices were constructed: an interdisciplinary one (defining the place of andragogy in the system of sciences through the analysis of connections with pedagogy, psychology, acmeology, professionology, sociology and demography) and an intradisciplinary one (building the architecture of the subject field of andragogy through eight fundamental blocks: methodology, history, comparative andragogy, didactics, teaching methods, theory of education, methodology of education and management of adult education systems). The analysis results show that andragogy is an emerging but integral branch of pedagogical science that performs an active integrative function in interdisciplinary interaction. Based on the results obtained, the conclusion outlines specific research programs for the further development of the discipline: methodological, didactic and comparative-managerial. The article has a pronounced methodological character and offers a tool for the consolidation of the scientific community of andragogists.

Keywords: andragogy, disciplinary status, structure of science, legitimation, interdisciplinary connections, methodology of pedagogy, adult education

For citation: Vershinina N. A. Andragogy in the system of scientific knowledge: legitimation through disciplinary analysis. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 4 (133), pp. 186–198. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-3-134-16>; EDN: CVRPBQ

Введение

Андрагогика находится в поисках методологического консенсуса. Современная образовательная реальность характеризуется парадоксальным противоречием. С одной стороны, наблюдается устойчивый и нарастающий социальный заказ на образование взрослых, обусловленный динамизмом технологического развития, трансформацией рынка труда и потребностью личности в непрерывном саморазвитии. С другой стороны, теоретический статус андрагогики как науки, призванной отвечать на эти вызовы, остается предметом острых дискуссий и отличается значительной неопределенностью. Такая «размытость» дисциплинарных границ создает методологические трудности как для исследователей, так и для практиков, работающих в сфере образования зрелых людей.

Основная часть

В научном сообществе сложился ряд принципиально различных позиций относительно места андрагогики в системе знания. Ряд авторов, вслед за А. И. Кукуевым,

рассматривают андрагогику как органическую часть общей педагогики, ее специализированный раздел¹. Иная, более радикальная, точка зрения, представленная в работах С. Г. Вершловского, настаивает на ее самостоятельности в качестве отдельной научной дисциплины². Существует и компромиссная позиция, трактующая андрагогику как междисциплинарную область знания на стыке педагогики, психологии, социологии и акмеологии. Подробно эта дискуссия рассмотрена в нашей монографии³.

Подобный концептуальный плюрализм, будучи признаком развития научной мысли, одновременно указывает и на глубокую проблему: отсутствие объективного и системного инструмента для позиционирования андрагогики, что заводит методологическую рефлексию в тупик бесконечных дефиниций. Выход из создавшейся ситуации видится в смещении фокуса с вопроса «кто прав?» на вопрос «какова реальная структура и положение андрагогики в системе научного знания?». Таким образом, *цель данной статьи* – легитимация андрагогики как полноценной научной дисциплины через применение структурно-дисциплинарного подхода и построение двух аналитических матриц – междисциплинарной и внутридисциплинарной. Под *легитимацией* в данной статье понимается обоснование статуса андрагогики как целостной отрасли педагогики посредством демонстрации ее внутренней структурной организованности и системных связей как с педагогикой в целом, так и со смежными науками.

Исходная *гипотеза исследования* состоит в том, что применение дисциплинарного подхода и построение аналитических матриц позволит объективно продемонстрировать *структурную целостность* андрагогики, что проявляется в:

- 1) ее четком позиционировании в системе научного знания как активного интегратора на стыке педагогического ядра, наук о субъекте и контекстных дисциплин;
- 2) наличии развитой внутренней архитектуры, соответствующей критериям зрелой дисциплины.

Последовательная реализация данного замысла позволит не только прояснить дисциплинарный статус андрагогики, но и наметить конкретные векторы для ее дальнейшего теоретического развития.

Методологический конструкт: дисциплинарный подход как инструмент анализа. Для объективного позиционирования андрагогики в системе научного знания требуется надежный аналитический инструментарий, позволяющий преодолеть субъективность существующих точек зрения. Таким инструментом в рамках данного исследования выступает разработанный нами дисциплинарный подход к структуре

¹ Кукуев А. И. Проблема статуса андрагогики в отечественной науке. *Современные образовательные технологии: психология и педагогика*, под общей редакцией Е. В. Коротаевой. Новосибирск: Сибпринт, 2009, кн. 4, с. 236–255.

² Вершловский С. Г. Становление андрагогики как науки. *Педагогика*, 2012, № 5, с. 35–43. EDN: PAASHJ

³ *Андрагогика в России: традиции, вызовы и смыслы*, под редакцией Н. А. Вершининой, О. Б. Даутовой. Санкт-Петербург: СПб АППО им. К. Д. Ушинского, 2025. 260 с.

педагогике, подробно изложенный в диссертационном исследовании¹. В рамках этого подхода педагогика понимается как сложноорганизованная система, состоящая из взаимосвязанных отраслей и дисциплин, каждая из которых обладает собственным предметом, категориальным аппаратом и методами исследования, но при этом сохраняет родовое единство с общим педагогическим знанием.

Данная модель служит системой координат, в которую может быть помещена андрагогика для верификации ее статуса. Выбор этого метода не случаен. Во-первых, он обеспечивает объективность анализа, поскольку опирается не на декларации, а на выявление структурных связей и содержательного наполнения исследуемой области. Во-вторых, он обладает системностью, позволяя рассматривать андрагогику одновременно в двух проекциях: внешней (ее взаимодействие с другими элементами научного ландшафта) и внутренней (архитектура ее собственного предметного поля). В-третьих, предлагаемый подход открывает возможность для верификации: гипотеза о статусе андрагогики проверяется через последовательное сопоставление ее характеристик с моделью зрелой научной дисциплины. Таким образом, дисциплинарный подход позволяет перевести дискуссию из плоскости умозрительных споров в плоскость структурного анализа, что и является ключевой задачей данной работы.

Процедура построения аналитических матриц. Для реализации подхода были разработаны две аналитические матрицы. *Междисциплинарная матрица* была построена на основе анализа связей андрагогики с науками, выполняющими по отношению к ней следующие функции:

- 1) системообразующую (педагогика);
- 2) науки о субъекте обучения (психология, акмеология);
- 3) науки о содержании обучения (профессиология);
- 4) контекстные науки (социология, демография).

Внутридисциплинарная матрица была сконструирована по принципу «от общего к частному» и «от теории к практике», охватывая восемь фундаментальных блоков, наличие которых характерно для сложившейся отрасли знания. Последовательное заполнение этих матриц и составляет эмпирическую базу структурно-дисциплинарного анализа.

Междисциплинарная матрица андрагогики позволяет определить внешние границы и связи. Применение дисциплинарного подхода логично начинать с анализа внешних связей андрагогики, что позволяет очертить ее границы и определить роль в межнаучном диалоге. Данный анализ направлен на проверку первого аспекта гипотезы, касающегося четкого позиционирования андрагогики в системе научного знания.

Необходимость такого анализа обусловлена двойственной природой андрагогического знания. С одной стороны, как справедливо отмечал М. Ш. Ноулз, исходный импульс и основной поток информации андрагогика черпает непосредственно из

¹ Вершинина Н. А. *Методология исследования структуры педагогики*: дис. ... д-ра пед. наук. Санкт-Петербург, 2009. 439 с. EDN: QELNHX

практики образования взрослых людей¹. С другой стороны, как подчеркивает С. Г. Вершловский, науки не существуют изолированно, и их развитие происходит в интенсивном междисциплинарном взаимодействии². Именно это взаимодействие позволяет андрагогике не ограничиваться эмпирическим уровнем, а выходить на уровень теоретического обобщения, формируя собственный концептуальный каркас.

Для систематизации этих связей были выбраны четыре аналитических критерия, которые в совокупности раскрывают логику междисциплинарного взаимодействия как процесса трансформации знания. Выбор именно этих критериев обусловлен необходимостью охватить *полный цикл междисциплинарного взаимодействия*. Первый критерий фиксирует входящий поток знаний. Второй – отражает внутреннюю трансформацию этого знания в рамках собственного предметного поля – «Как переосмысляет». Третий – демонстрирует исходящий поток, то есть обратное влияние андрагогики на смежную дисциплину – «Чем обогащает». Четвертый – обобщает характер всей связи, позволяя классифицировать ее тип – «Как взаимодействует». Такая структура обеспечивает целостный и симметричный анализ, исключающий односторонний взгляд на взаимодействие.

Такой комплексный подход позволяет преодолеть статичное представление о междисциплинарности и показать андрагогику в качестве активного участника научного обмена – не просто потребляющего, но и генерирующего знания.

Построение матрицы требует определения круга смежных наук. В данное исследование были включены науки, выполняющие по отношению к андрагогике разные функции:

- *педагогика* выступает как системообразующее основание;
- *психология, акмеология и профессиология* являются поставщиками знания о субъекте, целях и содержании обучения;
- *социология и демография* выполняют роль поставщиков социального и демографического контекста.

Такой отбор позволяет охватить основные векторы внешних связей андрагогики, определяющие ее предметное поле и методологическую базу. Предлагаемая междисциплинарная матрица (см. табл. 1), построенная на основе этих критериев, наглядно демонстрирует интегративную природу андрагогики и ее активную, а не пассивную роль в этом взаимодействии.

¹ Ноулз М. Ш. *Современная практика образования взрослых. Андрагогика против педагогики*. Москва, 2010. 175 с.

² Вершловский С. Г. Становление андрагогики как науки. *Педагогика*, 2012, № 5, с. 35–43. EDN: PAASHJ

Таблица 1

Междисциплинарная матрица связей андрагогики
Андрагогика как интегративная отрасль знания: взаимодействие и взаимовлияние

Критерий взаимодействия	Педагогика	Психология развития взрослых, когнитивная психология, психология мотивации	Акмеология	Профессиология	Социология	Демография
1	2	3	4	5	6	7
1. Что занимает	Базовые категории: образование, обучение, воспитание, развитие; общие дидактические принципы; методы педагогического исследования	Закономерности развития психики взрослого человека; особенности памяти, внимания; теории мотивации; понятие «зрелая личность»	Понятие «зрелость», «вершина» развития (акме); модели и критерии профессионального мастерства; идея целенаправленного самосовершенствования	Анализ профессий (профессиональной программы, требования к компетенциям); классификации профессий; знания о динамике профессий (отмирание, трансформация, возникновение новых)	Понятия: социальный институт, социальная мобильность, социальный заказ; теория поколений; данные о социальных лифтах и барьерах	Данные о возрастной структуре населения, продолжительности жизни, качестве жизни; прогнозы по старению населения
2. Как переосмысляет	Не общие законы обучения, а их проявление в условиях сформировавшейся личности, наличия жизненного опыта и социальных ролей	Не психику «вообще», а психику как фактор, условие и результат образовательной деятельности взрослого	Не вершины развития «вообще», а образовательные траектории и технологии как путь к достижению профессионального и личностного акме	Не структуру профессий «вообще», а то, как изменения в профессиях определяют содержание, цели и формы образования взрослых (запрос на актуальные компетенции)	Не общество «вообще», а образование как институт социализации и адаптации взрослых в меняющемся мире	Не демографические процессы «вообще», а их влияние на структуру и спрос в системе непрерывного образования

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
3. Чем обогащает	Конкретизацией и углублением дидактики (андрагогические модели, принципы); расширением предметного поля педагогики на всю жизнь человека	Новым контекстом для проверки психологических теорий; эмпирическими данными о пластичности интеллекта и мотивации в зрелом возрасте	Технологиями и методами достижения акме через образовательную деятельность; практическим инструментарием для поддержания профессиональной формы	Обратной связью об адекватности профессиональных стандартов; эмпирическими данными об освоении новых компетенций; моделями опережающего обучения	Эмпирическими данными о роли образования в социальной адаптации; анализом новых образовательных практик как социальных феноменов	Образовательными стратегиями как ответом на демографические вызовы (обучение людей «третьего возраста»), переобучение в активном возрасте)
4. Как взаимодействует	Системообразующий, родовидовой. Андрагогика – специализированная часть педагогики	Фундаментально-прикладной. Психология дает основу для понимания субъекта, андрагогика создает технологии работы с ним	Целевой и инструментальный. Акмеология задает вектор развития, андрагогика предоставляет образовательные средства его достижения	Содержательно-технологический. Профессия задает <i>чему учить</i> (контент), андрагогика разрабатывает <i>как учить</i> взрослому содержанию	Контекстуальный и критический. Социология задает социальный контекст, андрагогика реагирует на него и изучает его влияние.	Прогностический и адаптационный. Демография показывает «демографический портрет» будущего обучающегося, андрагогика готовит под него образовательную систему

Таким образом, междисциплинарная матрица убедительно доказывает, что андрагогика не «растворяется» в смежных науках, а выполняет активную интегративную функцию, основанную на процессе трансформации знания.

Так, из *педагогики* андрагогика *заимствует* базовый категориальный аппарат и общие дидактические принципы, но *переосмысляет* их, фокусируясь на специфическом проявлении общих закономерностей в условиях сформировавшейся личности. Тем самым она *обогащает* педагогику *конкретизацией и углублением дидактики*, предлагая андрагогические модели и принципы, а также *расширением ее предметного поля* на всю жизнь человека.

Психология предоставляет андрагогике фундаментальное знание о субъекте обучения. Андрагогика *заимствует* закономерности развития психики и теории мотивации, но *переосмысляет* их, рассматривая психику не «вообще», а как фактор и результат образовательной деятельности взрослого. В ответ она *обогащает* психологию *новым контекстом* для верификации теорий и *эмпирическими данными* о пластичности интеллекта и мотивации в зрелом возрасте.

Акмеология задает целевую ориентацию. Андрагогика *заимствует* понятия «зрелость» и «акме», *переосмысляет* их как образовательные траектории и технологии достижения вершин развития. Своим вкладом она *обогащает* акмеологию *практическим инструментарием* и *технологиями* достижения акме через образование.

Профессиология определяет содержательно-технологический фундамент. Андрагогика *заимствует* анализ профессий и знание об их динамике, *переосмысляет* эту информацию как запрос на актуальные компетенции и содержание обучения. Она *обогащает* профессиологию *обратной связью* о адекватности стандартов, *эмпирическими данными* об освоении новых компетенций и *моделями опережающего обучения*.

Социология и демография выступают поставщиками контекста. Андрагогика *заимствует* у них социальные теории и демографические данные, *переосмысляет* макропроцессы как конкретные вызовы для системы образования взрослых. Своим вкладом она *обогащает* эти дисциплины *эмпирическими данными* о роли образования в адаптации взрослых, анализом новых образовательных практик и *стратегиями* ответа на демографические изменения.

Таким образом, междисциплинарный анализ позволяет сделать принципиальный вывод о статусе андрагогики: характер ее связей со смежными науками не является симметричным. Системообразующим ядром андрагогики выступает педагогика, что подтверждается родовидовым характером взаимодействия: андрагогика заимствует у педагогики базовый категориальный аппарат, общие дидактические принципы и методы исследования, выступая ее специализированной частью. Другие дисциплины (психология, акмеология, профессиология, социология, демография) выполняют по отношению к андрагогике функцию поставщиков знания о субъекте, содержании и контексте обучения, которые она, в свою очередь, обогащает данными, полученными из педагогической практики.

Следовательно, андрагогика не «растворяется» в смежных науках и не является просто междисциплинарной областью. Она занимает четкую позицию специализированной отрасли педагогики, которая выполняет активную интегративную функцию, перерабатывая и синтезируя внешние данные в рамках собственной педагогической логики.

Полученные результаты подтверждают первый аспект гипотезы, демонстрируя четкое и активное позиционирование андрагогики в системе научного знания.

Внутридисциплинарная матрица андрагогики: конституирование внутренней архитектуры. Легитимация любой научной дисциплины требует не только определения ее внешних границ, но и демонстрации зрелости ее внутренней структуры. Данный раздел направлен на проверку второго аспекта гипотезы, а именно –

на доказательство наличия у андрагогики развитой внутренней архитектуры, соответствующей критериям зрелой дисциплины.

Методологической основой для выявления этой архитектуры служит понимание андрагогики как части системы педагогических наук. Как справедливо отмечает В. М. Полонский, «возрастная, профессиональная, коррекционная педагогики выступают видовыми по отношению к общей педагогике... Все, что можно сказать о роде, можно сказать и о виде. В этом смысле каждая из них включает дидактику, теорию воспитания, методику, историю, методологию. По сути дела, речь идет о применении общей педагогики к обучению и воспитанию разных категорий воспитуемых»¹.

Исходя из этой логики, андрагогика, будучи педагогикой взрослых, закономерно наследует эту родовую структуру. Особого внимания заслуживает специфика блоков 6 и 7 («Теория воспитания взрослых» и «Методика воспитания взрослых»). В отличие от предметно-ориентированных методик обучения, методики воспитания носят комплексный, междисциплинарный характер и не сводятся к формированию отдельных качеств. Они реализуются через создание воспитывающих ситуаций, организацию рефлексивной практики и проектной деятельности, что соответствует целостному характеру развития зрелой личности.

Представленная ниже внутридисциплинарная матрица (см. табл. 2) конституирует ее предметное поле через восемь фундаментальных блоков, наличие и взаимосвязь которых не только подтверждает ее структурную целостность, но и встраивает ее в общую систему педагогического знания.

Таблица 2

Внутридисциплинарная матрица андрагогики как научной дисциплины

Структурный блок андрагогики	Содержательное наполнение блока	Ключевые понятия, проблемы и направления исследований
1. Методология андрагогики	Философские и общенаучные основания; дисциплинарный статус; принципы построения андрагогического знания; специфика андрагогического исследования; взаимодействие с методологиями смежных наук	Андрагогический подход; парадигмы образования взрослых; проблема понятийного аппарата; критерии научности в андрагогике; структура андрагогики как науки
2. История андрагогики	Генезис и эволюция идей и практик образования взрослых; институционализация андрагогики; изучение деятельности ключевых отечественных и зарубежных ученых-андрагогов	С. Г. Вершловский, К. Капп, Ю. Н. Кулюткин, М. Ноулз; история форм и видов образования взрослых (народные университеты, ДПО); становление андрагогики как науки в России

¹ Полонский В. М. Понятийно-терминологический аппарат педагогики. *Педагогическая наука и ее методология в контексте современности*: сборник научных статей, под редакцией В. В. Краевского, В. М. Полонского. Москва, 2001, с. 9.

Продолжение табл. 2

Структурный блок андрагогики	Содержательное наполнение блока	Ключевые понятия, проблемы и направления исследований
3. Сравнительная андрагогика	Сопоставительный анализ теорий, систем, моделей и политик в области образования взрослых в разных странах и культурных контекстах	Международные модели образования взрослых (англо-американская, континентальная и др.); сравнительный анализ законодательных баз; трансфер образовательных технологий.
4. Дидактика андрагогики (Теория обучения взрослых)	ЯДРО ДИСЦИПЛИНЫ. Закономерности, принципы, методы, формы, средства и технологии обучения взрослых; проектирование образовательного процесса	Андрагогическая модель обучения; принципы андрагогики; контекстное обучение, проблемное обучение, электронное обучение; диагностика результатов обучения взрослых
5. Методики обучения взрослых (Частная андрагогическая дидактика)	Методики преподавания конкретных дисциплин и направлений подготовки взрослой аудитории с учетом их потребностей и особенностей	Методика преподавания взрослым языка, профессиональных дисциплин, «гибких» навыков (<i>soft skills</i>); специфика отбора содержания и методов обучения и контроля
6. Теория воспитания взрослых	Закономерности, принципы и методы воспитания, самовоспитания и развития зрелой личности в процессе непрерывного образования	Саморазвитие, самореализация, самовоспитание; андрагогическое сопровождение; формирование гражданской и профессиональной позиции; духовно-нравственное развитие
7. Методика воспитания взрослых	Конкретные технологии и практики организации воспитательного процесса и психолого-педагогической поддержки взрослых в различных образовательных контекстах	Технологии фасилитации, модерации, наставничества (менторства); методы развития командной работы и лидерства у взрослых; методики рефлексивной практики
8. Управление системами образования взрослых	Теория и практика менеджмента, маркетинга, экономики и права в сфере образования взрослых; управление образовательными программами и учреждениями	Менеджмент в ДПО и корпоративном обучении; маркетинг образовательных услуг для взрослых; управление качеством

Наличие всех структурных блоков, от методологии и истории до частных методик и управления – является главным аргументом в пользу легитимации андрагогики как зрелой дисциплины. Однако целостность научной дисциплины определяется не простым перечислением элементов, а наличием системных связей между ними.

Предложенная архитектура демонстрирует следующие устойчивые внутренние связи:

- методология (1) задает общие основания для дидактики (4) и теории воспитания (6);
- история (2) предоставляет необходимый контекст для сравнительной андрагогики (3);

– частные методики (5 и 7) являются практической реализацией теоретических установок дидактики и теории воспитания;

– управление системами (8) создает организационно-экономические условия для реализации всех предыдущих блоков.

Таким образом, внутридисциплинарная матрица наглядно демонстрирует, что андрагогика – это не просто «педагогика для взрослых», а системное знание со своей собственной теорией, историей, методологией и практикой, обладающее всей полнотой внутренней дифференциации. Это подтверждает второй аспект гипотезы о наличии у андрагогики развитой внутренней архитектуры.

Синтез: легитимация андрагогики как отрасли педагогической науки. Совмещение двух аналитических проекций – внешней и внутренней – позволяет получить объемную и объективную картину дисциплинарного статуса андрагогики. Междисциплинарная матрица дает ответ на вопрос «Где она находится?», четко определяя ее место в системе научного знания как активного интегратора, работающего на стыке педагогического ядра, наук о субъекте и контекстных дисциплин. Внутридисциплинарная матрица отвечает на вопрос «Что она из себя представляет?», раскрывая ее как сложноорганизованную систему с развитой внутренней архитектурой.

Синтез данных, полученных из двух матриц, приводит нас к окончательному методологическому выводу: андрагогика является *формирующейся, но целостной отраслью педагогической науки*. Она обладает уникальным предметом, фокусирующимся на закономерностях обучения, воспитания и развития взрослого человека в контексте его жизненного пути и социальных ролей. Она имеет сложную внутреннюю структуру, соответствующую критериям зрелой дисциплины, и играет активную роль в системе междисциплинарных взаимодействий, не теряя при этом своей педагогической сущности. Такой структурно-дисциплинарный анализ снимает искусственную дихотомию «педагогика / андрагогика», позиционируя последнюю как специализированную и неотъемлемую часть общего педагогического знания, обладающую собственной исследовательской областью и инструментарием.

Выводы

Проведенный структурно-дисциплинарный анализ позволяет не только подвести итоги дискуссии о статусе андрагогики, но и открывает новую страницу в ее развитии. Легитимировав андрагогику как целостную отрасль педагогической науки, мы получаем прочный фундамент для формирования конкретных исследовательских программ, вытекающих непосредственно из предложенных матриц. Таким образом, намечены не просто «проблемы», а структурированные векторы для консолидированных усилий научного сообщества.

Во-первых, это **методологическая программа**, фокусом которой становится целенаправленная разработка и унификация категориального аппарата андрагогики. Опираясь на внутридисциплинарную матрицу, необходимо провести ревизию и систематизацию ключевых понятий, таких как «андрагогический подход», «зрелый обучающийся», «образовательная траектория взрослого», что позволит повысить

концептуальную строгость и узнаваемость дисциплины в междисциплинарном пространстве.

Во-вторых, формируется **дидактическая программа**, нацеленная на масштабное эмпирическое исследование эффективности различных андрагогических моделей и принципов. Используя междисциплинарную матрицу как карту контекстов, необходимо изучать, как эти модели работают в зависимости от профессиональной сферы, возрастного этапа, социальной ситуации и когнитивных особенностей взрослых обучающихся. Это придаст практикам образования взрослых доказательную базу.

В-третьих, актуальной представляется **сравнительно-управленческая программа**, задача которой – проведение глубокого анализа зарубежного опыта организации, финансирования и правового регулирования систем образования взрослых. Сравнительный анализ лучших практик и институциональных решений позволит выработать научно обоснованные рекомендации для развития национальной системы дополнительного профессионального образования и других форм обучения взрослых в России.

Таким образом, данная статья является не итогом дискуссии, а, скорее, **инструментом и призывом к консолидации**. Предложенные аналитические матрицы задают четкую систему координат для дальнейшего структурирования андрагогического знания. Они переводят методологическую рефлексию из плоскости споров о статусе в плоскость содержательной исследовательской работы, открывая перед андрагогикой новый этап ее научной биографии.

Список литературы / References

Андрагогика в России: традиции, вызовы и смыслы, под редакцией Н. А. Вершининой, О. Б. Даутовой. Санкт-Петербург: СПб АППО им. К. Д. Ушинского, 2025. 260 с.

Andragogy in Russia: Traditions, Challenges and Meanings; edited by N. A. Vershinina, O. B. Dautova. St Petersburg: SPb APPO im. K. D. Ushinskogo, 2025. 260 p. (In Russ.)

Вершинина Н. А. *Методология исследования структуры педагогики*: дис. ... д-ра пед. наук. Санкт-Петербург, 2009. 439 с. EDN: QELNHX

Vershinina N. A. *Methodology of the pedagogy structure research*: Dr thesis in Pedagogical Sciences. St Petersburg, 2009. 439 p. (In Russ.) EDN: QELNHX

Вершловский С. Г. Становление андрагогики как науки. *Педагогика*, 2012, № 5, с. 35–43. EDN: PAASHJ

Vershlovskii S. G. Formation of andragogy as a science. *Pedagogika*, 2012, no. 5, pp. 35–43. (In Russ.) EDN: PAASHJ

Кукуев А. И. Проблема статуса андрагогики в отечественной науке. *Современные образовательные технологии: психология и педагогика*, под общей редакцией Е. В. Коротаевой. Новосибирск: Сибпринт, 2009, кн. 4, с. 236–255.

Kukuev A. I. The problem of andragogy status in national science. *Modern educational technologies: Psychology and Pedagogy*; edited by E. V. Korotaeva. Novosibirsk: Sibprint, 2009, book 4, pp. 236–255. (In Russ.)

Ноулз М. Ш. *Современная практика образования взрослых. Андрагогика против педагогики*. Москва, 2010. 175 с.

Noulz M. Sh. *Modern practice of adult education. Andragogy versus pedagogy*. Moscow, 2010. 175 p. (In Russ.)

Полонский В. М. Понятийно-терминологический аппарат педагогики. *Педагогическая наука и ее методология в контексте современности*: сборник научных статей, под редакцией В. В. Краевского, В. М. Полонского. Москва, 2001, с. 188–197.

Polonskii V. M. Conceptual and terminological framework of pedagogy. *Pedagogical science and its methodology in the context of modernity*: Collection of research papers; edited by V. V. Kraevskii, V. M. Polonskii. Moscow, 2001, pp. 188–197. (In Russ.)

Сведения об авторе

Надежда Александровна Вершинина – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и андрагогики, <https://orcid.org/0009-0004-0581-8984>, wernadya@mail.ru, Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования имени К. Д. Ушинского (д. 11–13, ул. Ломоносова, 191002 Санкт-Петербург, Россия); **Nadezhda A. Vershinina** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy and Andragogy, K. D. Ushinsky St Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education (11–13, ul. Lomonosova, 191002 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 16.11.2025; одобрена после рецензирования 25.12.2025; принята к публикации 27.01.2026.

The article was submitted 16.11.2025; Approved after reviewing 25.12.2025; Accepted for publication 27.01.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 4 (133), с. 199–217.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 4 (133), pp. 199–217.

Научная статья

УДК 378

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-17>

<https://elibrary.ru/oudodh>

Формирование компетенций проектирования индивидуальных карьерных треков у будущих педагогов дошкольного образования

Наталья Витальевна Иванова^{1✉}, Марина Михайловна Кривовицына²

^{1,2}Череповецкий государственный университет,

Череповец, Россия

^{1✉}nvivanova@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3012-5579>

²mmkrivovitsyna@chsu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7368-7441>

Аннотация. В статье обоснована необходимость формирования у будущих педагогов дошкольного образования компетенций проектирования индивидуальных карьерных треков (ИКТ). В работе уточнено понятие «компетенции в сфере проектирования ИКТ», а также выделены пять групп компетенций: диагностико-рефлексивные, проектно-целевые, технологические, коммуникативно-сетевые и рефлексивно-коррекционные. Авторская модель компетенций представлена в форматах HARD- и SOFT-компетенций: HARD- компетенции определены в виде типовых задач и уровней их решения, а SOFT-компетенции – в виде поведенческих индикаторов и уровней их проявления (Новичок – Специалист – Профессионал – Мастер). Авторами предложена технология формирования данных компетенций.

Ключевые слова: будущие педагоги дошкольного образования, индивидуальный карьерный трек, модель компетенций в сфере проектирования ИКТ, технология формирования компетенций, HARD и SOFT-компетенции

Для цитирования: Иванова Н. В., Кривовицына М. М. Формирование компетенций проектирования индивидуальных карьерных треков у будущих педагогов дошкольного образования. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 4 (133), с. 199–217. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-17>; EDN: OUDODH

Development of competencies for designing individual career tracks in future preschool teachers

Natalia V. Ivanova^{1✉}, Marina M. Krivovitsyna²

^{1,2}Cherepovets State University,

Cherepovets, Russia

^{1✉}nvivanova@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3012-5579>

²mmkrivovitsyna@chsu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7368-7441>

Abstract. The paper addresses the pressing issue of staffing shortages in preschool education and the lack of career planning competencies among graduating students. Based on empirical data

($n = 56$) and official statistics, the authors identify a persistent “resource gap”: while most future teachers recognize the importance of deliberate career design, the vast majority lacks the necessary tools and strategies. The study elaborates a refined definition of “individual career track (ICT) design competencies” and proposes a structured set of five competency clusters: diagnostic-reflexive, design-target, technological, communicative-network, and reflexive-corrective. The model is operationalized through HARD and SOFT competency formats, each specified by typical tasks, behavioural indicators, and four proficiency levels (Novice – Specialist – Professional – Master). The authors also outline a three-stage pedagogical technology for embedding these competencies into university training programmes, with a particular focus on practice-oriented and mentoring support. The proposed framework offers a flexible, adaptive approach to career development, moving beyond linear planning towards reflexive, risk-aware professional self-management.

Keywords: future preschool teachers, individual career track, competency model in the field of ICT design, technology for forming competencies, HARD and SOFT competencies

For citation: Ivanova N. V., Krivovitsyna M. M. Development of competencies for designing individual career tracks in future preschool teachers. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 4 (133), pp. 199–217. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-17>; EDN: OUDODH

Введение

Профессионально-личностное становление педагога в современной психолого-педагогической науке понимается как целостный динамический процесс, направленный на достижение синергии профессионального роста и личностной самореализации¹. В рамках субъектной парадигмы, обоснованной в трудах Ю. П. Поваренкова, карьера трактуется как осознанный процесс и результат проектирования, реализации и регулирования статусного и личностного развития профессионала², что предполагает смещение акцента с адаптационной модели (подчинение внешним требованиям) на модель субъектно-управляемую, где ведущая роль отводится внутренней активности, целеполаганию и рефлексии.

Понятие «проектирование» пришло в педагогику из технических наук и первоначально подразумевало разработку проекции предмета, который затем будет создан в реальности³. Одним из основоположников теории и практики педагогического проектирования в отечественной педагогике по праву считается А. С. Макаренко, который рассматривал воспитательный процесс как особым образом организованное «педагогическое производство» и был противником стихийности, выдвигая идею

¹ Воробьева И. В., Матвеева А. И. Особенности эмоционального выгорания педагогов разных образовательных организаций с учетом возраста и стажа работы. *Перспективы науки и образования*, 2025, № 2 (74), с. 659–671. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.2.42>; EDN: IBDHMQ

² Поваренков Ю. П. Психология профессионального становления и реализации личности как отрасль психологической науки. *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия 1: психологические и педагогические науки*, 2014, № 1, с. 184–198. EDN: SWEPUF

³ Климов Е. А. *Психология профессионального самоопределения*. Москва: Академия, 2020. 304 с.

разработки «педагогической техники»¹. В дальнейшем существенный вклад в развитие педагогического проектирования внесли В. В. Краевский, В. П. Беспалько и другие исследователи. Так, В. П. Беспалько (1989) рассматривал педагогическое проектирование как основу педагогической технологии, подчеркивая, что посредством педагогической технологии педагоги стремятся перевести учебно-воспитательный процесс на путь предварительного проектирования и последующего воспроизведения проекта. В современной педагогической науке педагогическое проектирование определяется как предварительная разработка основных деталей предстоящей деятельности учащихся и педагогов (Л. Д. Столяренко), а также как специально организованный процесс, направленный на разработку методического обеспечения педагогического процесса, его элементов и действий его участников, сопровождающийся изменениями их деятельности и личностных качеств².

Логика проектирования в контексте профессиональной карьеры принципиально отличается от линейного планирования. Под проектированием в настоящем исследовании понимается циклический возвратно-поступательный процесс, включающий диагностику исходной ситуации (самопознание, анализ ресурсов и ограничений), целеполагание (формулирование желаемых профессиональных состояний), разработку вариативных сценариев достижения целей, апробацию (реализацию пробных шагов в условиях педагогической практики), рефлексии и коррекцию на основе обратной связи. В отличие от планирования, предполагающего детерминированную последовательность шагов, проектирование допускает многовариантность и необходимость постоянной адаптации. Далее представим специфику проектирования индивидуальных карьерных треков (ИКТ) в вузе. В отличие от проектирования образовательной среды или учебных занятий, проектирование ИКТ имеет ряд особенностей: разворачивается в режиме реального времени, зависит от внешних рыночных факторов, требует постоянной рефлексии и допускает высокую степень неопределенности.

Основная часть

Сравнительно-сопоставительный анализ трех ключевых терминов – «карьерный маршрут» (О. А. Климова, Е. Ю. Рогачева, И. В. Абанкина), «карьерный трек» (Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк, Г. З. Ефимова, А. Ц. Хечиева) и «профессиональная траектория» (А. К. Маркова, А. М. Новиков, Л. В. Байбородова) – позволил установить, что карьерный маршрут характеризуется внешней детерминацией, высокой формализацией и объектной позицией педагога. Карьерный трек, напротив, аккумулирует принципы внутренней детерминации (опора на личностные смыслы и ценности), низкой степени формализации, высокого потенциала к коррекции и активной субъектной позиции педагога как автора стратегии. Именно эти свойства делают понятие

¹ Моисеева Ю. А. Конструирование профессиональных компетенций будущих педагогов дошкольного образования. *Ярославский педагогический вестник*, 2013, т. 2, № 3, с. 164–168. EDN: RZLWTP

² Бичева И. Б., Мелентович А. В. Индивидуальная траектория профессионального развития педагога дошкольной образовательной организации. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*, 2018, № 4 (28), с. 267–279. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2018.28.19>

«индивидуальный карьерный трек» методологически релевантным для профессионально-личностного становления будущих педагогов. Логический переход, осуществляемый в настоящем исследовании, заключается в следующем: если карьерный трек есть субъектно-управляемый вариативный путь, то для его построения и реализации необходимы специальные компетенции, позволяющие личности самостоятельно, рефлексивно и с учетом вероятностных рисков конструировать, оценивать и корректировать свою профессиональную траекторию.

В зарубежной педагогической науке последних лет оформились две парадигмы профессионализма педагога: парадигма компетенций, фокусирующаяся на диспозициях, ценностях и установках учителя, и парадигма экспертизы, акцентирующая его результативную деятельность и способность решать нестандартные профессиональные задачи. В работе *J. König, S. Blömeke, G. Kaiser (2024)* показано, что они имеют общие корни и могут взаимно обогащать друг друга; интегративный подход позволяет сочетать эталонное описание компетенций с оценкой реальных профессиональных достижений¹.

В российской педагогике компетентностный подход остается методологическим ориентиром модернизации педагогического образования. П. А. Перфильева подчеркивает, что компетентностная модель оценивает не объем усвоенной информации, а способность применять знания в новых и нестандартных ситуациях². Ю. А. Моисеева указывает, что конструирование профессиональных компетенций будущего педагога дошкольного образования должно учитывать целостную структуру профессиональной деятельности, включая ее ценностно-смысловой, когнитивный и деятельностный компоненты³. Применительно к карьерному развитию существенный вклад внесли И. Б. Бичева и А. В. Мелентович, определившие индивидуальную траекторию профессионального развития педагога дошкольной образовательной организации как целенаправленно проектируемую дифференцированную программу действий, обеспечивающую личный темп непрерывного профессионального продвижения⁴. П. А. Перфильева экспериментально подтвердила доминирование карьерных ориентаций «служение», «стабильность работы» и «профессиональная компетентность» у студентов – будущих педагогов дошкольного образования⁵.

¹ König J., Blömeke S., Kaiser G., et al. Are teacher expertise and teacher competence complementary or contradictory research paradigms? Reflections on a possible integration and first conceptualizations. *ZDM Mathematics Education*, 2024, vol. 56, p. 1077–1092. <https://doi.org/10.1007/s11858-024-01677-8>

² Перфильева П. А. Компетентностный подход как основа модернизации педагогического процесса. *Молодой ученый*, 2025, № 33 (584), с. 117–119. EDN: RIRVEU

³ Моисеева Ю. А. Конструирование профессиональных компетенций будущих педагогов дошкольного образования. *Ярославский педагогический вестник*, 2013, т. 2, № 3, с. 164–168. EDN: RZLWTP

⁴ Бичева И. Б., Мелентович А. В. Индивидуальная траектория профессионального развития педагога дошкольной образовательной организации. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*, 2018, № 4 (28), с. 267–279. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2018.28.19>

⁵ Перфильева П. А. Компетентностный подход как основа модернизации педагогического процесса. *Молодой ученый*, 2025, № 33 (584), с. 117–119. EDN: RIRVEU

В современной науке активно исследуются проектировочные компетенции педагогов. Проектировочная компетенция определяется как способность и готовность педагога к самостоятельной практической деятельности по разработке и реализации различных проектов в образовательной сфере, умение прогнозировать итоговый результат и создавать готовый продукт, монтировать профессиональный маршрут¹. В исследовании Т. В. Пожидаевой предлагается педагогическая модель формирования проектировочной компетенции будущих педагогов, включающая мотивационный, содержательный, технологический и оценочно-рефлексивный компоненты². Ряд авторов (О. И. Бирюкова, Т. А. Иванова, Н. Н. Белова и др.) рассматривает проектировочную компетенцию как структурную основу для формирования проектной компетентности, выделяя четырехкомпонентную структуру, включающую мотивационно-ценностный, когнитивно-деятельностный, профессионально-творческий и оценочно-рефлексивный компоненты. В зарубежной науке А. А. Rashidov (2024) разработал модель развития проектной компетенции будущих учителей, рассматривая ее как способность использовать современные технологии в образовательном процессе, применять навыки проектного проектирования, разрабатывать интегрированные проекты и участвовать в проектной деятельности для решения задач профессионального роста³.

Проблема формирования умений проектирования профессиональной траектории студентов педагогических специальностей нашла отражение в работах Е. Ф. Зеер, который обосновал педагогические условия эффективности формирования этих умений, включая развитие педагогической рефлексии и вовлечение студентов в процесс проектирования индивидуального образовательного маршрута, плавно переходящего в проектирование профессионального пути⁴. Т. В. Пожидаева выделила этапы логической структуры проектирования индивидуальной образовательной траектории: этап постановки образовательной цели, этап самоанализа и рефлексии, этап выбора путей реализации поставленной цели, этап конкретизации цели, этап оформления маршрутного листа. Они близки к предложенной нами логике проектирования карьерного трека. Вместе с тем целостная концепция компетенций проектирования ИКТ, специально ориентированная на будущих педагогов дошкольного образования, включающая механизмы управления профессиональными рисками и рефлексивной

¹ Пряхников Н. С., Пряхникова Е. Ю. *Психология труда и человеческого достоинства*. Москва: Академия, 2007. 480 с.

² Пожидаева Т. В. Проектирование индивидуального образовательного маршрута будущего педагога. *Реализация компетентностного подхода в системе профессионального образования педагога: материалы V Всероссийской научно-практической конференции (Евпатория, 12–13 апреля 2018 года)*. Евпатория: Общество с ограниченной ответственностью Ариал, 2018, с. 49–51. EDN: OTCJAF

³ Rashidov A. A. A Model for Developing Future Teachers Competence in Designing Learning-Cognitive Activity. *Science and Innovation International Scientific Journal*, 2024, vol. 3, no. 9, pp. 146–153. <https://doi.org/10.5281/zenodo.17277496>

⁴ Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Психологические детерминанты карьерного самоопределения педагога в условиях цифровизации образования. *Образование и наука*, 2023, т. 25, № 1, с. 32–55. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-1-32-55>

коррекции, отсутствует как в отечественной, так и в зарубежной науке, что определяет актуальность настоящего исследования¹.

Результаты проведенного анкетирования студентов – будущих педагогов дошкольного образования ($n = 56$) – выявили устойчивый «ресурсный разрыв»: 78 % респондентов считают осознанное планирование карьеры важным, однако 82 % не владеют инструментарием проектирования индивидуального карьерного трека. Различия в долях статистически значимы ($\chi^2 = 7,14, p = 0,008$). Лишь 18 % имеют необходимые знания об этапах построения карьеры, 12 % – доступ к квалифицированному карьерному консультированию, 21 % – закрепленного наставника из числа опытных педагогов дошкольных образовательных организаций. Качественный анализ открытых ответов показал, что будущие педагоги воспринимают карьеру в дошкольном образовании преимущественно как «тупиковую» либо линейную (воспитатель – старший воспитатель – заведующий), не видя вариативных возможностей. Особую тревогу вызывает то, что 68 % студентов в качестве главных опасений назвали риск эмоционального выгорания и высокую бюрократическую нагрузку.

Диагностика карьерных ориентаций (методика Э. Шейна) подтвердила доминирование типов «служение» (38 %) и «профессиональная компетентность» (25 %) при крайне низкой ориентации на «менеджмент» (3 %). Коэффициент корреляции Пирсона между ориентацией «служение» и субъективной готовностью к карьерному проектированию (по дополнительной шкале) составил $r = 0,42$ ($p = 0,002$), что указывает на умеренную положительную связь: студенты с ориентацией на «служение» чаще признают необходимость планирования, но не имеют для этого инструментов. Ориентация на «профессиональную компетентность» также положительно коррелирует с запросом на горизонтальные треки ($r = 0,38, p = 0,005$). Полученные данные коррелируют с общероссийским мониторингом Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (2024), где зафиксирована низкая доля трудоустройства выпускников в дошкольные образовательные организации (22–24 %) и значительный уровень профессиональной неопределенности среди молодых специалистов².

На основе теоретического анализа и данных эмпирического исследования нами были выделены пять групп компетенций, необходимых будущему педагогу дошкольного образования для осознанного проектирования ИКТ. Выбор именно этих пяти групп обусловлен: во-первых, логикой полного цикла проектирования (диагностика → целеполагание → реализация → коммуникация), которая отражена в рабо-

¹ Пожидаева Т. В. Проектирование индивидуального образовательного маршрута будущего педагога. *Реализация компетентностного подхода в системе профессионального образования педагога: материалы V Всероссийской научно-практической конференции (Евпатория, 12–13 апреля 2018 года)*. Евпатория: Общество с ограниченной ответственностью Ариал, 2018, с. 49–51. EDN: OTCJAF

² Абанкина И. В., Михайлова Я. Я., Нисская А. К. и др. *Векторы развития дошкольного образования в условиях современных вызовов: аналитический доклад*. Москва: Высшая школа экономики, 2022. 112 с. (Мониторинг экономики образования). <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2679-8>; EDN: LOQVDQ

тах Ю. В. Поваренкова¹; во-вторых, выявленными эмпирическими дефицитами (отсутствие навыков самоанализа, целеполагания, апробации, сетевого взаимодействия); в-третьих, необходимостью учета выявленных у студентов опасений (риски выгорания, бюрократической перегрузки), что потребовало выделения пятой – рефлексивно-коррекционной – группы.

Диагностико-рефлексивные компетенции включают способность к самоанализу профессиональных мотивов и ценностей, умение диагностировать собственные карьерные ориентации (в частности, по методике Э. Шейна), навыки ведения рефлексивного дневника и анализа сильных и слабых сторон профессиональной подготовки. Данная группа коррелирует с этапом постановки образовательной цели и этапом самоанализа и рефлексии в модели И. В. Ракитиной² и акцентирует внутреннюю детерминацию, что согласуется с принципами субъектной парадигмы Ю. П. Поваренкова³.

Технологические компетенции связаны с умениями формулировать карьерные цели в формате SMART, разрабатывать индивидуальную карьерную дорожную карту на 3–5 лет с выделением ключевых этапов, ресурсов и барьеров, навыками выбора вариативных карьерных сценариев. В дорожную карту предлагается обязательное включение системы идентификации и оценки рисков. Студент должен уметь идентифицировать не менее трех потенциальных рисков, оценивать их вероятность и описывать мероприятия по их минимизации, а также формулировать альтернативный карьерный сценарий. Эта группа компетенций соответствует этапам выбора путей реализации поставленной цели, конкретизации цели и оформления маршрутного листа в модели И. В. Ракитиной.

Технологические компетенции включают способность апробировать элементы карьерного трека в ходе педагогической практики, умение анализировать полученный опыт и корректировать трек на основе обратной связи, а также навыки презентации профессиональных достижений. По итогам практики организуется коррекционная сессия, что связано с реализацией принципа контекстуальной имплементации и обеспечивает единство наставничества, профессиональных проб и рефлексии.

Коммуникативно-сетевые компетенции включают способность выстраивать профессиональные контакты с потенциальными работодателями, наставниками, тьюто-

¹ Поваренков Ю. П. Психология профессионального становления и реализации личности как отрасль психологической науки. *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета*. Серия 1: психологические и педагогические науки, 2014, № 1, с. 184–198. EDN: SWEPUF

² Ракитина И. В., Дюжакова М. В. Система наставничества как условие профессионального становления молодого педагога в ДОУ. *Гуманизация образовательного пространства: культура воспитывающей деятельности: материалы Международного форума, посвященного Году педагога и наставника (Саратов, 19–20 апреля 2023 года)*. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2023, с. 273–280. EDN: LLVEIX

³ Поваренков Ю. П. Психология профессионального становления и реализации личности как отрасль психологической науки. *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета*. Серия 1: психологические и педагогические науки, 2014, № 1, с. 184–198. EDN: SWEPUF

рами, умение использовать ресурсы сетевого взаимодействия (вуз – управление образования – дошкольная образовательная организация – центр занятости), а также навыки участия в профессиональных сообществах и проектных группах. Данная группа компетенций включена на основе анализа исследований, доказывающих, что успешное карьерное проектирование невозможно без использования внешних ресурсов и социальных связей¹.

Рефлексивно-коррекционные компетенции, выделенные на основе анализа выявленных у студентов опасений и теоретического осмысления феномена профессиональных кризисов в трудах Э. Ф. Зеера, Э. Э. Сыманюк, Н. С. Пряжников и Е. Ю. Пряжниковой, включают способность идентифицировать потенциальные и актуальные карьерные риски (эмоциональное выгорание, бюрократическая перегрузка, профессиональная стагнация, межличностные конфликты, невостребованность горизонтальных инициатив), умение проводить сценарный анализ с оценкой вероятности неблагоприятных событий, навыки формирования альтернативных карьерных сценариев (трансфер в смежные профессиональные области: дополнительное образование, индивидуальное педагогическое консультирование, методическая работа, тьюторство), способность к своевременной рефлексивной остановке и пересмотру трека, умение применять техники профилактики эмоционального выгорания как неотъемлемую часть управления карьерой, а также способность к циклическому перепроектированию при изменении внешних условий.

Отсутствие данных компетенций является одной из ключевых детерминант раннего оттока молодых специалистов из профессии. Эмпирическое исследование И. В. Воробьевой и А. И. Матвеевой (2024) показало, что эмоциональное выгорание молодых педагогов имеет сильную отрицательную корреляцию с удовлетворенностью трудом ($r = -0,62, p < 0,01$) и положительную корреляцию с намерением покинуть профессию ($r = 0,58, p < 0,01$)². Л. Н. Антилогова и Н. П. Мурзина (2024) установили, что отсутствие деликатной обратной связи, слабый самоменеджмент и недостаток качественного управления выступают ключевыми барьерами для закрепления молодых воспитателей. Данные официального мониторинга Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» также подтверждают, что более 40 % выпускников педагогических образовательных организаций не начинают работать по профессии, а среди начинающих значительная часть покидает сферу после первых трех лет³.

¹ Надолинская Т. В., Россинская С. А. Педагогические условия развития профессиональной метакомпетентности педагогов в процессе сетевого взаимодействия. *Современные проблемы науки и образования*, 2025, № 6, с. 87. <https://doi.org/10.17513/spno.34444>; EDN: QGPYLZ

² Воробьева И. В., Матвеева А. И. Особенности эмоционального выгорания педагогов разных образовательных организаций с учетом возраста и стажа работы. *Перспективы науки и образования*, 2025, № 2 (74), с. 659–671. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.2.42>; EDN: IBDHMQ

³ Абанкина И. В., Михайлова Я. Я., Нисская А. К. и др. *Векторы развития дошкольного образования в условиях современных вызовов: аналитический доклад*. Москва: Высшая школа экономики, 2022. 112 с. (Мониторинг экономики образования). <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2679-8>; EDN: LOQVDQ

Для операционализации процесса формирования компетенций использовалась модель приобретения навыков, разработанная С. Дрейфузом и Х. Дрейфузом (1980), которая имеет широкое признание в педагогических исследованиях и описывает становление профессионала через последовательное прохождение стадий от новичка до эксперта. Исходная пятиуровневая модель (Новичок – Продвинутый начинающий – Компетентный – Опытный – Эксперт) адаптирована нами в четырехуровневую применительно к задачам педагогического карьерного проектирования.

1. *Новичок* – действует строго по правилам, выполняет типовые задачи только под руководством наставника.

2. *Специалист* – самостоятельно решает стандартные, типовые задачи.

3. *Профессионал* – способен решать все типовые и многие нестандартные задачи, выступает наставником.

4. *Мастер* – способен творчески решать задачи любой сложности, создает уникальные авторские стратегии.

Применение модели Дрейфуса в педагогических исследованиях широко признано; ее адаптации используются в работах Е. А. Климова¹ и Н. С. Пряжникова².

Для формирования выделенных компетенций нами разработана модель компетенций в сфере проектирования ИКТ, выполненная в двух форматах: HARD-компетенции и SOFT-компетенции. В современной педагогике и психологии труда термины «HARD-компетенции» (жесткие, инструментальные) и «SOFT-компетенции» (гибкие, надпрофессиональные) используются для различения двух групп профессионально важных качеств. HARD-компетенции – это предметно-деятельностные, формализуемые компетенции, связанные с решением типовых профессиональных задач, поддающиеся четкому измерению и алгоритмизации (например, разработка дорожной карты, диагностика карьерных ориентаций по методике). SOFT-компетенции – это личностно-рефлексивные, поведенческие компетенции, проявляющиеся в коммуникации, саморегуляции, рефлексии, управлении рисками; они сложнее поддаются прямой оценке, но их можно зафиксировать через поведенческие индикаторы. Данное различие представлено в работах И. В. Ракитиной и М. В. Дюжаковой³, а также в зарубежных исследованиях (D. McClelland, 1973; L. Spencer, S. Spencer, 1993)⁴. В контексте нашего исследования HARD-компетенции определены в виде типовых задач и уровней их решения (см. табл. 1–2), а SOFT-компетенции – в виде поведенческих индикаторов и уровней их проявления (см. табл. 3–4). В

¹ Климов Е. А. *Психология профессионального самоопределения*. Москва: Академия, 2020. 304 с.

² Пряжников Н. С., Пряжникова Е. Ю. *Психология труда и человеческого достоинства*. Москва: Академия, 2007. 480 с.

³ Ракитина И. В., Дюжакова М. В. Система наставничества как условие профессионального становления молодого педагога в ДОУ. *Гуманизация образовательного пространства: культура воспитывающей деятельности: материалы Международного форума, посвященного Году педагога и наставника (Саратов, 19–20 апреля 2023 года)*. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2023, с. 273–280. EDN: LLVEIX

⁴ Dreyfus S. E., Dreyfus H. L. *A Five-Stage Model of the Mental Activities Involved in Directed Skill Acquisition*. Berkeley: University of California, 1980. 18 p.

основе модели лежит концепция уровней развития навыков С. Дрейфуса и Х. Дрейфуса (1980), адаптированная к задачам карьерного проектирования. Ниже представлена структурно-содержательная характеристика авторской модели пяти групп компетенций.

Характеристика диагностико-рефлексивных компетенций (формат HARD-компетенций) представлена в табл. 1.

Таблица 1

Характеристика диагностико-рефлексивных компетенций

Типовые задачи	Новичок	Специалист	Профессионал	Мастер
Диагностика карьерных ориентаций посредством опросника Э. Шейна	Под руководством наставника заполняет, интерпретирует результаты по готовому шаблону	Самостоятельно проводит диагностику, интерпретирует результаты, выделяет 2–3 ведущих типа	Проводит углубленный анализ, связывает ориентации с конкретными карьерными сценариями, обучает новичков	Разрабатывает авторские методики диагностики карьерных предпочтений, адаптированные к специфике ДОО
Развитие профессиональной рефлексии посредством рефлексивного дневника	Ведет дневник по предложенному шаблону, фиксирует события и эмоции	Самостоятельно структурирует записи, выделяет успешные и проблемные ситуации	Анализирует динамику собственного развития, выявляет закономерности, выступает наставником	Создает методологию рефлексивного сопровождения для других, интегрирует дневник в портфолио

В табл. 2 представлены проектно-целевые компетенции (формат HARD-компетенций).

Таблица 2

Характеристика проектно-целевых компетенций

Типовые задачи	Новичок	Специалист	Профессионал	Мастер
Постановка карьерных целей (SMART)	Формулирует цели с помощью наставника, используя готовые примеры	Самостоятельно формулирует цели по SMART для ближайших 1–2 лет	Формулирует многоуровневые цели (кратко-, средне-, долгосрочные), согласует их с миссией ДОО	Разрабатывает стратегические карьерные карты на 5–10 лет, интегрирует личные цели с развитием отрасли

Продолжение табл. 2

Типовые задачи	Новичок	Специалист	Профессионал	Мастер
Разработка дорожной карты	Заполняет шаблон дорожной карты под контролем наставника	Разрабатывает дорожную карту на 3 года с выделением этапов и ресурсов	Включает в дорожную карту раздел «Система управления рисками» (идентификация 3–5 рисков, меры минимизации)	Создает уникальные, авторские форматы дорожных карт с учетом индивидуального стиля деятельности
Формулировка альтернативного сценария	Под руководством наставника называет 1 возможный альтернативный путь	Самостоятельно формулирует 1–2 альтернативных сценария на случай кризиса	Разрабатывает детализированный альтернативный сценарий (план Б) с ресурсным обеспечением	Создает многовариантную систему альтернативных траекторий, включая выход в смежные профессиональные поля

Характеристика рефлексивно-коррекционных компетенций в формате SOFT-компетенций раскрыта в табл. 3. Данная группа компетенций включает в себя способность будущего педагога своевременно выявлять и анализировать карьерные риски, гибко корректировать индивидуальный карьерный трек и восстанавливать профессиональную мотивацию в условиях неопределенности за счет сценарного прогнозирования, профилактики выгорания и циклической рефлексии.

Таблица 3

**Характеристика рефлексивно-коррекционных компетенций
(формат SOFT-компетенций)**

Типовые задачи	Новичок	Специалист	Профессионал	Мастер
Идентификация карьерных рисков	Называет 1–2 очевидных риска (выгорание, низкая зарплата) только при прямом вопросе	Самостоятельно выявляет 3–4 типовых риска (бюрократия, конфликты, стагнация)	Прогнозирует риски на основе анализа внешней среды (изменения в законодательстве, демографии)	Создает систему раннего оповещения о рисках, делится методикой с коллегами
Применение техник профилактики выгорания	Знает базовые техники (тайм-менеджмент, смена деятельности), применяет эпизодически	Системно применяет 3–5 техник (супервизия, рефлексия, физическая активность)	Разрабатывает индивидуальный план профилактики выгорания, обучает коллег	Внедряет практики эмоциональной гигиены на уровне организации, выступает супервизором

Продолжение табл. 3

Типовые задачи	Новичок	Специалист	Профессионал	Мастер
Циклическая коррекция трека	Вносит коррективы только после прямой рекомендации наставника	Самостоятельно корректирует трек 1 раз в полгода на основе рефлексии	Проводит плановую коррекцию после каждого крупного этапа (практика, аттестация)	Вырабатывает алгоритм «быстрой перенастройки» трека при форс-мажоре, тиражирует опыт

Технологические компетенции связаны с умениями формулировать карьерные цели в формате SMART, разрабатывать индивидуальную карьерную дорожную карту на 3–5 лет с выделением ключевых этапов, ресурсов и барьеров, навыками выбора вариативных карьерных сценариев. В дорожную карту предлагается обязательное включение системы идентификации и оценки рисков. Студент должен уметь идентифицировать не менее трех потенциальных рисков, оценивать их вероятность и описывать мероприятия по их минимизации, а также формулировать альтернативный карьерный сценарий. Технологические компетенции включают также способность апробировать элементы карьерного трека в ходе педагогической практики, умение анализировать полученный опыт и корректировать трек на основе обратной связи, навыки презентации профессиональных достижений. По итогам практики организуется коррекционная сессия, что обеспечивает единство наставничества, профессиональных проб и рефлексии. В формате HARD-компетенций технологические компетенции представлены типовыми задачами и уровнями их решения в табл. 4.

Таблица 4

Характеристика технологических компетенций (формат HARD-компетенций)

Типовые задачи	Новичок	Специалист	Профессионал	Мастер
Разработка дорожной карты с системой управления рисками	Заполняет шаблон дорожной карты под контролем наставника	Разрабатывает дорожную карту на 3 года с выделением этапов и ресурсов	Включает в дорожную карту раздел «Система управления рисками» (идентификация 3–5 рисков, меры минимизации)	Создает уникальные, авторские форматы дорожных карт с учетом индивидуального стиля деятельности и отраслевой специфики
Организация профессиональных проб и педагогических практик	Участствует в профессиональных пробах по заданному алгоритму, выполняет отдельные поручения	Самостоятельно планирует и организует педагогические практики, фиксирует результаты	Проектирует систему профессиональных проб, интегрирует практику с карьерным треком, анализирует эффективность	Разрабатывает авторские программы стажировок, тиражирует успешные модели профессиональных проб

Продолжение табл. 4

Типовые задачи	Новичок	Специалист	Профессионал	Мастер
Анализ опыта и презентация достижений	Представляет результаты практики по готовому шаблону, отвечает на вопросы	Готовит структурированный отчет о результатах практики, выделяет ключевые достижения	Проводит рефлексивный анализ практики, формулирует выводы для коррекции трека, публично презентует результаты	Создает методологию анализа профессионального опыта, интегрирует результаты в портфолио и публикации

Коммуникативно-сетевые компетенции включают способность будущего педагога выстраивать и поддерживать профессиональные контакты с потенциальными работодателями, наставниками, тьюторами и представителями профессионального сообщества; умение использовать ресурсы сетевого взаимодействия (вуз – управление образования – дошкольная образовательная организация – центр занятости); навыки участия в профессиональных сообществах и проектных группах; способность к командной работе и эффективной межличностной коммуникации в процессе карьерного проектирования. Данная группа компетенций включена на основе анализа исследований, доказывающих, что успешное карьерное проектирование невозможно без использования внешних ресурсов и социальных связей, и акцентирует интегративные механизмы включения будущего педагога в профессионально-образовательную среду.

Характеристика коммуникативно-сетевых компетенций в формате SOFT-компетенций раскрыта в табл. 5.

Таблица 5

**Характеристика коммуникативно-сетевых компетенций
(формат SOFT-компетенций)**

Типовые задачи	Новичок	Специалист	Профессионал	Мастер
Выстраивание профессиональных контактов	Устанавливает контакты по поручению наставника, использует готовые шаблоны коммуникации	Самостоятельно инициирует профессиональные контакты, поддерживает деловую переписку	Формирует устойчивую сеть профессиональных связей, привлекает партнеров к реализации карьерных проектов	Создает профессиональные сообщества, выступает в роли интегратора сетевого взаимодействия

Продолжение табл. 5

Типовые задачи	Новичок	Специалист	Профессионал	Мастер
Использование ресурсов сетевого взаимодействия	Ориентируется в структуре сетевого взаимодействия (вуз – ДОО – управление образования – центр занятости)	Самостоятельно использует каналы сетевого взаимодействия для получения информации о вакансиях и стажировках	Организует сетевое взаимодействие между участниками карьерного проектирования, координирует их деятельность	Проектирует и внедряет модели сетевого взаимодействия, тиражирует успешные практики
Участие в профессиональных сообществах и проектных группах	Наблюдает за деятельностью профессиональных сообществ, выполняет отдельные задания	Активно участвует в мероприятиях профессиональных сообществ, входит в проектные группы	Организует работу проектных групп, выступает с докладами, делится опытом	Создает и руководит профессиональными сообществами, выступает экспертом в проектных группах
Командная работа и межличностная коммуникация	Работает в команде под руководством наставника, соблюдает нормы профессиональной этики	Самостоятельно решает коммуникативные задачи в команде, конструктивно взаимодействует с коллегами	Координирует работу команды, разрешает конфликты, мотивирует участников	Формирует команды для решения стратегических задач, обучает коллег эффективной коммуникации

Представленная модель пяти групп компетенций (диагностико-рефлексивных, проектно-целевых, технологических, коммуникативно-сетевых и рефлексивно-коррекционных) охватывает все ключевые этапы цикла карьерного проектирования: от осознания собственных профессиональных мотивов и диагностики карьерных ориентаций до разработки и реализации вариативных сценариев, сетевого взаимодействия и рефлексивной коррекции траектории. Структурирование компетенций в форматах HARD и SOFT позволяет дифференцировать предметно-инструментальные и личностно-рефлексивные аспекты карьерной подготовки, что создает основу для проектирования адресных образовательных модулей и оценочных средств. Уровневый характер модели (Новичок – Специалист – Профессионал – Мастер) обеспечивает возможность индивидуализации траекторий формирования компетенций с учетом стартового уровня подготовленности студентов и их профессиональных устремлений. Предложенная модель может служить теоретической основой для разработки фондов оценочных средств, позволяющих фиксировать динамику сформированности компетенций на различных этапах вузовской подготовки, а также для проектирования программ повышения квалификации педагогов-наставников и тьюторов, участвующих в сопровождении карьерного развития молодых специалистов.

На основе разработанной модели предлагается технология формирования компетенций в сфере проектирования ИКТ, интегрируемая в действующие учебные планы.

На первом – диагностико-рефлексивном этапе (1–2 курс бакалавриата) – реализуется модуль «Идентификация и оценка карьерных рисков» с разбором реальных историй молодых педагогов, столкнувшихся с выгоранием и административным давлением. Студенты под руководством тьютора проводят диагностику карьерных ориентаций, осваивают ведение рефлексивного дневника и формируют персональный запрос на развитие.

На втором – проектно-целевом этапе (3–4 курс бакалавриата) – студенты знакомятся с картой карьерных возможностей, осваивают технологию SMART-целеполагания и под руководством тьютора разрабатывают индивидуальную карьерную дорожную карту. Обязательным требованием является включение в дорожную карту раздела «Система управления рисками» (идентификация не менее трех потенциальных рисков, оценка их вероятности по трехбалльной шкале, описание мероприятий по минимизации, формулировка альтернативного карьерного сценария).

На третьем – технологическом этапе (педагогическая практика, магистратура) – студент апробирует элементы трека в реальных условиях ДОО. Вводится обязательная коррекционная сессия по итогам практики, где студент сравнивает ожидаемый трек с реальным опытом, фиксирует несовпадения и вносит изменения в карьерный план. Технология предполагает активное использование ресурсов сетевого взаимодействия: вузовского центра карьеры, муниципального ресурсного центра карьерного развития, а также института наставничества в дошкольных образовательных организациях, развитие которого до 2030 года закреплено на государственном уровне Распоряжением Правительства РФ № 1264-р.

Пример апробации. В пилотной группе студентов 4 курса ($n = 12$) в течение весеннего семестра 2024 года был реализован сокращенный вариант технологии (8 занятий, 2 коррекционные сессии). Предварительная диагностика показала, что у 75 % участников уровень сформированности рефлексивно-коррекционных компетенций соответствовал «Новичку» или «Негативному уровню». По окончании курса 58 % студентов достигли уровня «Специалист» (способность самостоятельно выявлять 3–4 риска и вносить коррективы), а 17 % – уровня «Профессионал» (прогнозирование рисков и наставничество).

Выводы

На основе анализа официальных статистических данных и эмпирического исследования подтвержден «ресурсный разрыв» у будущих педагогов дошкольного образования: 78 % считают осознанное карьерное проектирование важным, но 82 % не владеют инструментарием его реализации. Доминирующие карьерные ориентации («служение» – 38 %, «профессиональная компетентность» – 25 %) обосновывают необходимость формирования компетенций для горизонтальных (экспертных, методических, проектных) треков. Уточнено понятие «компетенции в сфере проектирования ИКТ»; выделены пять групп компетенций: диагностико-рефлексивные, проектно-целевые, технологические, коммуникативно-сетевые и рефлексивно-

коррекционные. Разработана модель компетенций проектирования ИКТ в форматах HARD и SOFT, включающая типовые задачи, уровни развития (Новичок – Специалист – Профессионал – Мастер) и индикаторы поведенческих проявлений. Предложенная технология формирования компетенций может быть использована при разработке модулей «Карьерное проектирование» в системе высшего и дополнительного профессионального образования, а также в практике тьюторского и наставнического сопровождения будущих педагогов дошкольного образования.

Список литературы / References

Абанкина И. В., Михайлова Я. Я., Нисская А. К. и др. *Векторы развития дошкольного образования в условиях современных вызовов: аналитический доклад*. Москва: Высшая школа экономики, 2022. 112 с. (Мониторинг экономики образования). <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2679-8>; EDN: LOQVDQ

Abankina I. V., Mikhailova Ia. Ia., Nisskaia A. K., et al. *Vectors of development of preschool education in the context of modern challenges: Analytical report*. Moscow: Vysshiaia shkola ekonomiki, 2022. 112 p. (Education economics monitoring). (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2679-8>; EDN: LOQVDQ

Бичева И. Б., Мелентович А. В. Индивидуальная траектория профессионального развития педагога дошкольной образовательной организации. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*, 2018, № 4 (28), с. 267–279. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2018.28.19>

Bicheva I. B., Melentovich A. V. Individual trajectory of professional development of a pre-school teacher. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2018, no. 4 (28), pp. 267–279. (In Russ.) <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2018.28.19>

Воробьева И. В., Матвеева А. И. Особенности эмоционального выгорания педагогов разных образовательных организаций с учетом возраста и стажа работы. *Перспективы науки и образования*, 2025, № 2 (74), с. 659–671. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.2.42>; EDN: IBDHMQ

Vorob'eva I. V., Matveeva A. I. Features of emotional burnout of teachers of different educational organisations with regard to their age and length of service. *Perspectives of Science and Education*, 2025, no. 2 (74), pp. 659–671. (In Russ.) <https://doi.org/10.32744/pse.2025.2.42>; EDN: IBDHMQ

Данкова В. Б. Карьерные ориентации студентов будущих педагогов дошкольных образовательных организаций. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, 2023, № 1, с. 36–47. URL: <http://e-koncept.ru/2023/231003.htm> (дата обращения:)

Dankova V. B. Career orientation of future teachers at preschool educational organizations. *Scientific-methodical electronic journal "Concept"*, 2023, no. 1, pp. 36–47. Available at: <http://e-koncept.ru/2023/231003.htm> (In Russ.)

Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Психологические детерминанты карьерного самоопределения педагога в условиях цифровизации образования. *Образование и наука*, 2023, т. 25, № 1, с. 32–55. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-1-32-55>

Zeer E. F., Symaniuk E. E. Psychological determinants of teacher career self-determination in the context of digitalization of education. *Education and Science*, 2023, vol. 25, no. 1, pp. 32–55. (In Russ.) <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-1-32-55>

Климов Е. А. *Психология профессионального самоопределения*. Москва: Академия, 2020. 304 с.

Klimov E. A. *Psychology of professional self-determination*. Moscow: Akademia, 2020. 304 p. (In Russ.)

Кокатюхина О. В. Зачем педагогу развивать метакомпетенции. *Молодой ученый*, 2020, № 15 (305), с. 48–50. EDN: SKQEAG

Kokatiukhina O. V. Why a teacher should develop meta-competencies. *Young Scientist*, 2020, no. 15 (305), pp. 48–50. (In Russ.) EDN: SKQEAG

Моисеева Ю. А. Конструирование профессиональных компетенций будущих педагогов дошкольного образования. *Ярославский педагогический вестник*, 2013, т. 2, № 3, с. 164–168. EDN: RZLWTP

Moiseeva Iu. A. Approaches to the design of professional competence of future teachers in pre-school education. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2013, vol. 2, no. 3, pp. 164–168. (In Russ.) EDN: RZLWTP

Надолинская Т. В., Россинская С. А. Педагогические условия развития профессиональной метакомпетентности педагогов в процессе сетевого взаимодействия. *Современные проблемы науки и образования*, 2025, № 6, с. 87. <https://doi.org/10.17513/spno.34444>; EDN: QGPYLZ

Nadolinskaia T. V., Rossinskaia S. A. Pedagogical conditions for the development of professional meta-competence of teachers in the process of network interaction. *Modern Problems of Science and Education*, 2025, no. 6, p. 87. (In Russ.) <https://doi.org/10.17513/spno.34444>; EDN: QGPYLZ

Перфильева П. А. Компетентностный подход как основа модернизации педагогического процесса. *Молодой ученый*, 2025, № 33 (584), с. 117–119. EDN: RIRVEU

Perfilieva P. A. Competence-based approach as a basis for modernization of the pedagogical process. *Young Scientist*, 2025, no. 33 (584), pp. 117–119. (In Russ.) EDN: RIRVEU

Поваренков Ю. П. Психология профессионального становления и реализации личности как отрасль психологической науки. *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия 1: психологические и педагогические науки*, 2014, № 1, с. 184–198. EDN: SWEPUF

Povarenkov Iu. P. Psychology of professional formation and personality realization as a branch of psychological science. *Vestnik of Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series 1. Psychological and Pedagogical Sciences*, 2014, no. 1, pp. 184–198. (In Russ.) EDN: SWEPUF

Пожидаева Т. В. Проектирование индивидуального образовательного маршрута будущего педагога. *Реализация компетентностного подхода в системе профессионального образования педагога: материалы V Всероссийской научно-практической конференции (Евпатория, 12–13 апреля 2018 года)*. Евпатория: Общество с ограниченной ответственностью Ариал, 2018, с. 49–51. EDN: OTCJAF

Pozhidaeva T. V. Designing an individual educational route for a future teacher. *Implementation of the competence approach in the system of professional teacher education: Proceedings of the V*

All-Russian Research and Practice Conference (Evpatoria, April 12–13, 2018). Evpatoria: Arial, 2018, pp. 49–51. (In Russ.) EDN: OTCJAF

Пряжников Н. С., Пряжникова Е. Ю. *Психология труда и человеческого достоинства*. Москва: Академия, 2007. 480 с.

Pryazhnikov N. S., Pryazhnikova E. Yu. *Psychology of labor and human dignity*. Moscow: Akademia, 2007. 480 p. (In Russ.)

Ракитина И. В., Дюжакова М. В. Система наставничества как условие профессионального становления молодого педагога в ДОУ. *Гуманизация образовательного пространства: культура воспитывающей деятельности: материалы Международного форума, посвященного Году педагога и наставника (Саратов, 19–20 апреля 2023 года)*. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2023, с. 273–280. EDN: LLVEIX

Rakitina I. V., Diuzhakova M. V. Mentoring system as a condition for professional development of a young teacher in preschool educational institution. *Humanization of the educational space: Culture of educational activity: Proceedings of the International Forum held to mark the Year of the Teacher and Mentor (Saratov, April 19–20, 2023)*. Saratov: Saratovskii natsional'nyi issledovatel'skii gosudarstvennyi universitet imeni N. G. Chernyshevskogo, 2023, pp. 273–280. (In Russ.) EDN: LLVEIX

Dreyfus S. E., Dreyfus H. L. *A five-stage model of the mental activities involved in directed skill acquisition*. Berkeley: University of California, 1980. 18 p.

König J., Blömeke S., Kaiser G., et al. Are teacher expertise and teacher competence complementary or contradictory research paradigms? Reflections on a possible integration and first conceptualizations. *ZDM Mathematics Education*, 2024, vol. 56, p. 1077–1092. <https://doi.org/10.1007/s11858-024-01677-8>

Rashidov A. A. A model for developing future teachers' competence in designing learning-cognitive activity. *Science and Innovation International Scientific Journal*, 2024, vol. 3, no. 9, pp. 146–153. <https://doi.org/10.5281/zenodo.17277496>

Сведения об авторах

Наталья Витальевна Иванова – доктор педагогических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0003-3012-5579>, nvivanova@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Natalia V. Ivanova** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0003-3012-5579>, nvivanova@chsu.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Марина Михайловна Кривовицына – аспирант, <https://orcid.org/0000-0003-3012-5579>, mmkrivovitsyna@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Marina M. Krivovitsyna** – Postgraduate Student, <https://orcid.org/0000-0003-3012-5579>, mmkrivovitsyna@chsu.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.06.2026; одобрена после рецензирования 13.07.2026; принята к публикации 28.07.2026.

The article was submitted 24.06.2026; Approved after reviewing 13.07.2026; Accepted for publication 28.07.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 4 (133), с. 218–229.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 4 (133), pp. 218–229.

Научная статья

УДК 378.09

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-18>

<https://elibrary.ru/njhzfs>

**Проектирование программы по формированию коммуникативной
компетентности будущих специалистов на основе двухфакторной модели
«развитие – саморазвитие»**

Елена Юрьевна Капустина^{1✉}, Ирина Александровна Макеева^{2✉}

¹Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия

²Вологодский государственный университет,
Вологда, Россия

^{1✉}eiukapustina@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0467-7505>

^{2✉}Irinadarina4@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8301-7179>

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования коммуникативной компетентности у будущих специалистов различных направлений подготовки. Осуществлен обзор исследований сущности и структуры коммуникативной компетентности. В статье представлены результаты эмпирического исследования, в ходе которого изучались мотивационный, эмоциональный, поведенческий и рефлексивный компоненты коммуникативной компетентности. Обоснован подход к проектированию программы по формированию коммуникативной компетентности на основе двухфакторной модели «развитие – саморазвитие».

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, структура коммуникативной компетентности, программа саморазвития коммуникативной компетентности

Для цитирования: Капустина Е. Ю., Макеева И. А. Проектирование программы по формированию коммуникативной компетентности будущих специалистов на основе двухфакторной модели «развитие – саморазвитие». *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 4 (133), с. 218–229. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-18>; EDN: NJHZFS

Designing a program for the development of future specialists' communicative competence based on a two-factor model "development – self-development"

Elena Yu. Kapustina^{1✉}, Irina A. Makeeva^{2✉}

¹Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia

²Vologda State University,
Vologda, Russia

^{1✉}eiukapustina@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0467-7505>
^{2✉}Irinadarina4@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8301-7179>

Abstract. The article discusses the development of communicative competence among future specialists in various areas of training. The authors carried out a review of research on the essence and structure of communicative competence. The article presents the results of an empirical study that examined the motivational, emotional, behavioral and reflective components of communicative competence. The approach to the design of the program for the development of communicative competence based on the two-factor model "development – self-development" is justified.

Keywords: communicative competence, communicative competence structure, communicative competence self-development program

For citation: Kapustina E. Yu., Makeeva I. A. Designing a program for the development of future specialists' communicative competence based on a two-factor model "development – self-development". *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 4 (133), pp. 218–229. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-18>; EDN: NJHZFS

Введение

В настоящее время формирование гибких компетенций (*soft skills*) необходимо каждому человеку независимо от сферы профессиональной деятельности, т. к. они являются надпрофессиональными навыками. Одним из важнейших в этой системе является навык эффективной коммуникации, который помогает выстраивать конструктивные отношения с коллегами, получателями услуг (помощи), руководителем, подчиненными и внешними партнерами.

Понятие коммуникативной компетентности было введено Д. Хаймсом (США) в 60-е – 70-е гг. XX века в русле разработки теории обучения языкам¹. Анализ и обобщение российских исследований демонстрируют вариативность в трактовке данного понятия. Во-первых, наиболее часто встречается понимание коммуникативной компетентности (КК) как способности устанавливать и поддерживать эффективные контакты с другими людьми (А. А. Бодалев², Ю. М. Жуков³). Во-вторых, КК рассматривается как взаимодействие социально-психологических и личностных ка-

¹ Hymes D. *On Communicative Competence*. Harmondsworth: Penguin, 1972, pp. 269–293.

² Бодалев А. А. *Личность и общение*. Москва: МПА, 1995. 328 с. EDN: FMGEHR

³ Жуков Ю. М. *Диагностика и развитие компетентности в общении*. Киров: ЭНИОМ, 1991. 94 с.

честв (Л. В. Лазарева¹). В-третьих, КК определяется достаточно широко, например, как «успешность общения» (В. Н. Куницына²).

В рамках данного исследования мы будем рассматривать коммуникативную компетентность как сформированность коммуникативных знаний, умений, личностных характеристик, готовность применять их в различных социальных ситуациях, а также способность актуализировать (обновлять) свой коммуникативный базис в соответствии с возникающими новыми вызовами.

Можно отметить, что формирование КК у будущих специалистов является неотъемлемой частью образовательного процесса. Следует учитывать, что первоначально КК формируется стихийным образом в процессе общения ребенка с разными людьми и в различных ситуациях, а по мере взросления приобретает более организованный характер. Поэтому в процессе профессиональной подготовки будущих специалистов важно обеспечить целенаправленное, систематическое и комплексное формирование КК.

Цель исследования заключается в рассмотрении и обосновании подходов к проектированию программы по формированию коммуникативной компетентности будущих специалистов различных направлений подготовки на основе двухфакторной модели «развитие-саморазвитие».

Основная часть

Важным моментом в проектировании программы по формированию коммуникативной компетентности, во-первых, является представление о ее структуре, т. к. это целостное образование, включающее ряд компонентов, которые выступают ориентирами при определении задач и содержания программы.

С одной стороны, анализ научных исследований позволяет констатировать, что все авторы признают многокомпонентность структуры КК, с другой – наблюдается вариативность в выделении компонентов и обосновании их значимости в формировании КК.

Наиболее часто встречается трехкомпонентная структура коммуникативной компетентности:

– *эмоционально-мотивационный* (потребности в позитивных контактах, ценности и цели общения), *когнитивный* (знания о взаимоотношениях людей, образ другого партнера взаимодействия, личностные характеристики, образующие коммуникативный потенциал личности) и *поведенческий* (индивидуальная система моделей взаимодействия, контроль коммуникативного поведения) компоненты (И. Н. Зотова)³;

¹ Лазарева Л. В. Развитие коммуникативной компетентности у студентов – будущих менеджеров в условиях экономического вуза. *Вестник ТГПУ*, 2010, вып. 12 (102), с. 154–159. EDN: NBPXNT

² Куницына В. Н. *Межличностное общение*. Санкт-Петербург: Питер, 2001. 544 с.

³ Зотова И. Н. Коммуникативная компетентность как аспект социализации личности студента в условиях информатизации общества. *Актуальные социально-психологические проблемы развития личности в образовательном пространстве XXI века*. Кисловодск, 2006, с. 109.

– эмоциональный, познавательный и поведенческий компоненты (Л. А. Петровская)¹.

В ряде исследований представлен поликомпонентный подход, в большей степени базирующийся на определении необходимых социально-коммуникативных качеств и отдельных КК, умений:

– способность исполнять различные социальные роли, адаптироваться в социальных группах и ситуациях, организовывать и управлять «межличностным пространством» в процессе общения, владеть вербальными и невербальными средствами общения, осознавать свои ценностные ориентации и потребности (Ю. Н. Емельянов)²;

– знания, эрудиция, средства общения (вербальные и невербальные), прогнозирование и программирование коммуникативной ситуации, управление коммуникативной ситуацией, коммуникативная культура, речевая компетенция (Е. А. Смирнова)³;

– правильность восприятия других людей, развитость невербальных средств общения и владение устной и письменной речью (В. А. Лабунская)⁴.

В отдельных исследованиях структура КК рассматривается не только с точки зрения образующих ее компонентов, но и с позиции приоритетности их значения. В работах А. А. Бадалева⁵, Н. А. Банько⁶, В. В. Горшкова⁷ наибольшее значение придается рефлексивному компоненту КК, который позиционируется как наиболее важный, сложный, существенный, как в личностном, так и в деловом общении, т. к. позволяет анализировать свои действия и их последствия для коммуникации.

Таким образом, учитывая приведенные выше результаты исследований коммуникативной компетентности, исходя из необходимости определения универсальной структуры КК, адаптированной для специалистов различных направлений подготовки, выделяем следующие ее компоненты: мотивационный, эмоциональный, поведенческий, рефлексивный.

1. Мотивационный компонент предполагает направленность на достижение коммуникативного успеха, направленность на собеседника и решение профессиональной задачи. Коммуникативно-мотивированный специалист проявляет большую активность в профессиональном общении, стремление и интерес к совместной дея-

¹ Петровская Л. А. *Общение-компетентность-тренинг*. Москва: Смысл, 2007. 686 с.

² Емельянов Ю. Н. *Активное социально-психологическое обучение*. Ленинград: ЛГУ, 1985. 166 с.

³ Смирнова Е. А. Формирование коммуникативной компетентности студентов как условие их профессиональной деятельности. *Коммуникология*, 2014, № 4, с. 109–122. EDN: SJXKXV

⁴ Лабунская В. А. *Невербальное поведение: структура и функции*. Москва: Аспект Пресс, 1999, с. 84–110.

⁵ Бадалев А. А. *Психология общения*. Воронеж: МОДЭК, 1996. 255 с.

⁶ Банько Н. А. *Формирование профессионально-педагогической компетентности как условие профессиональной подготовки менеджеров*. Волгоград: ВолгГТУ, 2004. 75 с.

⁷ Горшкова В. В. Феноменологическое осмысление концепта компетентности в системе высшего профессионального образования России. *Педагогический журнал*, 2015, № 6, с. 147–162. EDN: VLNKOP

тельности, к познанию, овладению новыми умениями, что позволяет добиваться наибольшей продуктивности деятельности.

2. Эмоциональный компонент КК предполагает наличие высокого уровня эмпатии и оптимальный уровень тревожности. Высокий уровень эмпатии является необходимым качеством всех специалистов, независимо от сферы деятельности, так как такой специалист способен предугадать поведение клиента, коллеги, их реакцию на различные действия, обеспечить благоприятный климат в коллективе. Высокий уровень тревожности является причиной пассивности, ведет к нежеланию вступать в диалог, дискутировать, аргументировано отстаивать свою точку зрения, влиять на мнение других. Оптимальный уровень тревожности, наоборот, способствует развитию коммуникативной личностной активности, заинтересованности, ответственности, включенности в профессиональную деятельность.

3. Поведенческий компонент подразумевает активность и способность к саморегуляции, самоконтролю в общении, что проявляется в умении инициировать коммуникацию, то есть создавать коммуникативную ситуацию, активно и мобильно реагировать на изменения ситуации общения, перестраиваться, менять стратегию и тактику поведения, способы и средства коммуникации.

4. Рефлексивный компонент в первую очередь включает адекватную самооценку субъекта в ситуации общения, рефлексии результатов и последствий коммуникации. Самооценка является внутренним регулятором поведения человека, играет существенную роль как стимулирующего, так и сдерживающего фактора в процессе коммуникации. Рефлексия выполняет не только аналитически-оценочную функцию в процессе коммуникации, но и прогностическую, т. к. позволяет спрогнозировать последствия своих действий для себя и для других участников – не допустить негативного сценария развития коммуникативной ситуации, а сделать ее продуктивной и комфортной для всех участников и обеспечить решение профессиональной задачи.

Вторым важным аспектом проектирования программы по формированию КК будущих специалистов является определение ее содержания и подходов к ее реализации.

Изучение массива рабочих программ и фондов оценочных средств по дисциплинам, формирующим различные компетенции (универсальные, общепрофессиональные и профессиональные), показало, что в рамках большинства дисциплин используются такие формы текущего контроля знаний обучающихся (устный опрос, письменные задания), которые не позволяют студентам в достаточной мере продемонстрировать и закрепить свои коммуникативные навыки. Поэтому целесообразно включение в учебный план отдельной дисциплины в формате *дисциплины по выбору*, которая будет направлена именно на развитие КК. Рекомендуемый объем – 72 часа (2 зачетные единицы), соотношение лекционных и практических занятий – 1:3. Возможные варианты названий дисциплины – «Коммуникативная культура будущего специалиста», «Формирование коммуникативных навыков будущих специалистов». Такого рода дисциплина будет интересна студентам, желающим узнать, как самостоятельно поставить значимую цель по совершенствованию себя как коммуникативной личности, определить необходимые ресурсы (внешние и внутренние) и сте-

пень их развития, составить план саморазвития и начать действовать для достижения цели здесь и сейчас.

В основе формирования содержания программы лежит двухфакторная модель «развитие-саморазвитие», которая подразумевает включение в содержание дисциплины по выбору двух основных блоков.

Первый блок направлен на развитие КК будущих специалистов. Практические занятия проводятся в соответствии с логикой – адаптация-индивидуализация-интеграция. На первых занятиях необходимо создать комфортные условия для знакомства сборной группы студентов. Затем проводится цикл упражнений, направленных на самопрезентацию каждого участника. Последующие занятия должны быть направлены на создание условий для активного взаимодействия участников.

Второй блок программы нацелен на саморазвитие студента как коммуникативной личности и предполагает разработку студентами индивидуальной программы саморазвития своей КК. Структура программы может быть следующей: развитие умения владеть словом, развитие умения владеть собой, развитие умения познать собеседника, развитие умения слушать и слышать, развитие умений вступить в процесс общения, управлять им, психологически верно завершить его.

Следует отметить, что в рамках данного исследования рассматривается авторский вариант программы, основные подходы к формированию ее структуры и содержания, что не исключает вариативности ее применения в зависимости от возможностей того или иного вуза.

Эмпирическое исследование проводилось в течение 2024–2025 учебного года среди студентов высших учебных заведений региона (Вологодского и Череповецкого государственных университетов) 2-х курсов технических (Машиностроение, Техносферная безопасность), естественно-математических и гуманитарных направлений. Они выбрали дисциплину, направленную на формирование КК. Общее количество участников составило 125 человек.

Целью эмпирического исследования было выявление сформированности компонентов коммуникативной компетентности (мотивационного, эмоционального, поведенческого, рефлексивного).

Этапы исследования:

- диагностический – проведение входной диагностики;
- реализационный – разработка и реализация программы дисциплины по выбору, направленной на формирование КК;
- аналитический – анализ результатов реализации дисциплины по выбору, направленной на формирование КК.

Охарактеризуем полученные результаты в соответствии с ходом исследования.

На первом этапе был определен диагностический инструментарий и проведена диагностика уровня сформированности отдельных компонентов КК. В процессе диагностики использовались следующие методики:

- опросник А. А. Реана «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (МУН), методика диагностики направленности личности В. Смекала – М. Кучера (мотивационный компонент);

- методика И. М. Юсупова «Диагностика уровня эмпатии», тест «Уровень тревожности» Ч. Д. Спилбергера (эмоциональный компонент);
- тест В. Ф. Ряховского (поведенческий компонент);
- тест Н. П. Фетискина «Самооценка уровня онтогенетической рефлексии», тест «Самооценка» Л. Д. Столяренко (рефлексивный компонент).

Данные диагностики мотивационного компонента показывают наличие мотивации на успех у 32 % опрошенных и тенденции к мотивации на успех – у 34 %, что в совокупности составляет 66 %. Количество респондентов, мотивированных на неудачу, составляет 33 %. Результаты диагностики направленности личности можно интерпретировать как неудовлетворительные, так как любая профессия в большей степени предполагает ориентацию на взаимодействие с коллегами, клиентами (18 %), на деятельность в интересах команды (14 %), а не на собственную выгоду и престиж (68 %). В этом отношении доминирующая направленность личности большинства респондентов нуждается в коррекции. Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод, что, несмотря на высокие показатели по параметру «мотивация на успех», общий уровень сформированности мотивационного компонента КК остается низким, поскольку результаты диагностики по методике Смекала-Кучера показали, что студенты мотивированы в большей степени на собственный успех, чем на взаимодействие и решение профессиональных задач.

В результате диагностики эмоционального компонента выяснилось, что в совокупности у 71 % респондентов – высокий уровень эмпатии, при среднем показателе у 29 % испытуемых и отсутствии низкого показателя. Полученный результат можно интерпретировать как положительный, так как подавляющее большинство будущих специалистов демонстрируют способность понять другого человека, поставить себя на его место, умеют сочувствовать и сопереживать. Однако следует учесть, что полученный результат соотносится с показателем «направленность личности» весьма непропорционально: несмотря на высокий уровень эмпатии, у большинства студентов преобладает ориентация на себя лично, на собственное благополучие и успех. Это позволяет сделать предположение о том, что респонденты способны проявлять эмпатию только в случае, когда ситуация не касается их лично, что снижает значимость общей высокой оценки уровня эмпатии.

Вторым значимым содержательным аспектом эмоционального компонента КК является уровень реактивной (ситуативной) и личностной тревожности. Тестирование показало, что у подавляющего большинства испытуемых наблюдается отклонение от нормы одного из видов тревожности: у 23 % студентов высокий уровень ситуативной тревожности, у 64 % – низкий. Результат свидетельствует о том, что большинство респондентов не испытывает беспокойства, озабоченности, сильного волнения и напряженности в большинстве ситуаций. С одной стороны, этот результат можно считать положительным, т. к. студенты могут адекватно реагировать на любые жизненные ситуации и объективно оценивать их; с другой – низкий уровень ситуативной тревожности также говорит и о низкой активности испытуемых: то есть в определенный момент они могут не среагировать должным образом на происходящее и вывести ситуацию из-под контроля. Высокая ситуативная тревожность, отмеченная у 20 % респондентов, также не является положительным состоянием: ее

результатом может стать дезорганизация всей жизнедеятельности человека. Оптимальный результат (умеренная ситуативная тревожность) продемонстрировало только 15 % респондентов.

Личностная тревожность характеризует устойчивую склонность воспринимать большой круг ситуаций как угрожающих, реагировать на них с повышенной эмоциональностью, нервозностью. Высокая личностная тревожность – у 29 %, низкая – у 20 %, у подавляющего большинства (51 %) – оптимальный уровень личностной тревожности.

Сравнительный анализ результатов диагностики позволил выявить связь между уровнем тревожности респондентов, их мотивацией на успех и личностной направленностью. Студенты с высоким уровнем личностной и ситуативной тревожности в большинстве случаев обладают невыраженным мотивационным полюсом или мотивацией на неудачу, ориентированы в основном на взаимодействие и на задачу. Студенты с низким уровнем тревожности имеют в большей степени мотивацию на успех и личностно ориентированы на себя. Студенты, у которых диагностирован оптимальный уровень тревожности, мотивированы, в основном, на успех, имеют личностную направленность в равной степени на себя, на задачу и на взаимодействие. Это подтверждает, что компоненты КК тесно взаимосвязаны между собой. Следовательно, низкий уровень тревожности требует пробуждения активности, заинтересованности и чувства ответственности испытуемых, высокий – снижения субъективной значимости ситуации и перенесения акцента на анализ, рефлексии деятельности и формирование уверенности в успехе.

Следовательно, можем отметить, что эмоциональный компонент КК у студентов сформирован недостаточно: несмотря на довольно высокий показатель уровня эмпатии, результаты диагностики направленности личности позволяют говорить о ее ситуативном характере, а отклонение от оптимального уровня тревожности подтверждает необходимость комплексного и систематического формирования всех компонентов КК.

Уровень сформированности поведенческого компонента имеет два приоритетных содержательных аспекта – активность и регуляция поведения в процессе коммуникации.

Анализ результатов диагностики выявил интересную закономерность: у студентов, имеющих высокий уровень сформированности поведенческого компонента (28%), в большинстве случаев диагностируется заниженная самооценка. Напротив, респонденты, обладающие средним (55 %) и низким (17 %) уровнем сформированности поведенческого компонента, в основном демонстрируют завышенную или адекватную самооценку.

Полученные результаты нельзя считать удовлетворительными, поскольку любая профессия требует от ее субъекта разумной активности в процессе коммуникации, умения регулировать свое коммуникативное поведение и поведение собеседника, толерантного отношения к любому социальному партнеру, а высокий уровень сформированности перечисленных умений диагностируется только у 28 % будущих специалистов, при этом представители данной группы неадекватно оценивают свои способности.

Рефлексивный компонент КК включает два содержательных аспекта: рефлексию и самооценку. Результат диагностики показал следующее: большее количество респондентов (68 %) обладает средним уровнем рефлексии. Показательно то, что испытуемые – представители данной категории – в основном имеют невыраженный мотивационный полюс, обладают низким или средним уровнем тревожности. Число студентов с высоким уровнем рефлексии составляет 8 %. Эти студенты мотивированы в большей степени на успех, обладают высоким уровнем тревожности, ориентированы на задачу и на взаимодействие. Низкий уровень рефлексии имеют 24 % респондентов. Их отличает мотивация на успех (большую часть) или, наоборот, на неудачу; они ориентированы на себя, обладают низким уровнем тревожности.

Полученный результат диагностики можно оценить как малоудовлетворительный, так как рефлексия является одним из ключевых аспектов КК специалиста любой профессиональной сферы. Ее отсутствие или недоразвитие отрицательно влияют на взаимодействие с разными партнерами: человек, не несущий ответственность за результат своей деятельности, не способный к самоанализу, не умеющий делать выводы и учитывать опыт прошлых ошибок, не может грамотно выбрать стратегию и тактику поведения с разными партнерами, успешно преодолевать коммуникативные барьеры.

Исследование показало, что неадекватно заниженной самооценкой обладает 18 % респондентов. При сопоставлении с результатами исследования других содержательных аспектов КК выяснилось, что эту категорию студентов отличает наличие невыраженного мотивационного полюса или мотивированность на неудачу, а также высокий уровень тревожности и рефлексии. Неадекватно завышенную самооценку демонстрирует 25 %. Эти респонденты обладают стойкой мотивацией на успех, низким уровнем тревожности и отсутствием рефлексии практически во всех случаях. Наличие адекватной самооценки диагностируется у 57 % респондентов. Можно констатировать, что диагностика содержательных аспектов рефлексивного компонента КК показала, что данный элемент является в большинстве случаев несформированным, особенно в отношении рефлексивных умений.

Таким образом, обобщив результаты диагностики, можно отметить, что наиболее сформированным у студентов является эмоциональный компонент КК, поэтому его развитие в большей степени может осуществляться посредством самостоятельной работы. Что же касается остальных компонентов КК, то они нуждаются в коррективке. В частности, необходимо обратить внимание на:

- формирование направленности на собеседника и на задачу в процессе коммуникации (мотивационный компонент);
- активность и саморегуляцию в процессе коммуникации (поведенческий компонент);
- развитие рефлексивных умений и формирование адекватной самооценки (рефлексивный компонент).

Дополнительным компонентом диагностики было проведение на занятиях упражнения «Моя проблема в общении», в ходе которого студенты на карточках анонимно писали о своих проблемах в коммуникации, а затем в случайном порядке каждый студент выбирал карточку и давал совет, как эту проблему можно решить. В

топе указанных проблем оказались: сложности с инициацией коммуникации, взаимодействия в группе для решения общей задачи, свободного высказывания своего мнения, самопрезентации. Данное упражнение носит не только диагностический характер, но также позволяет студентам посмотреть на свои проблемы в общении «со стороны» и понять, что с такими проблемами сталкиваются и другие люди.

Содержание дисциплины по выбору, направленной на формирование КК, было выстроено с учетом всех рассмотренных компонентов. Приведем несколько примеров, чтобы проиллюстрировать направления реализации дисциплины. Применялись следующие задания и упражнения:

- упражнения «Карта социальных контактов», «Солнышко», направленные на анализ характера, направленности, интенсивности коммуникации (мотивационный компонент);

- упражнение «Контакты», предполагавшее коммуникацию в парах, где один участник нуждается в помощи (потерявшийся ребенок, человек с инвалидностью, пожилой человек и т. д.) (эмоциональный компонент);

- упражнение «Интервью», направленное на выстраивание свободного диалога с малознакомым человеком; упражнение «Часы», «Коллективный счет», «Детектив», игра «Остров», способствующие вовлечению всех участников в активную коммуникацию и взаимодействие (поведенческий компонент);

- анализ притч, коммуникативных кейсов (рефлексивный компонент).

Повторная диагностика сформированности компонентов КК после завершения дисциплины не проводилась, так как является нецелесообразной ввиду недостаточности времени формирующего воздействия и отсроченности результатов реализации студентами индивидуальных программ саморазвития.

Можно говорить о прогнозируемой успешности сформированной КК или отдельных ее компонентов у обучающихся, поскольку: во-первых, вводный опрос показал, что 93 % студентов записались на данную дисциплину, потому что понимают необходимость улучшения своих коммуникативных качеств; во-вторых, анализ разработанных студентами программ саморазвития КК продемонстрировал, что большая часть студентов проявила вдумчивое отношение к проблеме, качественно составила индивидуальный коммуникативный профиль и адекватно подобрала методики для повышения качества коммуникации.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод, что процесс формирования коммуникативной компетентности будущих специалистов различных направлений подготовки достаточно сложен. Результаты диагностики позволили выявить наиболее проблемные аспекты, на которые необходимо обратить внимание при разработке программ дисциплин, направленных на формирование коммуникативной компетентности. Наиболее адаптивный формат такой дисциплины – это дисциплина по выбору, на которую могут записаться студенты различных направлений подготовки. Специфика формата и контингента обуславливает универсальность содержания данной дисциплины, направленность на формирование различных компонентов коммуникативной

компетентности, построения ее структуры на основе двухфакторной модели «развитие-саморазвитие», сочетающей педагогическое формирующее воздействие и осознанную деятельность студента по саморазвитию своей коммуникативной компетентности.

Список литературы / References

Банько Н. А. *Формирование профессионально-педагогической компетентности как условие профессиональной подготовки менеджеров*. Волгоград: ВолгГТУ, 2004. 75 с.

Banko N. A. *Development of professional and pedagogical competence as a condition for professional training of managers*. Volgograd: VolgSTU, 2004. 75 p. (In Russ.)

Бодалев А. А. *Личность и общение*. Москва: Международная педагогическая академия, 1995. 328 с. EDN: FMGEHR

Bodalev A. A. *Personality and communication*. Moscow: Mezhdunarodnaia pedagogicheskaiia akademiiia, 1995. 328 p. (In Russ.) EDN: FMGEHR

Бодалев А. А. *Психология общения*. Воронеж: МОДЭК, 1996. 255 с.

Bodalev A. A. *Psychology of communication*. Voronezh: MODEK, 1996. 255 p. (In Russ.)

Горшкова В. В. Феноменологическое осмысление концепта компетентности в системе высшего профессионального образования России. *Педагогический журнал*, 2015, № 6, с. 147–162. EDN: VLNKOP

Gorshkova V. V. Phenomenological understanding of the competence concept in the system of higher professional education in Russia. *Pedagogical journal*, 2015, no. 6. pp. 147–162. (In Russ.) EDN: VLNKOP

Емельянов Ю. Н. *Активное социально-психологическое обучение*. Ленинград: ЛГУ, 1985. 166 с.

Emel'ianov Iu. N. *Active social and psychological training*. Leningrad: LGU, 1985. 166 p. (In Russ.)

Жуков Ю. М. *Диагностика и развитие компетентности в общении*. Киров: ЭНИОМ, 1991. 94 с.

Zhukov Iu. M. *Diagnostics and development of competence in communication*. Kirov: ENIOM, 1991. 94 p. (In Russ.)

Зотова И. Н. Коммуникативная компетентность как аспект социализации личности студента в условиях информатизации общества. *Актуальные социально-психологические проблемы развития личности в образовательном пространстве XXI века*. Кисловодск, 2006, с. 109.

Zotova I. N. Communicative competence as an aspect of socialization of a student's personality in the context of informatization of society. *Current socio-psychological issues of personality development in the educational space of the 21st century*. Kislovodsk, 2006, p. 109. (In Russ.)

Куницына В. Н. *Межличностное общение*. Санкт-Петербург: Питер, 2001. 544 с.

Kunitsyna V. N. *Interpersonal communication*. St Petersburg: Piter, 2001. 544 p. (In Russ.)

Лабунская В. А. *Невербальное поведение: структура и функции*. Москва: Аспект Пресс, 1999, с. 84–110.

Labunskaja V. A. *Non-verbal behavior: Structure and Functions*. Moscow: Aspect Press, 1999. pp. 84–110. (In Russ.)

Лазарева Л. В. Развитие коммуникативной компетентности у студентов – будущих менеджеров в условиях экономического вуза. *Вестник ТГПУ*, 2010, вып. 12 (102), с. 154–159. EDN: NBPXNT

Lazareva L. V. The development of future managers' communicative competence at the stage of economic high school training. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2010, iss. 12 (102), pp. 154–159. (In Russ.) EDN: NBPXNT

Петровская Л. А. *Общение-компетентность-тренинг*. Москва: Смысл, 2007. 686 с.

Petrovskaja L. A. *Communication-competence-training*. Moscow: Smysl, 2007. 686 p. (In Russ.)

Смирнова Е. А. Формирование коммуникативной компетентности студентов как условие их профессиональной деятельности. *Коммуникология*, 2014, № 4, с. 109–122. EDN: SJXKXV

Smirnova E. A. Development of students' communicative competence as a condition of their professional activity. *Communicology*, 2014, no. 4, pp. 109–122. (In Russ.) EDN: SJXKXV

Hymes D. *On Communicative Competence*. Harmondsworth: Penguin, 1972, pp. 269–293.

Сведения об авторах

Елена Юрьевна Капустина – кандидат педагогических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-1825-0098>, m_ey@mail.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Elena Iu. Kapustina** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-1825-0098>, m_ey@mail.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Ирина Александровна Макеева – кандидат педагогических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-8301-7179>, Irinadarina4@yandex.ru, Вологодский государственный университет (д. 15, ул. Ленина, 16000 Вологда, Россия); **Irina A. Makeeva** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-8301-7179>, Irinadarina4@yandex.ru, Vologda State University (15, ul. Lenina, 160000 Vologda, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.12.2025; одобрена после рецензирования 30.01.2026; принята к публикации 03.03.2026.

The article was submitted 17.12.2025; Approved after reviewing 30.01.2026; Accepted for publication 03.03.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 4 (133), с. 230–238.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 4 (133), pp. 230–238.

Научный обзор

УДК 81

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-19>

<https://elibrary.ru/nwhoyx>

Язык Петровского времени (к выходу новой книги профессора Г. В. Судакова)¹

Олег Викторович Никитин

Государственный университет просвещения,

Москва, Россия

olnikitin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Аннотация. Научный обзор посвящен представлению и критическому анализу новой книги Г. В. Судакова «Русский язык Петровской эпохи: монография» (Вологда, 2025). В работе обращается внимание на ценность изучения словесной культуры этого периода в контексте становления русского литературного языка и его региональных особенностей; говорится о том, что особое внимание автор обращает на проблемы лексикологии (названия хлеба, напитков), речевого этикета, просторечия, а также указывается, что ученый последовательно придерживается диахронического подхода в исследовании историко-культурных реалий языка, рассматривает генезис и динамику отдельных лексико-семантических групп. Большой интерес для читателей представляют наблюдения Г. В. Судакова над языковыми личностями Петровской эпохи. Для исследования привлекаются новые источники, среди которых редкие документы и тексты XVIII века, показывающие богатство жанрового состава литературного языка и его функциональные возможности. Монография расширяет сведения о языке Петровской эпохи и ее культурно-языковых традициях, имеет практическое значение как ценный источник для изучения истории русского литературного языка XVIII века. Ее материалы могут быть использованы в словарной практике.

Ключевые слова: Г. В. Судаков, Петровская эпоха, история русского литературного языка, лексикология, речевой этикет, просторечие, языковая личность

Для цитирования: Никитин О. В. Язык Петровского времени (к выходу новой книги профессора Г. В. Судакова). *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 4 (133), с. 230–238. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-19>; EDN: NWHOYX

© Никитин О. В., 2026

¹ Судаков Г. В. Русский язык Петровской эпохи: монография. Вологда: Вологодский государственный университет, 2025. 155 с.

**The language of Peter the Great's time
(for the release of a new book by professor G. V. Sudakov)**

Oleg V. Nikitin

Federal State University of Education,
Moscow, Russia

olnikitin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Abstract. The scientific review focuses on the presentation and critical analysis of G. V. Sudakov's new book "The Russian Language of the Peter the Great Era: Monograph" (Vologda, 2025). The review highlights the importance of studying the verbal culture of this period in the context of the development of the Russian literary language and its regional characteristics. The author emphasizes the significance of lexicology (the names of bread and beverages), speech etiquette and substandard language. It is noted that the researcher consistently adheres to a diachronic approach in studying the historical and cultural realities of the language and examines the genesis and dynamics of individual lexical and semantic groups. G. V. Sudakov's observations on the linguistic personalities of the Peter the Great era are of great interest to readers. It is emphasized that the study involves new sources, including rare documents and texts from the 18th century, which demonstrate the richness of the literary language's genre composition and its functional capabilities. It is emphasized that the monograph expands the knowledge about the language of the Peter the Great epoch and its cultural and linguistic traditions. The analyzed book is of practical importance as a valuable source for studying the history of the Russian literary language of the 18th century. Its materials can be used in dictionary practice.

Keywords: G. V. Sudakov, the Peter the Great era, history of the Russian literary language, lexicology, speech etiquette, substandard language, linguistic personality

For citation: Nikitin O. V. The language of Peter the Great's time (for the release of a new book by professor G. V. Sudakov). *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 4 (133), pp. 230–238. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-19>; EDN: NWHOYX

Введение

Изучение истории русского языка XVIII века имеет принципиальное значение для всей лингвистической парадигмы национальной картины мира, поскольку выявляет ключевые элементы и факты, формировавшие лицо нашей науки в XIX столетии и даже позднее. Несмотря на большие усилия филологов прошлого (В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Н. Н. Дурново и др.) и нынешнего (А. М. Камчатнова, В. В. Колесова, Т. С. Садовой, Б. А. Успенского и др.) времени, XVIII век до сих пор остается недостаточно изученным. В основном исследования этого периода касались анализа научного языка и терминосистем, лексикографии, филологических трудов крупнейших поэтов и писателей, вопросов становления грамматической системы, стилистики. Последним по времени значимым трудом в этой области надо признать «Словарь языка М. В. Ломоносова»¹ – тезаурус, который наиболее полно описывает языковую личность выдающегося ученого и в этом контексте показывает нам особенности словесного менталитета образованного общества. Однако развитие русского литературного языка на местах происходило далеко не всегда по «законам

¹ *Словарь языка М. В. Ломоносова*, под редакцией С. С. Волкова, А. С. Смирновой, М. Г. Шарихиной. Том 1 (А). Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2025. 948 с.

грамматики» М. В. Ломоносова и опиралось на свои письменно-деловые традиции. В этом смысле поиск и изучение фактов *региональной* речевой коммуникации, а также анализ местных памятников могут дать много ценной информации для *системного* изучения литературно-языковых процессов XVIII века: становления деловой сферы, обсуждения статуса просторечия, выявления ярких личностей того времени и создания их языковых портретов, наблюдения над живой коммуникацией и канцеляритом, народной речью, фразеологией и т. д. Книга Г. В. Судакова только приоткрывает нам тайны XVIII столетия и рассказывает об интересных языковых ситуациях и культурных явлениях, которые получили в науке неоднозначную интерпретацию и нуждаются в обсуждении.

Основная часть

Книга посвящена проблемам развития лексики русского языка Петровской эпохи (1690–1724 гг.), а также вопросу становления норм литературного языка русской нации. Для анализа привлекаются новые источники, что обусловлено развитием сфер употребления и расширением жанрового состава литературного языка (например, рассматривается эволюция этикета устного общения и оценивается вклад Петра I в становление новых норм и правил придворного этикета). В книге также говорится о роли государственного секретаря А. А. Макарова в практике управления – «А. А. Макаров как творец языковой личности Петра». Весьма ценно, что Г. В. Судаков касается проблемы просторечия в развитии общерусской полифункциональной разновидности литературного языка. Заметим, что статус этого явления до сих пор не определен, а применительно к эпохе XVIII века – размыт и изучен довольно слабо. Г. В. Судаков одним из первых в историко-лингвистической традиции подчеркивает важность определения категории просторечия в системе литературно-языковых средств и отмечает его роль в становлении новой словесной традиции в это время. В частности, он оценивает факт создания литературного текста на базе просторечия, анализирует употребление лексико-фразеологических средств, характерных для русского застолья, – устойчивой в национальном лексиконе группы названий хлебных изделий, а также тематической группы напитков: прохладительных, сладких и алкогольных, – которые одновременно повлияли на названия питейных сосудов, на формирование закусочного стола и на текст заздравного слова. В монографии исследуются генезис и динамика отдельных лексико-семантических групп, и в целом дается лингвокультурологическая характеристика языка Петровской эпохи с позиции региональной традиции.

Коснемся более подробно некоторых из указанных нами проблем. Прежде всего – вопроса о речевом этикете в Петровскую эпоху. Г. В. Судаков исследовал иноязычные лексиконы и грамматику И. Копиевича, в которых были закреплены формулы этикета. Так, он пишет: «В иллюстративном материале грамматики Лудольфа (1696 г.) есть раздел “Розличние речи простие”, где представлены приветствия и благодарности: “Здравствуи; Как тебя богъ милует – Спасибо, я не гораздо здо-

ровь”¹. Показательны примеры из книги И. Копиевича, обогатившие язык несколько вычурными оборотами и конструкциями, в которых присутствуют синонимические формулы разных типов приветствий: «1) пожелание добра: *Добрый день. – Слава Богу (Слава творцу небесному); Желаю тебе добраго дня – Такова жъ и я тебе желаю; Будь тебе добро севодне (Сей вечеръ буди тебе щасливыи) – И тебе не худо буди (И тебе благополучныи);* 2) пожелание здоровья: *Здравствуи – Здравствуи и ты; Зело здравствуи – И ты толико здравствуи; Здравъ буди ты – Ты такожде здравствуи; Здравия тебе желаю – Тако жъ и я тебе желаю; Здравиемъ ты дарю – Я тебя такожъ; Повелеваю ты здравствовать – Я такожде тебя*» (там же). Известно, что И. Копиевич жил за границей и писал свой труд в инофонной среде, поэтому некоторые фразы нельзя признать «живыми» – это искусственно составленные «речи». Но тем не менее они показывают «сценарий», по которому развивался русский этикет. Г. В. Судаков по этому поводу замечал, что «русское приветствие с пожеланием добра или здоровья – это скорее благопожелание, чем простое приветствие, причем реплики собеседников обязательно содержат повторы, они симметричны и синтаксически, и семантически» (там же).

Интересным источником для изучения этикета, по мнению ученого, является «Русская грамматика» Лудольфа, в которой большое место занимают диалоги – образцы подлинной речи. Это и благопожелания, и просьбы, и прощения, и вежливые приглашения. Особый интерес у Г. В. Судакова вызвали сюжеты этой книги, в которых представлены застольные этикетные формулы. В них выражение благодарности получило двоякое исполнение: «1) хозяин благодарит гостя за посещение: *То твою пожалование, что с нами запростъ удовольиться изволил; Челомъ бью за любовь;* 2) гость благодарит хозяина за сытный обед: *Слава Богу, я довольно елъ, я сытъ*» (с. 14).

Автор книги не без основания полагает, что многие этикетные обороты и в начале Петровской эпохи сохраняли связь с Московской Русью, которая была законодательницей словесной культуры и в таком тонком вопросе, как языковое общение: «В речевом этикете донационального периода ярко проявляются важнейшие ценности русской культуры: общинность, общительность, гостеприимство, эмоциональность, духовность, скромность. Вся система приветствий, обращений, благопожеланий, формул просьб и извинений, застольного этикета – это динамичное сообщество речевых оборотов, где под влиянием социально-культурных изменений актуализируются одни обороты и отпадают другие» (с. 14).

Не менее интересны наблюдения Г. В. Судакова над придворным речевым этикетом и личностью Петра I – устроителя новой моды. Ученый анализирует «Царский указ 1700 года о “бесчестных” словах», в котором были приведены негативные лексемы и обороты, иллюстрировавшие словесные границы дозволенного и подсудного. Например: «1) *вольно тебе лаять*; 2) *называл щенком турецким (шпынкомъ турецкимъ)*; 3) *ис-под печки де тебя вытащили (изъ подъ бочки тебя тащили)*; 4) *не Воротынской де ты: пехаешь (лаешь)*; 5) *ребенком*; 6) *щенчишком боярским...*

¹ Судаков Г. В. *Русский язык Петровской эпохи: монография*. Вологда: Вологодский государственный университет, 2025, с. 12. Далее в тексте ссылки на книгу даются в круглых скобках.

(*сынчишкомъ боярскимъ*)» (с. 21). Показательно, что в этот ряд попало имя реального полководца XVI века – Воротынского, который таким образом закрепился в речевых характеристиках и получил метафорическое осмысление. Г. В. Судаков в связи с этим замечал: «Знаменателен и факт упоминания имени Воротынского во фразеологии: фраземы живут долго, а персоналии и события, в них упоминаемые, попадают в национальную мифологию. Упоминание персоны в мифе – это народное признание, оно дороже государственной награды» (с. 22). Обороты типа *щенчишко боярский, черти тебе сказывают* имеют отрицательную коннотацию. В первом случае таким маркером стал уменьшительно-ласкательный суффикс, подчеркивающий «малозначимый статус человека» (с. 24). Во втором примере, по мнению ученого, утверждается: «недобрые поступки, совершаемые кем-либо, – это волеизъявление нечистой силы, овладевшей сознанием человека» (там же).

В анализируемом указе отмечены и другие колоритные высказывания, которые следует причислить к «бесчестным» словам, например: *Отец твой лаптем щи хлебал*. Автор монографии считает, что это просторечное и пренебрежительное выражение рано получило значение «жить в нищете, прозябать в невежестве, в отсталости и косности». В тексте также встречается и оборот *отец твой лапотник*. По этому поводу ученый писал: «Два разных фразеологических оборота (*Отец твой лапотник*; *Отец твой лаптемъ щипти хлебаль*) имеют семантическую связь, где особо значимо слово *лапоть*, имеющее семы “бедность, безделье”. Ныне упоминание отца в этой формуле практически потеряло смысл. Раньше попираание чести родителей считалось особенно сильным оскорблением. В Московской Руси понятия *семья, родня, родители* были чрезвычайно значимы. Принадлежность к определенному роду – это знак на всю жизнь. Почему *хлебал лаптем*? Потому что у такого никчемного человека в хозяйстве не было даже простой деревянной ложки, которую обычно умел делать любой мужчина» (с. 25).

Инициативы Петра I получили отклик в обществе, в которых устанавливались новые условности и нормы речевого поведения. По крайней мере, можно назвать еще три источника, где данная проблема была в центре внимания: «Приклады, како пишутся комплименты разные» (1708), «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов» (1717), «Воинский Артикул» (1715). Г. В. Судаков полагает, что специальные пособия по речевому этикету, а также воинские циркуляры стали определять «политику вежливости», впервые затрагивали вопрос о чести офицера и др. (с. 27–28).

Данная область литературно-языковых «упражнений» действительно говорит о многом: меняются устои жизни, которые требуют других словесных «законов». Можно согласиться с автором книги, что указ Петра I о «бесчестных словах» демонстрирует его внимание «к различным ситуациям устного и письменного общения, является попыткой влияния на речевой этикет в соответствии с требованиями времени, отражает стремление приблизить коммуникативный ритуал реформируемой России к европейской речевой практике. Сам факт появления на этот счет официального документа показателен, поскольку это одна из первых сознательных реакций власти на специфику речевого общения, что является одним из свидетельств

начала национального этапа в формировании общегосударственных норм русского литературного языка» (с. 29).

Личность А. В. Макарова, ведавшего канцелярией Петра I, интересна для нас тем, что многие указы императора были написаны рукой его ближайшего помощника. Кроме того, как сообщает Г. В. Судаков, А. В. Макаров «вел обширную переписку Петра I с дипломатами, коллегиями, Синодом и Сенатом, местными властями, принимал челобитные на имя царя. Пользовался особым доверием Петра и вел все дела секретные и такие, которые не следует знать Сенату» (с. 42). Ученый отмечал и книжные способности А. В. Макарова, который не замыкался только на делах государственного масштаба: он «принимал участие в подготовке сборника реляций о победах над шведами “Книга Марсова” (1713), участвовал в редактировании “Истории Свейской войны” (1713–1725), продолжал сбор материалов и после смерти Петра. Таким образом, кабинет-секретаря Петра можно считать одним из первых русских историков» (с. 43). Приводимые далее сведения из его биографии очень познавательны и свидетельствуют о том, что в дальнейшем личные документы А. В. Макарова (вологжанина по рождению) могут стать предметом историко-культурного и лингвистического анализа.

Много места в монографии ученый уделяет феномену просторечия, его взаимодействию с разговорной речью, литературным языком и включенности в художественный текст. Основной вопрос, на который пытались ответить историки языка, – «когда появилось просторечие?» – до сих пор остается открытым. Как считает Г. В. Судаков, «лексические процессы, связанные с формированием просторечия, начались раньше, в Петровскую эпоху» (с. 49). Он указывает на то, что среди ученых нет единой точки зрения: например, Е. В. Генералова ставила вопрос о более раннем формировании лексики просторечного характера – с конца XVI века. Она принимала во внимание прежде всего такую характеристику этого явления: «набор стилистически окрашенных языковых средств, что является основой будущего просторечия как функциональной подсистемы» (там же). Согласимся здесь с Г. В. Судаковым в том, что эта категория имела «исторически подвижный статус» (там же). Это значит, что единых маркеров просторечия и для определенных жанров, и для разных эпох быть не может: для одного времени слово могло быть разговорным, для другого – просторечным. Изменчивость стилистического рисунка слова тоже, очевидно, влияла на «квалификацию» просторечия. Но независимо от этого важно то, что Г. В. Судаков, Е. В. Генералова и другие исследователи внимательно наблюдают за этим явлением и стараются найти наиболее оптимальное решение. Возможно, издаваемый сейчас «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков», содержащий богатую и разнообразную коллекцию текстов (преимущественно бытового и делового содержания), подскажет, как корректно вычленить эту категорию из состава общенародного языка.

Из художественных произведений, которые, как полагает Г. В. Судаков, содержали просторечные элементы, он выделил «Повесть о Фроле Скобееве», представляющую собой «форму бытовой истории». Она «начинается с описания святочных гуляний и переодеваний молодежи, но чудес в ней нет» (с. 54). К числу просторечных лексем и фразеологизмов ученый относит: *стараться о тебе, просить на тебя,*

просить о твоей ко мне обиде и т. д. Автор книги отмечает, что в повести зафиксированы многочисленные примеры просторечных глаголов: *воротить* ‘вернуть’, *пообождати* ‘немного подождать’, *разгаваривать* ‘отговаривать’, *спознаться* ‘познакомиться, сойтись с кем-л.’; *уходить* ‘убить’, *признать* ‘узнать’, *проведасть* ‘узнать, навестить’, *промотать* ‘израсходовать зря, неразумно’ (с. 55–56). В тексте также отмечаются элементы просторечия из сферы «мыслительная деятельность»: *умыслить* ‘замыслить’, *взять себе намерение* ‘решить, вознамериться’ (с. 56).

Какие же выводы делает ученый? Г. В. Судаков определил конституирующие свойства просторечия XVIII века. К ним он отнес следующие признаки: «общерусское распространение, употребление в устно-разговорной речи, оценочная семантика и эмоционально-экспрессивная окраска как отличительная стилистическая примета» (с. 61). Кроме этого, опознавательными признаками просторечия, как считает ученый, являются специфическая лексика и фразеология, а также модели предложений типа *стараться о тебе, придти на разговоры*, конструкции с причинно-следственным значением (*для того что*). Очень важна, по мнению Г. В. Судакова, речевая основа текста. Для просторечия – устный рассказ (с. 63–64). Конечно, указанные свойства касаются анализа конкретной повести. В других текстах маркеры могут быть иными. Но все же, как нам кажется, ученый благодаря своей филологической интуиции, правильно определил вектор исследования этой категории.

Большой интерес вызывают разделы книги, в которых рассказывается о бытовой лексике – хлебных изделиях, напитках и т. д. Современному жителю города кажутся непривычными исконно народные слова: *житники*, *пшеничник*, *овсяник*, *гречневик* и др. (с. 77), которые в прежние времена составляли основу продуктов, изготавливаемых из зерна. Были распространены на Руси XVI–XVII веков и *караваи*, которые, как описал это в своей книге Г. В. Судаков, различались по качеству теста и способу выпечки: «сдобный – из сдобного теста; просыпной, пересыпной, посыпной – из слоеного теста; яцкой – его ели с медом; молочный; крупитчатый; блинчатый; прорезной. Битый каравай готовили из теста с добавлением масла, яиц и творога» (с. 80). В монографии приводится описание и других названий хлебных изделий: *ковриги* (коврижки), *колобки*, *кольцо*, *блинник*, *гренки* и т. д. Г. В. Судаков подчеркивает, что «варианты хлеба появились очень давно. Состав теста, использование обогатителей, а иногда и форма изделия стали причиной появления разновидностей» (с. 87).

«Напитки питательные и прохладительные» также составляли каждодневный рацион русского человека. Особенно популярен, как пишет автор монографии, был *квас*: «Квас и его производные есть практически во всех словарях XVIII века, а в XIX веке, по утверждению Пушкина, квас был одним из наиболее необходимых напитков: “Им квас как воздух был потребен” (“Евгений Онегин”))» (с. 90). Г. В. Судаков описывает такой «квасной домострой»: «Квас пили в царских палатах, в монастырских трапезных и в поле во время летней страды. Пили квас из ковшей, из братин и из чаш (чашек), а хранили в ведрах, в бочках, в мехах, в кувшинах, берестяных тесах. Эти обычаи подтверждаются многочисленными примерами в текстах» (с. 92). Квас, как подметил ученый, различался и по своему применению: «Назначение кваса подчеркивалось определениями: братский квас в монастыре – это

жидкий повседневный напиток для монастырских работников; добрый квас – густой пенистый напиток для знатного гостя» (с. 94).

Еще один кислый напиток, о котором рассказывает Г. В. Судаков, – *кисель*. Однако мы подзабыли, из каких ингредиентов он состоял. Например, *цеж* – «сырая заготовка для варки киселя, это разведенная в воде овсяная мука» (там же). Любопытное пояснение делает ученый о свойствах киселя: «Кстати, овсяный кисель был вовсе не кислым, но по своему виду и вязкости вполне соответствовал понятию о киселе. Напомним, что картофельный крахмал, как и сам картофель, Россия узнала только в XVIII веке» (с. 95).

Особый интерес для исследователей, по мнению Г. В. Судакова, представляет монастырская трапеза, о составе которой можно узнать из особых источников – столовых обиходников (с. 97). В них упоминаются разнообразные виды кваса, капустный и свекольный рассолы, взвар. Последний тоже относили к напиткам. Ученый пишет о нем так: «Это был напиток, сваренный на меду, с добавлением риса и изюма (или ягод), по составу он повторял коливо. Кроме того, пили молоко пресное (свежее) или молоко вареное (топленое). Топленое квашеное молоко называлось варенец» (с. 98).

В книге Г. В. Судакова содержатся россыпи красивых старинных названий кушаний и напитков, которые автор извлекал как из рукописных текстов, в частности из документов Кирилло-Белозерского монастыря, так и из опубликованных источников. Все они фиксировали не только слова, а явления культуры – тот забытый ныне обиход, в котором веками жили наши предки. Изучение обозначенных в монографии проблем – не просто проникновение в повседневный круг крестьянина, это область семиотики еды, которая была связана с духовной культурой народа.

Выводы

Многогранная личность профессора Г. В. Судакова, конечно же, не укладывается только в проблематику русского языка Петровского времени, а выражается намного шире и глубже – и в других его филологических интересах и прозрениях. Главное, что рецензируемая книга дает новые сведения о составе литературного языка Петровской эпохи, а затронутые в ней вопросы содержат свежие подходы к анализу национального русского языка. Хотя ученый изучал и период Московской Руси (см. «Список научных публикаций Г. В. Судакова (2015–2025 гг.)», помещенный в монографии на с. 147–155), но именно эпоха Петра Великого и восемнадцатое столетие в целом являются предметом пристального внимания исследователя. Он почти с самозабвенной радостью от соприкосновения с рождением новой эры в истории русского языка рассказывает читателю необычные и неожиданные эпизоды из жизни слова и надеется на то, что этих открытий станет больше. Его книга убеждает нас, что Петровская эпоха определила ход дальнейшего развития национального языка. Причудливое переплетение словес, научные дискуссии и эксперименты, теоретические исследования и словари стали приметами того пестрого времени. И все же культурное пространство Петровской эпохи – и это красиво показал Г. В. Судаков – не ограничивается официальной риторикой. Народное слово, местные традиции, бытовая и духовная жизнь еще долго оставались в патриархальном «беспамятстве», сопротив-

лялись новоязу и реформам. Эта диалектная картина мира, сохранившаяся в сознании простолюдина, питала его разум и сердце, сохраняла в неприкосновенности вековые предания и обряды. Их языковая символика, эмотивность, очеловеченные образы составляют сокровищницу народной культуры, сбережению которой и посвятил свой труд Г. В. Судаков – ни на кого не похожий лингвист, возрождающий утраченное ныне обаяние великорусского слова.

Список литературы / References

Словарь языка М. В. Ломоносова, под редакцией С. С. Волкова, А. С. Смирновой, М. Г. Шарихиной. Том 1 (А). Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2025. 948 с. EDN: BDSKSC

The Dictionary of M. V. Lomonosov's language; edited by S. S. Volkov, A. S. Smirnova, M. G. Sharikhina. St Petersburg: ILI RAN, 2025, vol. 1 (A). 948 p. (In Russ.) EDN: BDSKSC

Судаков Г. В. *Русский язык Петровской эпохи: монография*. Вологда: Вологодский государственный университет, 2025. 155 с. EDN: ROIGPQ

Sudakov G. V. *The Russian language of Peter the Great's time: Monograph*. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi universitet, 2025. 155 p. (In Russ.) EDN: ROIGPQ

Сведения об авторе

Олег Викторович Никитин – доктор филологических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>, olnikitin@yandex.ru, Государственный университет просвещения (д. 10А, стр. 2, ул. Радио, 105005 Москва, Россия); **Oleg V. Nikitin** – Doctor of Philological Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>, olnikitin@yandex.ru, Federal State University of Education (10A, str. 2, ul. Radio, 105005 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 18.05.2026; принята к публикации 09.06.2026.

The article was submitted 18.05.2026; Accepted for publication 09.06.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 4 (133), с. 239–248.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 4 (133), pp. 239–248.

Научный отчет
УДК 81
<https://elibrary.ru/fsezzz>

**«Всем будет весело и солнечно...»
(Всероссийский (с международным участием) научно-литературный семинар,
посвященный творчеству Игоря Северянина)**

Алексей Евгеньевич Новиков^{1✉}, Елена Евгеньевна Соловьева²
^{1,2}Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия
^{1✉}aenovikov@chsu.ru
²eesoloveva@chsu.ru

Для цитирования: Новиков А. Е., Соловьева Е. Е. «Всем будет весело и солнечно...» (Всероссийский (с международным участием) научно-литературный семинар, посвященный творчеству Игоря Северянина). *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 4 (133), с. 239–248. EDN: FSEZZZ

**“Everyone will be cheerful and sunny...”
(All-Russian (with international participation) research and literature seminar
dedicated to the works of Igor Severyanin)**

Aleksei E. Novikov^{1✉}, Elena E. Solov'eva²
^{1,2}Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia
^{1✉}aenovikov@chsu.ru
²eesoloveva@chsu.ru

For citation: Novikov A. E., Solov'eva E. E. “Everyone will be cheerful and sunny...” (All-Russian (with international participation) research and literature seminar dedicated to the works of Igor Severyanin). *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 4 (133), pp. 239–248. (In Russ.) EDN: FSEZZZ

В рамках ежегодного городского фестиваля «Северянинская весна» 15 мая 2026 года в Череповецком государственном университете прошел Всероссийский (с международным участием) научно-литературный семинар «Всем будет весело и солнечно...» (Вопросы жизни и смерти в поэзии И. Северянина и его современников), посвященный 139-й годовщине со дня рождения и 85-й годовщине с момента смерти «короля поэтов».

Семинар был организован кафедрами социальных коммуникаций и медиа и отечественной филологии и прикладных коммуникаций Гуманитарного института при поддержке Управления по делам культуры мэрии г. Череповца, Северянинского общества г. Череповца (Дом детства и юношества «Дом знаний») и литературного музея И. Северянина (Череповецкое музейное объединение).

Рис. 1. Выступление студентов 1 курса направления подготовки «Режиссура театрализованных представлений и праздников». Фото А. Е. Новикова

На открытии семинара студенты 1 курса направления подготовки «Режиссура театрализованных представлений и праздников» исполнили поэтическую композицию из произведений И. Северянина и А. Блока «Россия в судьбе поэта». «О России петь – / Что Любовь любить, что бессмертным быть!» – звенели северянинские строки.

Рис. 2. Приветственное слово проректора ЧГУ по научной работе В. В. Поддубикова.
Фото А. Е. Новикова

Рис. 3. Выступление заведующего кафедрой СКМ, профессора А. В. Чернова.
Фото А. Е. Новикова

Затем с напутственным словом к участникам семинара обратился проректор Череповецкого государственного университета по научной работе Владимир Валерьевич Поддубиков. Он отметил важность обращения к наследию И. Северянина, значимость проводимого мероприятия и пожелал успешной работы. Председатель Северянинского общества города Череповца – Наталья Николаевна Хазова – рассказала о деятельности северянинцев и сообщила о готовящемся открытии памятника И. Северянину, которое планируется на День города Череповца. Александр Валентинович Чернов, профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой социальных коммуникаций и медиа ЧГУ, отметил роль череповецких ученых в изучении поэзии И. Северянина и остановился на ключевых моментах, объясняющих выбор темы нынешнего семинара.

Рис. 4. Выступление председателя Северянинского общества г. Череповца Н. Н. Хазовой.
Фото А. Е. Новикова

А. В. Чернов стал модератором начавшего затем работу Всероссийского (с международным участием) научно-литературного семинара, посвященного творчеству Игоря Северянина. Научную часть семинара открыл доклад доцента кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций ЧГУ, кандидата филологических наук – Е. Е. Соловьевой, обратившейся к рассмотрению стихотворений И. Северянина на смерть поэтов в контексте жанра эпитафии. Елена Евгеньевна в своем выступлении кратко охарактеризовала жанр стихотворной эпитафии, имеющий интересную и долгую историю, а также обратила внимание на устойчивость модели стихотворения «на смерть поэта» в русской лирике. Затем на примерах из стихотворений И. Северянина, посвященных уходу его любимых поэтов-современников – А. Блока, Мирры Лохвицкой, К. М. Фофанова и классиков: У. Шекспира, И. В. Гете, А. С. Пушкина, – она показала сохраняющиеся черты классической эпитафии. К ним относятся: краткость и афористичность, медитативность, противопоставление моти-

вов жизни и смерти, сочетание мотивов смерти и бессмертия. Парадоксально, но одновременно закономерно, что тема смерти у Северянина, поэта весны и солнца, тесно переплетена с темой творческого бессмертия.

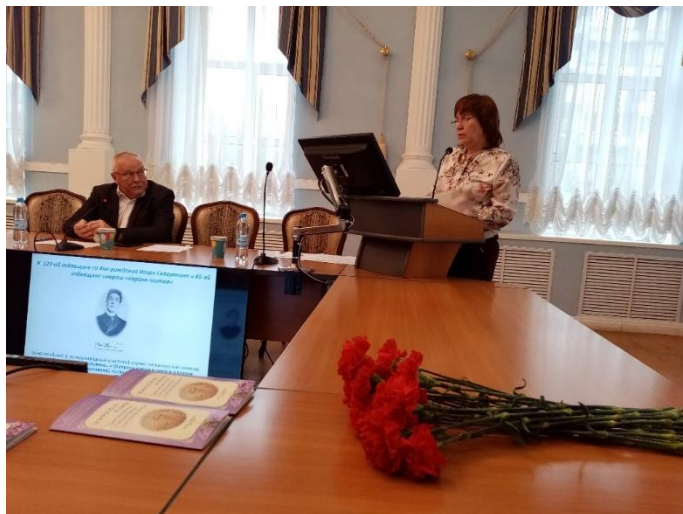

Рис. 5. Доклад доцента кафедры ОФипК Е. Е. Соловьевой.
Фото А. Е. Новикова

Тему продолжила филолог-германист (скандинавист), диссертант СПбГУ – Л. Ю. Сазонова (г. Санкт-Петербург), которая в докладе «Экзистенциальные темы в стихотворении Игоря-Северянина¹ “Озеровая баллада” (1910) и их интерпретация Эдит Сёдергран (1922)» продемонстрировала комплексный подход в изучении поэтического материала. Она не только обратилась к анализу мотивов выбора, раскаяния, прощения, смерти и особенностей трактовки оригинала переводчиком, но и рассмотрела проблемы экспликации произведений изобразительного искусства в поэтических экфрасисах.

Любовь Юрьевна, сопоставив оригинал «Озеровой баллады» и перевод на шведский язык, выполненный первой поэтессой-модернистом Финляндии Эдит Сёдергран (1892–1923)², обнаружила параллели между стихотворением Игоря Северянина

¹ В соответствии с нормами современного литературного языка предпочтительней является написание без дефиса («Игорь Северянин»). Но, поскольку сам поэт в написании своего псевдонима использовал дефис («Игорь-Северянин») и ряд исследователей придерживается именно такого варианта написания, то редакция в виде исключения допускает в предлагаемом материале двойное написание. *Прим. редакции.*

² Эдит Сёдергран (1892, Санкт-Петербург – 1923, Райвола / Рошино) – поэтесса шведского происхождения; родилась в Санкт-Петербурге; училась в гимназии «Петришуле» с преподаванием на немецком языке. Стихи начала писать в школьные годы на нескольких языках. Печаталась только на шведском языке в Гельсингфорсе; размещала переводы в журналах и газетах. В настоящее время науке известно около 500 стихотворений Сёдергран. Признана как первая поэтесса-модернист двуязычной Финляндии и как автор, оказавший влияние на изме-

и идеями, навеянными картиной «Остров мёртвых» (1880–1886) швейцарского живописца Арнольда Бёклина (1827–1921). Сёдергран, петербурженка по рождению, в своих письмах отмечала, что отождествляет себя с Бёклиным в его стремлении к новизне в искусстве. Живописное полотно Бёклина «Остров мёртвых» воспринималось современниками как символ эпохи, в котором отразилось стремление проникнуть за грань реальности и обрести полную свободу. Картина была известна Игорю Северянину, подтверждением этому является одно из его поздних стихотворений «Пераст» (1931).

У Северянина образ «зарытого» (= скрытого) может апеллировать к секрету души, непростению и раскаянию, у переводчицы образ «зарытого», заменённый на «спящего», вероятнее всего, соответствует идее осознания собственной идентичности и поэтического призвания. Таким образом, как отмечает Л. Ю. Сазонова, «скрытые смыслы и символистская многозначность полотна Бёклина позволили двум поэтам дать в “Озеровой балладе” свободную трактовку “острова мечтаний”, основанную на индивидуальных ассоциациях и субъективных образах, возникающих в памяти».

Рис. 6. Во время работы семинара.

Фото А. Е. Новикова

нение поэтического шведского языка, что актуально не только для литературы Финляндии, но и Швеции. Включена во вновь сформулированный (2025) культурный канон / код Швеции в номинации литература / поэзия в числе десяти шведских поэтов в одном списке с лауреатами Нобелевской премии по литературе – Пером Лагерквистом (1951) и Тумасом Транстрёмом (2011).

Профессор, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник РГГУ, поэт Ю. Б. Орлицкий (г. Москва) обратился к жанровой форме триолета в поэзии Игоря Северянина. Проанализировав ряд конкретных примеров использования поэтом данной формы, Юрий Борисович подчеркнул, что в увлечении И. Северянина триолетом проявилась общая для Серебряного века тенденция, связанная со стремлением к расширению выразительных возможностей привычных стихотворных форм.

Литератор, биограф поэта М. В. Петров (г. Таллинн, Эстония) афористично назвал свой доклад «От Гороховой до Гороховой», подметив, что поэт «родился в Санкт-Петербурге, в доме номер 66 по улице Гороховой» и «успокоился на кладбище в Таллине: последний адрес улица Нерне, т. е. Гороховая». Как считает Михаил Владимирович, в осмыслении жизненного и творческого пути И. Северянина осталось еще много вопросов. «Неизученное пространство Игоря-Северянина как целина при Леониде Брежневе», – подчеркнул исследователь.

Переписка Игоря-Северянина и С. В. Рахманинова 1939 года, связанная с осмыслением экзистенциальной проблематики – бытия, смерти и бессмертия, – стала темой сообщения члена Союза журналистов России, мастера Института тележурналистики МФЮА, актрисы и телеведущей М. В. Третьяковой (г. Москва). Как отметила Мария Владимировна, в конце 30-х годов XX столетия вопрос о выживании носил для Игоря-Северянина отнюдь не метафорический, а вполне реальный характер. Как явствует из писем Игоря-Северянина к С. В. Рахманинову, «композитор спас от голода обратившегося к нему за помощью больного и бедствующего поэта», прислав ему 35 долларов, которые явились для него «существенной поддержкой».

Аспирант школы филологических наук НИУ ВШЭ М. Д. Левина (г. Москва) в своем докладе рассмотрела вопрос об использовании метатропов экстатического состояния в лирике И. Северянина и Б. Пастернака. Мария Дмитриевна обратила внимание на то, что «в основе интертекстуальности лежит метатропное взаимодействие – заимствование набора элементов идиостиля другого автора». Она отметила, что «концептуальное отождествление сирени и страсти, провозглашенное И. Северяниным в “Мороженом из сирени”, которое высоко оценил Б. Л. Пастернак, реализуется и в других стихотворениях поэта в соединении “лиловости” (лиловый цвет и схожие оттенки, цветы) и органов чувств (губы, глаза), образуя метатроп экстатического состояния – восхищения героя природой и героиней».

По замечанию М. Д. Левиной, «северянинские сочетания “лиловости” и органов чувств в ситуации контакта (свидание, поцелуй), зачастую во время грозы, “складываются” в лирике Пастернака в своеобразное интертекстуальное отражение северянинского поэтического мира и позволяют рассматривать их как обращение к выделенному концептуальному метатропу экстатического состояния. В поэтике Пастернака метатропы образуют принцип «одушевленной вещи», отражения внутреннего состояния героя в природе».

Рис. 7. Доклад доцента кафедры ОФиПК
Е. А. Ерохиной. Фото А. Е. Новикова

Рис. 8. Выступление доцента ВоГУ
Н. С. Жерновой. Фото А. Е. Новикова

В докладах профессора, доктора филологических наук С. Ю. Лавровой и доцента, кандидата филологических наук Е. А. Ерохиной (кафедра ОФиПК ЧГУ) были проанализированы ментальные поэтические локусы Игоря Северянина. Е. А. Ерохина рассмотрела данную проблему с литературоведческой позиции, С. Ю. Лаврова – с лингвокогнитивной. Е. А. Ерохина на примере ментальных поэтических локусов Игоря Северянина обращается к осмыслению важной для русской литературы антиномии «временное – вечное». Екатерина Андреевна приходит к выводу, что «в ранний период творчества бинарная оппозиция “временное – вечное” преодолевается поэтом разными способами: при помощи утверждения торжества молодости (жизни над смертью), природы, любви; идеей бессмертия через искусство и поэзию, путем создания вымышленных идеализированных миров». В послереволюционный период Северянин принимает библейскую идею бессмертия человеческой души. Кроме того, в последние годы жизни «воссоединение с Россией означало для И. Северянина обретение самосознания и духовного бессмертия».

Профессор С. Ю. Лаврова посвятила свой доклад лингвокультурологическому анализу одного из ментальных пространственных образов поэта Игоря Северянина – образа вокзала. Как отметила Светлана Юрьевна, в начале XX века формируется – особенно в поэтических текстах – представление о вокзале не просто как техническом сооружении, а как особом месте перехода – начальной точке перемещения в другое пространство. Вокзал становится ключевым символом Серебряного века, конкретнее – эстетики эгофутуризма, характеризующим романтику путешествий, связанную с переходом границы с вокзала на перрон и в поезд. Все это, по указанию выступающей, находит отражение и в стихотворении И. Северянина «Гимн вокзалу» (1935). В докладе С. Ю. Лавровой также были рассмотрены некоторые теорети-

ческие проблемы, непосредственно связанные с понятиями ментальных пространственных образов, специфики локального текста, тематического локуса, бинарных оппозиций, структурирующих пространственный художественный мир поэта, наконец, семиотики вокзала, знаково формирующей триаду беспокойной человеческой жизни, совокупно составляющую образы времени – пространства – судьбы.

В сообщении аспиранта кафедры ОФиПК ЧГУ – Татьяны Олеговны Суховой (г. Череповец) были сопоставлены судьбы Игоря Северянина и Мирры Лохвицкой (Марии Александровны Лохвицкой, в зам. Жибер, 1869–1905), творчество и личность которой серьезно повлияли на «короля поэтов». А в докладе методиста Дома детства и юношества «Дом знаний», председателя Северянинского общества Н. Н. Хазовой (г. Череповец), сообщалось о работе Череповецкой городской общественной организации культурно-гуманитарных инициатив – «Северянинского общества», включающей 15 направлений деятельности, связанных со стремлением отразить поэтический мир И. Северянина с помощью музыки, художественного слова, поэзии, рисунка, танца, скульптуры, театра... Одним из масштабных проектов, осуществляемых по инициативе и при участии Северянинского общества, является ежегодный городской праздник искусств «Северянинская весна». Наталья Николаевна отметила, что северянинолюбцы Череповца уверенно продвигаются к одной из заветных целей – возведению памятника «королю поэтов» в городе металлургов и химиков.

З. В. Антонова, доцент кафедры китайского, английского и немецкого языков ЧГУ, кандидат филологических наук, сделала сравнительный анализ нескольких переводов стихотворения И. Северянина на английский язык, обращая внимание на передачу неологизмов. «Стихи Игоря Северянина наполнены музыкальностью, иронией, самоиронией, эпатажем, гротеском, игрой слов и неологизмов», – отметила в своем выступлении Злата Владимировна. По ее мнению, «успех зависит от готовности переводчика включиться в творческую игру. Лучшие переводы не просто передают смысл, а воссоздают эффект – заставляют читателя улыбнуться так же, как и оригинал».

Доцент кафедры литературы Вологодского государственного университета, кандидат филологических наук Н. С. Жернова в докладе «“Родился человек на свет и уже приговорен”: жизнь и смерть в прозе Алексея Ремизова» обратилась к исследованию уникального творческого наследия выдающегося писателя Серебряного века А. М. Ремизова (1877–1957). Наталья Сергеевна показала связи, соединяющие судьбы писателей-современников: они были дружны, встречались в России, а позже – в эмиграции, Алексей Михайлович дарил младшему товарищу свои книги. В архиве И. Северянина сохранились письма Ремизова, свидетельствующие об общении в эмиграции. Также исследовательница проанализировала принцип «двоемирия» в творчестве Ремизова, сфокусировав внимание на проблеме выбора между жизнью и смертью, бытом и волшебством, действительностью и сном, который автор ставит перед героями.

Рис. 9. Участники семинара после его окончания у административного здания ЧГУ.
Фото Е. А. Ерохиной

В заключительном докладе доцент кафедры социальных коммуникаций и медиа ЧГУ, кандидат филологических наук А. Е. Новиков (г. Череповец) остановился на некоторых аспектах, связанных с воплощением концептов жизни, смерти и бессмертия в поэзии И. Северянина. По словам Алексея Евгеньевича, «Игорь Северянин – поэт весны, солнца, радости, любви, света, жизнелюбия... За северянинской иронией, экстравагантностью, нагромождением неологизмов всегда – его светлое, жизнеутверждающее мировосприятие». При этом в его поэзии проявляется не только радостно-светлое, жизнеутверждающее миропонимание, но и эпикурейско-гедонистическое отношение к жизни, укладывающееся в формулу «живем один раз»... В то же время теме жизни в стихах поэта постоянно сопутствуют тема смерти, стремления к ее преодолению и тема бессмертия, в понимании которой И. Северянин следует православным традициям...

В заключение были подведены итоги работы семинара и состоялось возложение цветов к памятной доске И. Северянину на административном здании Череповецкого государственного университета, в котором располагалось реальное училище, где в 1897–1902 годах учился будущий поэт.

Сведения об авторах

Алексей Евгеньевич Новиков – кандидат филологических наук, aenovikov@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Aleksei E. Novikov** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, aenovikov@chsu.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Елена Евгеньевна Соловьева – кандидат филологических наук, eesoloveva@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец,

Россия); **Elena E. Solov'eva** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, eesoloveva@chsu.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.07.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted 01.07.2025; Accepted for publication 16.07.2025.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Условия и порядок приема рукописей

1. Редакция принимает к публикации материалы на русском и английском языках по темам, соответствующим основным научным направлениям журнала. При этом статьи, опубликованные на русском языке, сопровождаются аннотациями и ключевыми словами на английском языке, а статьи, опубликованные на английском языке, – аннотациями и ключевыми словами на русском языке. Научные статьи принимаются при условии положительных результатов независимой экспертизы и включаются в очередной номер журнала.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Материалы статьи должны быть оригинальными, ранее нигде не публиковавшимися. Авторами могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели. Работа, предлагаемая к публикации, должна иметь четкую структуру и должна быть логически выстроена (см. образец оформления).

3. Статьи публикуются в порядке очередности (по мере их поступления и прохождения процедуры рецензирования). Преподаватели, сотрудники, аспиранты и докторанты ЧГУ, исполнители государственных контрактов в рамках федеральных целевых программ, грантов и конкурсов имеют право приоритета при комплектовании номера. Статьи ведущих приглашенных ученых размещаются в ближайшем номере журнала.

4. Авторы предоставляют в редакцию журнала на электронный адрес **vestnik-chsu@yandex.ru** один файл формата Microsoft Word, содержащий статью и сведения об авторе. Имя файлу присваивается следующим образом: **Фамилия И. О._научное направление статьи** (при наличии 2-х и более авторов, указывается фамилия только первого автора) и скан заполненного, подписанного лицензионного договора (форма размещена на сайте). Файлы, инфицированные вирусами, не обрабатываются и не принимаются к опубликованию.

5. Все статьи проверяются на оригинальность в системе РУКОНТЕКСТ. Значение оригинальных фрагментов должно быть не менее 70 %. Использование искусственного интеллекта при создании текста статьи без обработки автора(ов) не допускается (статья отклоняется).

6. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение 3-х рабочих дней автору (авторам) по электронной почте высылается подтверждение о получении статьи.

7. Статьи, не соответствующие условиям публикации и требованиям к оформлению, не рассматриваются.

8. Если рецензия содержит рекомендации по исправлению и доработке статьи, то она направляется автору с предложением учесть рекомендации при подготовке нового варианта статьи. Датой поступления статьи в данном случае считается день получения редакцией окончательного варианта работы.

9. **Аспирантам к статье** необходимо приложить сканированную копию отзыва научного руководителя, заверенную подписью руководителя и печатью организации, а также справку, подтверждающую обучение в аспирантуре.

10. Присланные материалы не возвращаются.

11. Гонорар за публикацию статьи не выплачивается.

12. Публикации в журнале осуществляются на основании лицензионного договора.

13. Опубликованную версию статьи автор может получить при обращении к сайту периодического издания (раздел «Архив»).

Адрес редакции:

162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

Ответственный секретарь: (8202) 51-78-54. E-mail: Vestnik@chsu.ru

Сайт журнала: <https://vestnik.chsu.ru/>

Главный редактор журнала «Вестник Череповецкого государственного университета»

ГРУДЕВА Елена Валерьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной филологии и прикладных коммуникаций

Редакционная коллегия

АВРУТИНА Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет)

АРОНИНА Лариса Исаровна, профессор (Академический педагогический колледж Ораним, Израиль), научный сотрудник (Тринити-колледж, Ирландия)

БЕЖЕНАРУ Людмила Ефимовна, доктор филологических наук, доцент (Ясский университет им. А. И. Кузы)

БЕЛКИНА Валентина Николаевна, доктор педагогических наук, профессор (Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского)

ВОЛОДИНА Лариса Олеговна, доктор педагогических наук, доцент (Вологодский государственный университет)

БОГИНСКАЯ Юлия Валериевна, доктор педагогических наук, доцент (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)

ГУРЛЕНОВА Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор (Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина)

ДЕНИСОВА Ольга Александровна, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ДИБИРОВ Ибрагим Ашрапудинович, доктор филологических наук, профессор (Дагестанский государственный педагогический университет)

ДМИТРИЕВ Андрей Петрович, доктор филологических наук (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) ИРЛИ РАН)

ЕГОРОВА Людмила Владимировна, доктор филологических наук, доцент (Вологодский государственный университет)

ЕРШОВ Евгений Валентинович, доктор технических наук, профессор (Череповецкий государственный университет), заместитель главного редактора по направлению «Технические науки»

ЗАБРОДСКАЯ Анастасия Николаевна, доктор филологических наук (Таллинский университет)

ЗАХАРОВА Жанна Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор (Костромской государственный университет)

ЗЕЛЕНИН Александр Васильевич, доктор филологических наук (Университет Тампере, Финляндия)

ИВАНОВА Наталия Витальевна, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ИЛЬИНА Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Вологодский государственный университет)

КОЗЛОВСКАЯ Наталия Витальевна, доктор филологических наук, доцент (Институт лингвистических исследований РАН)

ЛАВИНА Татьяна Ароновна, доктор педагогических наук, профессор (Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова)

ЛАВРОВА Светлана Юрьевна, доктор филологических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЛОГУНОВА Оксана Сергеевна, доктор технических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова)

ЛУКИН Сергей Владимирович, доктор технических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЛУЦЕВИЧ Людмила Федоровна, доктор филологических наук, профессор (Варшавский университет, Республика Польша)

НОРЕЦ Максим Вадимович, доктор филологических наук, доцент (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)

ОВЧИННИКОВА Александра Жоресовна, доктор педагогических наук, профессор (Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского)

САВВА Любовь Ивановна, доктор педагогических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова)

УТКИН Анатолий Валерьевич, доктор педагогических наук, доцент (Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета)

ЧЕРНОВ Александр Валентинович, доктор филологических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЧЕРНЯК Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

ЧИРШЕВА Галина Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЧУРИЛИНА Любовь Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова)

ШВЕЦОВ Анатолий Николаевич, доктор технических наук, профессор (Вологодский государственный университет)

ЯКОВЛЕВА Елена Викторовна, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет), заместитель главного редактора по направлению «Педагогические науки»

Лицензия А № 165724 от 11 апреля 2006 г.

Подписано в печать 06.08.2026 г. Зак.

Выход в свет: 15.08.2026 г.

Уч.-изд. л. 26. Усл. п. л. 22. Тир. 300 (1 з-д – 23).

Формат $70 \times 100 \frac{1}{16}$. Гарнитура Таймс.